Витауте Жилинскайте

КАК УБИТЬ ВРЕМЯ

С/ш 1/2
ис 72
9059
Шелиховский ГС
Сат убить
время
1987
1-40

Б.О.
19089

Витауте Жилинскайте

TOSHKENT SHAHAR YASHNOBOD TUMANI
№ 32 231
AXBOROT-KUTUBXONA MARKAZI

КАК УБИТЬ ВРЕМЯ

19089

юмор и сатира

Авторизованный перевод
с литовского

Б. ЗАЛЕССКОЙ и Г. ГЕРАСИМОВА

№ 1263
ХАМЗА МАНШИР ХИЗМАТ
КУРСАТИШ КХК
БОРОТ-РЕСУРС
МАРКАЗИ
19089

VAGA
ВИЛЬНЮС
1987

ББК 84Ли7-4
Ж72

Vytautė Žilinskaitė *Karuselėje* Vilnius, Vaga, 1970
Paveikslas Vilnius, Vaga, 1981
Kvaitulys Vilnius, Vaga, 1984

Жилинскайте В.

Ж72 Как убить время: Юмор и сатира / Авториз. пер. с литов. Б. Залесской, Г. Герасимова; Ил. А. Делтува.— Вильнюс: Vaga, 1987.— 415, [1] с.: ил.

В сборнике сатиры и юмора «Как убить время» известная литовская писательница В. Жилинскайте остается верна своей излюбленной теме — анализу морального облика человека. В одних юморесках автор подвергает беспощадной критике человеческие пороки, в других лишь снисходительно смеется над людскими слабостями. Свежо звучит раздел «Вокруг да около мифов», в котором сатирик сплавляет воедино социальные и психологические проблемы, глядя на современность сквозь призму античных мифов.

Ж $\frac{4702390201-101}{М852(08)-87}$ 176—87

ББК 84Ли7-4
Л2

© Leidykla „Vaga", 1970, 1981, 1984
© Перевод на русский язык, составление.
Издательство «Вага», 1987

ВОЛЕВОЙ ПОДБОРОДОК

НОЖНИЦЫ

С минуты на минуту должно было состояться открытие нового, с иголочки, еще пахнущего краской Дворца культуры. На торжество собрались все жители городка во главе с районными властями. Прибыл также почетный гость — аж из самой столицы. Местное руководство удовлетворенно перемигивалось: все шло как по маслу — девушки в национальных костюмах дарили улыбки и цветы, самодеятельный оркестр лез вон из кожи, на льняном расшитом полотенце приплыл и вновь уплыл пышный каравай с солонкой на аппетитной коричневой корочке, промежутки между торжественными речами осмысленно заполняло журчание новенького фонтана... Не был забыт и основной атрибут праздника — от колонны к колонне, преграждая вход во Дворец, тянулась голубая атласная лента.

Речи кончились. Грянул туш. Барабанная дробь возвестила о наступлении самого торжественного момента — глава района взял столичного гостя под локоток и повел к поблескивающей на солнышке ленте.

— Просим оказать нам честь,— не без хозяйской гордости начал он,— разрезать ленточку,— и сунул руку в карман. Пошарил, полез в другой. Улыбка застыла на лице. Охлопал внутренние карманы, ощупал задний. Глаза его тревожно забегали.

Высокий гость доверчиво протянул длань, но, довольно долго простояв в позе попрошайки, удивленно заморгал и с достоинством скрестил руки на груди.

Обшарив карманы, районное руководство обернулось к своему помощнику.

— Есть у тебя ножницы? — прошипело оно.

Помощник растерянно оглянулся на толпившуюся за спиной начальства свиту.

— У кого ножницы?

Ответственные работники для порядка тоже пошарили по карманам, менее ответственные лишь ощупали их, безответственные равнодушно пожали плечами.

— Может, у кого-нибудь есть ножницы? — громко обратился помощник к собравшимся горожанам.

Не дождавшись ответа, ухватил за плечо стоявшего поблизости мальчишку:

— На рубль, дуй в соседний дом, попроси ножницы!

Мальчишка умчался; шла минута, вторая, третья... Наконец посланец воротился.

— Не дали,— еле переводя дыхание, выпалил он.

— Как — не дали?! — не поверил своим ушам помощник.

— А так... Начнут, говорят, пировать, отдать забудут и прости-прощай наши ножницы, а их в магазине который год нету.

Гость кисло усмехнулся, отошел в сторонку, всем своим видом показывая, что не имеет к этому переполоху ровно никакого отношения.

— Есть! — просиял вдруг один из топтавшихся за спинами начальства безответственных.— Ножичек у меня есть. Во какой, острый! — И он гордо протянул гостю невзрачный перочинный ножик. Тот брезгливо посмотрел на ломаную ручку и засаленное лезвие, кинул взгляд на невинную голубую ленту, оглядел ехидно улыбающуюся толпу и строго изрек:

— Я приехал сюда не курицу разделывать, а, как положено, перерезать ленту ножницами. В конце концов, это дело принципа.

Городские руководители почувствовали себя как на горячей сковородке. За ножницами было послано уже четверо мальчишек, мало того — один шофер помчался на машине в парикмахерскую, другой — в ателье индпошива.

Снова потянулись тягостные минуты ожидания. Столичному гостю надоело стоять столбом на глазах у перешептывающихся и хихикающих горожан. Он двинулся вдоль фасада Дворца культуры. Свита поплелась следом.

— Что это за крючья из стены торчат? — заинтересовался гость, указывая на ржавые огрызки железа.

— Это... э-э... арматура... Строители обрубить не

успели,— забормотал один из сопровождающих.— Но позвольте вас заверить... завтра-послезавтра...

— А что там наверху болтается? — вопрошающий с опаской отошел от стены.

— Желобок... э-э... водоотводный... э-э... оторвался... Его завтра-послезавтра... тоже...

Процессия завернула за угол.

— А это еще что такое? — шарахнулся в сторону гость.

— Панель... немного из стены выпала... э-э... завтра-послезавтра...

Гость обошел бетонную плиту и продолжил осмотр. Они шли уже по задам нового Дворца.

— Это почему?

— Пустяки... Оконная рама. Петли слабоваты... Но послезавтра... э-э...

Остановившись у зияющего оконного проема, гость прислушался:

— ?

— Водичка того... сочится... Трубу, понимаете, плохо сварили... э-э... Но...

В самом деле — по стене растекалось влажное пятно.

Когда огибали третью стену, дорогу преградила куча березовых веток. Пытаясь пробиться через них, гость внезапно ухнул вниз и провалился по пояс. Его подхватили под мышки, кое-как выволокли. С брюк стекал известковый раствор.

— Ямка тут... С раствором... Уборщица, будь она неладна, замаскировала... Завтра же ликвидируем... э-э... ямку,— растерянно бормотали провожатые.

В ярости кусая губы, гость направился к фонтану, чтобы отмыть туфли от извести, однако иссякающая струйка доживала последние секунды своей недолгой праздничной жизни.

Не задавая больше никаких вопросов, столичный представитель энергично повернул к машине, и вскоре о его пребывании свидетельствовало лишь облако пыли над дорогой...

Как раз в это время начали поступать ножницы, дю-

жины ножниц — от крохотных маникюрных до огромных садовых.

А ветер как ни в чем не бывало покачивал ленту, отливающую на солнышке невинным голубым цветом.

ВОЛЕВОЙ ПОДБОРОДОК

Признаюсь: питаю слабость к мужчинам с чуть выдвинутыми вперед, слегка рассеченными, короче говоря, волевыми подбородками. Если вы хорошо присматривались, такими подбородками обладали два великих Жана: Габен и Марэ. Помните? Именно этим артистам поручали роли таких сильных и все на своем пути преодолевающих личностей, каких ныне не то что в жизни, в книгах не найдешь — ведь чтобы создать образ подобного героя, необходимо иметь недюжинный подбородок!

О, эти старые фильмы!.. Зрители-мужчины никогда не поймут, почему женщины выходят из кинозалов, не замечая ни их, ни вообще кого бы то ни было, утирают платками глаза, готовы разрыдаться, хотя, с чего бы, спрашивается, им плакать: бушует тайфун, огромный корабль стонет и трещит, в машинном отделении валяется без сознания кочегар, волны смыли с палубы все живое и неживое, и лишь из-под черного непромокаемого брезентового капюшона торчит... что? Вы угадали: подбородок капитана — единственный барьер, который не в силах преодолеть тайфун. Ураган штурмует его до тех пор, пока, обессилев, не унимается и не сворачивается послушным щенком у ног морского волка... Или еще прекраснее — на гвардейца-улана нападают двое, пятеро, сотня врагов; стиснув зубы и выставив, как щит, впечатляющих размеров подбородок, наш герой защищается мушкетом, потом шпагой, потом голыми руками и, наконец, одним подбородком... И побеждает! Как тут не победить... Интересно, что эти фильмы не только не стареют, наоборот: каждому их возвращению на экран

сопутствует все больший и больший триумф; пусть сама ситуация противоречит здравому смыслу, однако подбородок — реальный, осязаемый — убедителен. Его вполне достаточно. Ибо какой же вы, извините, борец (пусть даже за выполнение плана заготовок), если у вас дряблый, едва различимый подбородок? Что было бы с нами, если бы такие невзрачные подбородки имели наши далекие предки? Ответ однозначен: нас самих не было бы! Взгляните только на их реконструированные по черепам скульптурные портреты, на могучие скулы, на подбородки, которые вовсе и не подбородки, а прямо-таки гранитные глыбы!.. А ведь некогда именно эти подбородки (как ныне — родительские карманы) обеспечивали потомству место под солнцем. Но теперь, массируя тыльной стороной руки свои отвисшие, дряблые и жирные зобы, мы можем занести кое-что новое и интересное в Красную книгу...

Как-то раз я не удержалась и высказала свои соображения по сему поводу в одной небольшой компании. Разошлась и не заметила, как склоненные над тарелками и энергично работающие мужские подбородки постепенно замерли.

— ...не кажется ли вам,— спросила я, заканчивая,— что крупные волевые подбородки, этот атрибут мужественности, тоже оказались на грани исчезновения?

Кое-кто из моих сотрапезников поднял было руку, чтобы пощупать нижнюю часть своего лица, некоторые покосились на зеркало, но остальные, как ни в чем не бывало, вновь принялись трудиться ножами и вилками. Однако у всех до единого — словно они сговорились! — подбородки хоть на полвершка выдвинулись вперед.

Первым на мой вопрос отозвался владелец самого ничтожного подбородка — очевидно, почувствовал себя задетым больше других:

— Между прочим,— обиженно процедил он,— я ежедневно затрачиваю минут тридцать, пока мне удается гладко выскрести бритвой этот свой исчезающий атрибут. Не хватало еще бриться по целому часу!

В разговор вступил другой:

— Литовцы никогда не отличались громоздкими, или, как нам было тут заявлено,— он окинул меня ироническим взглядом,— волевыми подбородками. Нам присущи исторически сложившиеся большие носы, а подбородки... впервые слышу!

Третий добавил, что в деградации подбородков сыграла роль пища, которую готовят мужчинам те же самые обожательницы тайфунов. От измельченных, перемолотых блюд мельчают зубы, а заодно и подбородки.

Однако трезвее всех было высказывание четвертого — между прочим, обладателя характерного литовского носа.

— Откровенно говоря,— заявил он,— на кой черт нужны нам эти гранитные глыбы? Что нам с ними делать?

— Если бы они у вас были,— отпарировала я,— вы наверняка бы не спрашивали, на кой черт, а нашли бы им применение.

— Да, но какое? — не унимался четвертый.

— Может?.. гм?..— растерянно огляделась я по сторонам.

Через несколько дней сама жизнь ответила на этот оставшийся тогда без ответа вопрос. Я попала на собрание в одном учреждении. Слово держал его глава и говорил о самом говорении, дескать, хватит заниматься пустословием! Отныне следует выступать только лаконично. Конструктивно. Емко. Ни единого словечка всуе! Так, чтобы ни убавить, ни прибавить! Все!

Требования начальства были столь категоричны и неожиданны, что записавшиеся ораторы быстренько поглубже засунули в карманы тексты подготовленных выступлений, а так как говорить без шпаргалок были не приучены, то трибуна, освобожденная руководителем, долгое время пустовала — пока на нее силой не вытолкали того, кто должен был открывать прения.

Поначалу казалось, что его подбородок не слишком выделялся среди остальных. Средний, рядовой подбородок, как и сам его обладатель. Будто в воду опу-

щенный, уцепился он за края трибуны, несколько раз молча облизнул сохнущие губы. Потом уткнул глаза в потолок. Никто не сомневался, что он потерял первую фразу и мучительно мечется по закоулкам своих мозговых извилин, пытаясь ее разыскать. Кое-кто тихонечко захихикал. Оратор продолжал молчать. И вдруг вздернул подбородок, солидно повел им из стороны в сторону и — блям! — в знак согласия уронил на грудь! Больше ничего. И сошел с трибуны. Блям — и все!

Но... как эффектно это выглядело! Как лаконично — лаконичнее быть не может! А уж емко так, что могло бы вместить в себя летопись эпохи. И главное — без каких-либо бумажек, без осточертевших шпаргалок. Вместе с тем это не было декламацией, вызубренным наизусть уроком — все естественно, ясно, искренне. Конструктивно. И уж так «ни убавить, ни прибавить», что даже нам, целой сотне разинутых ртов,— не оставалось местечка, чтобы сунуться со своим грошовым мненьицем. Одним мановением подбородка было сказано все — от А до Я. Ну не дьявол ли?! Те, кто хихикал, посинели теперь от зависти.

Мы расходились ошалевшие, вскидывая друг перед другом подбородки. В области точных наук такая новация была бы признана эпохальным открытием, подобным теории относительности Эйнштейна. Прозвучало принципиально новое слово в ораторском искусстве. Слово без слов. Был совершен качественный скачок!

Теперь перед обладателями внушительных подбородков открывались бескрайние горизонты. Ведь одно дело, когда вскидывается и, соглашаясь, опускается ничтожный подбородочек, и совсем другое — когда блямкает по груди гранитная глыба.

Мне только хотелось бы посмотреть: останется ли без синяков хоть один волевой подбородок?

ПРЕД ЛИКОМ ТЕХНИКИ

Наверно, не у всех еще изгладились из памяти жаркие споры о том, способствует ли развитие науки и техники духовному совершенствованию человека, становится ли он лучше по мере того, как возрастает техническая оснащенность бытия. Споры кипели и перекипели, и ныне возобладало мнение, что духовный и технический прогресс идут параллельно, а значит, им никогда не суждено ни пересечься, ни даже соприкоснуться.

А теперь я расскажу вам о том, как эти параллельные линии не только пересеклись, но даже переплелись, подобно двум веревочкам, и та из них, которую мы называем техникой, вырвалась вперед и потянула за собой вторую, так называемый духовный мир человека.

Случилось это на одном из собраний нашего коллектива. Уж и не припомню, что мы там обсуждали, да и не имеет это ровно никакого значения для моего рассказа о переплетении параллельных. Так или иначе, собрание было не из увлекательных, поэтому присутствующие не столько слушали ораторов, сколько глазели в открытые окна, за которыми подремывали на солнышке два каменщика, удобно расположившись на стене недостроенного корпуса нашего учреждения.

И вот, в то время, как мы дремали, двери зала вдруг распахнулись и пропустили двух незнакомых бородачей. У одного была пристроена к плечу кинокамера, другой тащил треножник с юпитером. И вскоре на собравшихся обрушился ослепительный свет. Объектив кинокамеры, скользивший некоторое время по рядам, нацелился на левый фланг, где сидел наш кладовщик. О нем скажу лишь, что если он и обладал какой-либо духовной ценностью, то держал ее не при себе, а под рукой, на складе, чтобы при первой же возможности выменять на что-либо существенное. Сейчас, попав в поле зрения съемочной техники, наш кладовщик претерпел удивительную метаморфозу: голова гордо откинулась, хитрые и злые глазки пойман-

ного хорька перестали шарить по сторонам, взгляд устремился в неведомую даль и озарился таким блаженством, таким внутренним светом, словно узрел он волшебное видение, которое предстает лишь взору отшельника, долго изводившего себя постом и покаянием; кто знает, может, это была освещенная солнцем горная вершина с гнездом одинокого орла, может, скачущий по таинственным лесным тропам вольнолюбивый олень, а может, серебряный звездный дождь в тихом сентябрьском небе...

Как же прекрасен был теперь властелин склада! И стал бы еще прекраснее, не перескочи объектив кинокамеры на правый фланг, где восседал заместитель начальника нашего отдела, тот самый, который первую половину рабочего дня обычно дрожал от страха, как бы кто не покусился на его кресло, а вторую — от желания пересесть в чье-то более высокое кресло. А сейчас? Сейчас перед нами возвышался скрестивший на груди руки индийский йог с лицом стоика, и только злополучный стул — чтоб его! — мешал ему скрестить и ноги, тогда поза, выражающая полнейшее равнодушие и даже презрение к ярмарке тщеславия этого мира, стала бы абсолютно совершенной.

Выполнив свою благородную миссию по отношению к новоявленному будде, съемочная аппаратура поймала в фокус человека, на лице которого застыла снисходительно-робкая улыбка. Он внимательно прислушивался к чему-то, словно старался уловить жалобу мельчайшего, ничтожнейшего муравьишки с самого низа. Наверно, вы уже догадались, что это был директор нашего учреждения, а по его новым чертам вы безошибочно можете судить о прежних, которые... но ша! Камера уже устремилась к очередному выступающему и нашла его в полной готовности к встрече с техникой: застегнутым на все пуговицы, стройным, подбирающим самые интеллигентные выражения и высказывающим самые принципиальные мысли, а также прячущим нечищенные башмаки, потому что, как выяснилось, за столь короткое время навести внутренний лоск легче, нежели внешний.

А камера продолжала делать свое дело, и там, где скользил ее стеклянный глаз, выше становились лбы, осмысленнее взгляды, солиднее позы. Короче говоря, скрипели распахиваемые крышки сундуков с духовными богатствами. Каждый торопился распуститься в лучах юпитера, как яблоневый цвет при замедленной съемке. И когда камера (наконец-то!) нашла меня, я уже успела воплотиться в такую гармоническую личность, в которой, надеюсь, не разочаровался бы даже сам великий мечтатель Чехов. А если бы техника сообразила пообщаться со мной еще минутку, то, поверьте, вы имели бы впредь дело с идеальным человеком будущего, который... Но, ах, тубус объектива вылез в открытое окно. И что же? Мы не поверили глазам своим: добрая дюжина улыбающихся солнцу (свет юпитера не достигал их) ударников труда в касках и при галстуках укладывала кирпичи в таком темпе, что за несколько мгновений несчастный корпус подрос больше, чем за несколько недель! А когда до нашего слуха донеслось обращение бригадира: «Будьте любезны принести цемент!» — признаюсь, кое-кого чуть кондрашка не хватил...

И только два человека остались вне катарсиса всеобщего совершенствования: сами бородачи. Они делали свое дело хладнокровно и конструктивно, как и техника в их руках. Видимо, досыта насмотревшись на подобные метаморфозы, они относились к нам, как пекарь к перекисшему тесту, из которого надо испечь свежую булку. Закончив работу, бородачи исчезли столь же внезапно, как и появились, и лишь раскаленное лучами юпитера облачко пыли свидетельствовало, что их явление — не плод нашей раскаленной фантазии.

Это я и хотела рассказать вам о пресловутых параллельных. А недавно прочла сообщение, что где-то в горах смонтирован телескоп невиданной мощи для наблюдения и фотографирования особо отдаленных галактик: он имеет шесть метров в диаметре! А что, если этот огромный стеклянный глаз направить не на какие-то далекие небесные тела, а на нас самих? Направить — и пусть глазеет...

TOSHKENT SHAHAR YASHNOBOD TUMANI
№ 32231
AXBOROT-KUTUBXONA MARKAZI

ВЕДРО ВОДЫ

Давным-давно, когда мы были еще молоды и красивы, довелось мне окатить одного человека ведром воды.

Теперь уже забылись детали происшествия. Помню только, что знакомы были мы с тем человеком, как говорится, шапочно, что жила я в описываемое время на втором этаже, а он частенько торчал возле открытого окошка на первом, как раз подо мной, и, опершись локтями о подоконник, травил что-то живущим там девицам. Его бахвальство, громкий беспардонный смех и вонючий сигаретный дым, который тянуло в мое окно, так надоели, что однажды, не выдержав, я принесла из кухни ведро воды и выплеснула ему на голову. К чести своей должна сказать, что после этого выпада я не бросилась прятаться, а, наоборот, высунувшись из окна, наблюдала, как парень разинул от неожиданности рот, встряхнулся и испуганно отскочил, чтобы не получить еще одной порции; потом глянул вверх и, встретив мой спокойный, любопытно-внимательный взгляд, изрыгнул несколько проклятий. Не простившись со своими дульсинеями, он поспешил прочь, продолжая ругаться и оставляя за собой, подобно улитке, длинный мокрый след.

Много лет минуло после того случая. Я бы напрочь забыла о нем, если бы волею судеб мне и тому человеку не пришлось поселиться в одном городе и даже на одной улице. Посему, хочешь не хочешь, а иногда сталкиваемся нос к носу. Разумеется, он не раскланивается (на его месте я тоже не шибко бы радовалась встречам) и делает вид, что вообще не видит меня, однако это не мешает ему инстинктивно встряхивать головой, будто в поредевшей шевелюре осталось еще несколько капелек из того злополучного ведра. От этого рефлекторного движения не спасают даже стекла автомобиля, за которыми его все равно находит мой любопытно-внимательный, как тогда, взгляд.

А посмотреть есть на что. После того происшествия парень времени не терял: как хорошо политый

АХБОРОТ-РЕСУРС МАРКАЗИ

боб, карабкался и карабкался по ступеням карьеры и теперь вроде бы даже выше собственной головы прыгнул. И чем выше взбирается, тем труднее ему замечать меня, вернее — не замечать, а мне, наоборот, тем приятнее попадаться ему на глаза. Потому что сама я никуда не вскарабкалась. Во-первых, никто меня не поливал, а во-вторых — зачем? Ведь он, этот человек, лезет вверх и за себя, и за меня, то есть, поднимаясь, возвышает этим и меня. Я — как та птичка из сказки, которая во время состязаний, кто выше взлетит, примостилась на орлиной лапе и в конце концов стала победительницей. Да, да! Как бы высоко ни взобрался этот человек, я все равно взлечу выше, всегда буду той, кто окатил его ведром воды. Более того: в глубине души я убеждена, что он потому только и смог так высоко подняться, что его вовремя полили добрым ведром воды. Именно это помогало и, думаю, продолжает помогать ему не зарываться, а в момент наивысшего самоупоения вдруг умолкнуть и оглядеться по сторонам: не получит ли сверху остужающего душа? Человек, вовремя попавший под ледяной душ, получает закалку на всю жизнь, становится ценным кадром в любой сфере деятельности.

Так-то! И все вознаграждение, которое я получила за свое доброе дело,— рефлекторное встряхивание головой и невидящие глаза. А жаль. Вглядевшись в меня внимательнее, он мог бы убедиться, что я взираю на его крупную, налитую жизненными соками фигуру не только с любопытством, но и с гордостью — так смотрит огородник на выращенную им дыню.

Однако в последнее время наметились тревожные симптомы: столкнувшись со мной, политый товарищ больше не встряхивается, проходит мимо спокойно и равнодушно, словно я — пустое место. Что такое? Забыл руку, направившую его на верную стезю, толкнувшую вверх? А может, усохла вдохновляющая сила того ведра и человек перестал расти, тянуться, подниматься — и тем самым поднимать меня? Ну-ну...

И я, прихватив простое оцинкованное ведро, гуляю до тех пор, пока не попадаюсь на глаза тому человеку.

Видели бы вы, как он вздрогнул, как затряс головой, как отскочил в сторону и, что-то бормоча, бросился прочь — ну совсем как в славные времена молодости! И, глядя на его удаляющуюся фигуру, я вновь ощущаю себя той птичкой, которая поднялась выше орла и вышла победительницей в состязаниях.

НОВАЯ ЕДИНИЦА

В кабинете директора крупного и все еще растущего предприятия шло неофициальное, но тем не менее важное совещание. Надо было во что бы то ни стало найти выход из катастрофического положения: годовой план находился под угрозой срыва, а рабочие между тем сидели без дела, потому что завод А вовремя не поставил сырья, завод Б не прислал запчастей для износившегося оборудования, а трест В нарушил договор и не изготовил конструкции для строительства нового корпуса, который должен был вступить в строй еще в позапрошлом году... Словом, предприятие на всех парах летело к штурмовщине, сплошному браку, производственному дефициту и как следствие — к взбучке руководству, а то и похуже...

— Я полагаю, хватит валить наши беды на чужого дядю,— взволнованно начал заместитель директора, потому что сам руководитель предприятия сидел мрачнее тучи и не открывал рта.— Гибнем мы по своей собственной вине: не можем, видите ли, ничего выбить из смежников!.. А как с вами выбьешь, ежели один в потолок поплевывает — ждет, пока доставят ему детали на тарелочке... другой переслал наряды в трест, сложил ручки на животе и надеется что-то получить — и получает кукиш!.. Третьего чуть ли не на коленях молить приходится, чтобы соизволил лично переговорить с финансистами, а и соизволит — никакого толку: блеет, как козел... Если и впредь будем так неквалифицированно клянчить — все по миру пойдем!

Присутствующие виновато опустили глаза.

— Назрела настоятельная необходимость,— с железными нотками в голосе продолжал заместитель,— сконцентрировать это дело в одних руках, надежных и энергичных. Неважно, как официально будет именоваться новая штатная единица,— он покосился на главбуха,— ясно одно: нам необходим деятельный, знающий и любящий свое дело профессиональный попрошайка. Да, да, товарищи, побирушка! Не будем чураться точного слова, ибо положение наше столь трагично, что следует называть вещи своими именами!

— Правильно,— поддержало его несколько голосов.

— Но ведь такому специалисту придется платить немалые деньги,— заметил главбух.

— Даже очень немалые,— согласился заместитель.— А теперь — к делу: у кого есть подходящая кандидатура?

— Может, Карклис?

— Карклис? — Заместитель задумался.— Едва ли. Недостает ему пронырливости.

— А если Лауцис?

— Лауцис? — Заместитель с сомнением покачал головой.— Лауцис, конечно, всюду пролезет, но... и вылезет, ничего не добившись... Не хватает человеку солидности...

— А Пузрис?

— Пузрис?..— Заместитель прищурил один глаз.— А что?! Пройдоха, но обходительный. Нагловатый, но... внешность солидная... Настырный... И котелок варит... Подойдет!

— Бабник,— вздохнул кто-то.

— Тем лучше, тем лучше,— потер руки заместитель.— Женщины, они любую дверь перед ним распахнут... не устоят. Конечно, Пузрис! У него есть все, что надо.

Все с облегчением вздохнули: над заводом прояснялось мрачное небо: показался краешек солнца.

— Оденем его в дубленку,— расщедрился главбух,— выдадим большую сумку, набьем ее копченой колбасой, угрями, янтарем, «Дайнавой» да «Палангой» — и пусть себе бредет от двери к двери... Авось...

— А пойдут дела... встанем на ноги,— у заместителя аж дух перехватило от открывающихся радужных перспектив,— тогда, товарищи, мы... целую богадельню разведем: главный побирушка, заместитель, референт, курьеры... премиальный фонд... персональная машина... финская банька... озерцо... И... ну, какой же он нищий без... словом, по шотландской овчарке!

— Лучше уж по доберману-пинчеру,— предложил один, видимо имеющий виды на богадельню.

— Псов кормить надо,— буркнул кто-то, не способный смотреть прямо на солнце.

— И кормилицу найдем,— успокоил заместитель.— И мясную ферму заведем. Все будет, товарищи, если только...

Дверь приоткрылась, показалось личико секретарши.

— К вам посетитель,— доложила она директору.

— Я же сказал, чтобы меня не отвлекали! — рявкнул он.

— Но он такой обходительный...— кокетливо возразила секретарша. Щеки ее горели румянцем.— И солидный...

— Какой? — не понял директор.

— Такой в дубленке и с большой сумкой... представитель завода Г.

— У нас для них ничего нет! — отрезал директор.— Гоните его в шею!

Совещание продолжалось.

АПЛОДИСМЕНТЫ

Признаюсь вам, как на духу,— пишу эти строки, продолжая аплодировать. Правой рукой вожу карандашом, а левой звонко хлопаю себя по плечу. И не знаю, когда и чем все это закончится.

А началось довольно приятно: после рабочего дня собрались мы в зале заседаний, чтобы отметить юби-

лей своего учреждения — пусть и не совсем круглый, но все-таки достаточно обтекаемый! Это были прекрасные, возвышенные минуты. И самая волнующая наступила тогда, когда наш звонкоголосый профсоюзный лидер после небольшого вступительного слова повернулся к сидящему в президиуме директору и провозгласил:

— А за то, что достигли мы таких прекрасных результатов, позвольте сказать сердечное спасибо вам, нашему дорогому и любимому директору, мудрое руководство которого — залог всех наших успехов!

Тут мы, конечно, принялись хлопать. Директор встал, отодвинул кресло и вышел на авансцену (позднее вы убедитесь, что в этом заключалась его роковая ошибка!). Мы тоже поднялись со своих мест и, не спуская глаз со своего дорогого и любимого руководителя, продолжали аплодировать. Директор в знак благодарности склонил голову и обвел взглядом все наши дорогие и любимые лица: со сцены ему отлично был виден каждый. Аплодисменты переросли в овацию. Директор ободряюще улыбнулся. Мы тоже заулыбались, не прекращая рукоплескать... Через пару минут я уж совсем было угомонилась, но тут мелькнула мысль: «А вдруг заметит, что я первая перестала? Подумает, что не считаю его руководство мудрым? А если сам не заметит, заметят другие, и так или иначе дойдет до него... Э, нет! Не глупее прочих!» — и я вновь с остервенением стала бить в ладоши. Мое усердие не ускользнуло от директора, и сдается, взглянул он на меня не без удовольствия.

Стоявший рядом со мной сослуживец тоже опустил было словно в кузнечном горне раскаленные ладони, но, глянув на сцену и подумав, вероятно, о том же, о чем и я, сделал вид, будто ищет в кармане носовой платок — вытереть слезу умиления — и вновь захлопал так, что искры посыпались.

Аплодисменты не умолкали. Мы хлопали дружно, все как один — не вразброд и бурно, как вначале, а медленно, методично, упорно — казалось, цокают по асфальту копыта старой, но выносливой клячи. Мину-

ты шли... Много минут, очень много минут, я и сама не знаю, сколько минут... У моего соседа лопнул от напряжения кровяной сосудик в глазу, глаз стал красным, зато другой сверкал вдвойне! На устах нашего директора застыла улыбка, лицо стало похожим на святочную маску. Не то что ему надоели наши аплодисменты, просто он устал стоять, и его привыкшее к креслу тело перекосилось, накренилось, как задетый трактором придорожный столб.

За окном темнело, но включать в зале свет было некому — третьей руки ни у кого не нашлось. Затеплилась надежда, что, когда совсем стемнеет, мы сможем прекратить овацию — инициаторов никто не углядит... К сожалению, прямо перед окнами вспыхнул уличный фонарь, и наши покрасневшие ладони сразу же стали в его свете мертвенно-бледными. Силы иссякали, ритм ударов замедлялся, руки будто в колоды превратились... Только теперь раскусили мы подлинный смысл мудрого изречения: «Судьба человека — в его собственных руках». И чем дальше мы хлопали, тем большая ответственность ложилась на того, кто осмелится кончить первым. Кто-то не выдержал, ослабел, упал, но и лежа взмахивал распухшими ладонями. Неужели, спрашивала я себя, неужели не найдется смельчака, который положил бы конец этому мучению? С горечью огляделась по сторонам и увидела, что и другие затравленно озираются. Если бы нашелся сейчас такой храбрец, имя его несомненно навеки было бы овеяно легендами (впрочем, весьма сомнительный стимул!). Уж лучше продолжать... И мы усердно продолжали. Директор едва держался, вот-вот рухнет: в какой-то момент он в изнеможении закрыл глаза и долго-долго не открывал их. Но что с того? В президиуме — два его заместителя, уж они-то не проспят... Нет, надо хлопать из последних сил!

Внезапно директор покачнулся и во весь рост растянулся на полу. Из наших грудей вырвался долгий блаженный вздох. Так тебе! Чего хотел, то и получил! Лежи теперь поперек сцены, приконченный нашими единодушными аплодисментами. Всем стало ясно, что

часы его руководства сочтены: разве по силам ему руководить таким преданным и выносливым коллективом?

Мы еще немножко похлопали — сами себе — и довольные, дуя на свои одеревеневшие ладони, пошли прочь из зала.

БЕССОННИЦА

Замучила меня бессонница. По той ли причине, что после бессонной ночи дремлю на работе, или наоборот — потому, что, надремавшись там, дома заснуть не могу,— все у меня в голове перепуталось. Дня от ночи не отличаю, не соображаю, когда начинается вечер, когда наступает утро. Все мои сослуживцы — люди как люди: являются на работу отдохнувшими, полными сил, потому и бьют баклуши бодро, с огоньком. Одна я, несчастная, едва сяду за стол — бац носом в скоросшиватель...

Как-то сквозь дремоту донеслись до моего слуха озабоченные голоса:

— Не кажется ли вам,— спрашивал один из голосов,— что эта сонная муха в один прекрасный день накличет на нас беду?

— Точно, попадется на глаза кому-нибудь из главка,— согласился другой,— половину штатных единиц срежут!

— Я тоже,— с некоторой завистью вмешался третий,— отлично мог бы храпака задавать, у меня такие же обязанности, как у нее, вернее сказать, почти никаких обязанностей, но разве я смею позволить себе что-нибудь подобное?! Где же тогда общая ответственность? Профессиональная этика? Нравственное чувство? Честь мундира, наконец?!

Гражданский пафос и резко прозвучавший в его словах гимн ответственности заставили меня на вершок приподнять нос над скоросшивателем.

— Разве я виновата,— бормочу,— если ночью сон не берет?

— Бессонница? — сочувственно осведомляется четвертый.— А считать пробовала?

— Как на арифмометре! Сложение, вычитание, деление, умножение... Астрономические суммы!

— Суммы — чего?

— Как — чего? Чисел, разумеется. Единиц.

— Чепуха,— махнул он рукой.— Что толку в сухих цифрах? Попробуй овец считать — верняк!

Может, правда? Возвратившись домой, я в ту же ночь решила последовать доброму совету. Начало сулило успех: едва прикрыла глаза, как заколыхалась передо мной огромная овечья отара. Да!.. Это вам не сухие цифры — живые существа, у каждого своя морда, шкура, курдюк, возможно, даже неповторимая индивидуальность! Так что подсчет их обещал быть не скучной кабинетной работой, а живым творческим делом, тут уж не посачкуешь, как у нас в учреждении.

— Ну,— бодро потерла я руки,— начнем, пожалуй!

Тем временем отара прибывала, росла на глазах, заполнила всю округу до самого горизонта. Куда ни глянешь — сплошные косматые спины, словно волны морские...

— Одна, две, три,— приступила я к делу, но тут же сбилась: овцы сливались в сплошную серую массу, ни одного индивида различить невозможно.

— Ну нет, так мы с вами до утра не разберемся,— сказала я своим четвероногим подопечным.— Давайте-ка по порядку: проходите мимо меня поодиночке, а я буду вас считать.

Бараны внимательно выслушали мое заявление — и ни с места. Может, ничего не поняли? На то они и бараны. А с баранами разговор короткий:

— А ну, марш по одному!

Где там, отара по-прежнему толпится вокруг и пялит на меня глаза, как на новые ворота. И — ни шагу. Присмотрелась повнимательнее — батюшки!— они же заспанные, глаза осоловели, клюют носами. Только письменных столов не хватает...

— Я тут мучаюсь, считаю их,— возмутилась я,— а они как сонные мухи! Где же честь мундира?! А ну

увидит кто из главка? Ведь полстада на шашлыки пустят! Последний раз предлагаю: марш по одному!

Схватила хворостину и принялась лупить по серым спинам, а им как об стенку горох! «Пожалуй, надо бы вожака найти, лидера,— подумала я.— Он пойдет первым, а стадо как миленькое за ним!»

— Будешь вожаком,— назначила я первого попавшегося барана.— Веди отару мимо меня, и никаких отговорок! Знаю я вас, баранье отродье, чуть что — мы, мол, ни бе ни ме... Вперед!

Думаете, пошел? Как бы не так! Уперся мордой в землю и спит, как ни в чем не бывало. Меня даже пот прошиб. Ну и работенка досталась. На такую отарищу в горах по меньшей мере шестеро чабанов полагается. И зарабатывают они — каждый! — по семь тысяч за сезон. А тут возись в одиночку за спасибо. И когда? В священный час отдыха!

Вконец расстроившись, внимательно осмотрела свое стадо: однообразная серая масса, никого, кто бы вылез вперед, рога показал, своим голосом заблеял. Видимо, столько раз служили они предметом сухих подсчетов, что ни одной живой черточки у бедняг не осталось. «А может,— мелькнуло у меня,— может, просто нет материального стимула?»

— Вот,— подняла я над головой здоровенную брюкву,— если выстроитесь в одну шеренгу, то...

Закончить не успела: стадо девятым валом залило меня, а когда волна откатилась, осталась я и без брюквы, и без сна.

Полночи в этих трудах словно корова языком слизнула. Вот бы на работе так изматываться, уж, верно, спала бы по ночам как убитая. А теперь и при желании не могу от стада отделаться: закрою глаза, а оно тут как тут, ни пересчитать, ни отогнать...

Пришла в учреждение полуживая и тупо уставилась на сослуживцев: как они этих своих овец считают? Может, у них послушные, другой породы? Задумавшись, не заметила, что снова ткнулась носом в скоросшиватель. Вдруг в самый сладкий миг вижу: идет на меня барашек, этакий живчик — кудрявый,

круторогий, с индивидуальностью — не из моих ночных рохлей! Не баран — барон! Небось, никто его пересчетами не засушивал. А за ним вереницей другие: считай, не зевай!

— Это еще что за бе-е-зобразие?! — проходя мимо меня, заблеял баран-барон человечьим голосом.— Среди бе-е-ела дня?! Придется сократить вам штатные единицы!

— Вы уж извините,— отвечает один из сопровождающих голосом начальника нашего отдела.— Совсем не спала бе-едняга — всю ночь бе-е-спрерывно барашков убе-еждала...

— И как? — голос барона мягчает.— Убе-едила?

— Еще бы! Поэтому убе-е-дительно просим вас на шашлычок...

Голоса удаляются, затихают, а на горизонте снова возникает моя ночная отара. Морды оживились, улыбаются, заговорщицки подмигивают, кивают.

— Не бе-е-да — говорит один.— Побе-е-седовали. Пришлось, правда, кое-кого ради чести мундира...

— Не ме-е-ня? — блею с дрожью в голосе.

— Не тебя. Спи себе-е, спи!

— А вдруг снова в бе-е-еду попаду? — тревожусь я.

— Выручим! Один за всех, все за одного. Спи бе-е-ззаботно!

СТАКАН ВОДЫ

1.

Так уж получается, что, куда бы я ни шла, все сворачиваю в одну маленькую улочку, где в окружении обильно орошаемого цветника высится солидное здание, принадлежащее не менее солидному учреждению. Хотя здание воздвигнуто не так давно, на его фасаде уже успело выступить несколько ржавых пятен. Неосведомленный прохожий мог бы подумать, что это следствие дождя или протекшего водопровода. Наивный чудак!

Так как здание новое, то возле него время от времени возникает фигура архитектора. Сомнамбулически обегает он три раза вокруг своего детища и, притаившись за растущим неподалеку деревом, долго-долго с каким-то злорадным удовлетворением разглядывает дом. Я тоже, спрятавшись за другим деревом, посматриваю то на дом, то на архитектора, едва удерживаясь от желания подойти к творцу, пожать ему руку и сообщить, что я и есть та, которая наполнила содержанием созданную им форму.

Однако отвлекать архитектора не рискую: а вдруг он в это время творит очередной архитектурный гибрид, скрещивая свое вдохновение с наследием Корбюзье?.. И поэтому, не претендуя на внимание созидателя, продолжаю стоять под своей веткой и внимательно пересчитывать окна, представляя себе бесчисленные двери, коридоры, кабинеты и залы учреждения: чем их больше, тем значительнее и мой вклад, то есть содержание, влитое мной в эту новую форму.

А ведь когда несла я сюда свое первое заявление, мне и не снилось, что на мою долю выпадет столь ответственная миссия. Да, она досталась мне случайно, однако кто теперь не знает, что случайность — родная дочь необходимости, которая в свою очередь приходится матерью случайности?

Так вот, подала я заявление и стала терпеливо ждать ответа. Шли дни, недели, месяцы — и ничего. Меня охватили тревога, досада, гнев. Несколько раз пыталась узнать о судьбе своей просьбы, но выяснила лишь, что она застряла в лабиринтах этого учреждения, откуда извлечь ее не помогла бы даже нить Ариадны.

И тогда я прибегла к старому методу: хочешь найти пропавшую вещь, потеряй таким же образом подобную. Помните, как Том Сойер отыскал свой неизвестно куда закатившийся шарик, запустив вслед за ним еще один и приговаривая: «Брат, ищи брата»?

Поэтому я вновь отворила массивные двери и проникла в один из важных кабинетов, неся в сумочке второй шарик, то бишь другое заявление. Только на

этот раз просьба выглядела так: «Прошу выделить мне стакан воды».

Хозяин кабинета пребывал в полном одиночестве, окруженный красочной оранжереей телефонных аппаратов. Я положила заявление на стол и почтительно отступила.

— Вот мое заявление,— тихим голосом, вполне соответствующим моей скромной просьбе, проговорила я.

— Вижу.— Он подтянул листок к себе и даже взглянул на него краешком глаза.

— Буду,— пролепетала я,— бесконечно благодарна, если вы удовлетворите мою просьбу.

— Рассмотрим,— не пообещал он ничего определенного.

— А когда рассмотрите?

— Когда придет время.

В доказательство того, что он не бросает слов на ветер, в верхнем уголке моего заявления он начертал: «Рассмотреть!»

— Спасибо! — Я даже сделала книксен в знак благодарности.— И когда же наступит это время?

— Через недельку-другую.

— А нельзя ли,— я вновь присела в книксене, как воспитанная девица,— поскорее?

Его тон стал строже:

— Если дадим вам раньше, то другие получат позже. А нужно-то всем!

— Неужели всем одно и то же?!

— Всем одно и то же,— авторитетно подтвердил он.

Я помолчала, вытащила носовой платок и прижала к глазам.

— Но ведь,— и я громко всхлипнула,— мне надо так мало! Это же капля в море.

— Вам каплю, другому каплю, третьему каплю, а вместе — сколько?

— Три стакана,— добросовестно подсчитала я.

— Вот видите,— хитро усмехнулся он.— Уже целые стаканы! А там, глядишь, бочки... И всем!

Я всхлипнула еще громче и решила, что пора ме-

нять тактику: сколько можно притворяться несчастной из-за одного жалкого стакана воды? Резко оторвала от сухих глаз носовой платок и решительно шагнула вперед:

— Если не дадите, буду вынуждена обратиться выше!

Он молча скользнул взглядом по моей ощетинившейся фигуре и спокойно кивнул, как шахматист, предвидевший именно такой ход противника. Нажал указательным пальцем клавишу аппарата. Вошел помощник.

— Дайте ход,— и протянул ему мое заявление, приписав на уголке: «...и по возможности удовлетворить!»

— Слушаюсь, дадим ход,— помощник унес мое заявление.

— Спасибо,— снова присела я в знак благодарности.— А когда будет завершен этот ход?

— Вас оповестят. Ждите.

— Ждать! — Я заломила руки, как в опере.— И снова ждать!

— Все ждут. Может, я сам тоже жду.

— Того же самого?

— Того же самого.

— Если... вы... сами...—попятилась я к двери,— сами того же... самого...

Много воды утекло со времени тех моих приседаний и всхлипываний; за это время я получила несколько извещений, что заявление за номером 648-а передано на рассмотрение в такой-то, потом в такой-то, а затем в такой-то отдел, что о ходе рассмотрения меня будут информировать, что... Читая каждое из этих извещений, я по инерции делаю книксен.

Теперь вас не удивит, почему, спрятавшись за деревом, с гордостью и любопытством рассматриваю я многоэтажное здание и считаю его окна: ведь за ними, за этими окнами, в залах и кабинетах, курилках и туалетах решается, дать или не давать мне стакан воды! Учреждение функционирует вовсю! Мелют воду его огромные жернова, мелют влитый мною стакан воды.

Не этой ли водой так обильно поливается пальма в холле? Не отсюда ли и влажные пятна на фасаде? Понимаешь теперь, наивный архитектор, что к чему?

Однако это обязывает меня, как и архитектора, не останавливаться на полпути. Поэтому, спрятавшись под деревом и изучая собственный опыт, я тоже мечтаю о новых свершениях. Что если, к примеру, попросить о капле внимания?

2

Прием посетителей только-только начался, я в очереди вторая, но, войдя в кабинет, застаю на уставшем лице управляющего апатию, а поза и облик — копия изваяний с острова Пасхи, взирающего слепыми каменными глазами куда-то вдаль, за границы ничтожной человеческой природы и еще более ничтожных потребностей просителей. Может, думаю я, может, в эти мгновения он как раз и занят разгадкой тайны каменных идолов? Надо же хозяину кабинета чем-то заполнить свой мозг, ведь он заранее знает, что скажет ему любой посетитель, о чем попросит, как нудно будет канючить. Нешуточное дело — постоянно слушать одну и ту же пластинку.

— Полгода назад...— завожу и я свой патефон.

Он кивает. Вернее, не кивает, а тяжело моргает каменными веками: хлоп...

— ...я подала вам заявление...

Хлоп.

— ...в этом заявлении я просила выделить мне...— жужжит заигранная пластинка.

Хлоп.

— ...стакан воды.

Хло...

— Что просили? — изваяние дрогнуло.

— Стакан воды.

— Ста... Может, вы не так выразились? Или я не расслышал? Повторите, что вы просили?

— Просила выделить мне стакан воды.

— Ничего не понимаю! Вероятно, вы ошиблись адресом...

— Почему это ошиблась? Заявление подала лично вам, в ваши собственные руки, там черным по белому было написано: «Прошу выделить мне стакан воды». Вы наложили резолюцию: «Рассмотреть и по возможности удовлетворить!»

— Я?! — каменный идол тяжело поворачивается ко мне.— Я лично наложил резолюцию «удовлетворить»?

— Вы. Лично. И подписались.

Управляющий стаскивает очки, чтобы хуже видеть меня. Потом прикрывает ладонью глаза, чтобы совсем не видеть.

— Удовлетворить? По поводу стакана воды?..— Он трясет головой, словно прогоняя дурной сон.

— Да! Потом вызвали помощника и распорядились дать ход моему заявлению.

Управляющий с трудом сглатывает слюну, тянется к графину, чтобы налить стакан воды самому себе, однако с ужасом отдергивает руку.

— Воды... я... дал ход?..

Трещит один телефон, потом другой, включается в концерт третий... Управляющий будто и не слышит их: теперь для него нет и не может быть ничего важнее стакана воды.

— И где же он теперь, этот ста... это заявление?

— Именно по сему поводу я и явилась. Вы давали ход, вам лучше знать. Кстати,— безмятежно добавляю я,— мною уже получено несколько уведомлений о том, что моя просьба рассматривается и об окончательном решении мне сообщат дополнительно. Но ведь уже полгода! Сколько воды утекло, а мой стакан по-прежнему пуст,— с упреком вздыхаю я.

Управляющий с минуту колеблется, но потом все-таки решается и нажимает уже знакомую мне кнопку. В кабинет вкатывается помощник с неизменной папкой под мышкой.

— Тут у вас было заявление о... стакане.

— Ка-ка-каком стакане? — Помощник растерянно похлопывает себя по боку папкой, как петух крылом.— О каком еще таком стакане?

— О стакане воды.

Они выжидательно смотрят друг на друга.

— Вы давали ему ход,— грозно произносит управляющий,— вам и знать! Чтобы на моем столе немедленно было то заявление или...

Помощник вылетает пулей.

Управляющий утирает носовым платком вспотевший лоб и внимательно всматривается в меня.

— Зачем вы сделали это? Зачем?

— Пить хотелось, вот и все.

— Бросьте свои шуточки! Тут серьезное учреждение!

— Очень серьезное. Вот я и хочу узнать: почему полгода не могу добиться такого пустяка?

Однако управляющий больше не слушает меня. Его глаза широко раскрыты, ноздри вздрагивают, рот лихорадочно ловит воздух. О, на этот раз мне совсем нетрудно разгадать его тайну. Перед ним проплывает яркая картина — подчиненные разглядывают резолюцию, восклицательный знак после слов «удовлетворить», величественно-неразборчивую подпись... с заявления делаются ксерокопии, они порхают из рук в руки... ржет даже уборщица... скандал выплескивается за стены учреждения... герой анекдотов...

— Вы погубили меня! — трагически вырывается из каменной груди.

— Впервые слышу, что человека может погубить стакан воды,— пожимаю я плечами.

— Это... бесчеловечно! — Из его глаза выкатывается большая горючая слеза и плюхается на массивный, как его хозяин, стол.— Это... жестоко! Надо быть камнем, чтобы так...— Из другого глаза выкатывается еще более горючая слеза — символ неподдельного человеческого страдания. Меня охватывает священный трепет: каменный истукан ожил, и отныне уже...

— Ну ладно,— лукаво улыбаюсь я.— Не просила я у вас этого стакана! Совсем другое просила.

— Правда?..— испуганные глаза не смеют поверить.

— Честное слово.

— Вот как?..— глубокий вздох облегчения, кажется, разорвет грудную клетку.— Фу, признаться, я так и думал... Так и думал. Нет, я знал! Ха-ха!.. Ну и шутница... ха!

— Хи-хи-хи,— искренне вторю я.

— Однако,— его лицо вновь становится строгим,— не кажется ли вам, что подобные шутки в серьезном учреждении выглядят несколько неуместно! Весьма неуместно. Более чем неуместно!

Смех застревает у меня в горле.

— Я бы даже сказал: нагло! За такое следовало бы попросить вас выйти вон.— Управляющий важно откидывается на спинку кресла, его фигура снова каменеет, глаза смотрят куда-то вдаль, поверх моих ничтожных потребностей и еще более ничтожных шуток...

И только теперь влетает помощник с моим заявлением в руках:

— Вот оно!

— Да,— каменные веки снова бесстрастно хлопают.

— Она просила совсем не стакан...

— Знаю.— Хлоп.

— Она просила уделить ей каплю внимания!

— Что?!

Я встаю и спокойно направляюсь к двери. Чего тут сидеть, если заранее известно, что тебе ответят, как посмотрят и сколько будет крутиться та же заигранная пластинка.

Тем более что свою каплю внимания я получила.

ПРОСТО ЧЕЛОВЕК

Председатель. Кто там скандалит за дверью? Что за шум?

Помощник. Да какой-то посетитель требует, чтобы вы его приняли.

Председатель. Он что, не знает? Я же принимаю только по четвергам.

Помощник. Знает, но говорит, что у него срочное дело.

Председатель. А знает ли он, что надо записаться в очередь за месяц вперед?

Помощник. Знает, как не знать, но рвется, и все тут.

Председатель. Надо же! Что за птица?

Помощник. Говорит — просто человек.

Председатель. Кто... кто?

Помощник. Говорит — просто человек.

Председатель. Интересно. И как он выглядит, этот... человек?

Помощник. Ничего особенного: серый пиджачишко, черные ботинки, пестрая кепка с козырьком.

Председатель. Пестрая? Да еще с козырьком?.. Тут что-то не так. А зачем, не сказал?

Помощник. Нет. Одно твердит: у меня срочное дело. Я просто человек, пусть примет...

Председатель. А он не под мухой?

Помощник. Да нет. Трезв как стеклышко.

Председатель. Гм... странно, даже очень странно. Как ты думаешь, кто он на самом-то деле?

Помощник. А черт его знает! Пойду и выставлю!

Председатель. Постой, постой!.. А вдруг он никакой не человек, а кто-то из контроля? Или из центра?

Помощник. Едва ли. Рукава у пиджака совсем обтрепались.

Председатель. Обтрепанные, говоришь? Тут что-то есть: трезв как стеклышко, в неприемный день, с козырьком, просто человек... Подозрительно. Что-то тут не так. Вспомни, что у него еще есть?

Помощник. Еще? Еще две шариковые ручки в нагрудном кармане.

Председатель. Две ручки?! Что ж ты сразу не сказал? *(Расстегивает воротничок рубашки.)* Теперь все ясно! Это он нарочно прикинулся человеком!

Помощник. Прикинулся? На кой черт?

Председатель. А чтобы проверить наш стиль работы с людьми!

Помощник. Коли так, побегу приглашу.

Председатель. Стой!.. Пригласить-то надо по-человечески. Вели секретарше поживее кофейку сварить, коньячок достань, еще того-сего... Да, придвинька поближе мягкое кресло... вот так. А пальму подальше отодвинь. Теперь — приглашай. Только сердечно, как родного!

Помощник уходит и вскоре возвращается.

Председатель. Что? Ушел? Нету?

Помощник. Есть. Только я вернулся спросить. Видите ли...— плачет он!

Председатель. Как это — плачет?

Помощник. Очень просто: слезы будто горошины — кап-кап...

Председатель. Ах вот что!.. Плачет. Значит, и вправду человек... А мы-то... Ха-ха-ха!.. Тогда все в порядке, гони его в шею без всяких разговоров, секретарше скажи: кофе не надо, а коньячок... коньячок после такого нечеловеческого напряжения... мы и сами...

У ДВЕРЕЙ

Доводилось ли вам замечать, что чем дальше, тем больше времени теряем мы у всяческих дверей? Будто у человека только и забот, что толочься за дверью, перед дверью и в дверях. Магазины, столовые, поликлиники, школы и тому подобные учреждения оставляют лишь узкую щель, в которую может протиснуться один, от силы — полтора человека. Видимо, предполагается, что, понатолкавшись в дверях, посетитель будет меньше топтаться внутри. Однако, если тебе удается, поднатужившись, открыть такие двери, можешь быть уверен, что открываешь их не для себя: секунду замешкался, и навстречу устремляется поток выходящих, который ползет и ползет без конца, как та каша из волшебного горшочка братьев Гримм.

Пока ты пропускаешь эту встречную лавину, у тебя

за спиной даже очередь выстраивается. И по неписанному закону ты становишься ее предводителем, а, значит, должен оправдать возлагаемые на тебя надежды, то есть собственным телом пробить брешь во встречной массе. Чем дольше промедлишь, тем больше услышишь брани и получишь тычков в спину. Как ни странно, но вожаками обычно становятся самые робкие и вежливые: они не спешат пробиться в двери вслед за другими и потому представляют собой наиболее уязвимое звено. Именно такого слабака и ждет вожак коллектива, желающего прорваться против течения.

Что ни говорите, а есть здесь некоторая недоработочка, в часы пик милиционеры рьяно регулируют движение автотранспорта на перекрестках, дабы избежать пробок, в то время как живые пробки в дверях брошены на произвол судьбы. Никто не штрафует нарушителей, не лишает их прав сквозьдверного движения (СДД). И пока не настанет то светлое времечко, когда над входом в магазины повесят светофоры, людям придется действовать на свой страх и риск. Поэтому, коль скоро ты вежлив и скромен (а кто не считает себя таковым?), надо усвоить хотя бы несколько правил и приемов СДД, без знания которых можно так застрять в дверях, что и иголкой тебя оттуда не выколупают.

Вернемся к уже знакомой ситуации: волею судьбы ты оказался вожаком, а значит, должен занять порог, иначе говоря, плацдарм, по которому в настоящий момент энергично перетекает живая сила противника. Не теряй ни минуты! Надо действовать на два фронта: а) найти наиболее уязвимое звено во встречной цепочке, б) нейтрализовать свой тыл, пока не получил оттуда пинка или не превратили тебя в живой таран. Посему сначала предприми обманный маневр: сделав вид, что бросаешься вперед, ты в то же мгновение, якобы оттесненный превосходящими силами противника, резко откидываешься назад, ударяясь в стоящего следом за тобой, который, в свою очередь, валится на третьего, и так далее... Пока волна отдачи с удвоенной си-

лой вернется к твоей спине, у тебя образуется некоторое свободное время, чтобы действовать на главном фронте и попытаться прорвать порядки наступающих. Если внимательно присмотришься, то и без бинокля заметишь какую-нибудь старушку с тяжелыми сумками, или высохшего интеллигентика со скрученной ревматизмом ногой, или даму на очень высоких каблуках и в белых перчатках. Тогда-то и надо решительно бросаться вперед (кричать «ура» не обязательно), и так называемая ничейная земля в твоих руках, начинается передислокация частей по ту сторону порога. Если ты все еще скромен и вежлив, то пожелай всяческих стратегических успехов вновь испеченному предводителю противника — этой самой старушенции с сумками или высохшему интеллектуалу, тем более что на обратном пути ты можешь очутиться в арьергарде руководимой ими колонны.

О том, как важно знать приемы СДД, свидетельствует картина, которую я недавно наблюдала возле одного большого гастронома. По обе стороны дверей стояли длиннющие очереди, а в дверях, наталкиваясь то на одного, то на другого вожака, крутился волчком какой-то человечек.

— Эй,— кричал один предводитель другому,— на кой черт вы запустили его сюда?

— Сами вы запустили! — донесся ответ.

— Заберите и дайте дорогу!

— Сами заберите! Он не наш!

— И не наш!

— Пусть сам скажет, чей он и в какую сторону идет,— предложил кто-то.

— Эй, чей ты, куда идешь?

Однако несчастный уже окончательно запутался, потерял ориентировку и, не в силах двинуться ни взад ни вперед, бился и жужжал, словно муха меж оконных рам. С каждым мгновением ситуация становилась все безвыходнее, очередь — длиннее, а спины предводителей уподобились боевым барабанам, по которым неистово колотили их сподвижники.

— Послушайте,— пришло кому-то в голову,— две-

ри-то двустворчатые! Давайте откроем вторую половинку!

Тут все оцепенели, потом недоуменно и осуждающе уставились на рационализатора. Ишь, выскочка, придумает же такое: открыть вторую половинку! Вот телефон-автомат распотрошить, скамейку в парке четвертовать, уличный фонарь разбить, деревце с корнями выдрать... Но открыть вторую половинку дверей?! Это же черт знает куда может завести.

От страха, как бы их не сочли сообщниками анархиста, вожаки вместе со своими вереницами отпрянули от злополучных дверей, и человек-муха, жужжа, вылетел прочь в образовавшуюся щель...

Однако следует признать, что подобные пробки имеют и свои плюсы. Где еще так натренируешь глаз и мускул? Где, как не здесь, ежедневно проводятся не разрекламированные соревнования по спортивному ориентированию? Где еще человек может проделать сложный путь эволюции от мимозы до бульдозера? Ну, а те, кто имеет возможность проникать через задние двери, через черный ход? Разве могли бы они так ценить завоеванное, если бы не существовало обычных, «парадных» дверей?

У дверей могли бы родиться и новые прекрасные традиции. Есть же, например, призы для водителей — джентльменов дорог, так почему бы не учредить приз для джентльменов дверей? Уступил дорогу какому-нибудь божьему одуванчику, и — бах! — тебе звание Джентльмена СДД, и — трах! — путевка в столицу джентльменов Лондон! Представляете себе, что бы творилось тогда у дверей?! Закрутились бы такие состязания в вежливости, что все двери в щепки бы разнесли.

И тогда проблема дверей решилась бы сама собой.

ВОСПИТАНИЕ СОЗНАТЕЛЬНОСТИ

— Нет, вы только подумайте, какие у нас замечательные люди! Скромные, сознательные. Газировки в городе нет, а они не протестуют, терпят, молчат,—

спохватились как-то отцы одного городка.— Есть предложение: установить на центральной площади автомат с газированной водой!

Сказано — сделано. Установили. Не автомат — монумент; массивный, красной эмалью покрытый, никелем сверкающий... И семь стаканов на нем — граненые, новенькие, без единой трещинки.

Собрались горожане. Бросишь три копейки — с сиропом, бросишь копейку — чистая! Шипит, в нос шибает, холодная... Пей — не хочу! Целый день толпа у автомата галдела. А когда разошлись — все семь стаканов как в воду канули.

— Замечательные у нас люди,— обсудили итоги городские власти.— Скромные. Однако сознательность хромает. Надо воспитывать.

Утром на автомате вновь сверкало семь новеньких стаканов. Однако на сей раз все они были прикованы цепочками. Снова сбежались городские жители, снова целый день смаковали шипучку да нахваливали заботливых руководителей. А к вечеру осталось только два стакана...

— Ну что же, дело идет на лад! — обрадовались руководители, ощупывая концы пяти оборванных цепочек.

На следующий день у автомата поставили сторожа. Исчезло всего три стакана.

— Что теперь скажете? — восторженно потирало руки начальство.— Если так пойдет, глядишь, через неделю собственные стаканы приносить начнут.

Рядом со сторожем посадили здоровенную овчарку.

В этот день испарилось всего два стакана.

— Даже поверить трудно,— дивились руководители.— Как быстро сознательность растет!.. Но нельзя почивать на лаврах...

И возле сторожа с собакой учредили наблюдательный пост. В этот вечер недосчитались лишь одного-разъединственного стаканчика!

— Факт налицо! Против него не попрешь! — возликовали руководители, пожали друг другу руки, уволили сторожа, прогнали собаку, поблагдарили мили-

ционера. Заперли в шкаф оставшиеся стаканы, на автомат повесили табличку «Не работает» и сели составлять отечт о том, как проводилась в их городе работа по воспитанию сознательности, как в короткие сроки в корне изменилось отношение горожан к общественной собственности...

ТРАНСПОРТНАЯ ПРОБЛЕМА

Ожидая недавно в ателье запропастившегося куда-то закройщика, листала я от нечего делать старый ободранный журнал и заинтересовалась статьей одного не то социолога, не то транспортолога о пассажиропотоках. В результате длительных, скрупулезных, проведенных с помощью электронно-вычислительных машин исследований этот дотошный ученый пришел к выводу, что в любом автобусе или троллейбусе, как бы плотно ни был набит он пассажирами, имеется якобы достаточно свободного места, чтобы уместить еще столько же народу. Переполненные автобусы и троллейбусы, утверждал транспортолог, остаются, по существу, полупустыми, и виноват в этом не кто-нибудь, а сами же увальни пассажиры, не способные таким образом притираться друг к другу, чтобы занять минимум и освободить максимум полезной площади. Чтобы вдвое увеличить пропускную способность городского транспорта, заключал исследователь, необходимо лишь одно: воспитывать и еще раз воспитывать пассажиров!

Статья взволновала меня, как говорится, до глубины души: с каким гражданским пафосом, с какой хозяйской заинтересованностью написана! Побольше бы таких серьезных авторов, подумала я. Он ведь не просто болтает языком или переводит бумагу, он ищет и находит выход! И когда я подумала о том, что он, чего доброго, сам сумел влезть в троллейбус в час пик, в момент наиболее напряженного пассажиропотока, сам всем своим засидевшимся телом транспортолога

максимально приблизился к стройной длинноногой фигурке, заняв лишь рекомендуемый минимум и высвободив максимум места,— когда я об этом подумала, то почувствовала — не могу молчать!

— Вот,— обратилась я к незнакомой даме, тоже ожидавшей закройщика,— статья, которая волнует.

Она недоуменно передернула плечиком, но журнал все-таки взяла и даже пробежала одним глазом статью.

— Да,— произнесла она.— Актуальная проблема. Впрочем, я и мое семейство всеми силами способствуем ее решению.

— Вот как, значит, и вы тоже! — обрадовалась я; оказывается, заинтересовавший меня автор имеет последователей.— И... каким же образом?

Дама кивнула в сторону широкого окна ателье, за которым в шикарной «Волге» дремал шофер, уронив голову на руль.

— Служебная машина,— разъяснила мне дама.— Утречком мужа на работу отвозит, потом доставляет в школу младшего сына, привозит его домой и отвозит в ту же школу старшего, в перерыве забрасывает на рынок бабушку, а меня — к парикмахеру, прачке, портнихе, маникюрше, в магазины и еще кое-куда. Так подсчитайте сами — сколько площади высвобождаем я и моя семья в троллейбусах или автобусах в часы или не в часы пик. Если бы не мы, чего доброго, несколько пассажиров ежедневно не могли бы влезть в автобусы и из-за этого опаздывали на работу — представляете себе, какой убыток государственному карману?

Это я себе представляла, а она между тем говорила и говорила — долго, аргументированно, убедительно и с большим гражданским пафосом. Особенно приятно было то, что человек, которому, скорее всего, ни разу не приходилось втискиваться в автобус и шарить в собственном кармане, чтобы оплатить проезд, так глубоко понимает проблемы пассажиропотока и так бдительно оберегает государственный карман!

И потому, когда она кончила, я сказала:

— Право слово, очень жаль, что автор не догадался упомянуть в своей статье о ваших личных заслугах и заслугах всей вашей семьи по сбережению государственной копейки.

Она с достоинством ответила:

— Мы — люди скромные, молча пашем свое поле и не требуем, чтобы об этом трезвонили во все колокола.

Когда через добрый час я покинула ателье, так и не дождавшись своего закройщика (как оказалось, он был сверх головы занят вечерним туалетом той самой дамы), черная «Волга» по-прежнему стояла у окна. Шофер продолжал спать, уронив свой могучий бычий лоб на баранку руля. Пока я разглядывала его, меня осенила еще одна светлая идея: ведь и он тоже высвобождает добрую квадратную сажень в великом потоке пассажиров, тоже экономит государственную копейку! Нет, радостно подумала я, пока есть у нас такие лбы, такие радетели за государственный карман и авторы таких мудрых статей — никакой пассажиропоток нас не затопит, никакая транспортная проблема для нас не проблема, никакой максимум — не максимум! И тут вновь почувствовала — не могу молчать! Вскочила в полупустой троллейбус, высмотрела самого представительного мужчину, прижалась к нему и, тая от счастья, воскликнула:

— Граждане пассажиры! Давайте притираться друг к другу! Давайте занимать минимум и освобождать максимум! Давайте!..

ЯМА

Дом наш стоит не на центральной, но зато прямой, как стрела, улице. В свое время она была немощеной, кривой и пыльной, а осенью превращалась в настоящее болото. Как-то, в одну из весен, ее выпрямили, заасфальтировали, выложили плиткой тротуары, обсадили их липками.

Мы полюбили свою заново рожденную улицу и поэтому сурово провожали взглядом каждый роняющий кирпичи самосвал или грузовик, беспощадно разбивающий намотанными на протекторы цепями гладкий красивый асфальт. Мысленно даже кулаками водителям грозили.

Так было. А теперь? Теперь у нас на душе светлеет, когда вкатывается на нашу улицу швыряющийся черепицей самосвал или хлещущий цепями грузовик. И чем сильнее грохочет машина, чем тяжелее и расхристаннее она — тем милее нам. И наоборот: чем опрятнее, чем аккуратнее едет — тем большую неприязнь вызывает.

А началось все с маленькой ямки, даже скорее — выбоинки: упал из кузова кирпич или гайка с колеса сорвалась. Сначала была эта вмятинка величиной с фасолину, такую не всякий и разглядит. Но день за днем ее края трескались, осыпались, и ямка все расширялась, все углублялась...

Теперь ее и ямкой-то не назовешь! Настоящая яма. Пожалуй, пара здоровенных бочек войдет. Только нам этого мало. Нам нужна такая ямища, куда можно было бы слить целую железнодорожную цистерну... Вот почему, услыхав рев дизеля, все мои соседи настораживают уши и ждут оглушительного грохота: бах-тара-рах! Яма опять осыпается, расширяется, углубляется... Благодарными взглядами провожаем мы отважного водителя, не побоявшегося ударить рельсовым бампером казенной машины по крутому краю ямы. Особенно нравятся нам шоферы под хмельком — эти лихачи на все готовы, согласны самосвал загубить — лишь бы яму углубить!.. К сожалению, встречаются еще отдельные несознательные водители: они объезжает нашу яму медленно и осторожно,— будто на свои кровные резину покупали! Слава богу, таких водителей можно по пальцам пересчитать, и потому яма наша растет как на дрожжах. Бах-трах! — крошится асфальт, бегут трещины, осыпается гравий, расползается песок... А мы потираем руки: месяц-дру-

гой — и бывшая фасолина превратится в форменный адский провал!

Вот тогда-то мы и вздохнем с облегчением: в такую пропасть уж непременно ухнет машина, и не как-нибудь — вверх колесами. Поднимется шум, слетятся спасательные команды, раненых увезут, погибших передадут родственникам, автомобиль вытащат, яму забором огородят... И глядишь, в одно прекрасное утро прикатит бригада дорожников и так красиво залатает ее, что и следа не останется!

Вот почему клянем мы осторожных водителей: ведь они отдаляют день, когда наша улица вновь станет гладкой, красивой и ровной!

ЖИВОЙ АВТОМАТ

Перед выездом из автобусного парка водитель подошел к главному инженеру.

— Хотелось бы,— сказал он,— прокатить вас.

— Это еще зачем? — удивился инженер.

— Видите ли,— скромно потупился водитель,— я тут одну штуковину придумал, усовершенствовал билетний автомат... Может, вам небезынтересно будет взглянуть, как он действует?

Инженер с сомнением покачал головой и не тронулся с места. Тогда водитель добавил:

— Сами знаете, какой ущерб от этих автоматов. То старую монету сунут, то железку, то пуговицу. А сколько пассажиров вообще норовят зайцами проехать?.. Пришлось крепко пошевелить мозгами, пока сообразил, почему нашему автомату далеко до кондуктора.

— И почему же?

— Так нет у него живого контакта с пассажиром. Мертвый он. Вот я и... Только лучше прокатитесь со мной хоть немножко.— И он предупредительно распахнул двери автобуса.

Инженер соблазнился и полез в салон. Автобус выехал из парка на линию. Автомат, несколько более крупного размера, чем обычный, занимал место кон-

дуктора у задних дверей. Рабочий день кончился, на первой остановке в автобус набилось немало пассажиров. И тут...

— Чего толкаетесь? — раздался вдруг зычный, режущий ухо женский голос.— На базаре, что ли? А кто за проезд будет платить? А? Ну-ка, живее!

Голос раздавался из автомата. Застучали падающие в его нутро монеты. Инженер навострил уши и ошарашенно раскрыл рот. Он даже привстал от неожиданности. На лице его были написаны восхищение и зависть: вот это да! Что может быть проще: вмонтировать в железный ящик магнитофонную ленту и пару электронных деталей!

— Кто еще не заплатил за проезд? — гремел автомат.— Неужто трудно приготовить деньги, прежде чем лезть в автобус? А то вопрутся и шарят по карманам до тех пор, пока уж и выходить надо. Знаю я вас как облупленных, голубчики!

Автобус остановился.

— Живей пошевеливайтесь! — поторопил автомат выходящих.— Ползут как черепахи, задницу с места сдвинуть трудно, что ли? Давай-давай! А вы куда прете? Гонятся за вами? Успеете! — задержал он пробивающихся вперед новых пассажиров.— Кто за тебя платить будет? Дедушка? А ну, бери билет!

Как только автобус тронулся, автомат завопил:

— Освободите двери! Вам говорят! Набились, как бараны!

Вдруг голос зазвучал вкрадчиво:

— В салоне контролер. Приготовьте билеты...— И злорадно добавил: — Ну, теперь достанется вам на орехи! — Но тут же перешел на визг: — Что ты прешь на меня, как слон!

В конце маршрута автомат громко подвел итог:

— Дальше автобус не идет. Ножками топайте. Конечная! Посадки нет. Освободите салон! Живо!

Автобус опустел. Водитель с инженером вскрыли автомат и пересчитали выручку. Ого! Не веря своим глазам, инженер принялся считать заново: сумма выручки намного превысила стоимость проданных биле-

тов! Он уже собрался было похвалить рационализатора, но автомат опередил его:

— А ты что, зайцем будешь ездить? Водитель, тащи-ка этого мошенника в милицию!

Обалдевший инженер сунул в пасть автомата всю мелочь, которая нашлась в кармане.

— В жизни ничего подоб...— пробормотал он.

— Оторви билет, раззява! — гаркнул автомат.

НЕ МЕШАЙТЕ РАБОТАТЬ

Как бутерброд складывается из двух слоев, так из двух составных частей складывается и наша жизнь: или ты мешаешь другим, или другие мешают тебе. А ежели хотите увидеть, как два эти символических слоя смешиваются в единое тесто — загляните в магазин: решив что-нибудь купить, вы тем самым помешаете продавщице продавать, она же, продавая товары, помешает вам купить их. То же самое в учреждении: желая получить справку, вы помешаете служащему, выдающему их, а он, выдавая справки, в свою очередь помешает вам их получить.

А какие помехи вносите вы в труд официантки! Сам жест, которым она подает вам меню, ставит вас на одну доску с назойливой кухонной мухой. А если, скажем, сев в вагон, вы считаете, что обрели тем самым статус пассажира, то, уверяю вас, глубоко заблуждаетесь: вы просто стали помехой для проводника. Или такой пример: просидев битый час в ателье, вы наконец дождетесь закройщика, но на лице у него будет написана такая мука и такой гнев, что хорошо еще, если он не отхлещет вас по горбу портняжным метром за то, что вы отвлекли его от куда более важного занятия, чем измерять ваши габариты. Ну, а попади вы в больничную палату?.. От одной мысли о том, что придется нарушать покой санитарок, волосы дыбом встают.

Даже в закусочной, где вы присели в уголок, что-

бы, никому не мешая, выпить чашечку кофе, можете заметить у себя за спиной то ли привидение, то ли еще что, которое ждет не дождется, когда же наконец кончите вы хлебать свой кофе и прекратите мешать ему сесть на ваше место, чтобы спокойно, никому не мешая, выпить чашечку кофе...

Поэтому всем пора зарубить себе на носу, что мы идем не покупать, не стричься, не шить себе одежду, не питаться, не судиться, не лечиться, не ремонтировать, не развлекаться, а мешать, отрывать, отвлекать и выводить из себя продавцов, парикмахеров, официантов, судей, снабженцев, блюстителей порядка и других преданных своему делу тружеников.

Но вот что интересно: те, кому мы мешаем, ни за что не признаются, что им мешают. В одной аптеке мне довелось видеть женщину, которая шесть раз подряд спросила, есть ли цитрамон. Провизорша же ни разу ей не ответила, даже бровью в ее сторону не повела, но каждая ее клеточка просто вопияла: «Ну что за назойливая муха! Пристала со своим цитрамоном и только мешает продавать лекарства!» Так и не добившись ответа, женщина наконец спросила:

— Скажите откровенно: может, я мешаю? Тогда прошу прощения.

Провизорша насторожилась:

— Что вы! Как вы можете мне мешать? Вам что, цитрамон? К сожалению, его нет.

— Если так,— вздохнула женщина,— то извините меня за то, что я целых шесть раз вам помешала.

— Подождите! — воскликнула провизорша и принялась шарить в многочисленных ящичках.— Может, завалялся где-нибудь... Ба! Нашла! — И она через головы других мешающих протянула пакетик с таблетками.— Что вам еще угодно? Неужели ничего? Спасибо за покупку.

Вот почему появляется все больше хитрецов, которые, вместо того чтобы просто задать вопрос или что-либо потребовать, выделывают этакие пируэты: «Простите, что разрешаю себе потревожить вас. Не сочтете ли возможным показать мне вон те кеды?», «Не

очень ли затруднит вас, если осмелюсь полюбопытствовать, нет ли случайно в продаже ремней безопасности?», «Не могли бы вы, мадемуазель, пожертвовать мне минутку своего драгоценного времени и открыть тайну, принимает ли сегодня директор?»... Пока что этим жонглерам везет. Говорю «пока что», имея в виду, что в потоке мешающих их пока меньшинство.

Однажды я наблюдала такую сцену. Зажав в кулаке пачку банкнотов, в сберкассу зашел какой-то невзрачный человечек, сунулся к одному из окошечек и спросил, можно ли положить деньги на срочный вклад. Кассирша, недовольная тем, что ее отрывают от приёма вкладов, что-то буркнула себе под нос. Бестолковый посетитель переспросил:

— Что, что?

Выведенная из терпения кассирша застонала так горестно, что несчастный попятился и вылетел из сберкассы, как пробка из бутылки. Нетрудно представить себе, как влетел он домой, как вытащил из комода старый, но милый сердцу, испытанный чулок, который о том лишь и мечтал, чтобы его извлекли на свет божий, как затолкал туда свои капиталы и раз навсегда зарекся ходить в какую-то там сберкассу.

Но больше всего мешаем мы своим ближним в семейном кругу, в этой так называемой клеточке общественного организма. В биологической клетке движутся и перемещаются, не мешая друг другу, бесчисленные частицы и частички, а в семье только и слышишь: «Не мешай, не приставай, отстань, не лезь, отвяжись, не дури мне голову, оставь меня в покое, да пошли вы все, знаете куда!» Больше всего помех создают, разумеется, дети: то поиграй с ними, то сказку расскажи, то книжку почитай, то на вопрос ответь, то задачку объясни — бедные папаши и мамаши последние силы теряют, отбиваясь от настырных отпрысков, а тут еще, как на грех, мозолят им глаза их собственные родители: передав выросшим детям свои сбережения, они — какая наглость! — еще копошатся в уголке комнаты, где самое место для зеркального бара.

Один такой пенсионер, в попытке освободить вышеупомянутый угол, решил построить себе садовый домик, дабы, никому не мешая, провести там остаток отведенных ему дней. Несчастный! Знал бы он, сколько хлопот доставит его выдумка многострадальному домостроительному комбинату! За исключением доброжелательной бухгалтерши, которая любезно и без волокиты приняла у него аванс, все остальные — начиная с каменщиков и кончая начальниками — не знали, где укрыться от надоеды, год за годом нарушающего ритмичную работу их предприятия...

И вот тут мы подходим к самому главному. Неподалеку от центрального рынка, там, где воздух незавидной чистоты и постоянно стоит оглушительный грохот машин, живет столетний старичок. Он и покуривает, и попивает, и сало за обе щеки уминает, и никакой рысцой ног себе не утомляет, словом, настоящая загадка для геронтологов, диетологов и разных социологов. Когда они, не жалея своего дорогого времени, пытаются вытянуть из него секрет долголетия, иначе говоря, требуют объяснений, каким это образом он до сих пор не протянул ног, старичок накручивает на палец черный от табака ус и шепчет на ухо:

— Как подумаю, сколько хлопот доставлю учреждению, провожающему на вечный покой... — И, заговорщицки подмигнув, заканчивает сочным и свежим, как ранняя картошка, голосом: —...так пропадает охота помирать!

А чтобы уж совсем никому не мешать, он заглядывает к распространителям денежно-вещевой лотереи — единственным феноменам, любящим, чтобы им мешали,— и покупает (может, уже в сотый раз) билетик, прячет его в старую деревянную шкатулку и молит судьбу лишь об одном: только бы не выиграть автомобиля! Знает, мудрец, что его тогда ждет...

И пока что фортуна к нему благосклонна.

ДУШЕВНЫЙ ПОРЫВ

ПОКУПАТЕЛЬ

В дверь юрко прошмыгнул тощий, как жердь, молодой человек с портупеей через плечо.

— Я представляю такое-то издательство — выпалил он.— Мы хотели бы приобрести у вас два-три произведения.

— То есть?..— Только тут обратила я внимание на планшет, подвешенный к его ремню.

— То есть — купить,— уточнил посетитель.

— Как на книжной ярмарке?

— Да, как на ярмарке.— И он сел.

Поначалу я несколько растерялась. До сих пор свои произведения мне доводилось предлагать, вручать, посылать, передавать, навязывать — разумеется, не без гонорара. Но чтобы вот так, без всякого — взять и продать?.. И я принялась метать на письменный стол все, что попало под руку.

— Прошу,— бойким жестом заправского аукционщика указала я на кучу рукописей.— Вот, скажем, рассказ «Велосипед с одной педалью». Неожиданная завязка, а от развязки дух захватывает. Берете?

— Беру.— Он сложил рукопись вдвое и сунул за портупею, словно охотник подстреленного тетерева.

— Вот вам еще рассказ, не хуже, если не лучше, первого. Называется «Безногий стол». Само название чего стоит! Целый пласт иронии, замешанной на философии и сдобренной сексом. Подойдет?

— Еще как! — И он бодро сунул рукопись туда же.

— Но самое мастерское из созданного мною — «Рыбный день». Острый, однако не переходящий границ. Если в тех двух содержание юмора сорок—сорок пять процентов, то здесь он достигает девяноста шести! Один медик даже подсчитал, что при чтении его из кровеносных сосудов выносится восемьдесят девять процентов холестерина.

— Тогда я возьму этот, а те, пожалуй, верну.— И молодой человек хотел вытащить из-за портупеи сложенные вдвое листки, чтобы затолкать туда новые.

— Э, нет! Проданный товар обратно не принимается и не обменивается, — строго предупредила я.— Тут вам не колхозный рынок, а солидная фирма. Теперь даже каких-нибудь паршивых туфель в магазин не вернешь, а вы...— пристыдила я.— Поехали дальше. Рассказ «Барабан из лягушачьей кожи». Два очень компетентных собрата по перу головы давали на отсечение, что я получу за него премию.

— Этот, если можно... и вы не возражали бы... несколько позже...— Посетитель стал осторожнее.

— Я не возражаю уже сейчас.— И, сложив вдвое, сама сунула рассказ за портупею.— Итак, мы уже имеем пять единиц.

— Почему это пять? — удивился он.

— Даже шесть. Потому что «Лягушачий барабан» продается только в наборе — вместе с двумя другими рассказами, название и содержание которых вы узнаете позже. Кстати, какой валютой вы располагаете?

— Валютой?! — выпучил он глаза.— Рублями, какой же еще!

— Бывает и другая.— Я холодно повела глазами на его планшет из искусственной кожи.— Перед вами еще одна вещица... как она вам?..— Я вытащила из нижнего ящика стола еще одну рукопись.— «Совесть без совести». Парадоксов — хоть на самосвалы грузи. Три критика единодушно подтвердили, что это вершина моего творчества.

— Ну, если вершина, то... однако...— Он нерешительно теребил уже купленные рукописи.

— Берете или нет?

— М-м... да.

— Продано! — припечатала я.— А раз уже вершина, то, разумеется, со всеми склонами, низинами и подножьями.— И я пододвинула к нему такую груду рукописей, что он испуганно отпрянул.

— Сколько же их тут? — Гость попытался хотя бы взглядом охватить всю кипу.

— Тридцать семь. Плюс те шесть. Брутто — сорок три.

— Нам сорока трех бруттов не надо... нам бы и двух хватило, ну, от силы трех...

— Вот что, дорогой мой: или оптом, или ничего! У меня фирма солидная, розничной продажей не занимаюсь. А так как вы заявили, что покупаете, то извольте выложить наличными 3 690 рублей и 14... простите, 13 копеек.

Целую минуту он ловил ртом воздух.

— Коли так,— придя в себя, принялся он выцарапывать из-под портупеи все подряд,— то не надо ничего!

— Ничего?! — Ледяным взглядом коммерсанта я пригвоздила его к стулу.— Так зачем же вы явились? Зачем просили продать?

— Я только...

— Что только? — Я глянула на часы.— Ничего себе «только»! Вы отняли у меня «только» семнадцать минут. А, между прочим, время — деньги, мое же время — золото высшей пробы! Поэтому попрошу компенсировать его обратимой валютой: 160 швейцарских франков или 700 шведских крон. На худой конец — сертификатами. Наличными будете платить или чеком?

— Чеком? Каким еще чеком?

— Восемнадцать минут! 170 западногерманских марок!

Наблюдая в окно, как несется он по улице, прижимая к бедру свою тощую планшетку, я только головой покачала:

— Тоже мне покупатель.

СИМФОНИЯ

Наконец дирижер перестает вилять фалдами фрака и поднимает палочку.

Скрипки тихо заводят старую сказку о Нибелунгах. Их голоса то крепнут, то совсем замирают, то превращаются в жалобное рыдание. Это плачет юная красавица из племени Нибелунгов.

Подпираю голову ладонью, закрываю глаза. Как приятно отвлечься от прозаической повседневности, перенестись в сказочный мир видений...

А скрипки все плачут, жалуются...

Когда выходила из дому, расплакался ребенок. Интересно, успокоился ли? Перепеленали? До конца ли скушал рисовую кашку?

Ох, не слишком ли часто пичкаем мы его рисовой кашей? Пора разнообразить меню. Гречку давать. Манную кашку. И этот... как его? Ну, этот же... ну, этот... о господи! — этот... пропади он пропадом... геркулес! Непременно надо начинать кормить овсяными хлопьями!

Ах да, симфония.

Встряхиваю головой. Долой, долой домашние заботы! Надо устремиться ввысь. Еще выше... Еще! Туда, где сверкает башня замка Нибелунгов.

Господи, какая передо мной сверкающая лысина! Ни единого волоска. Интересно, почему мужчины лысеют, а женщины нет? Как хорошо! Зато столько забот с этой прической! Вчера не попала к парикмахеру. Сегодня снова не попала. Значит, придется тащиться завтра. Но ведь завтра надо на рынок. Кто же сходит, если не я? Только принесешь домой полные сумки — и опять изволь тащиться на рынок. Конца-краю нет! А что я куплю завтра?

Телятину. Укроп. Укроп обязательно — источник витаминов. По крайней мере, так утверждают в статье «Больше витаминов!». И картошку. Ох, надорвусь! Что еще? Кочан простой и кочан цветной капусты. Что лучше сварить: щи или борщ? Сварю щавель. «Почем щавель?» — «Гривенник».— «Что вы, такой вялый!

За пятачок возьму».— «Нет» — «Нет?» — «Нет».— «Ну и подавись ты своим щавелем! Что-нибудь другое сварю».

Бим, блюм, блям...

Арфа! Божественный инструмент. Какой ласкающий, неземной звук. Как вдохновенны профили моих соседей! Одна я словно белая ворона! Где мои видения? Где мои вершины? Башни?

Блям...

А где мой номерок? Взяла ли я на вешалке номерок? Постой, как там было?.. Спокойнее, спокойнее. Постарайся вспомнить каждый свой шаг по порядку. Значит, так: гардеробщица взяла пальто. Ты пробилась к зеркалу. Спрятавшись за колонной, поправляла шов на чулке. В туалете поправила прическу...

Не взяла! Лихорадочно открываю сумочку, роюсь. Блям. Это падает ключ. Лысина вздрагивает, профили морщатся. Рокочет барабан... Наступаю ногой на ключ и невинно опускаю глаза.

Оказывается, партия арфы давно закончилась. Теперь гремят литавры, звякают тарелки (не забыть бы купить три десертных тарелочки!), поют трубы. Озорной марш. Марш для тех, кому везет, кто не теряет номерков.

А мне почему-то во всем и всегда не везет. Ключ — черт с ним. Но ворчание начальника отдела по утрам... «Вы, товарищ начальник, у других соломинку видите, а у себя — и бревна не замечаете! Говорю это вам в глаза! (Я не я буду, если завтра же не скажу этого!) Не шепчусь по углам, подобно вашим подхалимам!» — «Как вы говорите с начальством, товарищ Жилинскайте? Что за тон? Как вы смеете клеветать на своих товарищей?» — «Товарищ начальник (я держусь спокойно, как айсберг, а начальник дергается, словно блоха), рыбка тухнет откуда?» — «Вот что, товарищ Жилинскайте, другие получают вдвое меньшую зарплату, а работают вдвое больше! Выбирайте: по своему желанию или...» — «Только по своему! Мне такая аракчеевщина...»

Бум! Бум! Бум!

Дирижер раскланивается, в зале овация. Аплодирует лысина, хлопают профили. И я бью ладонью о ладонь. Хлопаем долго. Когда аплодисменты стихают, слышится еще несколько хлопков. Моих.

Наконец я в раздевалке. Вынимаю из кармана номерок. Подходит знакомая.

— Ну как? — спрашивает.

— Виртуозно,— отвечаю.— Только флейта... четвертая флейта немножко фальшивила.

— Да,— с уважением глядя на меня, соглашается она,— четвертая флейта действительно...

ЧЕТКИЕ ОРИЕНТИРЫ

Недавно любители поэзии получили хороший подарок: вышел из печати новый сборник стихов поэта Юргиса Бубенчикаса «Увядшие бутоны». Чтобы как можно глубже и детальнее проанализировать книгу, помочь читателям разобраться в ее художественных достоинствах и дать автору четкие ориентиры на будущее, редакция публикует два мнения известных критиков о вышеупомянутом сборнике.

* * *

Йонас Чивас

I. ПРОСТО И СВЕЖО

Ни в названии сборника «Увядшие бутоны», ни в самом сборнике не следует искать сложного отношения поэта к окружающей действительности. Впрочем, автор и не ставит перед собой такой задачи. Он, как певчая птичка, жаждет лишь воспеть то, что молодо, что растет, распускается, и вместе с тем погрустить о том, что вянет, стареет и никогда уже заново не расцветет... Лирический герой поэта с открытым сердцем принимает нынешний день, радуется тому, что «цве-

ток наконец распустил лепестки», и горюет, что «ветер срывает последний листок». Это традиционная, испытанная дорога нашей поэзии: наивными глазами ребенка взирать на окружающий мир и воспевать его — звонко, незатейливо, не оперируя хитрыми формами и не закручивая в путаный клубок нить мысли. Быть может, взыскательный читатель и не найдет в «Увядших бутонах» изобретательного ритмического рисунка или острых философских коллизий, зато сколько непосредственности, добротной, подлинной, невыдуманной непосредственности и незатейливой простоты, по которой все мы так истосковались, обнаружит он в строках поэта:

Страдает птичка: почему
Увяли вдруг бутоны?
С утра до ночи стоны —
Зачем? За что? К чему?

Пятрас Дивас

II. ЯЗЫК АССОЦИАЦИЙ

Уже само название сборника «Увядшие бутоны» символизирует внутреннюю противоречивость, нерешенные коллизии, а одновременно свидетельствует о том, что поэт настойчиво вторгается в самую суть несовместимых явлений, ища ответы на вечные «почему». Он повсюду усматривает подземный, глубинный пласт явления, ему мало лишь констатировать и воспевать. Утверждая, что «цветок наконец распустил лепестки», он как бы говорит, что человечество переживает еще одно воскрешение, а изображая, как «ветер срывает последний листок», он напоминает нам ту печальную истину, что каждому человеку предстоит неизбежное прощание с бытием...

Поэт не идет по пути «песенной ритмики». Его спокойная, на первый взгляд, строка таит в себе чувственно-импульсивную вибрацию, а художественный образ чреват противопоставлением контрастов. Чита-

тель, привыкший к прямолинейному способу выражения мысли, возможно, не сразу сориентируется в подземных, артезианских течениях, бурлящих в строках поэта. Но пусть он не поленится перечитать «Увядшие бутоны» второй, третий, четвертый раз — и перед его потрясенным взором раскроются многослойные философские перипетии, внутренняя конфронтация мысли, язык ассоциаций:

Страдает птичка: почему
Увяли вдруг бутоны?
С утра до ночи стоны —
Зачем? За что? К чему?

РУКОПИСЬ

Получила я письмо. Из архива.

«Уважаемый товарищ! Мы собираем материалы о писательском труде. Просим прислать свои рукописи. Их следует сохранить для будущих поколений... для исследования культурного наследия... для... Просим не откладывать... Наш адрес...»

Прочла — и в глазах потемнело. Замелькали передо мной рукописи. Вороха рукописей, кипы, груды, холмы, горы! Затолканные в мусорные ящики, укатившие на свалки, дымом поднявшиеся в небо...

Лихорадочно стала я рыться в ящиках письменного стола — не обнаружу ли какого-нибудь завалящего листочка, какого-нибудь драгоценного обрывка? Ворошила, копалась, все перешерстила — ничего. Так-таки ничего? Совсем ничего? Ни-че-го-шеньки!

И вдруг... Наконец-то! Вот. Исписанный лист. Аккуратный, неисчерканный — любо-дорого посмотреть. Буковка к буковке, слово к слову. Каждый увидит, что муза водила моим пером, не колеблясь, не оступаясь, не натыкаясь на стены и фонарные столбы. Такому документу самое место в архиве!

Однако... Гм, гм... А если кто посмотрит и скривится — тоже мне рукопись! Вылилось на бумагу, как сквозь дырявое сито, ни исканий, ни сомнений, ни трудов. Уж не плагиат ли? Толстой по сто двадцать раз... Бальзак... А Мериме, Мериме?!

Глянула я на свою работу другими глазами. Нет, такую чистенькую да складненькую рукопись в назидание потомкам оставлять нельзя. Ведь невесть что подумают. Разгладила листок на столе и прочла первую фразу: «Он зевнул и уснул за обеденным столом».

Он я зачеркнула и сверху надписала *некто*. Потом перечеркнула это *некто* и вместо него нацарапала *кто-то*. Зачеркнула и *кто-то*, вписала *этот тип*. *Этого* заменил *некий*, а его, в свою очередь, *один гражданин*, *гражданина* вытолкнул *человек*, который вновь превратился в *он* — свой исходный пункт. Таким образом над первым же словом вырос целый небоскреб перечеркнутых.

Теперь подошла очередь следующего — *зевнул*. Я заменила его на *раззевался*, *вздохнул*, *отдышался*, *глубоко и мерно задышал*, *откашлялся*, *закряхтел* и даже *засопел*. Союз *и* тоже не остался обойденным. К нему прицепила я *да*, заменила его на *да так*, далее — на *инда*. А слову *уснул* нашлось столько синонимов — от *задремал* до *дал храпака*, что их и девать было некуда. Воистину неисчерпаемы сокровища языка!

А тут еще всплыли в памяти рукописи Пушкина — на полях человечки в цилиндрах нарисованы, ножки женские, пистолеты... Поэтому сбоку я изобразила кактус, стиральную машину и череп с перекрещенными костями...

Отодвинулась от стола, взглянула на свою рукопись со стороны. Да-а, теперь есть на что посмотреть! Теперь любой профан поймет: чтобы хоть одно слово написать, надо пуд соли съесть! Даже до простейшего союза добираешься путаной, ухабистой, полной исканий, горьких разочарований, мучительных сомнений и радостных открытий дорогой. Грядущие поколения должны зарубить себе это на носу!

Однако моя творческая потенция как внезапно вспыхнула, так же внезапно и погасла (выдохлась, исчезла, увяла, сникла, кончилась, испарилась). Еще раз пробежала я глазами рукопись. Начало пестрело пяти- и девятиэтажными надстройками, пристройками, боковушками, балкончиками, мансардами — как сдаваемая внаем дача. А дальнейшее осталось девственно нетронутым. Так сказать, половину скоблили, а вторую и не колупали. В самый раз для будущих поколений!

Под рукописью я поставила дату: июль — ноябрь 1970 г., январь — июль 1974 г. А ниже: Друскининкай—Лондон—Дели—хутор Бумбуляй—Париж.

Вложила манускрипт в конверт, заклеила, и вдруг закололо сердце. Расстаться с такой ценностью?! Ведь сколько на нее вдохновенного труда затрачено, сколько поисков и находок с ней связано! Засунут архивисты в свои фонды, сгноят, мыши ее сгрызут... Нет! С такой рукописью люди должны познакомиться немедленно, теперь же! Особенно начинающие, молодые. Пусть узнают, как мы работаем. Как торим дорогу! Пусть хорошенько поразмыслят, прежде чем ступить на тернистую стезю творчества! Пусть идут собственным путем, ищут самобытную форму творческого наследия! Не плагиируют! О чем и предупреждает череп с перекрещенными костями!..

ПЛОХАЯ ЮМОРЕСКА

Мысль написать плохую юмореску пришла мне в голову не случайно — добротные мысли, как и хорошие вещи, на улице не валяются. Потребовалось немало времени, терпения и так называемых заботливых рук садовника, чтобы такая мысль проклюнулась, выросла и дала плод, которым я вас теперь и потчую.

«Ну и воображала,— скажет некий читатель,— неужто считает, что до сих пор не написала ни одной скверной юморески?» Отнюдь! Я прекрасно знаю, ува-

жаемый, что моя творческая кухня выдала достаточное количество подгоревших или недожаренных юморесок, однако раньше никогда не предупреждала тебя: поостерегись, братец, и прежде чем приняться за еду, то бишь, за чтение, реши — стоит ли, ведь эта юмореска — плохая! Но сегодня предупреждаю.

А теперь, положа руку на сердце, признайся: разве не является такой поступок автора рыцарским и даже достойным восхищения? Сдается мне, одно подобное заявление ценнее сотни отличных юморесок... Кое-кто, возможно, и посмеется над этим донкихотским поступком, как смеются, познакомившись с хорошей юмореской, а иной, глядишь, и разворчится, как некоторые не шибко прилежные работники ворчат на своего товарища по цеху, который слишком усердно работает на одном с ними конвейере. Да и где это видано, чтобы бракодел или целое производство объявляли во всеуслышание: «Берегись, потребитель, подумай хорошенько, прежде чем покупать наше изделие! Предупреждаем, что оно никуда не годится!» А я вот нарушаю неписанный закон...

Давайте-ка обратимся к живой природе, вспомним, что только сильные и бесстрашные особи, такие, как лев или тигр, прежде чем отправиться на охоту, оповещают об этом окрестности громким рыком. Не подумайте, что я тоже собираюсь охотиться на читателя, как делают это кое-какие мои коллеги, ошиваясь на литературных вечерах, а потом хвастая, что изголодавшиеся по книгам читатели их самих чуть не разорвали...

Вдумайтесь-ка, разве мое бесстрашное желание предупредить читателя, что перед ним слабенькое и несмешное произведеньице, не свидетельствует о моем превосходном профессиональном чутье и могучей творческой мускулатуре? А дело в том, что я твердо уверена: читатель, предупрежденный заранее, никуда от меня и от моей плохой юморески не денется, его теперь и силой не оторвешь от этого слабенького творения.

«Нет, ей-богу, она совсем одурела от высокомерия! — окончательно возмутится читатель.— Мало того что написала плохую юмореску, так еще и гордится этим и издевается надо мной!» Однако, прошу прощения, над кем же мне издеваться? Над львами, тиграми и прочими сильными мира сего? Ну уж нет, тогда моя плохая юмореска может превратиться в хорошую сатиру, за которую вышеупомянутые цари природы и без соли слопают автора... А что касается моей гордости плохой юмореской — то мало ли есть всяческих пускателей мыльных пузырей, которые вовсю рекламируют свою дутую продукцию, почему же мое плохое произведение не может распустить павлиний хвост?

Если даже моя юмореска будет обругана и опозорена, я все равно от нее не откажусь, не суну в корзинку, не выброшу на чердак: «Сгинь, мол, с глаз моих, недоносок, не желаю ни видеть тебя, ни слышать, только позоришь меня и мои хорошие юморески!» Нет-нет, это жалкое дитя моего пера точно так же дорого мне (говорю об этом не только в смысле гонорара), как и хорошие юморески, даже дороже, чем они, потому что те и без меня не пропадут, пробьют себе дорогу, втиснутся на книжные полки, а то и под прилавки полезут, а кто об этой бедняжке позаботится, кто протолкнет, подмажет, порекомендует?.. Так что, как видите, я честно выполняю свой долг — ведь топает к вам моя хромоножка не хуже, чем иной упитанный и достаточно посоленный юмористический рассказ...

И все-таки как легко и весело пишется, если заранее знаешь, что создаешь никуда не годное произведение!.. Перо так и летит, словно необузданный жеребец,— это тебе не тот хворый пегас, которому приходится мешками сыпать в кормушку кофе, чтобы вытянуть из него хоть одну приличную строчку... А тут ни черкать, ни шлифовать, ни языковые перлы отыскивать — отдаешься стихии пера и своей собственной непритязательной природе, и все дела. А почему? А потому, что создаешь произведение, такое же естественное, как лесной орех, лен, мех, дубовая доска,

пальто из натуральной кожи и прочие несинтетические вещи, цены и спрос на которые растут изо дня в день,— так, может, спрашиваю вас, станет расти и ценность моей естественной юморески? Ведь настоящий читатель должен рассуждать только так: «Первый раз в жизни вижу столь благородного и естественного автора, который честно предупреждает, что произведение никуда не годится. Ну скажите, разве может такой достойный и самокритичный писатель создать плохое произведение? Никак не может! Поэтому, если юмореска эта покажется мне никуда не годной, значит, я сам никуда не годный читатель, а так как таковым себя не считаю, значит, произведение хорошее, даже очень хорошее, почти шедевр!»

Но... вы только посмотрите: моя плохая юмореска уже подходит к концу! Право же, еще ни одна хорошая юмореска так складно не катилась к развязке, однако... стоп! Если у плохой юморески будет развязка, она уже не будет совсем плохой, она так или иначе станет законченным произведением, и дяди-критики смогут сказать, что «некоторые недостатки произведения искупаются хорошим чувством композиции и владением формой». Чтобы критики не дождались, что будут сведены на нет благие намерения автора написать пло... юморе...

КНИГА ОТЗЫВОВ

Молодой художник Кисточка организовал первый показ своих произведений.

Выставка открылась в небольшом зале. На видном месте, у окна,— симпатичный треугольный столик. А на столике — еще более симпатичная книга отзывов.

Уже в первый день не терпелось Кисточке раскрыть страницы этой привлекательной книги. Но он удержался. Решил, что прочтет отзывы только после закрытия выставки. Ведь книга должна была поведать ему всю правду о его зреющем таланте, не станешь же весь

день, навострив уши, бродить между посетителями!.. Как замечательно, что есть такая книга!

И вот выставка закрылась.

Кисточка присел к столику и, потирая ладонью левую половину грудной клетки, погрузился в чтение.

Первая запись была весьма сердитой:

«Почему нет ничего из жизни собаколовов? А. К.»

Зато вторая сулила весну:

«Выставка нам очень понравилась. Понравилось, как ловит рыбку рыбак и как доит коровку доярка. Желаем художнику и в дальнейшем так же красиво рисовать. Октябрята из школы-восьмилетки».

«Особенно понравилось мне,— ласкал сердце художника и следующий отзыв,— картина с уткой, плавающей в пруду. Сколько в ней экспрессии! Кажется, вот-вот водоплавающее нырнет в тину, и над прудом останется торчать только ее острая гузка, вокруг которой со звоном станут кружить синие стрекозы... Все в этом пруду дышит подлинной, невыдуманной жизнью. Если художнику, как этот пруд, удастся изобразить и наше стремительное время — его ждет большое будущее! С уважением — И. Бумбуляускас».

«Товарищ Бумбуляускас,— завязывался бутон дискуссии,— видели ли вы когда-нибудь, как выглядит настоящая утка? Советую вам сесть в автобус № 35 и проехаться до Зеленых озер. Там вы без труда убедитесь, что «водоплавающее», названное вами уткой, на деле является гусем! Не берусь судить о художественных достоинствах стрекоз, которые еще не прилетели на картину, но что изображен на ней гусь, подтвердит и младенец с пустышкой». Подпись неразборчива.

«Позор,— возмутилась следующая запись,— спорить из-за выеденного яйца и не видеть основного! Какое имеет значение — утка или гусь? Главное — содержание. Индивидуальная или коллективная собственность данная утка? Так следует ставить вопрос, тов. Бумбуляускас и другие!.. Слушатель Народного университета культуры Альг. Вимпилас».

Кисточка вытер вспотевший лоб.

«Если,— скрежетал зубами отзыв, помещенный ниже,— наши университеты культуры формируют такой вкус и такое отношение к искусству, как у слушателя Вимпиласа, то их необходимо немедленно закрыть и двери забить досками! Это уже не дилетантизм, это обскурантизм, оставшийся нам в наследство от давно ушедших времен! П. Каркус. P. S. Требую, чтобы этот мой отзыв довели до сведения министра культуры».

«П. Каркус! Поосторожнее с «измами»! Уж не тот ли ты самый П. Каркус, который своими отзывами доконал скульптора Кикилиса? Это следовало бы уточнить!»

«Неужели вы пришли сюда для сведения личных счетов? На выставках мы совершенствуем свои души! Гляньте в окно — какой прекрасный весенний пейзаж! А вы ругаетесь! Д. Дангуолите».

— Гляньте в окно! . .— простонал Кисточка.

«А все-таки в пруду не гусь, а утка! Где тот мудрец, который отправляет других на Зеленые озера? Съездил бы сам, кабинетная мышь!»

«Сам ты мышь, грубиян! Не марай книгу, если тебе не о чем написать! Рядовой посетитель».

«Братья! Не будем обижать друг друга, давайте-ка хладнокровно обсудим, какую все-таки птицу сунул в пруд художник Кисточка. Короткий клюв говорит о том, что это утка. Вызывает сомнения розовый глаз, более характерный для гуся. И не надо забывать, братья, что гуси предпочитают держаться поближе к берегу, где много лягушачьей икры. Предлагаю высказаться по этому поводу авторитетным специалистам сельского хозяйства. К-ене».

«К-ене, которая, как о том свидетельствует почерк, на самом деле — Керпене! Мне тебя жалко! Кончила сельскохозяйственный техникум, а устроилась в теплом гнездышке продавщицы, и вот результат: не можешь утку от гуся отличить. Гусь это, милая, живой гусь, которого ты на замороженного променяла. Бывший однокурсник».

«Однокурсник! А сам-то чего крутишься тут, в городе, если сельхозтехникум кончил, а?»

«Больше патриотизма, утятники и гусятники! Не забывайте, что ваши отзывы могут прочитать гости из других республик и даже из-за рубежа! Редактор стенгазеты «Радуга».

«Утка или гусь?.. Несколько столетий назад Гамлета мучила проблема: быть или не быть?.. В наш век человечество, как видим, «очень далеко» пошло: «утка или гусь»... Ха-ха-ха!»

«Гусь!»

«Утка!»

«Гусь!!!»

«Утка!!!!!!»

«Выставка великолепна. Картины впечатляют. Ощутимо влияние Рафаэля и художников нашего сатирического журнала «Шлуота». Группа заочников».

На этом отзывы кончились.

Кисточка перестал массировать грудную клетку и снова вытер пот. Захлопнув книгу, в которой столь заинтересованно обсуждают его дебют, и, пошатываясь, как пьяный, поплелся к картине, вызвавшей столько споров. Уставился на нее помутневшими глазами.

— О небо,— прошептал он,— неужели непонятно, что это лебедь?

ТАЛАНТ

Он шел по левому краю, шел на прорыв. Защитник, бросившийся на перехват, пал жертвой его натиска. Лихо снеся соперника, наш левый нападающий решил упасть сам. Однако, прежде чем приземлиться, он штопором ввинтился в воздух и, словно взметенный ветром кленовый лист, начал медленно планировать вниз, зажав левой рукой ребра под сердцем, а правой грозя поверженному врагу.

Ничком опустившись на зеленую травку, свернулся улиткой и замер. Долго не меняя позы, косился из-под левого локтя по сторонам, будто раздумывая, на какой бок упасть. Наконец мягко свалился на левый, пе-

рекатился через него и растянулся на спине, обратив к небу и судье лицо невинного страдальца и ошалевшие от нестерпимой боли глаза. Побелевшие губы приоткрылись, чтобы то ли проклясть противника, то ли шепнуть слова прощания с этой юдолью слез, но с них сорвался лишь глухой стон, а тяжело вздымающуюся грудь, потрясла конвульсия... Стадион замер.

Казалось, нет уже в мире сил, способных вернуть к жизни это ловкое и мощное тело, еще мгновение назад бывшее вместилищем здоровья и энергии. И все-таки ценой сверхчеловеческих усилий умирающему удалось приподнять голову и дать возможность глазам еще разок, последний разок увидеть зеленое поле и черную майку судьи. Прощайте! Голова безжизненно откинулась, тело охватила агония... И конец. Над молчащим стадионом беззвучно и скорбно поплыл траурный марш.

Но нет! Судорожно, как будто высвобождаясь из цепких лап небытия, дернулась левая нога, правая пятка заскребла землю, а из горла вырвался могучий львиный рык — так догорающая свеча, перед тем как зачадить и угаснуть, вспыхивает вдруг ярким пламенем...

И опять обмякло холодеющее тело. Только застывший взгляд был устремлен куда-то вдаль, где кончается футбольное поле и начинаются владения иного, неведомого живущим мира. На заострившееся, без единой кровинки лицо мученика легла посмертная печать скорби от незаслуженной обиды. Все!

А когда, после кончины, он осторожно приоткрыл левый глаз, чтобы убедиться, видела ли многотысячная толпа болельщиков и, главное, судья, как оборвалась нить его молодой жизни и назначен ли уже штрафной в сторону противника,— именно в этот момент около него опустился на колени пожилой респектабельный мужчина с благородной сединой.

— Я восхищен... потрясен... Это неповторимо! — горячо зашептал он, склонившись над самым ухом погибшего.

— Гм? — вопросительно гмыкнуло мертвое тело.

— Какое мастерство!.. Нет слов...— не унимался респектабельный.— Официально приглашаю вас к нам...

— В какой клуб? — деловито, но еще не обнаруживая признаков жизни, заинтересовался покойник.

— В драматический театр! Я режиссер. Нашей команде, то бишь труппе, как раз не хватает такого темпераментного игрока, актера трагического плана. Господи, как владеете вы телом! А мимика?! Какая гамма нюансов! Потрясающе! Вы — второй Лоуренс Оливье. Только вы способны воскресить к новой жизни творения Шиллера и Шекспира!

— А что я буду с этого иметь? — торопливо вопросил футболист, улавливая левым ухом шаги приближающихся санитаров.

— Все, что может дать сцена: вдохновение, счастье, овации, цветы, лавры...

— Что, что? — хихикнул игрок.— Топай отсюда, дяденька. Не смеши мои бутсы: не видишь разве — мне еще рано возвращаться с того света.

— Но... Такой талант!

— Топай, говорю! Не мешай!..— и он вновь испустил дух.

Режиссер развел руками и поплелся к скорбно молчащим трибунам. Подоспевшие санитары уже хотели было взвалить погибшего на носилки, однако тот внезапно воскрес, вскочил и, словно вспугнутый заяц, помчался к мячу.

Служитель Мельпомены проводил его полным безнадежности взглядом. Но вдруг как вкопанный замер на гаревой дорожке, глаза его загорелись восторгом открытия.

— Эврика! — прошептал он.— Эврика! Никаких творческих конкурсов, никаких просмотров; желаешь на сцену — постажируйся на футбольном поле! Вот где школа мастерства, вот где простор для совершенствования таланта! Сыграешь, как этот левый крайний,— добро пожаловать на сцену. Так и только так.

ВЕЧЕР ЮМОРА

Вечер шел своим чередом. Уже выступила половина участников. Стоя за кулисами, вполуха слушала я, как мои собратья по перу читают со сцены свои произведения, дожидалась очереди и думала об одном: удастся ли добиться нужного эффекта, сумею ли передать слушателям бодрое настроение, рассмешить их, втянуть в поток своих образов? На сцене стоял поэт и, размахивая руками, будто его донимали мухи, громко хохотал над своими «пегасами», «парнасами» и прочими выкрутасами. Публика вежливо помалкивала. А мою душу все сильнее охватывал страх.

Поэт откланялся. На сцену выскочил театральный комик. Это был неестественно оживленный пожилой человек со старательно запудренными морщинами на щеках и лбу. Неловко было смотреть, как он шалит и проказничает, будто мальчишка: от потуг казаться смешным лицо его выглядело еще старее, морщины — еще глубже. Все знали, что ему всего два года до пенсии и надо дотянуть любой ценой. Сочувствуя бедняге, зрители принужденно улыбались и сдержанно аплодировали. Когда раздались эти жидкие хлопки, меня просто паника охватила: ну и требовательный же пошел слушатель, разрази его гром!.. В гостях, за столом с хорошей закуской, ржет над самым плоским анекдотом, над глупейшим стишком. А тут? Тут он, видите ли, кровный рубль заплатил и на мякине его не проведешь!.. Эх!

Ведущий объявил мою фамилию, и у меня затряслись поджилки. Мимо проскочил в кулису старый комик. Он не выглядел огорченным, скорее наоборот, радовался, что отработал свой обязательный урок и теперь может спокойно стереть с лица пудру и пот...

Вот она — сцена!.. Какая огромная! Яростно пылают направленные прямо на меня прожектора. Внизу, за рампой, тьма-тьмущая на первый взгляд похожих друг на друга лиц. Но только на первый взгляд. Красивые прически, модная одежда, франтовские галстуки...

Уставилась на эти лица, а они на меня. И ждут. А я как под гипнозом — не могу оторвать от них глаз. Красиво причесанные — значит, не один час прождали и нанервничались в парикмахерских! Модно одетые — сколько же набегались, пока достали материю; сколько часов на портных угробили, сколько сил положили на этот приличный костюм!.. И все они, проведя день на работе, мчались домой, одевались, прихорашивались, толкались в автобусах, чтобы успеть сюда, на этот вечер... Ах, милые вы мои! Вы же как белки, которым на короткую минуту удалось вырваться из своего заколдованного колеса, чтоб передохнуть, отвлечься и вновь крутиться, крутиться... без конца... Так чего ж удивляться, что жаждете вы большого, настоящего смеха? Разве не заслужили?

Я подняла к глазам руку с испещренным буквами листочком бумаги, и тут мною овладели сомнения. Смогу ли дать слушателям то, чего они от меня так терпеливо ждут? А если нет? Это была бы уж слишком большая несправедливость! Я обязана, обязана оправдать их ожидания — иначе незачем и на сцену вылезать!

Нерешительно пожевала губами, намереваясь произнести первую фразу. Фу, какая же она плоская!.. Нет, не могу. Столько людей услышит! Где уж мне, если такой опытный комик, такой известный поэт... Но необходимо решаться! Сколько можно вот так, столбом стоять?

Открыла и снова закрыла рот. Глаза наполнились слезами. Буквы на листочке слились в пестрое пятно... И я поняла, что погибаю. Не оставалось ничего другого, как с позором покинуть сцену. Но как же так — уйти ни с того ни с сего? А если меня неправильно поймут, подумают, что удрала только со страха или от высокомерия? Нет, лучше уж пусть точно узнают, что у меня на душе.

— Вы все...— начала я,— все... так устали, намучились, пока пришли сюда!

Зал насторожился. Послышалось хихиканье.

— Столько пришлось в парикмахерских толкаться, столько по разным ателье ошиваться, чтобы у портных примерки дождаться! — срифмовала я полным слез голосом.

По залу прокатилась веселая волна смеха.

— Я и сама,— выставила вперед ногу в модной платформе,— сколько за спекулянтами походила, пока туфли эти ухватила... чтобы на сцену прийти, радость вам принести,— всхлипнула я.

Зал уже покатывался со смеху, кое-кто от удовольствия даже взвизгивал.

— Вы... мы...— с трудом выговаривала я сквозь схваченное спазмами слез горло,— мы... вы — словно белки, которым на мгновение удалось выскочить из колесоверчения, для минутного отдохновения, от забот отвле-ечения! Чтоб набраться сил для дальнейшего круговраще-ни-я! — в отчаянии заломила я руки.

Хохотали все, передо мной не было ни одного серьезного лица.

— И потому... заверяю вас всех... вы имеете право на смех... на большой и серьезный смех... который... исчез, как на грех!..— я горестно взмахнула своим листком и жалобно зарыдала.

Зал тоже зарыдал, только от смеха.

Какое-то время ревели мы в унисон. Это были неповторимые мгновения. О таких говорят, что они — величайшее вознаграждение творцу: иной всю жизнь проживет, так и не добившись их. А вот я — не ждала, не гадала... и сподобилась!

ТРУДНАЯ РОЛЬ

Кинорежиссер задумчиво рассматривает актрису, которую пригласил на роль доисторической женщины.

— Не стану скрывать,— барабаня пальцами по столу, говорит он,— роль довольно непривычная и трудная. Придется крепко поработать, пока удастся влезть в шкуру первобытного существа... Женщина вы эман-

сипированная, окруженная удобствами, бытовой техникой... Приходила ли вам когда-нибудь в голову мысль о том, как жилось вашей, скажем, доисторической прабабушке?

— С чего бы?..— пожимает плечами актриса.

— Вот видите... А теперь давайте попробуем сыграть этюд, поимпровизировать.— Режиссер прикрывает ладонью глаза.— Значит, так... Предлагаемые обстоятельства: утро... звонкие голоса птиц... шелест дикого леса... В пещеру проникает косой луч восходящего солнца... Вы просыпаетесь... Что делаете?

— Бросаюсь одевать детей, убирать постели, готовить завтрак, мыть посуду, искать мужу чистую рубашку.

Режиссера передернуло.

— Вы меня плохо поняли,— едва сдерживая гнев, цедит он,— я говорю не о вас, не о вашем утре, а об утре доисторической женщины! Зачем убирать постели, если все спят на шкурах? Так вот слушайте: она просыпается, потягивается, встает и выбирается из пещеры, на ходу расчесывая пятерней копну спутанных волос. Этаким манером,— и режиссер, растопырив пальцы, прошелся по своей лысине.— Вылезла и бредет по росистой траве к речке. Зовет детей, те бегут к ней...

— В ночных рубашках? Босиком?

— Не сомневаюсь — по истории у вас была двойка,— иронически усмехается режиссер.— Доисторические дети бегали нагишом, ну, в крайнем случае, набросив звериную шкуру... Итак, они лезут в воду, черпают ее в пригоршни, пьют...

— Сырую? Прямо из реки?! — ужасается актриса.— Ни за что не позволила бы своим детям...

— Господи,— стонет режиссер,— но ведь это доисторическая, доисторическая и еще раз доисторическая речка! Ее вода чище, прозрачнее хрусталя!.. Да... Итак, все напились, дети остаются на берегу ловить форель, а вы?

— Я?.. Беру большую сумку...

— И отправляетесь в магазин? — Его ирония все явственнее превращается в сарказм.— Думайте, что говорите! Какие могут быть сумки в доисторические времена?.. Так куда вы идете с реки?

— Иду? А, ну конечно, иду на кухню готовить завтрак!

— Опять двадцать пять! Может, вы считаете, что в пещере установлена газовая плита? — Он совсем теряет терпение.— Зарубите себе на носу: доисторические люди ели всего один раз в день — сырое, сушеное или жаренное на костре мясо!.. Так вот: с речки вы идете в лес. По пути подбираете несколько ягод, срываете с деревьев фрукты и внимательно прислушиваетесь: не возвращается ли муж, так как, проснувшись на рассвете, обнаружили, что его ложе еще пусто...

— Ах, так! Понятно,— кивает актриса.— Это я смогу прочувствовать.

— Что вам понятно? — подозрительно вопрошает режиссер.

— Что мой благоверный прошатался где-то всю ночь,— охотно объясняет актриса.

— Доисторический муж,— хрипит режиссер,— с раннего утра на охоте, ибо его первейший и священный долг — прокормить семейство! Это вам понятно?!. Так на чем мы остановились?.. Из леса выходит муж. Он устал. На его мускулистых плечах — убитая косуля, несколько фазанов, куропаток. Конечно, как и положено мужчине, с охоты он возвращается...

— На четвереньках,— радостно перебивает его актриса.

— Я говорю не о человекообразной обезьяне,— режиссер с ней не согласен.— Я толкую о мужчине неолита, или позднего каменного века! Он возвращается с добычей, женщина прыгает от радости, а мужчина сдирает с косули шкуру, потом трет палку о палку, чтобы развести огонь, и, поев, отправляется с детьми бортничать, или долбить лодку для рыбной ловли, или шлифовать о камень новый кремневый наконечник для копья, а жена...

— Достаточно,— внезапно перебивает актриса.

— Что такое?

— Я... я вижу, что вы были правы. Эта роль для меня слишком трудна. Я боюсь...

— Не надо сразу падать духом,— снисходительно успокаивает режиссер.— Хотя и нелегко влезть в шкуру первобытной женщины, но если упорно поработать...

— Вы неправильно меня поняли,— спокойно объясняет актриса.— Я боюсь, что после этой роли мне будет слишком трудно влезть в шкуру современной женщины!..

КАРТИНА

— Хотелось бы приобрести у вас картину,— сказала я художнику, входя в его мастерскую.— Мечтаю повесить на стенку ценное произведение искусства.

Художник, как видно, с головой ушел в работу, однако, услыхав мои слова, немедленно отбросил кисточку в сторону и предложил мне стул, предварительно смахнув с него рукавом пыль. Это мне понравилось: у настоящих художников и должны быть такие рукава и такая пыль. Уселась, положила сумочку на колени и оглядела студию. Замызганные, в пятнах краски стены, увешанный паутиной потолок, залатанное старой палитрой окно — ничего не скажешь: все, чему положено быть у настоящего художника! Неплохое впечатление производил и сам хозяин: хотя и молод еще, но в бороде седые пряди, из нагрудного кармашка торчит длинный мундштук, на ногах мягкие, с отворотами, собранные гармошкой сапоги... Вот только почему-то без черной бархатной куртки. А я, признаться, просто не в состоянии была представить себе настоящего художника без черной бархатной или хотя бы коричневой замшевой куртки. Кроме того, всегда считала, что истинный художник должен жить и работать не в какой-то низенькой комнатенке с радиаторами и

окном, выходящим во двор детского сада, а в высокой мансарде, где весело потрескивает богемная печурка-буржуйка, а из окна открывается неповторимый вид на набережные Сены, то бишь, прошу прощения, реки Нерис...

— Что же вам по душе? — поинтересовался художник, устанавливая передо мною пустой мольберт.— Пейзаж, натюрморт, фигурная композиция?

Вопрос не застиг меня врасплох. Перед тем как явиться сюда, я проконсультировалась с неким представителем творческого мира, настоящим авторитетом: он носил не только замшевую куртку, но и черную бархатную беретку, надвинутую, как и положено в их мире искусства, на барабанную перепонку правого уха. Именно он и подал мне мысль украсить свой интерьер оригинальным полотном. Забежав как-то ко мне с компанией выпить кофе — я, как нарочно, не нашла ни единого зернышка — он критически обозрел мою квартиру и стал объяснять своей свите: «Перед вами типичный мещанский интерьер. Четыре серые стены — и ни единого оригинального штриха» — «Какого еще штриха?» — удивилась я. «Оригинального произведения искусства,— втолковали мне.— С такими голыми стенами теперь стыдно и на люди-то показываться. Кофе, учти, нынче в каждом магазине навалом, а ценные полотна — мигом расхватывают!» — «Если так,— отвечаю,— то, наверно, в твоем собственном интерьере до черта этого кофе, то бишь оригинальных штрихов, надо бы забежать к тебе со своей компанией, поглядеть».— «В моем? — нахмурился он и натянул берет на глаза, как купальную шапочку.— Я же постоянно шныряю по миру искусств, зачем мне собственные штрихи?.. А вот тебе,— благосклонно добавил он,— тебе порекомендую молодого, но дьявольски перспективного художника. Беги к нему, пока не поздно, и хватай оригинальное полотно. Такое, которое художественно ценно. И только для его кисти характерно. А также крайне необходимо для твоего интерьера!».

Так что, как я уже говорила, вопрос не застал меня врасплох.

— По душе мне,— ответила я, пощелкивая сумочкой,— оригинальное полотно. Ценное в художественном отношении. И только для вашей кисти характерное. А также крайне необходимое для моего интерьера... А... это что за штрих? — уткнулась я глазом в фаянсовую композицию на подоконнике.

— Это,— вполголоса ответил он,— кофейник. Может?..

— С удовольствием выпью чашечку,— не отказалась я, и он скрылся за фанерной перегородкой, чтобы сварить кофе. Вскоре оттуда донесся стук падающей табуретки, звон бьющейся посуды и тихое короткое ругательство. Это мне понравилось: именно так и должно быть у настоящего художника, пусть он и не в замшевой куртке или бархатном берете...

Кофе был не слишком вкусным, но крепким. Пока я прихлебывала его, художник притащил картину и водрузил на мольберт. Насколько я понимаю, это был пейзаж: жнивье, ворона и копна. Жнивье как жнивье, копна как настоящая, ворона как живая. Но ценные ли? Характерные ли для его кисти? И главное: так ли уж необходимы они для моего интерьера? Я закрыла глаза, вбила в серую стену своей квартиры гвоздь и повесила это жнивье. Потом отошла на несколько шагов, открыла глаза... Э, таких ворон у меня за окнами дополна, случается, все небо черно от таких, извините за выражение, штрихов... Поэтому я недвусмысленно отвела глаза от мольберта.

Художник снял картину, поставил другую: на столе резной деревянный боженька и ваза. Скульптура трухлявая, наверно, характерная. Ваза голубая. Может, и ценная. Но стол?.. Примерно такой самый я еще в позапрошлом году выставила из своего интерьера в подвал... Поэтому без малейших угрызений совести я снова отвела глаза в сторону.

Тогда художник выволок с антресолей третью картину — такую большую, что ему пришлось тащить ее, согнувшись в три погибели. И неудивительно — в деревянной раме, от края до края плескалось озеро. Ну уж таких-то озер я насмотрелась всласть: для литов-

ского пейзажа они довольно характерны, но с точки зрения купания никакой ценности не имеют: не дно, а сплошной ил, того и гляди засосет тебя вместе со всеми штрихами... Поэтому я снова была вынуждена отвести глаза.

Когда художник затаскивал картину обратно, по его виску скатилась струйка пота и затерялась в непроходимых зарослях бороды. Я порылась в памяти в поисках мужчины, который ради меня пролил хотя бы каплю пота, однако не нашла такового, и у меня от удовольствия учащенно забилось сердце: разве не новый штрих в моей биографии?.. Устроилась поудобнее, уютно расположившись на стуле... На четвертой картине был изображен переулок Старого города. Я знала его как облупленный: там, за углом, довольно приличное кафе. Так что, дело ясное, в произведении опять не содержалось никакого оригинального штриха, и мне снова пришлось коситься в сторону. На пятой картине — тот же переулок, только с аркой. На шестой — та же арка, но уже без переулка. На седьмой — другой переулок, только без той же арки. На восьмой — другая арка, только с тем же самым переулком... Мои глаза так напереулились, то есть наперекосились, что от утомления стали закрываться.

— Это... цикл? — осведомилась я, через силу пялясь на тринадцатый переулок без девятой арки.

— Цикл,— подтвердил он, выставляя девятую арку без четырнадцатого переулка.

— Если это цикл, то мне хотелось бы...

Он прямо-таки перегнулся пополам, стремясь не пропустить мимо ушей мое желание. Я вновь порылась в памяти, пытаясь обнаружить там мужчину, которого интересовало хотя бы одно мое желание, и снова никого не нашла — вот вам и второй оригинальный штрих в сером интерьере моей биографии!

— ...мне хотелось бы еще одну чашечку кофе.

Художник замер перед кофейником, вцепившись обеими руками себе в бороду, словно собирался вырвать ее. Хотя моя память превратилась в разворошенный кротами луг, я так и не извлекла из нее ни едино-

го мужчины, готового ради меня вырвать хоть волосок, а уж чтобы всю бороду!.. Нет, о таком прекрасном штрихе для своей биографии я никогда и не мечтала!..

Тем временем за фанерной перегородкой послышался знакомый грохот, звон и тихое, на сей раз некороткое ругательство. Это мне, разумеется, понравилось, однако кофе уже был не только не вкусным, но и не крепким. У меня возникло сомнение: так ли все должно быть у настоящего и тем более перспективного художника, даже если он не облачен в куртку из настоящего бархата?..

Теперь он принялся таскать и ставить вдоль стен по несколько картин разом. Пейзажи громоздились на пейзажи, фигурные композиции наталкивались на фигуры из других композиций, а один натюрморт подкрался столь близко к моей сумочке, что мне пришлось сунуть ее за пазуху. Однако художник не переставал устанавливать все новые и новые полотна, пока я с волнением не заметила, что они берут меня в кольцо. И самое странное: чем больше картин он приносил, тем менее ценными и характерными для его кисти казались они мне, а уж для моего интерьера и вовсе излишними. Даже не роясь в памяти, я вспомнила, как однажды посетила зарубежную страну, а там, как и положено настоящему туристу, отправилась в пеший круиз по магазинам. И дернул же меня черт в одном из них ткнуть пальцем в какую-то ткань. Вмиг подскочили продавцы и принялись выкладывать и громоздить передо мной рулоны такой же и подобной ткани, да так завелись, что вскоре выросла целая гора. Меня прошиб пот, потом охватил страх, наконец пронзило подозрение, что под этой горой собираются похоронить не только меня, но и все мои девяносто пять пфеннигов!.. Я и сейчас вижу, как выскакиваю, словно обожженная, в двери, как несусь, будто гонится за мной стая шакалов, несусь через какой-то там плятц, потом по штрассам, потом по переулкам с арками и без арок, пока не упираюсь в прилавок своего родного универмага и, лишь получив хороший пинок от продавщицы, успокаиваюсь...

— Ну как? — оборвал цикл моих воспоминаний художник, закончив воздвигать вокруг меня полотняный бастион.

— Это... все? — очухавшись, огляделась я по сторонам.

— Все! — ответил он, гордо подбоченясь.

Такая поза, конечно, произвела бы немалое впечатление на фоне черного бархата и набережных Сены, однако одних пыльных стульев и сапог в гармошку ей было явно недостаточно.

— Если это все, то мне хотелось бы...

— Кофейник,— он не дал мне закончить,— разбился в куски!

Нет, ей-богу, штрихи уже не умещались в биографии — еще и кофейник ради меня раскокал! Единственная фигурная композиция, ценность которой не вызывала у меня сомнений, и та испарилась!.. Внезапно вокруг стало серо и пусто; одна-одинешенька очутилась я в грозном окружении картин... А ведь признаться, совсем иначе представляла себе покупку картины! Я представляла себе, что в студии, то есть, прошу прощения, в мансарде с видом на Сену, то бишь Нерис, застану целую толпу покупателей и одну-единственную ценную картину, которую выдадут мне через заднюю дверь и которую я под ропот ротозеев-ценителей победоносно уволоку домой. А на деле все наоборот: целая куча картин, а ропщу лишь я одна... Так вот почему стул покрыт пылью: до меня на нем, чего доброго, не сиживал ни один покупатель... Я зажмурилась и одним рывком выдернула из стены своей квартиры гвоздь. Потом вкомпоновала самое себя в пустой интерьер: в черном бархатном берете, в коричневой замшевой куртке, с впечатлениями из Латинского квартала — и тут поняла, что это и будет тем оригинальным штрихом, которого так не хватало всему моему интерьеру и биографии. Поняла я также, и куда подевалась толпа покупателей: высунув языки, бегают они в поисках бархата, замши, ценных ваз, путевок на набережные Сены... Они бегают, а я сижу, считаю арки и ловлю ворон! Решительно поднялась

рокко или носить очень мятые штаны, у него могут быть моржовые усы или даже глуповатое выражение лица — автор все простит ему, лишь бы он никоим образом не походил на Шерлока Холмса (и зачем занесло его в детективный жанр?!). Сыщику дозволяется обладать любыми человеческими слабостями, однако — заметьте это себе! — не родился еще такой сыщик, который взял бы да и не выследил всех преступников до единого. Э, нет, такого не бывало и, будьте уверены, никогда не будет в детективной литературе! Автор скорее позволит, чтобы его самого утопили в ванне, укокошив предварительно кочергой, чем разрешит своему герою навлечь на себя подобный позор! И пусть иногда сыщику удается напасть на след преступника еще в первой главе, но про это, упаси боже, не должны знать ни читатель, ни преступник, ни даже сам автор, хотя последний делает вид, что информирован лучше всех.

Еще одной характерной особенностью обладает главный герой детектива — он непроницаем, непромокаем, непробиваем, непрокусаем... Нет такого романа, на страницах которого сыщик не рискнул бы отправиться в самое логово преступников. Ах, с каким спокойствием вытирает он ноги о коврик у входа и вешает свою шляпу, как хладнокровно усаживается в непредложенное кресло и до тех пор смакует свою смелость и распространяется о барокко, пока окончательно выведенный из терпения кровопийца не выхватывает пистолет и не нажимает на курок... Пардон! Оказывается, наш сыщик уже успел заменить боевые патроны на холостые. Когда? Тогда.

Далее. Сыщик наш благородно одинок и равнодушен к жизненным благам. За исключением упомянутых уже рюмочки мартини или бифштекса с кровью, домогается он единственного вознаграждения: лишь бы читатель, проглотив последнюю страницу книги, молитвенно сложил руки и прошептал: «Клянусь, во всей детективной литературе не случалось мне встречать более проницательного сыщика! Какой ум, какой глаз, и еще двух волнистых попугайчиков дома кор-

мит!.. Ей-богу, довелось бы нам посидеть за одним столом — с удовольствием поставил бы ему целую бутылку мартини,— правда, если бы он, хитрец этакий, помог мне добыть мартини в некоем магазинчике, хе-хе...»

Однако заявить, что у нашего героя все идет как по маслу,— язык не поворачивается. Задачи у него и вправду нелегкие, я бы даже сказала, многоступенчатые. Если бы только и было делов — выявить преступника. Где там! Идя по горячим следам убийцы, он в то же самое время должен доказать, как глупы все остальные полицейские, сыщики и прочие столпы криминалистики, которые постоянно болтаются у него под ногами, лезут со своими бездарными версиями, путают карты. Согласитесь, что обвести вокруг пальца всю эту армию профессионалов и впрямь дело не шуточное (теперь вам понятно, почему нашему сыщику порой некогда выгладить брюки?).

И это еще не все. Обводя вокруг одного пальца профессионалов, вокруг другого сыщик должен обвести читателя (ясно теперь, почему у него глуповатое выражение лица?). Опаснее всех тот читатель, который, едва раскрыв книгу, стремится опередить сыщика, разнюхать раньше его, кто преступник. Этого простака читателя столь часто обводят вокруг пальца, ведь он и в барах, и на базарах, и в ателье индпошива, и там, где пиво без долива, и в химчистках, и в столовых — вечно ходит в бестолковых. И вот, открыв роман, он жаждет взять реванш хотя бы здесь: перехитрить кого-то, порадоваться вещичке, которая называется «самоутверждением». Поэтому сыщик вынужден все время расставлять ловушки, в которые читатель то и дело попадает и долго барахтается там, прежде чем ему удается выпутаться. Конечно, искушенный читатель не клюнет на дешевую наживку, не поверит, что убийца — тот самый тип, который ходит в галстуке жертвы или у которого на подкладке пиджака кровавые пятна, или что преступница — раскрашенная девица с дымящимся револьвером под подушкой. Опытному читателю сразу ясно, что Гаррисо-

на убил кто угодно, только не личность с окровавленной подкладкой и не девица с дымящейся подушкой. Это в конце концов понимает и сам сыщик, самолюбие его так ущемлено, что с досады он стирает с лица романа обоих подставных лиц, да с таким остервенением, что от них и мокрого места не остается. Напустив на физиономию выражение еще более глупое, он расставляет еще более коварные силки: уж в них-то читатель в конце концов обязательно вляпается! И тот, увязнув одной ногой в хитрой петле, скачет на другой к телефону.

— Слушай, Йонас,— пьянея от восхищения своей проницательностью, захлебывается он,— я насчет того детектива, который ты расхваливал, слушай: я только на двадцать шестой странице, но уже все раскусил. Да, да! Гаррисона убил О'Шор, тот, что в красной жилетке и с крашеными усами... Как некрашеные?.. Это же надо!.. Но, жилетка-то уж точно красная, правда?.. Так, слушай, слушай! Тот, кто в жилетке, и есть убийца! Представляешь — только начал, до половины еще не дошел, а все как на ладони. Бросить, что ли? Неужто до конца мусолить?.. Ах, не тот в жилетке?.. Это же надо!.. Тогда, может, Джефри, помнишь, как он вздрогнул, когда Пуаро заметил, что пахнет мертвецом?.. Ну и ладно, не говори; все равно через пару страниц найду, разве не помнишь — только я один сообразил, куда наш шеф ключ от сейфа засунул... Ха, говоришь, отгадал, кто убийца, уже на шестой странице?.. Ну, если ты такой мудрец, то, может, отгадаешь, с кем твоя благоверная проводила время восемнадцатого августа прошлого года, когда ты в санаторий ездил?.. Ладно. Приметы такие: усы у него тоже некрашеные, потому что он вовсе без усов... Усек? Всего хорошего!

Отомстив зазнайке Йонасу, читатель наш снова ныряет в роман. Теперь для сыщика наступают черные дни: все его ухищрения, все ловушки напрасны, читателя охватил скептицизм, он даже позволяет себе фыркать на мятые брюки сыщика, пропускает абзац с его рассуждениями о красотах барокко, и, чтобы

как-то вернуть себе его расположение, сыщик вынужден вести его в ночной бар, где они слушают шансонетку, любуются сценой драки, а если и этого мало, то вместе пробираются в винный погреб, принадлежащий одному знатному сэру, где со времен короля Эдуарда хранится некая бутылка, и читатель получает возможность стереть с нее пыль веков... Ну, а если и этого ему недостаточно, так сыщик тащит скептика к дочке банкира (подозреваемого в убийстве), юному, очаровательному существу (подозреваемому в убийстве), и она так искренне, во всех подробностях рассказывает о своем неверном любовнике (подозреваемом в убийстве) и о своей нехорошей мачехе (подозреваемой в убийстве), и пока она делится с ними своими горестями, грудь ее взволнованно вздымается, глаза наполняются слезами, а главное, юная леди и слышать не желает ни о каком барокко — так что сердце очерствевшего было читателя наконец смягчается... Сыщик же только этого и ждет: трах-бах — снова пара жутких убийств, под подозрением все персонажи до одного! Все смешивается! Но дело идет к концу, пора приступить к развязке, и лишь тут на свет божий извлекается действительный виновник всех убийств: какой-то заспанный джентльмен, мельком упомянутый на нескольких страницах в начале романа... Однако соблаговолите припомнить, как странно бросил он спичечный коробок Гаррисону... И ведь отпечатков только его пальцев не было на кочерге, которой убили жертву! Что еще нужно для разоблачения убийцы? То-то! Так что не ловите ворон, читая детектив... пардон. И читатель, поняв, что его снова провели, что вновь посмеялись над его стремлением помочь правосудию, с горечью захлопывает роман. А ведь ему, читателю, так немного было нужно — лишь одно: чтобы, дав ему закрыть последнюю страницу, сыщик (и автор), молитвенно сложив руки, прошептали: «Клянусь, еще никогда не было у меня такого сообразительного читателя! Какой ум, какой глаз, и еще сам две полки дома смастерил!.. Ей-богу, если бы оказался он поблизости, я бы не прочь распить с ним

бутылочку мартини, конечно, ежели бы он, хитрец, сумел раздобыть ее в некоем магазине без моей помощи, хе-хе...»

Впрочем, существует читатель и другого толка. Этот и бровью не шевельнет, чтобы помочь сыщику обнаружить преступника: по его мнению, сэр Моррисон (или Гаррисон) может плавать в ванне хоть сто лет вместе со своими орфографическими ошибками. Этот читатель рассуждает так: «Сыщику платят деньги, чтобы он ловил преступника, а мне за это никто ничего не платит, напротив, с самого за книгу содрали! Так пусть сыщик и работает!» В самом захватывающем месте такой читатель может спокойно оторваться от романа и пойти хлебать щи — в то время как сыщик столько раз отрывался от недоеденного бифштекса, чтобы нащупать очередной след преступника!.. Нет, такого читателя сыщик не любит и терпит его исключительно ради тиража, и уж во всяком случае за один стол с ним он не сел бы, потому что от подобного жмота и газировки-то не дождешься, а уж мартини... пардон.

Так что нелегкая у сыщика доля, многоступенчатая, как тут уже говорилось. Но зато грандиозна и его победа: читатель, который, обнаружив у своих дверей жертву насилия и преступника со всеми уликами, тут же повернулся бы и удрал быстрее зайца,— этот самый читатель, словно заведенный, без устали гоняется за всеми подозреваемыми в убийстве какого-то неведомого ему сэра Гаррисона. Ну, скажите, встречалось ли вам большее чудо? После всех этих погонь и схваток человек обретает столь великое самоуважение, что начинает требовать в парикмахерской чистое полотенце, а в магазине — недоданную сдачу! Потерпев поражение и тут, осмеянный и обруганный, направляется он в библиотеку за следующим детективом, чтобы снова грудь в грудь схватиться с обидчиками очередного мистера Ричардсона... Да, автору, имеющему такого читателя, и впрямь можно позавидовать!

ИГРА СТАРОГО ПРОФЕССОРА

Детективная история

Я знакома с одним пожилым ученым. Профессор как профессор: прекрасно разбирается в своей узкой области науки, однако имеет странную слабость — без конца играет в одну и ту же игру.

Дело в том, что он питает нездоровый интерес к детективам. Стоит появиться новому детективному фильму — глядь, профессор, забыв обо всем на свете, бежит в кино. Усаживается. Надевает на нос очки. И, повернувшись к соседу, предлагает:

— Хотите пари? Предсказываю: мы увидим на экране старого профессора, который прекрасно разбирается в своей узкой области науки, но абсолютно оторван от жизни. Его наивностью воспользуются в своих преступных целях какие-то подлецы, и они же укокошат его, ударив тупым предметом по затылку.

И профессор выигрывает пари.

Вернувшись домой, он закутывается в плед и устраивается в старинном кресле перед телевизором: на голубом экране только что начали демонстрировать новый многосерийный детектив.

— Эй,— предлагает домашним профессор,— спорим, что тут обязательно будет замешан старый профессор, знающий только свою узкую область науки и потому абсолютный профан в простейших жизненных ситуациях. Его обведут вокруг пальца иностранные шпионы, и он, слишком поздно прозрев, выпрыгнет в окно, чтобы разбить свою седую голову, знакомую лишь с узкой областью науки.

Профессор и тут выигрывает.

Тогда он придвигает кресло поближе к торшеру, набрасывает на плечи второй плед и раскрывает толстый детективный роман.

— Так-так,— мурлычет он самому себе,— сейчас мы найдем здесь старого профессора-коллекционера, который ни в чем, кроме своей узкой области науки и коллекции, не разбирается. И конечно, к нему в дом

проникает контрабандист по кличке Профессор. Старика заколют спицей в шею, коллекцию похитят и...

И профессор снова оказывается прав.

Но не может на этом успокоиться.

— Что ж,— бормочет он себе под нос, раскрывая свежий журнал с началом длинного детектива,— готов дать голову на отсечение, что и здесь дело не обойдется без старого и, конечно, наивного, как грудной младенец, профессора, который изобрел лучи необычайной силы. Хитрые негодяи выманят у него секрет этого изобретения, чтобы использовать на погибель человечеству, а профессор-сосунок или утопится, или его сунут прямо в акулью пасть.

Что и говорить, он и тут не ошибся!

Но ему все мало.

— Готов поставить сто против одного,— спорит он уже в театре, хотя занавес едва открылся,— что сейчас мы познакомимся с политическим недотепой, носящим профессорское звание. В мрачные годы оккупации он продолжает заниматься лишь своей узкой областью науки и потому не замечает скрывающегося у него под носом раненого подпольщика, которого будет прятать и выхаживать всесторонне развитая профессорская дочка. Свою ошибку старик поймет, разумеется, лишь тогда, когда, схваченный врагами, загремит вниз головой в глубокий колодец...

И старый профессор снова выигрывает пари.

Не утерпев, я спросила: как это получается, что он, прекрасно разбираясь в своей узкой области науки и потому, по идее, всесторонне близорукий, в данном случае столь прозорлив?

Профессор таинственно и печально усмехается.

— Дело в том,— помолчав, отвечает он,— что меня, старого и, за исключением узкой области науки, всесторонне близорукого профессора, время от времени посещает молодой и, благодаря своим обширным познаниям в области детектива, всесторонне зоркий автор.— Старый профессор пугливо озирается по сторонам и шепотом добавляет:— У меня, видите ли, как и у тех бедняг из романов и фильмов, есть красави-

ца дочка. А молодой автор детективов влюбился в нее и состряпал мне внука...— Старый профессор тяжело вздыхает и снова с опаской озирается.— Однако до тех пор,— чуть слышно шепчет он,— пока в мой дом не проникнет иностранный шпион и не обведет меня вокруг пальца, не использует для своих злодейских целей, а потом не завлечет в подземелье старого замка и не задушит, и пока этого вражеского агента не схватят, а меня, конечно, уже испустившего дух, не извлекут из подземелья, и пока молодой автор не напишет на эту тему сценария для многосерийного фильма и не получит за него гонорара,— до тех пор он на моей дочери не женится...

Профессор начинает всхлипывать и, вытащив из-за спины третий плед, накрывает им себя с головой, чтобы я не видела его горючих слез.

Но тут, о чем-то вспомнив, он вдруг сбрасывает все три пледа и предлагает:

— Хотите пари?

Но я отказываюсь: старый профессор все равно выиграет.

КАК ПЕКУТ ХЛЕБ

...Под конец литературной встречи поэт Ржанис прочитал цикл своих стихов, славящих хлеб: корка у него поджаристая, от ломтя идет пар, и пахнет хлеб пашней, и звенит жаворонками, словно маленький земной шар — этот серый хлебный каравай,

из нашего пота выросший
на нашей ладони мозолистой.

Ржанис читал хорошо: частично наизусть, не бубня нараспев и не раскачиваясь из стороны в сторону, как некоторые его собратья по поэтическому цеху. Особенно выразительно произнес он «идет пар», слушателям даже почудилось, что где-то — скорее всего,

в локомотивном депо — со свистом вырывается струя пара.

Поэту вручили три белые розы, и он сел, смущенно опустив глаза и утомленно улыбаясь.

Позже, в банкетном зале, когда Ржанис, замученный поклонниками, отошел от стола к открытому окну и его вдохновенный профиль четко вырисовывался на фоне вечернего зарева, к уединившемуся поэту приблизился незнакомец с тарелкой в руке.

Встал рядом и грубовато спросил:

— А вы когда-нибудь видели, как его пекут, хлеб-то?

Ржанис выдохнул табачный дым и медленно повернулся к незнакомцу.

— Не понимаю вашего вопроса.

Человек поставил тарелку с винегретом на подоконник и упрямо повторил:

— Доводилось ли вам видеть, как пекут хлеб?

Поэт вновь повернулся в профиль к зареву. Но чуткая его душа дрогнула: а не расставляет ли этот тип ему сети, не готовит ли ловушку? Однако Ржанис ответил настырному вопрошателю спокойно и даже с оттенком иронии:

— Странный вопрос.

— Может быть, он не покажется вам таким странным, если я представлюсь.— Наглец протянул руку: — Старший инженер-технолог фабрики хлебобулочных и макаронных изделий.

«Макаронные изделия» неприятно царапнули изысканный слух поэта. Все же он пожал протянутую руку и, давая понять, что разговор окончен, пошел было прочь.

— Меня, как знатока хлебо-макаронного дела,— не отставал инженер,— очень взволновало ваше внимание и уважение к хлебопекарной промышленности. Не согласились бы вы посетить нашу фабрику, посмотреть, как изготовляются макароны?..

— Бога ради,— не выдержал поэт,— хватит об этих макаронах!

— Простите,— поспешил извиниться инженер.— Так, может, согласитесь посмотреть, как пекут хлеб?

Поэту стало ясно — предчувствие не обмануло: его заманивают в ловушку, в большую ловушку, пытаются поймать на макаронно-хлебную приманку, чтобы выставить на всеобщее осмеяние. Как пекут хлеб, он, конечно, не знал...

— Предложение заманчивое,— уклончиво ответил он,— однако завтра я уезжаю.

— Мы пришлем за вами фабричную машину... с самого утра... вы потратите всего час... полчаса...

— К сожалению, утром у меня запланирована встреча с местными литераторами,— солгал Ржанис.

Инженер схватил со стола ломоть хлеба и, соблазняя, повертел его в руке:

— У нас новые печи-автоматы!

— Поздравляю! — сказал поэт.

— Какие печи! Произведения искусства!

— Похвально.

— Когда вынимаем продукцию, пар клубится, как туман в поле.

— Охотно верю.

— В окошко печи видны сотни, тысячи буханок — золотистых, пышных, аппетитных...

— Увы...

— А закваска теста?!.

— Нет.

— А технология поджаривания корочки?!

Поэт промолчал. Он сделал вид, что о чем-то спрашивает соседку. И все-таки настороженно прислушивался к бормотанию инженера, наблюдая краешком глаза, как тот упрямо топчется рядом. Потоптался, потоптался, положил назад ломоть хлеба и, вздохнув, отошел прочь.

Ржанис притворился, будто и не заметил отступления противника. Но по тому, как энергично тряхнул поэт своей пышной гривой, как облегченно повел плечами, было ясно, что он ликует, одержав победу в трудном поединке: устоял, не угодил в западню, расставленную врагом поэзии!

МАГИЯ ЭКРАНА

Когда я зашла к соседям, их квартира тонула в траурном сумраке. Вся семья — отец, мать, двое сыновей-подростков — скорбно сидела в креслах, уставившись помертвевшими глазами на внезапно погасший экран. Боль столь великой утраты сковала всем четверым члены, чуть ли не лишила сознания. В комнате веяло холодом поминок.

Я взяла со столика телевизионную программу, дабы узнать, чего лишила их эта ужасная катастрофа. О да! Было из-за чего ломать руки и рвать на себе волосы!

Неужели, неужели, вопрошала я себя, так-таки ничем нельзя помочь этим людям в постигшем их горе? Еще раз взглянула на умолкший и ослепший телевизор, на агонизирующую семью, на свежую программу... Кое-что уже потеряно, и потеряно безвозвратно, например передача о буднях обувщиков и концерт для баяна,— но кое-что еще не поздно спасти.

— Минутку! — воскликнула я.— Подождите одну минутку!

Вихрем умчалась к себе, порылась в шкафу и, как обещала, через минуту вернулась: обнаженные руки, в глубоком вырезе смелого декольте сверкает ожерелье, облако кружев на груди... Уселась перед несчастной семьей на фоне экрана и объявила:

— А теперь, уважаемые телезрители, приглашаем вас послушать последние известия.

Прищурилась, погладила пальцем сверкающие бусины ожерелья и интимно прошептала:

— Японские полицейские...

Грациозно опустила руку. Грудь моя взволнованно вздымалась — вот-вот выскочит из декольте:

— Испробовали все средства...

Тут я улыбнулась — загадочно и своенравно:

— Для борьбы с гангстеризмом...

Зашуршала ресницами — лукаво, зазывающе:

— Который приобрел в Токио угрожающие размеры...

Ноздри мои страстно затрепетали:

— Как и во многих других городах капиталистических стран.

И печально, горько вздохнула. Помолчала. Повернулась к зрителям в профиль — со своей наиболее обворожительной стороны, с той, где локон падает на ухо:

— Ну, а теперь, дорогие телезрители...

В упоении опустила веки:

— Позвольте пожелать вам хорошего отдыха...

Вытянула шею и откинула голову, словно для долгого жгучего поцелуя:

— Спокойной но...

«Чи» унесла оплеуха. Мать и жена колотили меня по чему попало:

— Ах ты кривляка! Бесстыжие твои глаза! Я те покажу, как главу семьи соблазнять! Малолеток развращать?! Вон отсюда! Чтобы духа твоего здесь не было!..

И тут случилось непредвиденное: валтузя меня, хозяйка дома нечаянно трахнула по телевизору. Он вдруг загудел, задрожал и... ожил! Экран загорелся голубым светом, и на нем появилась утопающая в кружевах и локонах дикторша. Она сообщила об очередной передаче и кокетливо бросала зрителям очаровательные, недвусмысленные взгляды. Присутствующие облегченно вздохнули и, мигом забыв обо всем на свете, в том числе и обо мне, прилипли к голубому экрану.

ГОЛУБЫЕ ДИАЛОГИ

В телестудии нас было четверо: свинарка, ткачиха, спортсменка и я, писательница-юморист. Голубой экран готовил передачу о женщинах разных профессий, посему и наша четверка послушно сидела на низких стульчиках в ожидании своей очереди. Как десять африканских солнц, жгли нас огромные со-

фиты. Вперед-назад ползала телекамера, наставив на нас трубу объектива, словно дуло пулемета. Казалось, ляпнешь что-нибудь не так — уложит на месте! Над головами, как кирпич на ниточке, навис микрофон, а голубоглазый телекомментатор уже допрашивал свинарку. Я прислушалась: диалог разворачивался на редкость складно.

Ведущий. Товарищ свинарка! Нашим телезрителям хотелось бы узнать: вы откармливаете колхозных свиней?

Свинарка. Да, я откармливаю колхозных свиней.

Ведущий. Ну, и как идет у вас откорм колхозных свиней?

Свинарка. Откорм колхозных свиней идет у меня хорошо.

Ведущий. А теперь попрошу вас ответить на такой вопрос телезрителей: сколько свиней вы откармливаете?

Свинарка. Я откармливаю пятьсот свиней.

Ведущий. А сколько свиней вы откармливали в прошлом году?

Свинарка. В прошлом году я откармливала четыреста свиней.

Ведущий *(произведя в уме сложные вычисления)*. Этим вы хотите сказать, что в прошлом году откармливали на сто свиней меньше?

Свинарка. Да, в прошлом году я откармливала на сто свиней меньше.

Ведущий *(удовлетворенно)*. Спасибо. Ну, и еще один вопрос телезрителей: сколько свиней вы намерены откармливать в будущем году?

Свинарка. В будущем году я намерена откармливать *(пугливо косится на пулемет)* пятьсот пятьдесят свиней!

Ведущий *(произведя в уме чуть ли не логарифмические вычисления)*. Этим вы хотите сказать, что в будущем году станете откармливать на пятьдесят свиней больше, чем в нынешнем году, и на сто пятьдесят больше, чем в прошлом?

Свинарка. Да, именно так.

Ведущий *(победоносно улыбнувшись).* Спасибо. А как проводите свой досуг? Культурно?

Свинарка. Досуг свой провожу культурно.

Ведущий. Теперь обратимся к нашей спортсменке, рекордсменке по прыжкам в высоту. Телезрители интересуются: вы прыгаете в высоту?..

Спортсменка. Да, я прыгаю в высоту.

Ведущий. Ну, и как у вас дела с прыжками в высоту?

Спортсменка. Прыжки в высоту мне удаются хорошо.

Ведущий. И какую же высоту взяли вы в этом году.

Спортсменка. В этом году я взяла высоту метр восемьдесят.

Ведущий. А какую высоту брали в прошлом году?

Спортсменка. В прошлом году я брала высоту метр семьдесят восемь.

Ведущий *(произведя в уме почти электронные вычисления).* Вы хотите этим сказать, что в нынешнем году прыгнули на два сантиметра выше, чем в прошлом?

Спортсменка. Да, я прыгнула на два сантиметра выше.

Ведущий *(ликуя).* Спасибо. И последний вопрос телезрителей: какую высоту вы намерены взять в будущем году?

Спортсменка *(покосившись на пулемет).* В будущем году я намерена прыгнуть на метр восемьдесят пять.

Ведущий *(произведя в уме чуть ли не эйнштейновские вычисления).* Вы хотите этим сказать, что в будущем году прыгнете на пять сантиметров выше, чем в нынешнем, и на целых семь сантиметров выше, чем в прошлом, а в прошлом прыгнули на семь сантиметров ниже, чем в будущем, и на два сантиметра ниже, чем в нынешнем?

Спортсменка. Ддд... да!

Ведущий *(в восторге от самого себя).* Спасибо. Досуг провóдите, конечно, культурно?

Спортсменка. Так точно, досуг провожу очень куль...

Ведущий. А теперь обратимся к ткачихе. Дорогой товарищ, просим вас ответить телезрителям: сколько...

Дальше я уже не слушала: приближалась моя очередь. Ловко отобрав у доярки тетрадку, которую та сжимала в руке, я разгладила на коленях обложку с таблицей умножения и наспех принялась повторять сложение, вычитание, умножение и деление... Внезапно кто-то легонько толкнул меня в бок. Оторвала я глаза от цифр и увидела направленный на меня ствол пулемета.

— ...дела? — услышала я последнее слово ведущего.

— Прекрасно! — заверила я.

— Мм...— усомнился он от имени телезрителей.— Так что в этом году...

— В этом году — тридцать восемь с половиной юморесок.

— Ну...

— Ну, а в прошлом — только две и одна седьмая!

Он что-то беззвучно промычал и зашевелил губами. Видимо, пытался из половины вычесть одну седьмую. Трудись, трудись!

— А...— не справившись с такой невероятной трудности задачей, комментатор открыл было рот.

— А в будущем году девять тысяч семнадцать!

— Сколько? — придвинул он ко мне микрофон — ухо телезрителей.

— Девяносто триллионов без двухсот семидесяти миллиардов пяти тысяч ста одиннадцати и семи тринадцатых!

Он качнулся, голубые глаза погасли, лоб разгладился — видимо, электронно-вычислительный центр отказал.

— Досуг,— напомнила я, провожу не очень куль...

Воцарилось гробовое молчание. Лампы потухли, кирпич уполз вверх, пулемет отъехал в сторону. Доярка, ткачиха и спортсменка вместе со своими стульчиками переместились к дверям. Только ведущий без признаков жизни сидел против меня, выпучив серые, как экран выключенного телевизора, гляделки.

— Давайте попытаемся,— участливо склонилась я к нему,— найти общий знаменатель для одной седьмой и семи тринадцатых, тогда...— Углубившись в вычисления, я и не заметила, как подкравшийся сбоку пулемет саданул меня дулом в висок, а микрофон заехал по затылку... Падая со стульчика, я хотела еще что-то сказать, но все заволокло голубым туманом, и сознание мое угасло, как перегоревшая электронно-лучевая трубка...

МОЙ СЦЕНАРИЙ

До краев переполненная своим сценарием, вступила я на территорию киностудии. Слабо помню, как миновала дежурного вахтера, как проскочила холл с роскошным альпинарием, как пожала руку какому-то человеку — то ли грузчику, то ли истопнику... И вот я в зале заседаний.

На меня взирает десяток полузнакомых-полунезнакомых лиц — весь цвет нашего киноведения. Молчат, улыбаются как бы в предвкушении чего-то приятного. Еще бы: через несколько минут состоится обсуждение моего сценария! Я пристроилась за круглым столом возле них и с удовольствием начала проникаться настроением радостного ожидания.

— И вы прослышали? — склонилось ко мне одно из особенно оживленных лиц.

— О чем?

— Как? Разве не в курсе? Сейчас на студии будет просмотр двух французских лент!

— А как же мой сценарий? — вытянулась моя физиономия.— Значит, не будем обсуждать?

— Почему? — удивилось лицо.— Будем! Надо — значит, будем.

— Если будем,— поднялось другое лицо,— то я должен извиниться — вынужден покинуть высокое собрание: меня уполномочили проверять пригласительные билеты при входе в просмотровый зал.

— Валяй, но не задерживайся,— напутствовали его.

— А вы разве не пойдете на просмотр? — повернулось ко мне озабоченное лицо.

— Я?! — я прижала к груди свое детище, свой сценарий.— Я...

— Неужто сомневаетесь?! Да ведь эти ленты будут крутить только для узкого круга знатоков!.. Ведь...

— Ладно. Давайте начнем,— прервало его другое решительное лицо.— У нас в распоряжении всего двадцать минут! Слово имеет...

— Буду краток,— вставая и косясь на часы, начал докладчик.— Что можно сказать об этом сценарии? Оригинальный сценарий, созданный нашим республиканским автором. Таких национальных сценариев нам не хватает, мы их ждем! Поэтому, коль скоро после длительного перерыва дождались наконец оригинального национального сценария... Кстати, предупредил ли кто-нибудь механика, что показ французских фильмов начнется на полчаса раньше?

— Пойду поищу, предупрежу,— выпорхнуло из-за стола предупредительное лицо.

— Давай, давай!

— Я,— заговорило следующее солидное лицо, вынимая карманные часы, открывая крышку и укладывая их перед собой на стол,— я тоже прочел этот оригинальный сценарий. Как правильно отметил предыдущий оратор, наконец-то появился у нас свой оригинальный сценарий, созданный национальным автором, на национальной основе,— значит, есть предмет для серьезного разговора... Между прочим, оттуда,— личность ткнула большим пальцем в потолок,— просили еще один пригласительный.

— Бегу. Сейчас улажу.

В зале стало меньше еще на одно лицо.

— Никто не станет спорить,— встал третий оратор,— что мы имеем возможность обсуждать действительно оригинальный, отвечающий национальной теме сценарий. Однако меня интересует другое...

Присутствующие согласно закивали.

— Меня интересует,— продолжал третий,— не заслоняет ли национальный колорит национального характера, ибо в том случае, ежели...

За окнами возник какой-то шумок, все насторожились.

— Уже собираются,— огорчилось одно из лиц.— Надо бы занять места... а то придется на полу сидеть... Пардон! — и лицо испарилось.

Меня пронзило острое чувство утраты. Я снова прижала к груди сценарий — только он один не собирался никуда исчезать. Может, потому, что у него не было лица?

— Сценарий пробудил во мне множество мыслей,— заговорило скромное, задумчивое лицо, раньше как-то мною не замеченное.— Сдается, однако, главная проблема произведения прояснена недостаточно и поэтому автору следует отказаться от некоторых второстепенных эпизодов, с тем чтобы...

— Пардон,— прервали его.— Осталось одиннадцать минут!

Затрещал телефон.

— Французские,— объяснило трубке лицо с карманными часами.— К сожалению, про секс только один. Вот так.

— Надо бы глянуть, заняты ли нам места,— заволновалось еще одно неприметное лицо. И тоже ловко превратилось в ноги.

— Подводя итог тому, что было здесь отмечено,— встало последнее, обобщающее лицо,— следует констатировать, что автору придется написать еще один вариант сценария, так как...

— À la la Paris! ..— запели за окном.

Все лица вскочили.

— Хочет ли автор что-нибудь сказать?

— Хочу,— забормотала я, упрямо вцепившись в свой сценарий и не поднимаясь с кресла.— Благодарю вас за ценные замечания. Поверьте, я продолжу работу над сценарием, я усовершенствую сценарий, наш национальный сценарий. Одно мне неясно: если я проясню, как здесь предлагали, главную линию и отодвину второстепенные...

Тут я взглянула на присутствующих: они неумолимо отдалялись — в сторону Сены, Елисейских полей и двери...

— Mes chèrs! — воскликнула я.— Je suis très touchée de votre attention! Je vous assure que je travaillerai. Je referai mon scénario! Evidemment, mon scénario est loin de ressembler à un scénario français, mais votre attention... vos remarques si importantes... vos bonnes figures intelligentes...

Но голос мой был заглушен звоном. В дверях остались лишь немигающие глаза секретарши. Она крутила на пальце связку ключей.

— Когда закончите монолог,— произнесла она изысканно вежливо,— захлопните за собой дверь. Замок французский.

— Merci, — поблагодарила я.— Au revoir.

— Ау, ау,— пролаяла она и оставила меня на едине со сценарием.

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ

1

Очеркист Бобина не слышал, как в его редакционный кабинет кто-то вошел. Навалившись на пишущую машинку, он яростно стучал по клавишам, создавая пламенный очерк о передовике кожевенного предприятия:

...Дубильщик по обыкновению стоял возле своего котла и сияющими глазами наблюдал, как кипят в нем кожи. И думал: мой труд сродни бою, я словно на пе-

редовой линии огня: иди в наступление, атакуй! Кроме того, размышлял дубильщик и о том, что выделал уже десятки тысяч квадратных дециметров кож, что дубить кожи заставляет его внутренняя потребность. С глубоким волнением думал он и о приближении пятнадцатой годовщины со дня организации дубильного цеха, и о том, что он, его ветеран, отдаст все силы, чтобы к этому славному юбилею изготовить несколько сверхплановых дециметров. Вот о чем думал простой дубильщик в тот момент, когда...

Только теперь Бобина обратил внимание на посетителя. Он узнал его: это же тот самый токарь, о котором недавно был опубликован его, Бобины, очерк.

— У вас там ошибочка вышла,— несколько смущаясь, но твердо сказал токарь.

— Где, когда? — перепугался очеркист.

— Сейчас покажу.— Токарь извлек из-за пазухи мятый журнал, раскрыл его и ткнул пальцем в один из абзацев очерка.— Вы тут написали обо мне:

...Токарь по обыкновению стоял возле своего станка и сияющими глазами наблюдал, как вращается деталь. И думал: мой труд сродни бою, я словно на передовой линии огня: иди в наступление, атакуй! Кроме того, токарь размышлял и о том, что он уже выточил десятки тысяч деталей и что делать это заставляет его внутренняя потребность. Приближается, думал токарь, славное пятнадцатилетие завода, и, встречая этот замечательный праздник, я обязательно должен выточить на несколько деталей больше задания. Вот о чем думал простой токарь в тот момент когда...

Посетитель захлопнул журнал.

— Не понимаю,— удивился очеркист,— чем вы недовольны?

— Вы спутали меня с кем-то другим,— угрюмо пробасил токарь.— Прекрасно помню, о чем я в тот момент думал. Думал я, как было бы славно попариться вечером в бане, а потом выпить пару кружек холодного, как лед, пивка.

— Да ну?! — давясь от смеха, воскликнул Бобина.

— Почему вы не верите? — огорчился токарь.—

Клянусь, в тот момент я действительно думал о парилке, венике и о двух больших кружках пива!

— Так чего же вы хотите от меня? — не понял очеркист.

— Чтобы вы исправили ошибку. Чтобы написали правду.

— Значит,— трясясь от еле сдерживаемого смеха, спросил очеркист,— я, по-вашему, должен написать: «Искренне извиняюсь перед читателем за ошибку, допущенную в очерке о токаре. Шестнадцатую и последующие строки следует читать так:

Токарь по обыкновению стоял у своего станка и сияющими глазами наблюдал, как вращается деталь. Он не собирался ни наступать, ни атаковать. Не думал и о приближающейся годовщине завода. Он размышлял лишь о том, как славно было бы закатиться после работы в баньку, попариться с веником и выцедить пару кружек холодного, как лед, пива...

— Точно! — повеселел токарь.— Именно так! Спасибо вам и всего, всего хорошего!

Очеркист Бобина смущенно уставился на дверь, за которой исчез просветлевший токарь. Потом он сочувственно покачал головой и снова углубился в начатую рукопись:

...Дубильщик по обыкновению стоял возле своего котла и сияющими глазами наблюдал, как кипят в нем кожи. И думал: мой труд — сродни бою, я словно на передовой линии огня: иди в наступление, атакуй! Кроме того, размышлял дубильщик и о том, что выделал уже десятки тысяч квадратных дециметров кож, что дубить кожи заставляет его внутренняя потребность... И еще он думал... думал...

Тут Бобина не утерпел: вскочил из-за стола и помчался в ближайшую пивную, чтобы выпить пару кружек холодного пива. Попариться он решил лишь после того, как закончит очерк о дубильщике.

— Чик-чик-чирик!

— Трррр...

— Цок-цок! Фью-и-и...

Бобина не слышал птичьего пересвиста. Закатав штанины, брел он по густому вереску, внимая рассказу лесника. Лесник с двустволкой в руках водил очеркиста по своему лесу и делился с ним множеством веселых и печальных историй из жизни лесных обитателей. «Ха! — мелькнула у Бобины еретическая идея.— А что, если написать об этом леснике обыкновенный непламенный очерк?!»

— Постойте, черкну для памяти несколько ваших мыслей,— сказал он леснику, вытаскивая из-за уха шариковую ручку и присаживаясь на пенек.

Спутник его остановился и внимательно уставился на открытый блокнот журналиста.

— Пишите...— начал он.— Стою я как-то и сияющими глазами посматриваю на лес. И думаю, ведь мой труд — словно атака: наступай, борись, отдавай все силы! Мало того, размышлял я...

— Черт бы тебя побрал! — вскочил с пня Бобина.— Неужели нет у тебя собственных мыслей, своих слов? Говори по-человечески — о том, про что на самом деле думаешь!

— Вот я и говорю — размышлял о том, что заботиться о лесе заставляет меня эта... внутренняя, ну, что ли, потребность.— Язык у лесника заплетался. Вскоре он совсем умолк.

Подул ветер, громче зашуршал вереск, зашелестела верхушка могучего дуба, и душу Бобины незаметно переполнило чувство гордости.

— Дорогой товарищ! — взобравшись на пень, воскликнул Бобина.— Знаешь ли ты, чьи слова повторяешь? Знаешь ли, что это мои мысли? Что мощь моего пера внушила их тебе! То-то. Нет равных моему перу! Ясно теперь тебе, с кем ты беседуешь? Так шпарь, дорогой, дальше, хоть я заранее знаю, что ты мне скажешь.

Лесник внимательно взглянул на раскрасневшегося Бобину, отступил на несколько шагов и внезапно вскинул двустволку.

— Вот как?! — сквозь зубы процедил он.— Ну так пиши:

...Кроме того, лесник думал о приближении тридцатой годовщины лесничества и о том, что не пожалеет дроби, чтобы в честь этой знаменательной даты стало в лесу одной сорокой меньше...

Он прицелился. Грохнул выстрел.

Замерли напуганные пичуги, не слышно больше было:

— Чик-чик-чирик...

— Тррр...

— Цок-цок! Фью-и-и...

Рассеялся пороховой дымок.

— Метко,— похвалил Бобина, подбирая с земли мертвую сороку.

3.

Очеркист Бобина не обратил внимания на группу людей, только что вошедших в его кабинет. Хлебнув из стакана красного вина и навалившись грудью на пишущую машинку, он строчил очерк о сварщике газовых труб:

...он думал: мой труд — это нескончаемая борьба: иди в наступление, сражайся, стремись вперед! Кроме того, сварщик размышлял и о том, что он уже сварил десятки тысяч километров труб и что варить стыки его заставляет...

Тут Бобина почувствовал, что за ним наблюдают. Вошедшие не спускали с него глаз. Неизвестно, чего больше было в их глазах: уважения или удивления.

— Простите, что мы вторглись в ваш храм,— шепотом заговорил один, видимо, старший.— Нас тут трое социологов и я, психолог. Во веки веков человек мечтал проникнуть в сокровенные тайны мышления другого человека. Увы, до сих пор никому это не уда-

валось. Но вот пришли вы и сделали то, что не получалось ни у одного из смертных. Вы — феномен!

Они окружили Бобину, силой стащили его по лестнице, затолкали в машину и увезли.

Сидя в неудобной позе, скрюченный в три погибели, стиснутый с боков телами дюжих ученых, Бобина не растерялся и в машинной тряске. В его голове рождался очередной пламенный очерк:

...они ехали вперед и думали: наш труд — это передовая линия: атакуй, хватай! Кроме того, ученые размышляли о юбилее своего научного центра и о том, что к этому удивительному празднику они сумеют доставить туда настоящего феномена, умеющего проникать в сокровеннейшие тайны человеческого сознания...

ДУШЕВНЫЙ ПОРЫВ

Утро началось прекрасно: и небо прояснилось, и меня на радио пригласили.

— Милости просим в студию звукозаписи,— рассыпался в любезностях сопровождавший меня редактор передачи.— Мы соскучились по вашему голосу. Расскажите что-нибудь интересное нашим слушателям.

И вот я за столом. На нем микрофон, а за стеклянной стеной улыбаются карие глаза оператора.

— О чем рассказывать? — обернулась я к редактору.

— О чем хотите. О литературе, о жизни, дружбе, о себе, людях, работе...

— В таком случае хотелось бы о себе,— честно призналась я.

— Что ж, воля ваша. Только, пожалуйста, с юморком.

— О себе — с юморком?

Редактор пожал плечами и отошел в сторону. Я вздохнула и глянула через стекло. Карие глаза оператора смотрели на меня в упор. Его внимание волновало и обязывало. Я откинулась на спинку стула и зажмурилась, пытаясь сосредоточиться. В голове кружились мысли одна другой краше. Так захотелось и для радиослушателя, и для этого милого парня за стеклом создать свой яркий и запоминающийся образ.

— Говорить о себе, быть может, и нескромно,— начала я каким-то придушенным голосом.— И вообще, что можно сказать о себе? Признаться по совести,— я приложила руку к груди, однако, вспомнив, что здесь не телевидение и жестов моих никто не запечатлевает, тут же отдернула ее,— признаться по совести, не люблю о себе, но коли надо...

С облегчением перевела дух. Почувствовала себя на коне. И голос окреп. Еще никогда не обуревал меня такой рой мыслей, никогда прежде радиослушатель не казался мне столь близким, просто родным.

— На первый взгляд,— пришпорила я своего скакуна,— жизнь моя ничем не отличается от тысяч ей подобных: ем, сплю, умываюсь, передвигаюсь на двух ногах...— Я снисходительно улыбнулась, но тут же, сообразив, что и мимика на радио ни к чему, стерла улыбку с губ.— С раннего детства были мне присущи мечтательность и восторженность, а также некий душевный порыв, который...

— Внимание! — глухо прозвучал в студии металлический голос оператора.— Включаю запись. Начали.

Мне почудилось, что скакун, взбрыкнув, выбросил меня из седла и я лечу вниз головой. Значит, начало моего пути, со всеми душевными порывами ухнуло в невключенный микрофон?!

— Начали, начали! — подгонял меня парень из-за толстого стекла.

— С раннего детства...— замямлила я.— Еще в детстве...

На какое-то время я растерянно умолкла, пытаясь вновь вскарабкаться в седло и вернуться к своему детству.

— Уже в детстве...— в третий раз промямлила я,— мечтательность и этот... как его...— Я жалобно посмотрела на редактора.

— Душевный порыв,— сжалился он.

— Душевный порыв,— послушно повторила я.— Он... сопровождал каждый мой шаг. Позже, в годы учения, подружилась я с тем, что принято называть музой.— Слава богу! Кажется, экстаз возвращается, щеки заливает знакомое доброе тепло.— Бутоны, завязавшиеся в отрочестве, распустились в годы студенчества пышными цветами. Родилось первое стихотворение. Помнится, я писала его в уголке за печкой. Эти первые поэтические опыты не отличались, разумеется, совершенством формы, зато била в них через край юношеская непосредственность, духовная красота, чистота...

— Пододвиньтесь ближе к микрофону,— прервал меня металлический голос из динамика,— и повторите все, начиная от печки.

— От какой печки?

— За которой вы сидели. Начали!

— Уголок за-а печкой...— заикаясь выдавила я, чуть не проглатывая микрофон. И почувствовала, что душевный порыв уже не вернется. Ни сейчас, ни завтра, ни через двадцать лет.— Послушайте! — обернулась я к редактору.

— Что случилось?

— С меня хватит!

— Почему?

— Рассказывать о себе — невозможно!

— Так расскажите о других.

— О других?! — Я встала и с грохотом отодвинула стул. Самолюбие не позволило разбить микрофон.— Пусть они сами попробуют рассказывать о себе!

И, уходя, хлопнула дверью.

ЭКЗАМЕН

Перед собранием известных критических тузов стоял еще совсем молодой, но уже основательно поработавший пером подмастерье критического цеха. Ныне он держал экзамен — его принимали в гильдию. Хотя спина и грудь юного неофита были мокры от пота, однако ответы сыпались бойко, что свидетельствовало о его ранней мудрости.

— А теперь,— вопрошал один из строгих экзаменаторов,— скажите-ка нам вот что: как вы оцените пьесу анемичную, бесхребетную и вообще никому не нужную?

— Мы напишем,— недолго думая ответствовал новичок,— что сия драма предназначена для камерного исполнения и как таковая существенно раздвигает границы жанра.

— Следующий вопрос,— просипел маститый критик, чье чело пересекала морщина, появившаяся, по утверждению коллег, от интеллектуального перенапряжения.— Как отзоветесь вы о произведении с явными признаками графомании, автор которого — человек с весом?

— Напишем, что, несмотря на отдельные просчеты, произведение подкупает искренностью, неизбывной верой в добро и четкой авторской позицией.

— А если наоборот: книга безусловно талантлива, а ее автор — личность, никому не известная?

— Тогда, разумеется, скажем, что, невзирая на некоторые достоинства, произведению не хватает более или менее определенной авторской позиции и твердой веры в добро.

Экзаменаторы переглянулись и одобрительно закивали головами.

— А как вы поступите в том случае,— задал свой вопрос третий,— если автор много лет пишет одно и то же, безнадежно повторяется, короче говоря, никак не может вырасти из коротких штанишек?

— Да очень просто,— улыбнулся такому легкому вопросу кандидат на звание мастера.— Похвалим ав-

тора за то, что не разбрасывается, как другие, знает, чего хочет, преданно верен глубоко изученной области жизни, например, рыбалке с лодки или рыбалке без лодки.

— Прелестно! А как мы охарактеризуем скучное, усыпляющее произведение?

— Напишем, что действие в нем бурлит и кипит подспудно, в глубинных пластах.

— Что следует сказать о рыхлом, растянутом, незавершенном рассказе?

— Что этот рассказ — заявка на будущую повесть. А если,— разошелся юноша,— если рыхла и растянута повесть, то пишем, что это заявка на будущий роман, а ежели перед нами рыхлый и незавершенный роман — пишем, что автор готовится к качественному скачку!

— Так-то так,— презрительно прищурил глаза самый младший из мастеров критического цеха,— но как оценить книгу в том случае, если сам не знаешь, чего она стоит?

— В этом случае мы добросовестно перескажем содержание и выразим удивление, даже возмущение по поводу того, что книга до сих пор не подверглась глубокому и всестороннему анализу! — бойко выпалил экзаменующийся.

Старейшина гильдии завистливо кашлянул и подсунул еще более каверзный вопрос:

— А что надлежит сделать с критиком, который нарушает законы нашего цеха?

— Похоронить заживо со всеми бебехами! — последовал суровый и по-юношески бескомпромиссный ответ.

Критики одобрительно захихикали. Это дружное хихиканье было свидетельством того, что другого столь слаженного коллектива не найдешь даже в среде садоводов-любителей.

— А я не согласен! — поднял вдруг голос один из членов синклита, который до сего времени дремал в уголке.

Гильдия вздрогнула от неожиданности и вонзилась глазами в выскочку.

— Да, я протестую! — исполненным благородного возмущения голосом повторил смельчак, иначе говоря — белая ворона критического цеха.

— Как это понимать? — тихо, но не без угрозы вопросил старейшина.

— А так и понимать! — отрезал бунтарь.— Слово «бебехи» неупотребительно! Оно отсутствует даже в многотомном словаре!

— Поэтому — именно поэтому я и предлагаю его похоронить! — нашелся экзаменующийся.

Все с облегчением вздохнули, и чуть было не взорвавшийся от перегретых паров цеховой котел остыл до нормальной температуры, а белая ворона почернела.

Вновь воцарилась здоровая, деловая атмосфера.

— Что следует сказать о книге, которую никто не купит и не станет читать?

— Что книга сама найдет путь к сердцу читателя.

— Что должны говорить критики о критиках?

— О своих коллегах по цеху критики должны писать только хорошо или очень хорошо,— сыпал кандидат.— Во имя самокритики допустимо, конечно, сделать несколько замечаний — из области морфологии, лексикографии или санскрита, тем самым скромно подчеркивая необычайно возросший общий уровень критики и свою собственную незаурядную эрудицию.

Наконец прозвучал кардинальный вопрос:

— Что является краеугольным камнем нашего цеха?

— Краеугольным камнем нашего цеха является фраза: «Однако упомянутые недостатки произведения ни в коей мере не заслоняют его очевидных достоинств».

— Может быть... хватит? — оглядел коллег старейшина.

— А дискуссия? — ехидно напомнил снедаемый завистью столп критического цеха.— Почему никто не спросит о дискуссии?

— Дискуссия...— Экзаменующийся впервые показался растерянным.— Дисскусия...— Всем своим видом он напоминал геолога, чья кирка неожиданно наткнулась на кость доисторического животного.— Прошу прощения... Может, я чего-то не расслышал?..

— Дискуссия! Что такое дискуссия? — злорадно повторил столп.

Но кандидат уже успел прийти в себя:

— Дискуссия — это когда один критик оценивает произведение хорошо, а другой — очень хорошо и между ними может вспыхнуть принципиальная борьба не на жизнь, а на смерть. Вот это и называется дискуссией!

Самые уважаемые члены гильдии переглянулись и глубокомысленно закивали седыми головами: ничего не скажешь, в лице неофита цех приобретает свежую, жизнеспособную и квалифицированную боевую единицу!

— Что ж, достаточно,— выразил общее мнение старейшина.— Остается импровизация. На какую тему, молодой коллега, хотели бы вы поимпровизировать?

— На тему повести! — пылко воскликнул молодой коллега.

— Валяйте! — и старейшина откинулся на спинку кресла. Вслед за ним поудобнее устроились и все братья по цеху.

Юноша набрал в грудь воздуха, прикрыл глаза, а когда вновь открыл, в них сверкало пламя вдохновения.

— Повесть...— таинственным шепотом начал он.— Что есть повесть? Что она такое — повесть? Кто ответит? — Он оглядел членов комиссии глазами сотрудника уголовного розыска.— Итак, что же она такое? Как ее определить? К какому жанру причислить?.. Быть может она — рассказ? Нет!.. Быть может, роман? Тоже нет. Так может быть, она — нечто среднее между романом и рассказом? И да, и нет!.. Или что-то среднее между рассказом и романом? И нет, и да!.. А может быть, она не нечто, а как раз что-то, не умещающееся ни в какой промежуток? А

может, она сама является промежутком между чем-то и нечто?.. Так что же, так что же,— драматически воздел руки кандидат,— так что же, черт возьми, она такое, эта повесть?.. Ее невозможно определить, как аромат напоенного солнцем винограда... Она неуловима, как песчинка в дюнах Неринги... Неосязаема, как облачко, напоминающее белого курчавого барашка... Неповторима, как...

— Хватит! — не выдержав, вскочил глава гильдии.— Товарищи, по случаю блистательно выдержанного экзамена на звание мастера критического цеха наш молодой коллега приглашает нас в кафе «Неринга» съесть по бараньему шашлыку и выпить по бутылочке сухого вина... Вперед!

ДЕД МОРОЗ В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЕЙ

Председательствующий. Дорогие, дорогие мои коллеги, сегодня у нас в гостях бесконечно, бесконечно популярная личность — Дед Мороз! Нам будет особенно, особенно приятно услышать рассказ о его впечатлениях от путешествий по Северу, а также его мысли о нашей эпохе, о природе художественного творчества и, конечно же, о литературе... Прошу вас, уважаемый товарищ Дед, к этому, этому столику с кофейником, прошу!

Дед Мороз. Спасибо... Я взволнован, такая честь, столько знаменитостей...

На лицах писателей появляются очень добрые и очень-очень скромные улыбки.

Председательствующий. Прошу... Угощайтесь, угощайтесь кофейком, прошу.

Дед Мороз. Спасибо. *(Отхлебывает.)*

Председательствующий. Пейте, пейте смелее, кофе пока у нас еще имеется... А если борода мешает, можете ее на время снять. Пожалуйста, еще чашечку.

Дед Мороз. Спасибо. *(Отхлебывает.)*

Председательствующий. Тогда начнем!

Дед Мороз *(поспешно отставляет чашку в сторону).* И не знаю, с чего... Что представляет для вас наибольший интерес? Что вас волнует?

Писатель А. Вот именно, волнует! Товарищ Дед Мороз! Если вы знаете английский, польский, французский, итальянский, немецкий, румынский и португальский языки, то, разумеется, заметили в седьмом томе сочинений Дюшамбена такое выражение: „Uno carambo et patumbo", что в переводе означает: «Он состарился и замерз». Какая связь между вами, то есть Дедом Морозом, и вышеупомянутой цитатой? Второй вопрос ориенталистский: хотя поэма о Гильгамеше и написана на вавилонском языке, однако происхождение ее шумерское, и если расшифровать клинопись, то спорить по этому вопросу было бы просто скандально! Третий вопрос из уважения к вашим сединам задам по-английски: Do you speak Chinese? *(Садится и громко зевает.)*

Дед Мороз *(смущенно).* Так я же не разбираюсь в клинописи и не знаю ни французского, ни...

Писатель А. *(вскакивает).* Слышите? Он не знает ни английского, ни французского, ни румынского, ни китайского, ни тем более португальского! Феномен! *(Садится и снова зевает.)*

Председательствующий *(Деду Морозу).* Да вы пейте, пейте кофе, дедушка! Налить еще? Почему не снимете бороды?

Дед Мороз *(смутившись вконец).* Да она настоящая... *(Пьет кофе.)*

Писатель Б. Я бы хотел спросить гостя вот о чем. Когда я ехал в Рим... *(Поясняет собравшимся.)* Рим — столица Италии... Так вот, когда ехал я в Рим, а из Рима — в солнечный Неаполь, а из Неаполя во Флоренцию... *(Собравшимся.)* Флоренция — родина Леонардо да Винчи... Правда, во Флоренции я не задержался, потому что надо было торопиться в Торонто..., а в кармане — нереализованные пезы. *(Собрав-*

шимся.) Пез.— итальянская валюта... а Торонто... так вот по пути... о чем, бишь, я?.. Да, о Риме!..

Председательствующий *(Деду Морозу).* Что же вы не пьете кофе?

Писатель Б. Итак, по пути в... то есть — из Рима, увидел я человека с длинной, до пояса, бородой. Я имею в виду проблему нетипического.

Дед Мороз. А... да, да... э...

Писатель В. Скажите, как оценивают литовский внутренний монолог на Земле Франца-Иосифа, на Виктории?

Дед Мороз *(очень робко).* Так ведь... Франц-Иосиф — в Арктике, а Виктория — в Антарктиде.

Писатель В. *(обиженно).* А разве я утверждаю, что наоборот? Спрашиваю еще раз: как оценивают тамошние читатели наш монолог?

Дед Мороз. Так ведь там одни тюлени и пингвины живут...

Писатель В. *(смертельно обидевшись).* Я и сам отлично знаю, кто там живет, потому и спрашиваю: как оценивают?! *(Выходит, хлопнув дверью.)*

Председательствующий. Налейте Деду кофе!

Член секции молодых писателей. Послушайте, можно, черт побери, и мне спросить!!! Хочу, чтобы ответили, как там, на полюсе — все равно на каком, восточном или западном,— там тоже молодым Морозам трудно попасть в члены союза Дедов Морозов? Тоже надо ждать, пока борода до пупа вырастет?!

Председательствующий. Пейте, друг мой, пейте кофе! Все пейте кофе, товарищи!

Дед Мороз. Я пью!

Писатель Г. Меня и моих коллег остро интересует проблема экзистенциализма. Кто и каким образом заготавливает у вас на зиму картошку, лук, уголь?

Писатель Д. Скажите, а на этой вашей вечной мерзлоте, нету ли там какого-нибудь незамерзающего, никому не известного озерца или речушки, где водится форель?

Председательствующий. Ну это к делу не относится. Темы исчерпаны, кофе, кофе выпит, значит, творческую встречу мы закончим, закончим. Благодарю вас от своего имени и от имени всех собравшихся.

Писатель А. За что? Ведь он не знает ни английского, ни французского, ни китайского, ни португальского, даже с клинописью не знаком!

Дед Мороз. Но... я хотел сказать, что...

Председательствующий. Еще раз спасибо, и просим почаще, почаще бывать в нашем клубе. Будете нашим почетным, почетным гостем. А ежели поскользнетесь на льду и, не дай бог, выбьете зуб, то наш литфонд не пожалеет средств, чтобы вставить вам пластмассовый, а может, и серебряный...

Все. Золотой! *(Улыбаются добрыми улыбками.)*

Дед Мороз *(испуганно прикрывая рот полой шубы, направляется к двери).* Ха-ха-ха!

Председательствующий. Что случилось? Может быть, вам кофе не хватило?!

Член секции молодых писателей. Это он над молодыми смеется!

Дед Мороз. Над собой я смеюсь... ха-ха... ведь хотел еще... ха-ха... хотел было еще в союзы художников и композиторов сходить... ха-ха...

Писатель Е. *(мечтательно).* Говорили, коньячку к кофе дадут... Знал бы, ноги моей тут не было... Обманщики!

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Некая солидная редакция организовала беседу за круглым столом. Почему непременно за круглым? Не знаю. Знаю только, что все подобные беседы прокручиваются нынче за «круглым столом» — даже если стол этот четырехугольный. Однако на сей раз стол и впрямь был круглым. Уселись мы вокруг него живым венком, разглядываем окружающих, а также пышу-

щий жаром круглый кофейник, круглую вазу с кружочками печенья, массивную круглую пепельницу чешского стекла, низко висящий над столом круглый абажур... Лишь граненые кусочки сахара, будь они неладны, нарушают общую гармонию. Зато сама тема беседы столь округла, что круглее и не бывает: «Молодежь и идеалы». Круг участников тоже подобран идеально — солидные люди с широким кругом интересов, круглыми лысинами, округлыми животиками и, вероятно, кругленькими суммами на сберкнижках. Таким только и рассуждать круглосуточно о круге проблем молодежи и ее идеалах.

К дискуссии подготовилась я, в общем-то, добросовестно: моя записная книжка была кругом испещрена цитатами, заметками, пометками, положениями, примерами, тезами, антитезами, восклицательными и вопросительными знаками... В ожидании, когда закрутится разговор, рисую в своей записной книжечке кружочки и овальчики и мысленно вновь и вновь прокручиваю в голове собственное выступление:

«Это хорошо, дорогие товарищи, что наш дружеский круг окружил наконец этот круглый стол. Молодежь и идеалы?! Они, товарищи, как концентрические круги — один заключен в другом! Что еще можно сказать по затронутому вопросу?.. Если брать на круг, идеалы наши в основе своей прекрасны. И молодежь у нас, если брать округленно, тоже замечательная. Но, товарищи! Сегодня уже недостаточно округлять — получается порочный круг! *(Хлопок ладонью по круглому столу.)* И коль скоро собрались мы за этим *(два хлопка)* столом, то это еще не значит, что мы должны обходить острые углы. *(Со значением поднимаю граненый кусочек сахара и бросаю его в кофе.)* Хотя окружающая нас молодежь, как я уже говорила, в целом — замечательная, но... круговерть легкой музыки, легкомыслие, легковесные чувства, легковые автомобили, легкость, с которой... и круг замыкается! А как же эстафета отцов?.. Как метко сказал... заявил... подчеркнул... Однако... все же...»

Полагаю, более всеобъемлющей речи для круглого стола и не придумаешь. Не забыть бы только — вовремя поднять кусочек сахара!

— Пожалуй, начнем,— окинув окружающих кругленькими глазками, встал председательствующий, тщетно пытаясь застегнуть пиджак на округлом животике.

Я уж было изготовилась подняться, но тут, как чертик из коробочки, вскочил какой-то круглощекий деятель — то ли социолог, то ли психолог — толком не расслышала.

— Как это чудесно,— радостно начал он, — что мы, люди с общим кругом интересов, собрались наконец за круглым столом! Не так ли? И все же... дает ли это нам право обходить острые углы и грани? Конечно, наши идеалы прекрасны... не так ли? И молодежь вокруг замечательная, не так ли? Однако достаточно ли сегодня... не так ли?

Кровь ударила мне в лицо. Голова закружилась. Покосилась на его записную книжку — и там мои кружочки накручены!.. Ах, плагиатор! И тут внимание мое привлек сосед справа — его взгляд тоже был прикован к кружочкам в записях оратора, а круглая лысина вдруг утратила блеск.

— Буду откровенен,— продолжал сыпать психолог-социолог,— в определенных кругах нашей молодежи... кружные легкие пути... легкая музыка... легкий флирт... облегченное понимание... Порочный круг! Не так ли?.. Говоря короче *(моя цитата)*... по словам известного *(снова моя цитата!!)*... и как ни крути *(третья моя цитата!!!)*... Однако... Не так ли?

Он закруглился и удовлетворенно сел. Да и как тут не испытывать удовлетворения: все мои мысли скрутил, все кружочки и цитаты прикарманил да вдобавок чуть ли не весь кофейник выхлебал! Господи, и как можно приглашать такого обормота! Молниеносно возникла мысль открутить голову этому наглецу, дать ему суровую отповедь: «Товарищи! По словам уважаемого оратора... нашей молодежи не хватает?.. Преклоняется, видите ли!.. Подобное может прийти в

голову лишь тому, извините, кто абсолютно ничего вокруг себя не видит... не знает, чем дышит наша молодежь... А она дышит! *(Хлопок по столу — этого еще не украл!)* И будет дышать, чтобы там... Кто, если не молодежь... в библиотеках... театрах... цехах... где кипит... где новь... Сидите за столом, сработанным чьими руками? Лакомитесь печеньем, кем изготовленным? Не крутите, уважаемый!.. Нет! С такими округлениями далеко не...»

К сожалению, меня вновь обвели вокруг пальца — вскочил сосед справа, яростно потирая свою круглую лысину.

— Если принять на веру утверждения предыдущего оратора,— голова пойдет кругом,— тихо начал он и тут же круто вскипел.— Наша молодежь?! Не хватает?! Не стремится? Не дышит?! Не крутите хвостом, товарищ, не запомнил вашей фамилии... Дышит! *(Шесть хлопков по столу!)* В библиотеках!.. На фермах!.. В цехах... Даже это печенье!.. Этот стол! *(Десять хлопков!)* Молодыми руками... Испечено! Сработано! *(Шестнадцать ударов!)* Все вокруг...

— Осторожнее, это вам не барабан,— строго предупредила я, подхватывая падающий кофейник.

— В цехах! На полях! В депо! — барабанил он все громче.— Окружают нас пламенные сердца! А вы? С такими округлениями? Не головокружение ли?.. Нет, нет и нет!

Он закруглился и, довольный, огладил ладонью свою лысину, вновь обретшую первоначальный блеск. А я? Мои глаза стали круглее, чем стол. Как же теперь крутануть? Что происходит? Может, окружающие сговорились посмеяться надо мной? Ну нет, братцы, не выгорит у вас!.. И в голове моей закрутилось третье застольное слово! «Ну, товарищи! Ну зачем же так, зачем? Не слишком ли категорично? К чему крайности? Оглядимся вокруг. Возьмем театр. Есть там седовласые и курчавые, лысые и длинноволосые. А в библиотеках? То же самое! И те, и эти! И пекут не только молодые. К примеру, моя бабушка — такие

пироги с яблоками! Ах! Не так ли? То-то! В цехах и не в цехах... дышит и не дышит... идет и не идет... вперед и назад...»

— Наиболее верным представляется третье решение,— встала какая-то круглоротая и крутолобая.— К чему крайности? Зачем столь полярно? Ведь и молодые, и старые... Пекут и не пекут. Идут и не идут. Назад и вперед... Вокруг да около...

Круг окончательно замкнулся.

— Товарищи! — всхлипнула я — в глазах круги, кругом темно — и на четвереньках выползла в соседнюю комнату, где не было никакого стола.

Все охотно последовали за мной.

ПОСЛЕ ГАСТРОЛЕЙ

— Простите, пожалуйста, вы?..

— Маэстро!

— Скажите, маэстро, вы этим поездом прибыли с гастролей?

— О да, прямо с гастролей!

— Как вы...

— Маэстро, маэстро!

— Как вы чувствуете себя после гастролей, маэстро?

— Чувствую под ногами твердую, как никогда, почву!

— А как же, маэстро, наш перрон сделан из отличного железобетона!.. Вы? Прошу прощения, сейчас достану свой блокнотик... Так как же прошли гастроли, маэстро?

— О-о-о-о!.. Может, и нескромно, но смею утверждать — превосходно! Улыбки, объятия, овации, цветы... море цветов!..

— Жаль, что я не захватил с собой букетика... А... а где вы гастролировали, маэстро?

— О-о-о-о!.. Маршруты моих гастролей привели меня в самый прославленный, самый старинный музыкальный центр Европы!.. Так сказать, столицу ми-

рового симфонизма. Мне доверили самый великолепный, самый священный храм музыки, на эстраду которого попадают лишь избранные, лишь отмеченные искрой божией! А публика?! Самая взыскательная, самая музыкальная! Если уж быть правдивым до конца... самый последний тамошний слушатель за пояс заткнет любого нашего доморощенного музыковеда! И конечно, о том, что все билеты на мои концерты были распроданы задолго до моего приезда, едва ли стоит и говорить, не правда ли?

— Безусловно, маэстро!

— Скажу одно: в свой репертуар я включил произведения, пассажи которых не по зубам даже мастерам высшего класса!.. Вероятно, не следует скрывать, что и у меня, как у каждого смертного, были свои трудности... Выйдя, к примеру, на эстраду и увидев перед собой сливки знатоков музыки, я, простите, даже вспотел. А потом меня ошеломила, оглушила мертвая тишина. Казалось, внимательные слушатели не смели дышать! Затем выбила меня из колеи идеальная акустика зала. Чтобы вам было легче представить себе ее, замечу следующее: играю и отчетливо слышу, как в глубине верхнего яруса жужжит муха! Но когда все препятствия в конце концов остались позади, мне удалось подняться до таких вершин, взобраться на такие выси мастерства, что с них открылось о-о-о-о-о!.. Если бы вы слышали мое рондо! Признаюсь честно: я и сам не ожидал от себя такого рондо-о-о!..

— Ах, маэстро!..

— Да, да! А когда я кончил, наступила долгая, потрясающая пауза — слушатели не могли очнуться от о-о-о... экстаза. А потом поднялся такой шквал оваций, такая буря, такой ураган, что от Бранденбургских ворот, как потом выяснилось, отвалился кусок штукатурки!.. Чтобы вам было понятнее, добавлю, что тамошняя публика предельно сдержанна и холодна, чтобы расшевелить ее, надо прямо-таки о-о-о-о-о-о!.. И еще следует добавить: рондо я исполнял в том самом зале, где сто пятьдесят лет назад играл его сам автор — музыкальный гений всех времен и народов. Ос-

мелиться повторить это рондо в его, так сказать, собственной колыбели... для этого надо обладать феноменальными способностями...

— Значит, вы...

— Маэстро, маэстро, маэстро!..

— Значит, вы очень довольны, маэстро?

— Доволен — не то слово-о-о! Я потрясен! Я никогда, никогда не забуду неземной сосредоточенности оркестрантов, их глаз, восхищенных моей виртуозной игрою!.. Чтобы вам все стало до конца ясно, скажу, этот оркестр — один из старейших не только в Европе, но и во всем мире! Его традиции идут еще со времен знаменитой королевской капеллы, капеллы, которой дирижировал сам о-о-о!.. А чтобы было еще яснее, добавлю: в нашей республике любой из этих оркестрантов был бы знаменитым солистом. Так-то. И представляете, когда я кончил, все оркестранты — все как один! — встали, положили на стулья свои инструменты и принялись хло-о-о-пать!.. Этим они нарушили свои столетние традиции! А виновник — подумать только! — виновник этого — посланец какой-то никому не известной Литвы!

— Ах, маэстро!

— Да, да! Овация не прекращалась, я даже не знал, в какую сторону раскланиваться, раскланивался во все, и в конце концов мой фрак не выдержал, лопнул по швам! Представляете? Взял и ло-о-пнул!.. Такой триумф!..

— Ох, маэстро!

— После концерта я никуда не мог и носа высунуть. Да, да — вынужден был даже отказаться от визита к ее величеству: ведь не пойдешь туда без фрака? И пришлось заниматься шитьем — чинил, штопал, по всем швам иголкой прошелся — для профилактики, а то ведь как знать, как знать... А чтобы вы уяснили себе масштабы бедствия, скажу, что на одни только нитки пришлось выложить целую половину западной марки, что соответствует фунту стерлингов, или четырем франкам, или двум шведским кро-о-о-нам!

— Ах, маэстро!.. Позвольте ваш чемоданчик. Помогу. Какой огромный!

— Нет, нет, я сам, сам! Никому не могу его доверить: в нем статьи о моем концерте. Вырезок сделать не смог, ножницы там знаете сколько сто-о-о-ят! Но, если хотите, кое-что могу процитировать по памяти: авторы всех статей — для ясности добавлю, что наш самый выдающийся публицист любому из них и в подметки не годится,— поднимают мое мастерство дооо небес, называют его не иначе как сенсационным открытием для Европы, а мое исполнение сравнивают с искусством величайших корифеев музыки, только мое, пишут, богаче в нюансах и более современно, а уж что касается моей интерпретации рондо, то она — верх феноменальности, а сам я воплощаю лучшие черты нашего музыкального народа, о котором они до сих пор не имели ни малейшего представления! Все эти статьи завернуты в мой лооопнувший фрак. И они, я надеюсь, помогут поднять на более высокий уровень провинциальный вкус наших музыкальных критиков!

— О да, маэстро! Да, да!

— Теперь о моих дальнейших планах. Вернувшись на прославленную мною землю наших отцов, я немножко приду в себя от навалившейся славы, а потом дам несколько концертов. Надо же отдать сыновний долг своему маленькому нарооду. Не правда ли?

— Правда, маэстро! Правда!

— Для литовского слушателя подготовил я приятный сюрприз: опусы Баха, которые впервые в моем исполнении прозвучали на родине пятнадцать лет назад... Между прочим, это даст мне возможность убедиться, насколько за эти годы вырос вкус нашей публики... Кстати, почему вы не записываете моих слов и блокнот? У вас, что, феноменальная память? Между прочим, какую редакцию вы представляете?

— Я? Редакцию? Я, маэстро, шофер филармонии, мне велено встретить вас и взять фрак, потому что нагрянула инвентаризация...

— О-о-о-о-о-о-о!.. О-о-о!.. О!.. Какая прооофа-

нация! Какая про-о-о-винция!.. Так чего же ты, обалдуй, сразу-то не сказал? И зачем тебе блокнот?

— А как же? В блокноте фамилия ваша записана, время прибытия поезда, платформа, номер вагона...

— А я-то думал: представитель прессы!.. Блокнотом размахивает: ах, маэстро, ох, маэстро!..

— Это я из уважения. Как-никак из-за границы вернулись, может, думаю, жевательную резинку детишкам... пакет какой синтетический с картинкой... за проявленную вежливость...

— Я тебе такую проявлю... Сколько времени оттяпал! Бери чемодан и тащи, только осторожнее: там три кофейных сервиза, четыре фарфоровых вазы и всякие другие бьющиеся вещи...

— А фрак?

— Не видишь, что ли, из-под пальто фалды торчат? Некуда было сунуть. Сейчас отдам, вконец разопрел... вот только вырезку из карманчика выну и женину иголку из фалды... Нет, ей-богу, запомню я этот твой блокнот!.. Просто уму непостижимо: из Европы и в такую про-о-о-о-винцию! Ужас!..

НАШИ ФИЛЬМЫ

Как хотелось бы поселиться или хотя бы временно прописаться в наших литовских фильмах! Получить там трансцендентальную — пусть и третьестепенную — роль. Была бы я вором, имела бы связку отмычек, уж точно подобрала бы золотой ключик к дверце, ведущей в наши фильмы, затаилась бы за тяжелой портьерой и просидела там не только целый сеанс — целую вечность!

Но почему, почему, спросите вы, почему я так рвусь в наши литовские фильмы, когда с них, аж сбивая друг друга с ног, бегут зрители? А потому, потому, отвечу я вам, потому, что нигде я не видела жизни краше, чем в наших фильмах,— вот в чем секрет... Ну кто бы отказался, подобно героине одной

из наших лент, заботиться лишь о духовных ценностях, взирать на мир непрактичными, наивными глазами и в то же время щеголять в костюмчике, на сооружение которого — доставание материала и поиски портнихи — самому изворотливому смертному не хватило бы и месяца? Кому бы не понравилось, замечтавшись, бродить под дождем, подставляя порывистому ветру свою моднейшую прическу, на укладку которой потрачено полдня, да и мастеру заплачено недешево?.. А как заманчиво полоть в поле свеклу, натянув австрийский бюстгальтер, купленный на студенческую стипендию!..

Кому бы не пришлось по душе иметь возможность, заглянув в любую гостиницу, бросить сквозь зубы портье:

— Мне бы номерок...

— Простите, вам отдельный?

— А как же!

Но больше всего, пожалуй, понравилось бы вам со скоростью черепахи ползти по проспекту в час пик и не быть за это обруганным, не получить ни одного пинка, толчка, проклятия... О, этот неповторимо вальяжный, внушительно неторопливый черепаший шаг — как точно выражает он внутреннее состояние бегущих из концлагеря пленных, партизан или повстанцев, за которыми гонится враг! Как полна достоинства медлительность выходящего из самолета современного киногероя — когда он, едва показавшись, вдруг столбом застывает в дверях, словно индийский раджа, и никто не сталкивает его с трапа вниз головой... По одному этому черепашьему шагу можно узнать продукцию нашей киностудии, направляемой из Бальберишкиса прямо в Канны!..

И еще нравятся мне в наших фильмах автобусы. Просторные, чистые. Ни единый пассажир не стоит (как бы не помешали оператору снимать!). А двухместные купе спальных вагонов? С минеральной водой и белоснежными салфетками на столиках. А как здорово, проживая в наших фильмах, попасть в больницу — и тебе пальма в ногах, и сиделка в головах, и

профессор прямо-таки не отходит со своими диагнозами (а уж ему-то чего недостает, зачем такой заслуженный человек лезет в наши фильмы? Ума не приложу)...

Особенно же восхищают меня в литовских фильмах планировка и размеры жилплощади. Разве сыщешь где-нибудь такую прихожую, как здесь? И несмотря на то, что в ней смело можно разместить пару волейбольных площадок плюс теннисный корт, нашим киношникам все равно в ней тесно, они задыхаются, они рвутся к морю, и только к морю! Летом — к своему Балтийскому, зимой — к южному, к диким, нетронутым берегам, которых еще не успели опустошить другие съемочные группы. Правда, довелось видеть один наш фильм, снятый вдали от моря, в бесплодной, выжженой солнцем пустыне. Но, во-первых, это было давно, а во-вторых, главную роль играл в нем специально приглашенный грузин, который, как выяснилось, временно может обойтись и без моря...

Так что все, абсолютно все нравится мне в наших фильмах. Но больше всего нравится, как гарцуют на конях: когда сермяжный мужичонка — бедолага крепостной из середины прошлого века — скачет в поисках справедливости на чистокровном Электроне — воспитаннике Дотнувского племзавода, понимаешь наконец, в чем заключается современная историко-диалектическая трактовка материала. Или когда крепостной горемыка пашет землю на быках, выращенных Советской Украиной для всемирной выставки, а потом этот же пахарь начинает вдруг пиликать на простой — не работы Страдивариуса! — скрипке, ты весь дрожишь от допущенной по отношению к нему несправедливости и уходишь с сеанса переполненный социальным протестом — разве не к этому стремились постановщики фильма?!

Особенно большое впечатление произвел на меня шатер языческого воеводы, все пространство которого занимает двуспальная кровать с таким количеством шкур, что их хватило бы на то, чтобы согреть не только мерзнущее войско племени пруссов, но и бес-

численных сотрудников нашей киностудии; поэтому, когда я встречаю киноработника не в шубе, никак не могу понять: куда же девались шкуры? Но зато понимаю другое: если бы подлинное войско пруссов имело такой реквизит, какой получило на съемках,— колесо истории могло бы покатиться совсем в другую сторону...

И еще много других хороших вещей увидишь в литовских фильмах, из-за чего стоит постоять за портьерой — ну, если и не целую вечность, то хотя бы полсеанса,— разве это не достижение нашей киностудии!

ПОЧЕМУ?

И третий звонок прозвенел, и свет в зале померк, а на сцене вспыхнул во всю силу, и бархатный занавес уже раздвинулся, но знаменитый мим из Франции все никак не появлялся перед зрителями. Зато откуда-то сбоку вылез на сцену фоторепортер и повелительным жестом, без слов, приказал нам смотреть только на него (сидевшие в первых рядах или те, кто был вооружен театральными биноклями, могли разглядеть профессиональную вмятинку у него на носу, там куда вжималась грань аппарата). Так этот фотограф нас увлек, что мы и не заметили, как появился на сцене мим.

Резким, неожиданным движением репортер вскинул вверх руку, словно поднимая знамя (сидевшие в первых рядах имели счастье видеть напряженно торчащий мизинец), и застыл в этой монументальной позе.

Потом он медленно опустил руку, качнулся вперед, словно готовясь к прыжку, и, совершив три выразительных па, очутился в углу оркестровой ямы. (Мим, в это время кажется, карабкался на невидимую гору.) Потом, держа аппарат наготове, поднялся по боковым ступенькам и снова сделал стойку. На его

лице ясно читалось, что он сомневается, правильно ли выбрана точка для съемки. Пожалуй, все-таки нет. Поэтому репортер легко отскочил назад, но, не добежав до исходного пункта, опять остановился как вкопанный. Безусловно, необходимо было долго и настойчиво тренировать свое тело, чтобы научиться вот так, внезапно, на полном ходу, тормозить и каменно застывать. И конечно, никто из зрителей не мог оставаться равнодушным, увидев такое выдающееся антраша.

В этой позе пребывал наш герой долго, пожалуй, слишком долго, у нас даже шеи затекли, однако мы были с лихвой вознаграждены за терпение: вот он вытянул руку с аппаратом и пластично потянулся всем телом вперед, отбросив одновременно ногу назад, балансируя ею в воздухе,— получилась гимнастическая фигура «ласточка». Казалось, вот-вот ткнется он носом в пол, но нет: телом своим наш репортер владел безупречно (мим, кажется, тем временем гонялся за своей тенью).

Наконец фотограф опустил ногу, утер лоб и едва заметно поклонился, видимо, благодаря нас за внимание. Потом пал на колени, вытащил из-за пазухи какую-то трубочку (тем, кто не сидел в первых рядах и не имел бинокля, могло показаться, что он извлек оттуда собственную кишку) и прикрепил ее к фотокамере. Затем выпрямился, убрал волосы со лба и развернулся лицом к зрителям (что в это время делал мим, одному богу известно!).

Он смотрел на нас пронзительно, изучающе, властным подергиванием бровей приказывал не шевелиться, не опираться на локти, не вешать голов. Мы дружно подчинились его воле, но он почему-то не щелкнул. Налет некоторого раздражения на его выразительном лице свидетельствовал: что-то еще не так, что-то или кто-то ему мешает, уж не копошащийся ли за спиною мим? (Мим в этот момент, кажется, сидел неподвижно.) Очевидно, так оно и было, потому что фоторепортер гневно оглянулся и уставился прямо на мима. Некоторое время они молча мерили друг дру-

га взглядами, а мы, затаив дыхание, следили за смертельным поединком двух артистов (в бинокль и без бинокля можно было видеть, что у репортера из ноздрей вырывается пар). В конце концов мим не выдержал, рухнул на колени и вытянул руки, моля о пощаде. Фоторепортер безжалостно щелкнул аппаратом, будто из револьвера выстрелил. Мим задергался в конвульсиях. Занавес закрылся.

Бенефис фоторепортера произвел на нас неизгладимое впечатление. И только одного мы никак не могли понять: почему он не сам вышел раскланиваться, а послал мима. Почему?

КЛЮЧ К СЕРДЦАМ

Искусствовед Трепайтис умолк, оторвал глаза от рукописи и посмотрел в зал: его не слушало ни одно ухо! Собравшиеся без всякого стеснения хихикали, вполголоса делились анекдотами и, перевешиваясь через стулья, о чем-то бурно дискутировали. Потрясенный этим безобразием, Трепайтис долго молчал, опершись о кафедру, однако и тут ни один глаз не обратил внимания на его растерянное и несчастное лицо. Никому не было дела до того, что он так и не договорил про последнюю работу скульптора Глыбаускаса, в которой «тяжеловесная монументальность органически сочетается с легкой композицией».

— ...и потому, когда мы смотрим его новую работу, создается впечатление, что она не только не весит своих трех тонн, а наоборот — легка, как ласточка, парящая в небе...

Именно в этот момент Трепайтис посмотрел на аудиторию и убедился, что общается со стенами. Искусствовед медленно опустил руку с фотографией трехтонной «ласточки», поворошил стопку еще не прочитанных листков и понял, что все это никому не нужно, кроме него самого и его четырех иждивенцев. Он еще немного помолчал, безнадежно вздохнул и

принялся усердно заталкивать бумаги в портфель. Тут его охватила досада на скульптора Глыбаускаса, чьи трехтонные монументы, несмотря на птичью легкость, не в силах пробиться к сердцам слушателей даже с помощью высококвалифицированного искусствоведа.

— А этот Глыбаускас,— нечаянно вырвалось у него, когда он застегивал портфель,— этот Глыбаускас, наверняка, режется сейчас в преферанс и в ус не дует...

Кое-кто из присутствующих насторожился.

— А во что он еще играет? — раздался вдруг вопрос.

— В шашки,— небрежно бросил искусствовед, уже держа портфель под мышкой.— Да так здорово, что даже собственным детишкам проигрывает.

— И много у него детей? — спросил другой и прикрикнул на галдящий зал: — Тихо!

— Двое сыновей,— проинформировал Трепайтис.— Старшего не удалось запихнуть на юридический, так он теперь картошку в пограничной зоне чистит, а младший...

— Черт побери, дайте же человеку сказать! — возмутился кто-то.— Мы слушаем, слушаем,— вежливо и заинтересованно обратился он к лектору.

— Младший, от второй жены, осенью пойдет в детский сад,— закончил Трепайтис.

Из зала прилетела записка — первая за всю лекционую практику нашего искусствоведа: «Какой напиток предпочитает график А. и сколько может выпить за раз?»

— Конечно, коньяк,— снисходительно улыбнулся Трепайтис.— А сколько?.. Своими глазами не видел, но авторитетный свидетель утверждал, что литра полтора.

Снова передали записку: «Правда ли, что керамик Б., переодевшись в старушку, разгуливал по женскому пляжу?»

— К сожалению, неправда,— виновато развел руками Трепайтис.

— Какой длины борода у художника В.? — выкрикнул какой-то прыщавый юноша.

— Тридцать девять сантиметров,— не моргнув глазом выпалил лектор.

— А витражист Г. и актриса Д. так живут или расписались?

— Расписались в прошлом месяце,— снова разочаровал слушателей лектор.

— Правда ли, что актриса Д. избила таксиста? — снежным комом росли вопросы и одновременно рос кругозор слушателей.

— Говорят, писатель М. сигаретой поджег гостиницу?

— Подорожают ли дубленки?

Записки летели и летели — как стаи уток осенью. Глаза слушателей сверкали, щеки пылали, руки не могли поделить карандаши.

— Товарищи, товарищи...— тяжело размахивал ладонями Трепайтис, словно перегруженная зерном мельница — крыльями.— Я физически не в состоянии... О писателе М. могу сказать, что да, поджег, но не гостиницу. Актриса Д. кормит собаку шоколадом. Дубленки...

После такого шумного успеха Трепайтис получил множество приглашений на новые встречи со слушателями. Наконец-то искусствоведение, а тем самым и предмет его изучения нашли дорогу к сердцам.

КОЕ-ЧТО

ПРОВЕРКА

Когда с экрана телевизора внезапно исчезло изображение, а звук поперхнулся и пропал — да еще в самый напряженный момент многосерийного фильма! — Рапайла почувствовал себя выброшенным на необитаемый остров. От бутербродов с жирной ветчиной, которые он с аппетитом уплетал по ходу детектива, в желудке вдруг возникли невыносимые колики. Настроение испортилось. Оставшись один на один с мертвым стеклянным глазом, Рапайла как никогда прежде остро ощутил потребность в живом человеческом общении. Он потянулся за толстой телефонной книгой, на последней странице которой от руки были записаны домашние телефоны его лучших друзей, и набрал первый номер.

— Алло,— ответили ему несколько удивленно.

— Это ты, Владас? — осведомился Рапайла.

— Я, я. А что случилось? — недоумевающие нотки в голосе зазвучали еще явственнее.

— На меня, видишь ли, напала...— он не успел произнести «хандра», ибо, предвкушая наслаждение от сугубо мужской беседы, приправленной острым словцом, прикуривал в этот момент сигарету.

— Кто, кто напал?— Приятель явно слушал его вполуха.— Знаешь что, звякни-ка мне минут через двадцать, тогда разберемся. Лады?

Рапайла глянул на часы: так и есть — до конца фильма осталось ровно двадцать минут. Ну не подлая ли душа! Обрывает разговор, даже не узнав, какая напасть обрушилась на его друга.

— Хулиганы на меня напали! — непроизвольно вырвалось у Рапайлы.

— Ах, так...— соображал что-то приятель.— Минут девятнадцать продержишься?

— Могу и больше! — буркнул Рапайла и бросил трубку. Черным жирным фломастером замазал он номер Владаса. Вычеркнул его из телефонной книжки и из своей жизни. Пробегая глазами оставшиеся имена, подумал: сколько еще плевел среди этого отборного зерна? Не сама ли судьба дарует ему случай отсеять их?

Набрал следующий номер. Отозвался старинный, испытанный, еще институтских лет дружок, с которым не раз во времена оны доводилось делиться черствой краюшкой хлеба.

— Слушаю!

— Стасис, это я...— начал было Рапайла.

— Короче!— подхлестнул его нетерпеливый бас.

— Спасай, Стасис, я горю! — и Рапайла естественно закашлялся, поперхнувшись дымом сигареты.

— Держись! Через четверть часа...

Рапайла молча положил трубку, и институтский друг вместе с черствой краюшкой остался по ту сторону сожженного моста в прошлое. Фломастер сделал свое черное дело. Рапайла набрал третий по порядку номер. Этому другу он в былое время отдал, можно сказать, последнюю рубаху.

— Миколас! — Рапайла решил сразу взять быка за рога.— Можешь уделить мне сейчас минутку-другую?

— Почему именно сейчас? — огорчился Миколас.

— Потому,— голосом умирающего произнес Рапайла,— потому, что я уже стою одной ногой в могиле.

— А ты... протяни десяток минут. Сможешь?

— Сколько?

— Десять минут...

Рапайла бросил трубку, отодвинул телефонный аппарат и поднялся с кресла. С чем он остался? С тремя траурными полосами в телефонной книге, двумя недоеденными бутербродами и глухой тоской одиночества. Вокруг стало тихо. Как в могиле... И вдруг в мертвую тишину ворвался грубый мужской голос:

— Пришло время свести счеты, старый бездельник!

Экран ожил! Счастливый, позабыв про мосты, краюшки, рубашки, плевелы и про все остальное, Ра-

пайла принялся жадно глотать фильм, заедая его бутербродами. И тут, в самый решающий момент схватки героя с бандитами, у двери пронзительно зазвенел звонок. Кого там еще нелегкая принесла?!

Рапайла раздраженно распахнул дверь. На пороге выросли три вооруженных милиционера.

— Где хулиганы? — осведомился один из них.

Не успев ответить, Рапайла увидел, что вверх по лестнице бегут санитары с носилками. Мало того — у подъезда завыла сирена пожарной машины...

— Не можете ли вы,— жалобно пролепетал Рапайла,— не можете ли вы подождать еще пять минуточек?!

СБЛИЖЕНИЕ

Огромный ресторанный зал гудел, гомонил, звякал посудой, под потолком слоились облака табачного дыма, между столиками сновали разгоряченные официанты, грохотал осипший джаз... Лишь двое, сидящие за соседним столиком, пребывали словно в ином мире — ничего не видели, ни о чем не ведали, ничего не слышали. Они разговаривали, вернее, даже не разговаривали — каждый переливал свое переполненное сердце в сердце собеседника, с полуслова все понимающее, любящее и сочувствующее. Их приглушенные голоса были исполнены горечи и боли, но вместе с тем и радости, ибо тут, рядом, трепетала родная душа, которая и ответит и приветит... Так сближаются друг с другом два корабля в безбрежном океане — покачиваясь на волнах, начинают они плыть рядом, а пространство меж ними все сужается, все сокращается, и вот уже летят через борт канаты, чтобы накрепко связать их, братьев по судьбе... Я сидела не шевелясь и бессовестно подслушивала разговор, совсем для чужих ушей не предназначавшийся.

— Иду домой,— тяжело вздыхает он,— возвращаюсь после работы, измученный, еле ноги волочу, и

что нахожу? Не подметено, не прибрано, мерзость запустения всюду. Ребенок не перепеленат, аж посинел от крика, а она... она...— Рыбья кость застревает у него в горле; он наливает себе шампанского, с трудом проглатывает и заканчивает:— А она расселась — вся голова в бигудях — и кроит себе новое платье!

— Боже милостивый! — всплескивает она руками и, не в силах поверить, качает головой. Долго и укоризненно.— И я,— проникновенно шепчет она, прекратив качать головой,— и я, замотавшись на работе, еле живая домой прибегаю. В одной руке — бутылочки с детским питанием, в другой целый пуд разных покупок, а он... он...

Теперь у нее перехватывает горло, она судорожно откашливается, а он берет в свои большие ладони ее пальчики и держит, не отпускает — словно воробушка, на которого напала кошка.

— А он развалился в мягком кресле, книгу на животе пристроил — в науку, видите ли, углубился... Не слышит, не видит, что ребенок ревом заходится, изголодался...

Она опускает голову, едва сдерживая рвущееся рыдание.

— Выпей,— он пододвигает ей бокал шампанского.— Бедняжка ты моя, несчастная страдалица!

Они меланхолично выпивают, он съедает кусочек осетра, вытирает салфеткой губы и продолжает:

— Она же прекрасно знает, что моя работа важнее, чем ее, имеет для науки куда бо́льшее значение, с техническим прогрессом связана... Не уследишь за новейшими журналами, не углубишься — пиши пропало, уже не догонишь, отстал, оказался за бортом... А она мне: «Чего расселся, лентяй? Еще брюхо выставил! Не видишь — ребенок обделался?!»

— Так и говорит?! — не может поверить она.— Такому человеку?! Бесстыжая!

И, тоже прожевав кусочек осетра, стыдливо признается:

— Сама волосы себе накручиваю, чтобы не терять времени в парикмахерских, платья сама шью, чтобы

не тратиться на портных... А следить за собой, за модой — надо, я ведь женщина...— Она кокетливо улыбается.— А он: «Пыль вытерла бы! Ванну помой, тряпичница, корова!»

— Подлец, ух я бы его...— Он сжимает кулаки.

Оба умолкают и только еще ближе склоняются друг к другу — словно корабли, накрепко связанные одним канатом.

— Люблю вкусно поесть,— горько усмехается он,— ведь я мужчина что надо,— со значением пожимает ей локоть.— А она? Запрет холодильник: «Ступай-ка за жратвой сам, я тебе не верблюд — таскать!»

— Стыдно признаться, но, сдается, правая рука у меня длиннее левой. Отчего? От сумок! А он по утрам гантелями машет, но хлеба домой ни грамма не принесет! — По ее раскрасневшейся от шампанского щеке стекает слеза.— Зато жрет, как шакал, холодильник не успеваю набивать.

— В доме все удобства,— у него от обиды дрожат губы,— горячая вода под рукой, неужто трудно посуду помыть? Так ведь нет: увидит, что я из последних сил утреннюю зарядку делаю — не у каждого на это воли хватает! — и орет: марш на кухню, помой, вытри...

— Я тоже, измученная, умоляю: вытри пол! Ведь горячая вода под рукой, неужели трудно? Где там!..

— Или вдруг командует: белье отожми!.. Будто пожар...

— А то прошу: отожми белье, сил нет... А он: горит у тебя, что ли?

— Пожар... у нее...

— Горит... у него...

Внезапно оба замолкают и, затаив дыхание, всматриваются друг в друга, словно первый раз увиделись. Потом он, будто невзначай, будто за вилкой потянулся, отпускает ее руку, отстраняется. И она — пуговка, что ли, у нее расстегнулась — отодвигает свой стул от его стула.

— Осетрина, черт бы ее побрал, вроде пересолена,— наконец нарушает он неловкую паузу.

— А майонез прокис,— отзывается она далеким, словно с другой планеты, голосом.

Больше я ничего не слышу. Канаты обрублены. Корабли уходят друг от друга на всех парусах...

ДУША ОБЩЕСТВА

У кого бы ни гостевал — ни капельки! Видеть эту гадость не могу. Поэтому за столом я словно соринка у всех в глазу, словно горох при дороге — каждый ущипнуть норовит. Было время — косо на меня смотрели, за стол рядом вроде в наказание садились и облегченно вздыхали, когда я соображал, что следует уйти пораньше. В конце концов совсем приглашать перестали. Что было, то было.

А теперь? Теперь, братцы, когда таких, как я, трезвенников, считанные единицы остались, мы на вес золота. Званые вечера без нас проваливаются, свадьбы разлаживаются, именины в поминки превращаются!

Возьмем, к примеру, вчерашний день. Приплелся я на юбилей. Опоздал, грешным делом. Сажусь. Скорее даже не сажусь, а этак вьюном втираюсь между двумя представительными дамами. Стол широкий, длинный, что твоя взлетная полоса. Гостей видимо-невидимо. Все хозяину нужны, все полезны: профессора, кассиры, столяры... Но нету за столом единства. Полный разнобой — скучные, по сторонам озираются, зевки ладонями прикрывают. И чарка не помогает. Хозяин из кожи вон лезет, пытается общий разговор завязать, и так и этак приступает — нет контакта, хоть плачь!

И тут он громко обращается ко мне:

— Почему это вы не пьете?

Я вздрагиваю, что-то себе под нос бормочу. И тут начинается!

— В самом деле! Рюмка даже не тронута! — всплескивает руками одна из моих тучных соседок.

— Если вы так, то и я не стану пить! — грозит другая.

— Этого еще не хватало! — в отчаянии восклицает хозяйка.

Стол ожил, пришел в движение.

— Вы непременно должны выпить!

— От одной еще никто не умирал!

— Надо уважать хозяев!

— Терпеть не могу этих ханжей,— ворчит красноносый тип.— Не пью, не пью, а сам-то втихаря из горлышка хлещет!

Гости подмигивают друг другу, перекидываются понимающими улыбочками, чувствую, сколачивают против меня единый фронт.

А соседка справа жмет мне коленку и шепчет:

— Ах, какой вы эгоист... Ну, выпейте! Ну, ради меня!

Другая командует генеральским басом:

— Вперед — марш! — и в один глоток опоражнивает бокал.

А я креплюсь, только бородой мотаю.

— Что же это такое? — орет через стол хозяин.

— Влить силком! — требует красноносый.

— Может, цирроз у него? — робко жалеет кто-то.

— Какой еще цирроз! — взрываюсь я.— Не пью, и все!

Тут все застолье просто в бешенство приходит от моей наглости. Лица краснеют, глаза искры мечут, сотрапезники вместе со стульями надвигаются на меня, как страшилища из фильма ужасов. Вот-вот схватят, в порошок сотрут.

— Ну, ну! — отбиваюсь я.— Ладно уж! Только первую и последнюю!

— Ура! — гремит стол.

Поднимаю рюмку и медленно ставлю обратно — уже пустую.

— Он же за воротник вылил! — визжат обе толстухи, зажав меня своими телесами,— пальцем не шевельнешь.

Ох, пришел мой последний час! Гул, звон, жужжание, как в осином гнезде. Обступили со всех сторон, тянутся с рюмками, фужерами, бутылками, умоляют, требуют, кулаками грозят, щиплют. А одна врачиха даже на колени упала, ноги мне обнимает.

— Я тоже не пью, тоже! — не может скрыть зависти какой-то самозванец.— Вот! Вот! — И выплескивает из бутылки прямо на телевизор.

Лей сколько влезет! Кому ты нужен! Стол уже поет про чижика-пыжика, который на Фонтанке водку пил. Поет и коварно на меня поглядывает. Раз — кто-то обхватил меня сзади и уже раздирает челюсти, как лошади, и опрокидывает рюмку прямо в пищевод. Ах, гады! Вскакиваю, как ужаленный, кашляю, слезами обливаюсь, задыхаюсь... Все вопят, женщины ароматными платочками подбородок мне утирают, красноносый выдает анекдотец про пьяницу, отдавшего концы от глотка лимонада... Шум, смех...

— Братцы! — спохватывается кто-то.— Полвторого уже!

— Вот ведь как незаметно время пролетело! — удивляется другой.

— А потому что интересно было!

Хозяин улыбается. Доволен.

Когда я ухожу, он подскакивает, обнимает.

— Спасибо тебе, Йонас! Выручил! — И сует мне в карман бутылку «Паланги».— Если б не ты — заплесневели бы! На субботу Жигасы просят. Свадьба у них.

— Так я уже Каркласам обещал. Новоселье.

— Йонас! Спятил, что ли! Не губи молодых! Где ж им другого непьющего взять? Да и отец невесты тебе...— И он шепчет мне на ухо что-то о путевках.

Уступаю. Да и как не уступить: силой притащат. На таких, как я, нынче большой спрос: непьющего добыть труднее, чем угря. Заживо без нас сгнили бы: никакого разговора, никакого контакта не завяжешь. А без контакта — пшик, а не застолье!

ВОТ ЭТО ПРАЗДНИК

Когда я просыпаюсь праздничным утром в своей малогабаритной квартире, меня охватывает странное беспокойство. Хочется, черт побери, хоть раз вкусить чего-то по-настоящему праздничного! Хоть раз вырваться на простор, вдарить по струнам! Особенно лихорадочно начинают скакать мысли, когда я вдруг вспоминаю, что в любую минуту ко мне может нагрянуть многочисленное семейство Абленасов, которому не нужны ни струны, ни просторы — только маринованные грибы и жареный гусь.

Поэтому я быстренько одеваюсь и мчусь к Кишкисам.

Кишкисы еще нежатся в постелях. Завидев меня, они вскакивают, в глазах у них вспыхивает то же праздничное беспокойство и жажда простора. Мы наспех закусываем грибками и селедкой, и глава семьи вносит предложение немедленно всем вместе навестить товарища Зайцекаускаса. «Товарищ Зайцекаускас,— вспоминает Кишкис,— как раз переболел воспалением желчного пузыря, поэтому наш коллективный визит будет для него физической и моральной поддержкой».

Вскоре мы вваливаемся в квартиру истосковавшегося по нашей моральной поддержке Зайцекаускаса.

Хозяин, еле волоча ноги, надраивает паркет. С нашим появлением его желтое лицо становится ярче паркетного воска. А когда отпрыски Кишкиса в мокрых башмачках начинают, как по льду, кататься по навощенному паркету, щеки Зайцекаускаса принимают цвет апельсиновых корок. Кстати, сами апельсины мы в большом количестве обнаруживаем у него в холодильнике.

Когда в холодильнике остается только холодный воздух, в глазах Зайцекаускаса вспыхивает уже знакомый нам огонек праздничного беспокойства.

— Знаете что,— предлагает он дрожащим от предвкушаемого удовольствия голосом,— давайте пораду-

ем Папарецкисов! Было бы преступлением не порадовать в праздник семью Папарецкисов!

И вскоре наша дружная компания быстрым шагом устремляется в путь. Нас уже целая дюжина, не считая собаки Зайцекаускаса (жена Папарецкиса работает в мясном магазине!).

Встреча с Папарецкисами особенно празднична: они как раз собрались в театр. Но хозяйка тут же одолжила у соседей детскую коляску и побежала в дежурный гастроном.

Желая компенсировать Папарцекисам арии и увертюры, которых они по нашей милости лишились, Зайцекаускас запустил их радиолу — да так, что задрожали стекла. Особенно много танцевать нам не пришлось — паркет у Папарецкисов был настелен недавно и, видать, из сырых планок, он сразу превратился в щепки. Правда, гостеприимных хозяев это почему-то не волновало, они все время поглядывали на потолок и вздыхали... А когда овчарка Зайцекаускасов под общие аплодисменты вытащила из холодильника батон сервелата и тут же проглотила его, как червяка, в глазах Папарецкиса запылали уже знакомые нам факелы праздничного беспокойства.

— Все к Томашявичюсу! — взвыл он и опрометью бросился прочь из дома.— То-ма-шя-ви-чюс,— призывно скандировал он на дворе,— умрет от счастья!

Что ж — к Томашявичюсу так к Томашявичюсу...

Часам к двум пополуночи наша тесная компания возросла уже до полусотни душ, не считая собак и бредущего поодаль милиционера.

Распевая звонкие народные песни, мотались мы по городу с одной улицы на другую. Во главе колонны по-генеральски выступал товарищ Люткявичюс. Сейчас он вел свой боевой отряд к незнакомым мне Бурокасам. Под ногами приятно поскрипывал снег, машины уступали дорогу, редкие прохожие шарахались в стороны, чирикали разбуженные нашим дружным хором воробьи.

Товарищ Бурокас жил, оказывается, точно в такой же, как моя, квартирке. Окна у него были темные, по-

этому пришлось довольно долго ждать, пока он наконец открыл дверь и предстал перед нами в голубых кальсонах. Его подбородок как-то странно вибрировал — безусловно, от радости, что праздник еще не кончился.

В его малогабаритную квартиру все мы, разумеется, не влезли. Задним рядам пришлось размещаться на лестнице. Вскоре уютная квартирка Бурокасов выглядела как после землетрясения. Хозяин понес что-то невразумительное — то ли о детях, болеющих малярией, то ли о каком-то Кас-кас-касперайтисе, который был бы вне себя от радости, если бы... если бы... И Бурокас бросился натягивать брюки, но, так как у него вибрировал уже не только подбородок, но и ноги, он никак не мог попасть в штанины. Таким образом, наша дивизия осталась вдруг без вожака, и мы неорганизованной толпой выкатились на улицу.

Пока спорили и обсуждали дальнейший маршрут, я широко зевнула и почувствовала, что праздничный зуд в моей душе абсолютно улегся. Я тихонько откололась от митингующей толпы и улизнула домой. Дома у меня было чисто, уютно, не натоптано, в холодильнике полно всякой всячины... Эх, подумала я, вот это праздник! Побольше бы таких!

Но на всякий случай быстренько погасила свет.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Самой женщине ее женственность вовсе и ни к чему. Куда сподручнее иметь мужской глаз и мускулатуру: и бычью кость раздробишь, и гвоздь в стенку вгонишь, и мешок картошки запросто на пятый этаж втащишь, и дверь с заевшим замком высадишь, и ковер за милую душу выбьешь — особливо если муженек, в тоске по исчезающим джульеттам, прицепив черную бабочку, порхает из одного кафе в другое.

Теряя последние крохи мужественности, современный мужчина, однако, крайне сурово осуждает жену

за утерю женственности и грозится оставить ее на произвол судьбы, ежели она не одумается и не научится дробить кость пальчиком, вскрывать замок заколкой, вколачивать гвоздь каблучком туфельки, втаскивать мешок с картошкой в сумочке, выбивать пыль из ковра перчаткой,— в противном же случае он найдет себе такую, которая вообще не дробит, не вскрывает, не забивает, не таскает,— словом, такую подругу жизни, которая создана для любви и семейного уюта.

Женщина, услышав эти угрозы, перестает дробить и одумывается. Наглаженная детская одежонка, сверкающая чистотой плита, аккуратные ряды мисок и кастрюль на кухонных полках, уложенные на свои места ложки-поварешки и неуложенные волосы, задубевшее от жара плиты лицо, превратившийся в айсберг муж — все это внезапно предстает перед ней в новом, неожиданном свете.

После долгих сомнений женщина решает спасти семью, сохранить для нее отца и мужа. Она отшвыривает прочь фартук, оставляет в духовке на произвол судьбы фальшивого зайца и бежит в косметический кабинет. Задерживается там надолго, но зато является домой неузнаваемой, помолодев на десяток лет, волосы блестят и пышной волной ниспадают на плечи, глаза становятся огромными, обольстительно-таинственными... И возвращается-то она в лоно семьи не в одиночестве — ее сопровождает некий человек с прыщеватым носом, именуемый отныне «другом дома».

Вернувшегося с работы (с немалым опозданием!) мужа встречает не только жена, но и Женщина — утомленно улыбающаяся, грациозно играющая пудреницей. Муж жует подгоревшего фальшивого зайца, ошеломленно поглядывает на нейлоновый пеньюар супруги и беседует с другом дома о жизни бобров и прочих высоких материях. Потом все начинает вертеться, как мельничное колесо: муж жарит и стирает, чинит и штопает, варит и драит... Поначалу дела у него идут неважно: вместе с замком он выламывает дверную филенку, разрубая бычью кость, попадает се-

бо по пальцу, вплетает дочке в косу вместо ленты посудное полотенце... Но шаг за шагом он приобретает навыки, начинает превосходно вести дом, даже готовить для жены-Джульетты клюквенный мусс. Когда он подает этот мусс ей в постель, то вместо благодарности замечает вдруг в ее глазах растущее отчуждение и отвращение к своим повязанным передником бедрам. Она кисло отстраняет недоеденный мусс и отворачивается: невелико счастье ежедневно лицезреть обабившегося супруга, другая бы на ее месте давно ушла к настоящему мужчине, который не шьет, не гладит, не стирает, не варит... не... не...

Едва не выронив вазочку с отвергнутым муссом, муж возвращается на кухню, утыкается горячим лбом в сверкающую чистотой плиту и горько плачет. Его слезы просачиваются в духовку и превращаются в пикантный соус для настоящего зайца, которого за уши приволок уже четвертый по счету друг дома... Что делать, как спасать семейный очаг?

Но слезы лить некогда: друг дома уже стучится в дверь — пора подавать на стол зайца.

Что же дальше?

А дальше устанавливается известное равновесие: супруги приходят к общему выводу, ударяют по рукам, и жизнь их начинает катиться по гладкой колее — они или дружно делят на двоих нелегкие семейные заботы, или дружно оба уходят: один в окно, другой в дверь, и, когда возвращаются, им есть что рассказать друг другу...

И в том и в другом случае рождается прочная современная семья.

ГРАЦИОЗНАЯ ПОХОДКА

Владеющие поэтическим даром представители сильного пола за долгие века сложили о женской походке тысячи обессмертивших их творцов славных строк:

Она приблизилась ко мне легко и грациозно, как юная газель... Женщина удалялась, ритмично покачивая обворожительными, неописуемой красоты бедрами... Она впорхнула в комнату, словно легкое дуновение морского ветерка... С веселым смехом умчалась она, сверкая стройными, загорелыми, соблазнительными ножками... Торжественно и гордо выступала она, подобно царице Савской... Я еще не видел ее, но по легкой, пружинистой походке пантеры чувствовал ее приближение...

Ныне поток дифирамбов женской походке почти пересох. Мало того, все чаще в голосах мужчин слышны критические нотки: дескать, современная женщина не «плывет лебедушкой», не покачивается при ходьбе «серой утицей», а шлепает, как бегемот, или грохочет каблуками, что твой гренадер,— аж асфальт трескается... Какое уж там «дуновение ветерка»!

Милые, дорогие мои женщины! Сколь горько бы ни звучала правда, встретим ее, как говаривали старые солдаты, грудью! Хоть малость будем самокритичными. Постараемся, согласно настоятельным советам «Советской женщины», разобраться во всем сами, в своей, женской среде, побудем одни. Сядем за круглый стол и без горячности, не перекладывая по обыкновению вину за все наши беды на головы обвиняющего нас сильного пола, трезво обсудим: что делать, чтобы женщина вновь обрела грацию трепетной лани, вкрадчивую поступь пантеры, прелесть плывущей лебедушки и тем самым вернула поэтам бессмертие?

Кто мешает нам легко парить над асфальтом? Кто не дает «ритмично покачивать бедрами», подобно серой утице? Кто понуждает брести, цепляя ногой за ногу, грохотать каблуками, шлепать и шаркать подошвами?

Сумка! Та самая сумища, к которой прикованы мы, как каторжник к своей тачке. Это она смертельный враг грации, это она лишила нас крыльев, превратила газелей в бегемотиц и гренадеров!

Однако пока что отделаться от этого нет у нас никакой надежды. Ах, до чего же было бы прекрасно, если бы мужчины, вместо того чтобы изобретать поезда на воздушной подушке, сверхзвуковые лайнеры, ракеты и прочие летательные аппараты, подумали бы о самодвижущейся сумке! Где там...

Положение кажется безвыходным. Однако выход есть! Женщины! Нас может спасти опыт Суламифи — героини бессмертной Песни песней, сложенной мудрым царем Соломоном. Грациозную походку и королевскую стать эта простая девушка приобрела, таская тяжелый глиняный кувшин с водой или корзины с фруктами не в сумке, а на голове! Так что сумка (как и все остальное, что приходится нам таскать!) должна оказаться у женщины на голове. Если помимо хозяйственной сумки в руках у вас еще авоська или что-то подобное — смело укладывайте все это поверх сумки. Правда, сооруженная на макушке пирамида может поначалу рухнуть, обеспечив всю улицу необходимыми продуктами питания. Но это лишь поначалу.

Чтобы такого не случилось, предлагаю подкладывать под груз надувное резиновое колесо, на худой конец — покрышку от мотороллера. Если покрышка будет несколько велика и начнет при ходьбе сползать на шею, не теряйтесь: грациозно остановитесь, и, соблазнительно качнув обворожительными бедрами, вскиньте свободные руки, словно собираетесь обнять возлюбленного, и водрузите покрышку на место. Шляпка под суммарной тяжестью колеса, сумки, авосек и прочего, безусловно, превратится в блин, поэтому ее следует надевать не на голову, а поверх ноши. Если вы привыкли носить не шляпу, а косынку или платок — тоже не смущайтесь, только теперь покрываться вам придется простыней или скатертью...

Каждая женщина, освоившая эту весьма несложную технику, может не сомневаться — при ходьбе ее стан будет прямым, как натянутая струна контрабаса, а бедра начнут раскачиваться как легонькая лодка в бушующем океане.

Итак, Суламифь наших дней плывет по улице. Плывет прямая и гордая, словно коронованная царица, плывет, слушая, как посвистывают скворцы, усевшиеся у нее на голове поклевать гороха из порвавшегося пакета.

Внезапно она вспыхивает: навстречу бредет свет ее очей, радость ее жизни, он, Дефицит с большой буквы! Одну руку Дефицит так глубоко засунул в карман брюк, что при желании может достать ею ботинок, другой прижимает к боку пустой портфель. Идет сгорбившись, перекосив плечи, громко шмыгая носом и шаркая подошвами. Внезапно Большая Буква останавливается и с безопасного расстояния — чтобы, не дай бог, лавина свеклы не обрушилась на него — вперяется взглядом в свою Суламифь — Плывущую Сумку. Задумчиво качает головой и что-то бормочет себе под нос. Голос кислый и даже плаксивый:

— Где же справедливость, о великий, бессмертный Алишер Навои! Не ты ли пел: *На голове она несла виноградную гроздь и кувшин старого, как мир, вина...*

ТЮК

Когда я встречаю теперь этого мужчину и слышу его сдержанно-вежливое «доброе утро», когда вижу на его высоком интеллектуальном челе светлую полоску шрама, то испытываю угрызения совести и виновато опускаю глаза. Сомневаюсь, стала ли бы я на его месте здороваться, даже очень сомневаюсь. Что ж, утешаю себя, повторись та ситуация, наверно, я вела бы себя более осмотрительно и чутко. Однако тогда...

Тогда, плетясь по узкой улочке с тяжелым тюком в руках, я и не предполагала, что могу поставить порядочного, ни в чем не повинного человека в столь щекотливое положение. Скособочившись от непомерного груза, я с трудом переставляла ноги и кляла себя за то, что не поймала такси, и тут совсем рядом,

чуть-чуть позади, что-то словно оборвалось вдруг: то ли шаги, то ли чье-то дыхание, то ли даже ниточка жизни. Покосилась на свою ношу: слава богу, жиденькая веревочка еще цела! Тогда в чем же дело? Оборачиваюсь и вижу: шагавший следом за мной видный мужчина — сосед по дому — остановился и превратился в соляной столб, словно на невидимый забор наткнулся. Не хлипкий мужчина, да и в черепушке кое-что имеется, недаром его вклад в закрома родной культуры весомее, чем десять таких тюков, как мой.

Однако стоило мне обернуться, как его фигура преломилась, подобно стебельку придорожного одуванчика, голова склонилась к ботинку, а пальцы принялись шарить по вполне исправной молнии, как если бы она расстегнулась. Поэтому сосед, к своему счастью, не мог заметить, что я увидела его и мигом все сообразила. Да и как тут не сообразить! Топал человек с работы, догнал и чуть не обогнал меня, но в последний момент спохватился и замер, словно параличом разбитый. Как тут поступить? Пройти мимо — невежливо и даже негуманно, а непринужденно заговорить и подхватить мою ношу — это уже донкихотство, к тому же опасное: в тюке постельное белье, такую кубическую пачку любой за километр распознает, и, глядишь, разговоры пойдут. Поэтому, уткнувшись в свой башмак, он, не поднимая головы, косился направо и налево, изучая топографию окрестностей и предоставляемые ею стратегические возможности. С моей точки зрения, дела у него были неважные: на улице, как назло, ни киоска, ни скверика, ни магазина, ни, на худой конец, подворотни — ничегошеньки! По одну сторону тянутся заборы частных домиков, по другую — облысевший холм. И еще фонарный столб, от которого под углом натянут поддерживающий его трос. Положение несчастного усложнялось еще и тем, что в конце улицы высился многоэтажный дом с любопытными кухонными окнами, глядящими в нашу сторону.

Передо мной, разумеется, никаких вопроситель-

ных знаков не вставало. Поплелась себе дальше, лишая его возможности следовать за мной, ибо невозможно идти медленнее черепахи. Однако, охваченная любопытством, я, как это в подобных случаях принято у женщин, приладила себе на затылок еще один глаз.

Поковырявшись в исправной молнии, он медленно распрямился и, не придумав, видимо, ничего получше, принялся ощупывать карманы в поисках носового платка, однако не нашел (в моем-то тюке их было не меньше полусотни!) и, утерев сухой нос ладонью, снова стал коситься по сторонам. Жаль, что обстоятельства и цейтнот не позволяли нам обоим остановиться и совместно проанализировать ситуацию. Ни за что на свете не посоветовала бы я ему лезть через забор по эту сторону улицы или пытаться юркнуть в жиденькие кустики — по другую. В первом случае он рисковал угодить в пасть псу, во втором — мог оказаться в компании подозрительных выпивох. По-моему, самым разумным и естественным для него было бы продолжать шарить по карманам и делать вид, будто он что-то потерял — ну, скажем, тот же самый носовой платок. После чего, приняв стойку напавшей на след собаки, опустить голову и затрусить назад. Тем более, что этот способ давно испытан и апробирован на очень высоком уровне: я собственными глазами видела, как одному заместителю министра удалось таким образом увернуться от перебежавшей дорогу черной кошки. И все же этот вариант почему-то не подошел моему партнеру. Почему? Неужели придумал более хитрый ход? Какой же?

Тут я допустила непоправимую ошибку: не доверяя своему третьему глазу, всем корпусом, вместе с тюком, обернулась назад. О боже! Как застигнутый врасплох заяц, он отпрянул в сторону и, не успев сориентироваться, врезался лбом в косой трос — растяжку фонарного столба — да так, что из глаз у него посыпался рой зеленых искр; одна из них — я это точно видела — упала на мой тюк, но, к счастью, не прожгла бумажной обертки.

Удар был так силен, что столб дрогнул, а несчастный растянулся бы в полный рост, если бы не успел одной рукой ухватиться за вышеупомянутый трос, а другой — упереться в землю (поза, близкая к классической позе дискобола). В следующий миг он со скоростью урагана промчался мимо меня, прижимая перемазанную землей ладонь к окровавленному лбу. Только бы не внес инфекции! К сожалению, упомянутые выше обстоятельства и абсолютный цейтнот не позволили мне предложить ему чистое полотенце (в моем тюке их была целая дюжина) и посоветовать, чтобы, придя домой, он непременно выпил чаю с ромом и попарил ноги в горячей воде — лучшее средство от шока.

После той истории он долго не здоровался со мной, до тех пор, пока лоб его перестали украшать все цвета радуги и со ссадины не отпала подсохшая корочка. Осталась лишь светлая полоска шрама, выглядящая на высоком интеллигентном лбу весьма импозантно, а в глазах женщин — даже загадочно.

А так как он вновь говорит мне «добрый день», то, быть может, в конце концов я не выдержу, подойду и дружески скажу ему, что могло быть куда хуже. Он мог бы остаться и вовсе без глаза, а с такой пиратской внешностью не больно-то покрутишься среди интеллектуалов. Трос мог оборваться, столб — свалиться, и тогда несчастного положили бы под белую простыню (как нарочно, в моем тюке их было полдюжины). И, главное, я хотела бы его заверить, что никогда и никому не выдам тайны шрама — даже если бы изрубили в куски весь мой недюжинный тюк!

СОГЛАСИЕ

И слух и взор радует семья Каркласов. Для матери и для отца нет ничего важнее воспитания детей. Оба прекрасно понимают, что воспитывать следует не с помощью сухих назиданий и нудных поучений, а на

живых примерах. Оба прекрасно сознают, что их воспитательные методы должны не противоречить друг другу, а словно два ручейка сливаться в единый поток и слаженно журчать в общем русле... О нет, не сразу удалось Каркласам достигнуть такого согласия — в прошлом всякое случалось. Зато теперь! Теперь, как я уже говорила, гармония их семьи ласкает и слух и взор.

Воспитывать принимаются они с раннего утра.

— Снова ты поленился сделать утреннюю зарядку, сынок,— тихо, вполголоса сетует Карклене.— Неужели тоже хочешь превратиться в слабака, который еле ноги волочит? — Она тактично отводит взгляд от табуретки, на которой сидит Карклас.

— Доченька,— чуть ли не шепотом, нежно заводит Карклас,— зря ты на завтрак пироги уплетаешь! Возьми-ка лучше корочку черного хлеба — поздно будет садиться на диету, когда превратишься в гору теста.— Он изо всех сил старается не задеть глазами фигуру жены.

— Мальчик мой,— еще тише и ровнее выпевает Карклене,— снова нашла я у тебя в кармане сигарету. Неужто и ты будешь отхаркиваться на каждом шагу, хрипеть, как старый ворон? Неужто хочешь постоянно сплевывать сквозь желтые от никотина зубы, и жене даже стыдно будет куда-нибудь пойти с тобой?

Процесс воспитания нарушает резкий телефонный звонок.

— Запомни, доченька,— начинает отец семейства, когда жена наконец кладет трубку,— нет ничего отвратительнее длинного женского языка! Это же сущий ад для дома. Теперь женихи пошли похитрее, чем в мои времена, бегут от болтушек как от чумы.

— Не пропадай до ночи! — наставляет мать сына, заботливо поправляя на нем шарфик.— Перегуляешь в молодые годы, начнет из тебя до времени песок сыпаться.

— Взгляни-ка на себя,— подталкивает дочку к зеркалу отец.— Разве так можно? Дома тоже надо выглядеть красивой и аккуратной. Неужели и ты, едва за-

цапаешь муженька, сразу превратишься в общипанную курицу?

— Ай-яй-яй, детка,— ласково журит сына мать,— вон соседка сегодня снова жаловалась, что ты ее сына отлупил. Знаю, виной тому проклятая кровь твоего папеньки и всей его родни, но возьми себя в руки, сынок, пока не поздно! Ведь в отцовском роду не один на виселице кончил.

— Не терзайся, дочурка,— утешает отец,— что тебе в голову науки не лезут. Это гены твоей мамаши. Вся ее родня — одни неучи да знахари!

К вечеру старшие Каркласы едва ноги передвигают: воспитание — нелегкий труд, сколько сил отнимает, сколько здоровья! Они отправляются к себе в спальню, зажигают ночник и плюхаются на старую, широкую кушетку. Усядутся и тупо воззрятся на стену, где висит их фотография — из тех давних времен, когда их воспитательные методы еще не сливались в единый согласный поток, и поэтому снимок так и колет глаза.

— Повезло же тебе,— произносит Карклас осипшим от воспитания голосом.— Другой на моем месте давным-давно удрал бы куда глаза глядят! А я, дурак, мучаюсь, жилы рву, тащу свое ярмо...

— Одно мое святое терпение,— эхом откликается Карклене.— Другая давно бы тебя с пятого этажа сбросила, а я, идиотка, терплю, стиснув зубы...

И оба тяжело, но согласно вздыхают:

— Только ради детей!

РАЗВОД

Дожидаясь, пока его вызовут к судье, Карклас сидит в приемной и клюет носом. Всю ночь глаз не сомкнул — зато какую горячую речь подготовил! Какие железные аргументы нашел!.. Наконец секретарша просит его пройти в кабинет. Карклене уже здесь. Веки у нее припухли и глаза красные. Тоже небось ни минутки не соснула, готовилась смешивать супруга с

грязью. Уж она-то скажет! Такие слова выложит, такие картины нарисует, что куда там Каркласу! Он холодно кивает жене и усаживается напротив.

Судья зачитывает заявления сторон: и муж и жена просят расторгнуть их брак. Потом поднимается Карклене. В предчувствии града обвинений, которые вот-вот посыплются на него, Карклас боязливо втягивает голову в плечи.

— Мы прожили,— начинает Карклене,— двадцать три года. Сына с дочкой вырастили. Ничего дурного о муже сказать не могу.— В голосе сдержанность и спокойствие.— Просто хотим жить врозь, каждый своей собственной жизнью. Поэтому убедительно прошу суд расторгнуть наш брак.— И она медленно, с достоинством опускается на свой стул.

Судья даже расплывается в улыбке: не часто приходится слышать в деле о разводе такие культурные речи, тем паче — из женских уст!

Наступает очередь Каркласа. Однако он продолжает сидеть, словно гвоздями к стулу приколоченный. В душе творится нечто неописуемое — там все кипит, булькает, бурлит. Вот змея! Мало того, что загубила всю его жизнь, так и тут исхитрилась перца сыпануть и горчичкой помазать. Разве выдашь теперь заранее подготовленные филиппики?! Да ведь он бы прямо злодеем выглядел, а она, ханжа этакая, сидела бы святой страдалицей, потупив взор... Ну, погоди!

— Все, что тут было сказано... истинная правда,— через силу начинает Карклас.— Только не двадцать три года мы прожили, а больше, двадцать три и семь месяцев.— На его губах появляется трогательная улыбка великомученика.— Детей в люди вывели. Дай бог каждому так честно выполнить свой долг по отношению друг к другу, как мы выполнили. А теперь — хватит,— заканчивает он крепнущим голосом выздоравливающего больного и опускается на стул.

Его ответный залп метко поражает цель: Карклене не выдерживает, встает еще раз.

— Хочу воспользоваться случаем,— поворачивается она к Каркласу,— и поблагодарить своего бывшего

спутника жизни за весь совместно пройденный нами путь. Человек он был хозяйственный, деловой, на все руки мастер.— Она вытаскивает платочек и демонстративно прикладывает его к глазам.

— Я тоже должен сказать ей спасибо,— вскакивает Карклас.— Она была опрятной женщиной, пол в квартире всегда блестел, суп горячий, шлепанцы на месте.

— Зарплату,— улучив момент, вставляет Карклене,— целиком домой приносил, копейка в копейку. Летом в саду вкалывал, как ломовая лошадь.

— Когда я лежал в больнице,— прерывает ее Карклас,— по три раза в день прибегала: горячий куриный бульончик, клюквенный морс...

— А когда дочка у нас родилась — пеленки стирал, гладил.

— Девятнадцать свитеров мне связала!

— Сам кастрюли паял!

— Ногу мне массировала!

— Хрен натирал!

— Постойте! — не выдерживает судья.— Погодите! Если так, зачем вам разводиться? Может, помиритесь?

— С этой жабой? — вскидывается Карклас.— С этой раздутой паучихой, которая всю кровь из меня высосала, все жилы вытянула?!

— С этим иродом? — взрывается Карклене.— Да я из-за него света божьего не видела, в загнанную клячу превратилась!

И оба согласно заканчивают:

— Лучше живьем в могилу!

СКАМЕЙКА

Стоит мне свернуть на одну из тропинок парка, как у меня начинает сильнее биться сердце. Взгляд устремляется вперед, пробивается сквозь листья, сквозь ветви деревьев — туда, где должна стоять простая деревянная скамейка.

Предчувствие не обманывает — скамейки нет. От длинных, покрытых густым слоем масляной краски досок не осталось и следа. Лишь уныло горбятся цементные опоры, жалко торчат отогнутые, с отломанными шляпками гвозди, тоскливо каркают вороны и скорбно шуршат ветвями ели. Парк оплакивает свою скамейку.

— Ничего,— громко заявляю я парку и себе,— все будет хорошо. Немножечко терпения!

И действительно — стоит прийти сюда на следующий день, скамейка издали сияет новенькими досками. Только они уже не синие, как предыдущие, а ярко-желтые. Парк любовно поглядывает на свою обновленную скамейку, словно на цветущий одуванчик.

Однако, когда я забредаю сюда в третий раз, скамейки снова нет. Снова встречают меня одни голые цементные ноги и ломаные, исковерканные гвозди. Дерзкий вор, разбив камнем фонарь и выломав доски, исчез, аки тать во мраке нощи; но ничего, через некоторое время здесь вновь красуется голубая, как незабудка, скамья.

Эта упорная борьба идет уже много лет. С переменным успехом. Сказать, кто кого,— трудно. Мне даже кажется иногда, что самая горячая точка нашей планеты находится не где-нибудь в Латинской Америке или на Ближнем Востоке, а именно здесь, в нашем парке.

Кстати, я позабыла уведомить вас, что, кроме меня, эту горемычную скамью регулярно посещает один пожилой человек в пальто с бобровым воротником и в пенсне. Сняв перчатки, он внимательно, как терапевт, ощупывает торчащие гвозди или гладит новые доски — смотря что находит — и что-то бормочет себе под нос.

В эту последнюю нашу встречу он осторожно трогает пальцем голубенькую спинку и, убедившись, что краска еще не высохла, отходит в сторону. Кажется, он чем-то удручен, скорее даже обижен.

— Вот вы, например,— направляет он на меня стекла пенсне,— могли бы вы сказать, какая это по счету скамейка?

— Н-нет, не могла бы...— смущаюсь я.

— А я бы мог. Эта скамья, точнее говоря, деревянный новорожденный — тысячный! — В его голосе звучит досада.— Да!.. Совсем по-другому представлял я себе церемонию возрождения тысячной скамейки,— разочарованно жалуется он.— Я думал, что ради такого случая для постоянных посетителей парка будет устроен праздник-пикник с ножницами и лентой, с переносным буфетом и полутрезвым поэтом. Я не сомневался, что в качестве почетных гостей будут приглашены лесорубы — не только литовские, но даже из Карелии! Под звуки труб хозяева праздника душевно поблагодарят лесорубов за то, что они столь добросовестно обеспечивают страну, а тем самым и нашу скамейку, досками! Выскажут пожелания, чтобы этот замечательный юбилей вдохновил лесорубов на еще более славные трудовые успехи! Я даже надеялся,— старичок сгоряча снимает пенсне,— да что там — был уверен! — что в праздновании примет участие и сам ворюга, который унес доски со скамеек, что он под бравурный туш духового оркестра возьмет перед всеми собравшимися обязательство: еще быстрее, проворнее действовать, дабы приблизить день куда более замечательного праздника — день миллионной скамейки! Вот как оно могло быть... А тут — ничего!

Устав от длинной речи и позабыв, что скамейка свежеокрашена, он тяжело опускается на нее. Я не успеваю удержать... Позже, глядя на голубые полосы, украсившие его спину, думаю: ну что ж, нет худа без добра... Вернувшись домой и сняв пальто, он убедится, что ошибался: тысячная скамейка все-таки оставила свой след. И еще какой!

МЕРЫ ПРИНЯТЫ

Просматривая за завтраком воскресный номер газеты, Люткус наткнулся на интригующее сообщение: «Средняя продолжительность жизни женщины уже на

девять лет превышает среднюю продолжительность жизни мужчины. Если мужчины не примут срочных мер, этот разрыв будет расти и расти — разумеется, в пользу женщин».

Люткус отложил газету, отодвинул надкушенный блинчик и, прищурившись, долго наблюдал за своей дражайшей половиной, которая как ни в чем не бывало хлопотала возле плиты.

— Послушай, Ада,— задумчиво протянул он наконец,— а что, если с завтрашнего дня я сам, лично, стал бы водить Дайвочку в детский садик?

— Ты?! — оторопела жена.— Вставать на час раньше, подвергать опасности в троллейбусе свою драгоценную дубленку? И пуговиц не жалко?

— Подумаешь, пуговица! — расправил плечи Люткус.— Надо же человеку утром поразмяться! — И, не давая жене опомниться, добавил:— Надеюсь, ты не станешь возражать, если и все продукты я сам буду приносить домой?

Ноги у Ады подкосились и, застонав, она опустилась на табуретку.

— Неужели будешь в обеденный перерыв бегать по магазинам?

— А что? — хитро ухмыльнулся муж.— Может, и мне полезно сочетать умственный с физическим?

Совсем обалдевши, жена что-то бессвязно забормотала.

— А как тебе понравится,— продолжал наступление Люткус,— если я заодно возьму на себя и уборку квартиры?

Из рук у нее выпала тряпка.

— Не пойму, куда ты клонишь,— охрипшим вдруг голосом проговорила она.

— Надеюсь,— энергично нагнувшись и подняв тряпку, заявил Люткус,— что и возле плиты я сумел бы не хуже тебя управляться.

— Но,— еле слышно возразила жена,— но... это же чисто женское занятие... мужчины обычно как от чумы...

— У меня даже руки чешутся,— перебил ее Люткус,— так охота самому мариновать и консервировать! Кстати, где у тебя тот рецепт яблочного пирога, который, помнишь, принесла Стефания?

— Стефания? — Ада побледнела мертвецки.— Ты что-то скрываешь от меня! — еле произнесла она трагическим шепотом.

— Скрываю? — На всякий случай Люткус сложил газету и незаметно сунул ее в карман.— Сама же упрекала, что не помогаю. Так вот, ступай себе и не мешайся на кухне!

— Куда... ступай? — губы Ады дрожали.

— А куда хочешь,— небрежно взмахнул рукой муж.— В кино, в читальню, в бар, рыбачить на реку... Не помешало бы и в спортхалле заглянуть — там нынче международные соревнования по стоклеточным шашкам.

— Значит, гонишь, как собаку, на все четыре стороны?.. Уж лучше прямо скажи, что хочешь от меня отделаться... что... что...— горло у нее перехватило и, упав грудью на обеденный стол, она дала волю слезам.

С истинно мужским самообладанием Люткус переждал, пока у жены не пройдет первый приступ нервного припадка, пока не перестанут судорожно вздрагивать плечи. И тогда бодро заявил:

— Ну вот, разревелась, как дитя малое! Шуток, что ли, не понимаешь?

— Шуток?..— Жена подняла на него распухшие глаза.— Хорошенькая шутка! Она у меня целый год жизни отняла!

— Так!— быстренько подсчитал Люткус.— Значит, еще восемь таких шуточек — и разница между нашими средними возрастами будет сведена на нет...»

И он с удвоенным аппетитом принялся уписывать блинчики.

У ВРАЧА

С недугом своим я ознакомила врача сразу, едва переступила порог его кабинета, памятуя, что люди этой благородной профессии заняты по горло и для больных времени у них в обрез.

— Здравствуйте, у меня склероз мозга,— заявила я, прикрывая за собой дверь.— Все на свете забываю и вообще теряю последние остатки памяти.

Врач ответил на мое приветствие и пригласил сесть. Он даже поднял на меня глаза и ободряюще улыбнулся — такое хорошее впечатление произвело на него мое чистосердечное признание.

— Так-с, значит, плохо с памятью,— констатировал он.— Фамилия?

Узнав фамилию, он исчез за ширмой, чтобы вымыть руки. Мыл долго. Я поняла, что память мою будет он ощупывать стерильно чистыми руками, и еще раз убедилась, что открыла нужную мне дверь.

Наконец хозяин кабинета, пахнущий чистым полотенцем и яичным мылом, появился из-за ширмы. Долго рылся в карманах халата. Ничего там не отыскав, взглянул на меня и снова поздоровался:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте,— ответила я.

— Что привело вас к нам?

— Да память же.

— Ах, память... И что же с ней случилось? — осведомился врач.

— Не помню ничего,— повторила я.— Сразу же все забываю.

— Вот как? Это нехорошо — сразу все забывать,— пожурил он меня.— Очень нехорошо... Ваша фамилия?

Я повторила фамилию, добавив к ней имя. Просто так, для проверки собственной памяти.

Сев за стол, он принялся разбирать истории болезни.

— Итак, на что жалуетесь? — поинтересовался он, продолжая рыться в бумагах.

— Память ослабла,— прошептала я.

— Ясненько,— пропел он, извлекая из груды пухлую папку.

Когда я увидела свою историю болезни, меня просто пот прошиб! Толстая, как том энциклопедии. Хоть убей, не помню, когда успела столько наболеть. Это еще раз подтверждало, что память у меня в самом плачевном состоянии.

Кое-как одолев этот трактат, врач развел руками:

— Ну, знаете ли, после двух инсультов нельзя требовать чудес от своей памяти. Да и возраст пенсионный...

— После двух инсультов?! — изумилась я.— Абсолютно не помню. А возраст... Не девочка, конечно, но...

— Ведь вы — Шпокявичене Броне Антоновна, 1887 года рождения. Здесь черным по белому написано — перенесла два инсульта.— Голос стал строгим, брови нахмурились.

Я клятвенно заверила его, что никакая я не Шпокявичене, однако врач согласился с моим утверждением лишь после того, как раскопал наконец действительно принадлежащую мне историю болезни.

— А-а!— полистал он ее.— Ясно. Так на что жалуетесь, если вы не Шпокявичене?

— Память у меня, знаете, ослабла.

— Ясненько, ясненько,—закивал он.— Значит, память на обе ноги хромает...

Что еще приключилось с ногами моей памяти, я так и не успела услышать: врача позвали к телефону. Вернулся он не скоро. Зато, вернувшись, широко заулыбался и пожал мне руку:

— Здравствуйте, здравствуйте! Мы, кажется, с вами знакомы. Где встречались-то? Не у Каркласов ли?

— Да,— подтвердила я,— встречались. Только не у Каркласов.

— Да, да. У меня исключительная память. Один раз увижу человека — и на всю жизнь... Так что у вас? Нога, кажется, хромает?

— Нет, память,— шепнула я.

— Ах да, память! Сегодня, сдается, кто-то уже жаловался на подобное недомогание. Значит, память прихрамывает? Разберемся...

Но мне снова не удалось выяснить, что же случилось с моей памятью: в дверь сунулся какой-то пожелтевший субъект.

— Доктор,— просипел он,— вы мне рецепт...

— Помню,— успокоил его врач.— Вылечим вашу память.

— Желудок,— возразил желтый.

Когда, получив рецепт, он исчез, врач обернулся ко мне. На этот раз не поздоровался, и я даже немножко обиделась.

— Вот что,— сказал он решительно.— Сейчас получите направление и завтра, с самого утра, отправляйтесь в лабораторию. Сделаем зондирование.

— Мозга? — ужаснулась я.

Он снисходительно улыбнулся. Видимо, обладал чувством юмора.

— Желудка,— подмигнул он мне.— Всего хорошего.

— Всего хорошего,— поднялась я.

Он исчез за ширмой. Снова запахло полотенцем и яичным мылом. Я поняла: если не сменю тактики, придется здесь заночевать. Хотя я уже очень привязалась к этому человеку, хотя день и ночь с удовольствием слушала бы его любезное «здравствуйте» и вдыхала аромат яичного мыла, все-таки следовало подумать и об интересах других больных, для которых у него совсем не оставалось времени.

Когда он вновь появился из-за ширмы, я уж и не помню, кто первый сказал «здравствуйте». Кажется, произнесли мы это слово синхронно.

— Так какая же хворь на вас напала? — поинтересовался он.

— Не помню,— пробормотала я, отступая к двери.— Забыла...

Он снова улыбнулся и подмигнул — безусловно, ценил юмор.

— Не помню,— повторила я, открывая дверь.

— Только не забудьте сделать зондирование желудка,— донесся до меня его заботливый голос.— Прямо с утра.

— Спасибо,— откликнулась я из коридора,— не забуду! Если не охромею вконец...

КОНКУРС

И ящиков с яблоками дополна, и очередь терпимая, и весенний денек ослепителен — что еще нужно человеку? Мурлыча песенку, постепенно приближаюсь к прилавку и вдруг слышу приглушенный, но душераздирающий голос. Озираюсь по сторонам: оказывается, это женщина, уже покупающая яблоки.

— Будьте добры, девушка,— голос дрожит, в нем слезная мольба,— взвесьте из того ящика, там покрупнее... мне в больницу... маме... операцию сделали... Вон то... красненькое... и еще вот это... нет-нет, рядом... спасибо!

Очередь неприязненно и напряженно следит, как она, уложив в сумку отборные яблоки, торжествующе шагает к выходу — маме ей, видите ли, в больницу!

— Раз такое дело,— жалобно тянет очередной, пробившийся к весам покупатель,— то и мне тех, красненьких... отчим у меня, родного отца роднее, в аварию попал... едва спасли... нет, этого не надо, битое... вон то... то... и рядышком... ага.

И вот уже, затаив дыхание, мы ждем, что же запоет третий. Может, откажется от борьбы? Но где там!

— Двое сироток,— начинает он утробным голосом.— У одного авитаминоз, у другого цирроз, глюкоза позарез нужна... нет, нет... только не из этого ящика... из того... во-во... те...

— Послушайте, а нам что останется? — возмутился кто-то в конце очереди.

Ему, конечно, никто не ответил. Когда тут было отвечать? Все принялись готовиться к собственным бе-

нефисам. Мужчина передо мной сгорбился, девушка у меня за спиной что-то едва слышно зашептала, а женщина, стоявшая за ней, вытащила зеркальце и принялась изучать собственную мимику.

Продавщица тоже не дремала — извлекла из-под прилавка и выложила на высокую полку за своей спиной три яблока размером с арбуз: без слов ясно — победителю конкурса. Таких яблок мы в овощном отродясь не видывали: не иначе, с какой-то выставки.

Теперь внимание всей очереди сосредоточилось на четвертом соискателе.

— Вам для кого? Жду! — Продавщица окинула его взыскательным взглядом великого Станиславского.

— М-м-м...— мямлил парень, словно язык у него отнялся. Видимо, понял, как возросли требования после трех предыдущих гастролеров.— М-м-м... м...

— Малярия...

— Менингит...

— Муха це-це...— посыпалось, как из суфлерской будки.

— М-м...— Вцепившись в прилавок, чтобы не упасть, парень разъяренно оглянулся на советчиков, потом рот у него перекосило, голова затряслась, нос и щеки налились багрянцем.— М... мне са... самому,— с трудом выдавил он.— Из того...

Наступила очередь девчушки, совсем еще маленькой. Нос до тарелки весов не доставал, но малышка очень складно выпалила:

— Для братика, его на пятидневке заразили! Заизвесткование стенок периферийных кровеносных сосудов! Только из то-го или — ничего!

Мы восхищенно переглянулись: растет смена! Новое, высоко профессиональное поколение, такие не пропадут...

Как выступали следующие соискатели, я уже не слышала и не видела: близился мой бенефис.

— Что для вас? — донесся требовательный голос, и я увидела уставленный на меня, как сквозь прорезь прицела, пронзительный и насмешливый глаз.

Я склонилась над весами и конфиденциально шепнула:

— От товарища Бубялиса...

Первое, что на ум пришло.

— Ясно,— понимающе кивнула продавщица, доставая с полки все три королевских яблока и опуская их в мою сумку.— Кушайте на здоровье.

— Спасибо,— сдержанно поблагодарила я, расплачиваясь.

Победитель определился. Конкурс окончился.

ВКУСНО И СЫТНО

Ничто так не мешает человеку вкусно и сытно поесть, как указания, что именно и сколько ему надо съедать.

Помнится, раньше я всегда пила перед сном кефир. Бывало, в постель не лягу, пока не опорожню стаканчик прохладного, свежего кефира. Теперь видеть его не могу! Оказывается, хочешь не хочешь, а должен ты перед сном пить кефир: продукт этот чрезвычайно полезен для кишечника, уничтожает расплодившиеся там вредные бактерии, стимулирует деятельность пищеварительного тракта и так далее. Стоит мне теперь взглянуть на бутылку кефира, как тут же возникает перед глазами кишащий бактериями кишечник и тарахтящий, как несмазанный трактор, пищеварительный тракт. Может ли, скажите, такая картина вызвать аппетит?

Разонравилась мне и морковь — поставщик каротина. Оказывается, только враг собственной печени может позволить себе пренебрегать этим корнеплодом. Ну и пусть будет одним врагом больше, но печеночной моркови мне не надо. Хочу обыкновенной, натуральной каротели, без комментариев и каротинов. Увы, таких морковок уже нет и никогда не будет...

А картошечка с квашеной капустой? Господи! Доводилось ли вам едать что-либо вкуснее? У меня до

сих пор слюнки текут, стоит лишь вспомнить дымящуюся тушеную картошку и пахнущую дубовой бочкой капусту с тмином! И что же? Разве получишь удовольствие от современной кислой капусты — белков с аминокислотами, без которых организму грозит авитаминоз? Аминь теперь аминокапусте! Лучше уж буду бочку грызть — влияние дуба на организм, слава богу, еще не исследовано!

А желудок? Все, что отправляешь в него, должно быть строго нормировано, распределено: вечером ничего лишнего не закладывай — отдай, как говорится, врагу, утром грузи, словно в рефрижератор. А во время обеда положи на стол счетчик и суммируй калории. Запомни: отправлять туда на ночь трудно перевариваемые продукты, например крабов, строго запрещается, так как эти крабы остаются в желудке целых семь часов... О боже, да пусть остаются они там хоть семь суток, было бы где достать этих крабов!

Знавала я одного типа с больной почкой. Как же послушно выполнял он все до единого предписания врачей, не за своим здоровьем следил, только за этой самой почкой. Ни крошки не позволял себе съесть из того, что нравилось ему самому, но было не по вкусу почке; цацкался с ней, нянчился, словно с капризным младенцем, не знал, чем угодить, как ублажить. Может, почке и было хорошо, может, она как сыр в масле каталась, но во что превратился сам мой знакомец? В загнанную клячу, в раба крепостного!

Возможно, моя точка зрения устарела или я просто не могу приспособиться к трезвому и рациональному взгляду на усвоение пищи (мерзкие, отбивающие всякий аппетит слова!)... Возможно, новое поколение будет есть — извините, «усваивать пищу» — иначе.

— Сынок,— говорю, подавая своему отпрыску жареные грибы с гарниром из овощей,— сынок, в этой тарелке тысяча сто двадцать калорий! Знаешь ли ты, что в белых грибах семь десятых процента целлюлозы? А без целлюлозы, как известно, невозможно изготовить даже школьные тетради. Кроме того, в грибах содержится железо, и поэтому тебе не придется

грызть ложку, о которую можно сломать зубы. Из железа делают сталь, из стали — мотор самолета: помнишь, как летел ты на высоте в девять тысяч метров, усваивая леденец? И еще, сынок, в килограмме грибов — полтораста граммов углеводов, а без угля и воды остановились бы электростанции, и пришлось бы тебе усваивать пищу в полной темноте. А сколько тут кальция! Знаешь ли ты, что такое кальций? Ведь это только благодаря ему, кальцию, в вашей школе имеется прекрасно сохранившийся скелет человека. Так что бери ложку, сынок, и усваивай!

Сын берет ложку и, выпучив глаза, смотрит в тарелку, как на пропеллер самолета или турбину электростанции. Вдруг ложка выпадает у него из рук, глаза наполняются слезами.

— Не хочу скелета,— всхлипывает он.

— Не плачь,— утешаю я его.— Все меняется. Когда-нибудь образумится и наука о питании. Она скажет: наплюйте на все эти амины, почки и турбины! Думайте о себе. Пейте кефир не для уничтожения бактерий! Уплетайте грибы, не заботясь о будущем целлюлозной промышленности,— разве мало лесов со всеми грибами слопала она сама? А в праздник так закусите, чтобы печень перевернулась,— пусть и она, бедняжка, почувствует, что такое праздник!..

И еще один совет: если вам когда-нибудь удастся раздобыть крабов и пристроить их в желудок — не порите горячку! Держите их там до тех пор, пока не достанете новой банки — пусть хоть целую пятилетку. Только так!

НАГРУЗКА

Что дают? Пытаюсь протолкаться в угол, где высится некая проволочная емкость на колесиках. Покупатели облепили ее, как пчелы — улей, хватают одну за другой сетки с картошкой, разглядывают, бросают обратно и вновь выуживают и рассматривают.

Когда я с грехом пополам все-таки пробиваюсь к высокой железной клетке, именуемой контейнером, глаза лезут на лоб; в каждой сетке вместе с клубнями уложено по жирной... крысе!.. Зажмуриваюсь, мотаю головой, опять открываю глаза: да, вместе с картошкой в сетках — крысы, только их длинные хвосты торчат наружу, чтобы было за что ухватиться. И самое удивительное: никто не удивляется, только все сосредоточенно копаются, перебирая сетки в поисках такой, где картошка покрупнее, а крыса помельче. А неподалеку на высоком табурете восседает продавщица и наблюдает, чтобы никому не вздумалось порвать сетку и выбросить крысу.

— Скажите, пожалуйста,— обращаюсь я к ней через головы покупателей,— откуда они, эти крысы?

— С базы, откуда же еще? — пожимает она плечами.

— А почему вместе с картошкой?

— Потому что они грызли корнеплоды, и теперь на базе образовалась недостача. Отгрузили нам с грызунами, но почему магазин должен нести убытки из-за этих грызунов? Вот и продаем картофель с нагрузкой.

— Но почему они... такие жирные? — ужасаюсь я.

— Ничего удивительного — переедали, излишек крахмала, углеводов,— со знанием дела объясняет продавщица.

— А хвосты... хвосты-то какие,— шепчу я.

— И хвосты отросли по причине гипервитаминоза. Надо соблюдать разумную диету.— Во, шпарит! Прямо доктор наук.

— Но почему,— отдергиваю я руку,— почему эти крысы мокрые?

— Ну, милочка, это же элементарно: пока с базы везли, пока сортировали, развешивали, паковали — происходила усушка. Разве может магазин и от этого нести убытки? Вот и окунули в воду, чтобы вернуть продукту живой вес,— с невероятным терпением втолковывают мне.

— Гляньте! — радостно вскрикивает один из покупателей.— А я с мышкой нашел! Ура, с мышкой!

— Везунчик, счастливчик,— шипят завистливые голоса, а руки с еще большей прытью роются в контейнере.

— А что мне делать с размоченной крысой? — продолжаю допытываться я.

Окружающие замирают и недоуменно пялят на меня глаза: из деревни, что ли, явилась? Надо же — такая темнота!

А продавщица сидит на табуретке и улыбается публике со своей недосягаемой высоты. Подумать только, какая невозмутимая продавщица! Закрываю глаза — не наваждение ли? — снова открываю, а она все сидит и все улыбается.

— Что делать? — по-прежнему терпеливо и вежливо разъясняет она.— Обдать кипятком, добавить пряностей, хорошенько потушить и... выбросить. Возле кассы висит инструкция, рекомендую ознакомиться.

— Эй, хозяйка, или бери, или дай другим взять! — кто-то нетерпеливо дергает меня за рукав.

— Беру, беру,— отмахиваюсь я, а сама вновь пристаю с вопросами:— А можно купить только картошку, если я заплачу, как за картошку с нагрузкой?

— У нас же образуются излишки,— назидательно покачивает головой на своем олимпе представительница торговли.— Если все начнут брать продукт без нагрузки — куда крыс девать? Ведь утонем в них! Хорошенькое дельце!

— Послушайте, кто она такая? — все громче шушукаются вокруг меня.— С луны свалилась?

— Не наш человек, не наш! — трясет головой толстая пенсионерка, связывая узлом два хвоста, чтобы удобнее было нести.

— Ишь, барыня в белых перчатках выискалась — то ей не так, это не этак...— поддерживает ее другая, тайком выколупывая из сетки самую крупную картофелину и засовывая ее в рукав.

— Таких не ругать, таких воспитывать надо,— заступается за меня широкоплечий молодой человек, выжимая нагрузку, из которой струями хлещет вода.

Беспомощно оглядываю его и остальных. И тут в голову приходит идея:

— А можно,— обращаюсь к продавщице,— взять только крысу, без картошки?

— Пожалуйста!

Не успела я и глазом моргнуть, как в моей сумке очутилась крыса величиной с доброго кота.

— Спасибо. А теперь прошу отдельно — картошку.

— Ну и шутница! — Продавщица хохочет, а вместе с ней потешается и весь магазин, даже крысы скалятся, даже контейнер трясется от смеха.— Я же вам доходчиво разъяснила: одну картошку не продаем! Забирайте свою покупку и не мешайте работать!

— Нет, нет, нет, она точно не наш человек! — хором скандируют покупатели.

Меня охватывает ужас, безграничный ужас.

— Может,— отступаю я,— может, все это мне только снится?

— Снится или не снится, а нагрузочку взять придется!

Тащу свою крысу, бреду, пошатываясь, как пьяная, к кассе и... и...

И просыпаюсь.

Долго не могу прийти в себя.

— О боже, боже,— вырывается стон,— уже и сны... и сны уже с нагрузкой.

СОВСЕМ НЕПЛОХО

Дело шло к полуночи. На столе уже появилось шампанское, и мы торопливо рассаживались. Я несколько огорчилась, когда место рядом со мной занял не тот, высокий, красиво поседевший мужчина, а грузный, лысый дядечка. «М-да... неважно, неважно

кончается старый... плохо, плохо начинается новый...» — тихо вздохнула я.

Гости сосредоточенно наблюдали за хозяином, раскручивавшим проволочку на пробке шампанского. Сейчас как выстрелит!

— Если у вас слабое сердце,— пошутил мой сосед,— затыкайте уши.— И полусерьезно добавил:— Я — кардиолог.

— Кардиолог? — повернулась я к нему вместе со стулом.— Кардиолог!.. Я же как раз собиралась...

— До двенадцати осталось три минуты! — торжественно объявил хозяин.

— Даже в эти минуты,— шепнула я кардиологу,— нет ничего важнее сердца. Остановится — вот вам и Новый год!

— Это верно,— согласился он.

— Если так,— ответила я,— то посмотрите мне в глаза.

Сосед смущенно уставился на мою переносицу.

— Не кажется ли вам,— спросила я,— что одно веко у меня — забыла какое — несколько припухло? А по утрам припухают оба. Неужто сердце?

— Зайдите ко мне в отделение,— ответил он.— Исследуем.

— А то вдруг ни с того ни с сего покалывает под левой лопаткой,— добавила я.

— Приходите,— сдержанно ответил он,— в отделение.

Кто-то погасил люстру. Стол освещали только елочные свечи.

— Дайте руку,— в полутьме потребовала я.— Смелее! Вот так,— придавила его пальцами свое запястье.— Ну, и что скажете?

— Почти... ничего,— виновато пробормотал он.

— Нет, вы вслушайтесь, вслушайтесь в пульс: тик-тик-ти-и-и-ик — явная экстрасистолия...

Зазвучал перезвон курантов. Новый год! Все вскочили, поздравляют друг друга, обнимаются, целуются. Мой кардиолог тоже устремился было куда-то с бо-

калом шампанского, но я успела поймать его за полу пиджака и усадить на место.

— А иногда,— шепчу,— бывает подряд: ти-и-ик, ти-и-и-ик.

— Посмотрим в отделении.

— Может, взглянете на мои икры? — приподняла я скатерть.

Он заморгал и чуть не пролил шампанское.

— Видите? Левая вроде бы толще правой. Тоже сердце?

Он помассировал свое собственное сердце — ясное дело: своя рубашка ближе к телу — и прошептал:

— В отделении. В отделении. В отделении!

— У одного моего приятеля...— начала я, но кончить не удалось. Нашу интимную беседу нарушила какая-то пышная дама, принесенная вальсом Штрауса. Осыпав моего кардиолога конфетти, она пригласила его танцевать.

Однако мне снова удалось удержать соседа: я отказала ей, отрицательно покачав вместо него головой. Дама вспыхнула, передернула плечиками, швырнула в нас еще одну горсть конфетти и растаяла.

— Так вот, у одного моего приятеля... очень близкого приятеля, понимаете?.. покалывает шейный нерв слева. Наверное, тоже сердце?

— Пускай... приходит...— прошипел он.

— Кстати,— спохватилась я,— мне еще никогда не доводилось бывать в вашей больнице, даже не знаю, с какого конца туда заходить.

— Приходите и выходите с любого конца.

— С приятелем?

— Со всеми приятелями.— Он дернул вниз узел галстука и расстегнул воротничок.

— Могу вам похвастаться — я всячески закаляю сердце. Каждое утро влажным полотенцем растираюсь. Особенно — левую сторону. Правда, кое-кто считает, что полезнее растираться сухой щеткой. А вы как думаете?

— В от-де-ле-ни-е...— изнемогая, выдохнул он, вытянул ноги и бессильно уронил голову.

Тут приблизился к нам незнакомый мужчина и поклонился мне, приглашая на танец. Окинула его взглядом — высокий, красиво седеющий, мечта! Но следует ли менять кардиолога на него, пока не выяснено — щетка или полотенце? Кроме того, он ведь не посмотрел еще мои гланды, не пропальпировал грудную клетку.

Элегантный красавец ждал.

— А этот кто? — шепотом осведомилась я у соседа, пырнув его локтем.

Кардиолог с усилием приоткрыл глаз.

— Юрискон...— еле-еле выдавил он, голова его вновь поникла, глаз закрылся.

— Юрисконсульт!— воскликнула я и повисла на шее у нового кавалера.— А ведь я как раз собиралась...

«Нет, неплохо начинается новый год,— подумала я, весело притопывая в объятиях юриста и не отпуская его шеи.— Да и старый неплохо кончился... совсем неплохо!»

КОЕ-ЧТО

Ранним зимним утром меня поднял с постели телефонный звонок. Незнакомый голос осведомоился, я ли это.

— Да,— пробормотала я, витая еще в объятиях Морфея.

— Очень приятно.— Голос назвал свою фамилию, которую я слышала впервые.

— Да.

— Звоню вам прямо с вокзала.

— Да.

— Я только что приехал из города Н.

— Да.— Если он приехал из города Н. для того, чтобы нарушить мой самый сладкий сон, то своего добился.

— В Н. живут наши общие знакомые П.,— продолжал голос.

— Мало знакомые,— поправила я. Если он рассчитывает с помощью общих знакомых превратить мою квартиру в гостиницу — пусть попробует!

— Они дали мне ваш телефон,— со значением произнес голос.

— Да,— без всякого значения ответила я.

— Они просили непременно позвонить вам...

— Да,— на этот раз в свое «да» я постаралась вложить столько льда, сколько было его на окне и за окном.

— И кое-что передать...

— Да. Что?! — Весь мой сон и весь лед внезапно разлетелись вдребезги.— Передать... Что?

— Кое-что... Но, может быть,— засомневался голос,— может быть, я передам вам это кое-что заочно?

Заочно? Значит, через какое-то третье лицо, которое передаст неизвестно когда, неизвестно где и неизвестно что? Знаю я этих заочников как облупленных!

— Ни в коем случае! — решительно, но не грубо воспротивилась я.— Прошу вас ко мне в гости. Сейчас. Жду.

— Но,— не сдавался голос,— я тут должен еще в вокзальный буфет заскочить.

В буфет? Ясное дело, такому только дай волю: зайдет в буфет, а оттуда едва на четвереньках выберется и будет переползать из буфета в буфет до тех пор, пока последнюю рубаху не спустит, что уж говорить о том, что должен он был передать другим!

— Никаких буфетов,— категорически, но радушно заявила я.— Перекусите у меня. Угощу хорошим кофе, кролик у меня есть, тесто для пирожков готово. Очень прошу вас поторопиться. Жду.

— Но,— набивал себе цену голос,— я не один... неудобно оставлять... в одном купе ехали...

— Что за вопрос! Вы — мой гость, значит, ваш друг — тоже мой друг и гость! — Тут уж в моем голосе зазвучали прямо-таки кавказские нотки.

— Но...

По тому, как он сопротивлялся, я поняла, что сама виновата — слишком переморозила вначале. Пусть это

станет уроком на будущее: прежде чем сунуть кого-то в холодильник, разузнай как следует — кого! Это тебе не треска и не утка третьей категории, а живой и, главное, имеющий кое-что передать человек!

— Какие могут быть «но»! — горячо воскликнула я.— Вы же только что с поезда! Вы должны мне кое-что передать. У нас общие знакомые. Значит, ставлю кипятить воду для кофе. Тушу кролика. Открываю бутылочку ликера! Какие у вас еще могут быть «но»?!

Мои аргументы, особенно последний, наконец растопили лед.

— Ладно,— сдался голос,— еду!

Подрумянивая кролика, я и сама заливалась румянцем от приятного ожидания. Чем же может оно быть — это кое-что? Если человек будит тебя спозаранку, звонит прямо с вокзала, значит, кое-что — это или скоропортящийся продукт, или нечто крупное, такое, что неудобно таскать с собой по городу. Надеюсь, не книги — книги я сама пишу и раздариваю направо и налево, в том числе и семье П. подарила. А семья П.— побольше бы таких семей! — решила меня отблагодарить. Хоть и живут они в городе, но у них свой сад и даже собственная коптильня в пригороде. Город Н. славится замечательными мастерами сыроварения и складными велосипедами, а район — фермами черно-бурых лисиц. Так что есть из чего выбрать, если захочешь кое-что передать!

Когда, накрыв стол на двоих, я отворила дверь, то на пороге увидела четверых — полный состав купе! Обладатель голоса — очень худой, но с толстенным саквояжем — представил своих товарищей. Пока они отряхивали в прихожей снег, я быстренько выставила еще два прибора. Затем любезно пригласила всех подкрепиться чем бог послал и чувствовать себя как дома.

Когда все четверо налопались до отвала и старательно извлекли из бутылки последние капли ликера, мой незнакомец вытер губы и откашлялся. Я поощряюще кивнула: самое время.

— Семья П. ...— начал он.

— Семья П.,— вставила я,— очень близкие мне люди.

— ...просила передать вам...

Я машинально встала, чтобы освободить ему дорогу к саквояжу. Однако он даже не шелохнулся. Поэтому последующие его слова мне пришлось выслушать стоя, тем самым придав церемонии передачи особо торжественный характер.

— Просила передать вам привет.

Я бы продолжала стоять, но у меня подкосились ноги, и пришлось опуститься на стул. Гости в упор смотрели на меня. Один поднес к губам салфетку — надеюсь, для того, чтобы смахнуть крошку.

— А покормили вы нас отменно! — нарушил наконец молчание знакомый моих знакомых.

— Да, да, отменно! — благодарно закивали трое остальных.

— Кофе-то наполовину с ячменем,— сдержанно заметила я.

— На вокзале и такого не получишь! — отпарировал один из попутчиков моего незнакомца.

— А кролик,— добавила я,— тухловатый. Смотрите, как бы чего с желудком не приключилось.

— Желудки у нас луженые,— не отнимая от губ салфетки, прошипел другой.

— А ликер...

— Ликер отличный,— не дал мне кончить теперь уже несколько знакомый незнакомец и повернулся к попутчикам:— Ну что ж, братцы, выполнили свой священный долг и можем двигаться дальше. Пора.

Пока они пыхтя натягивали свои пальто в прихожей, которая от нанесенного ими снега превратилась в болото, мысли мои вертелись вокруг семьи П. И в самом деле, какая занятная семья! Я шлю им книгу с собственноручной дарственной надписью, так сказать духовную пищу, а они в ответ присылают мне на кормежку четыре души с приветом. Да еще в самый разгар сна!

Уже спускаясь по лестнице, знакомый моих знакомых обернулся и с упреком в голосе спросил:

— А вы — ничего не хотели бы передать семье П.?

— Почему? Хотела бы,— призналась я.— Только не знаю как.

— Наш поезд,— со значением проговорил он,— прибывает в Н. в полпятого утра.

— Тогда,— взвешивая каждое слово, ответила я,— мне тоже хотелось бы послать с этим поездом семье П. кое-что, да еще с приложением.

— С каким приложением? — оживился он.

— С мешком! Передайте им мой привет и целый мешок наилучших пожеланий!

Он было заколебался.

— Не забудьте,— напомнила я,— что у П. есть собственная коптильня, а стол их не имеет себе равных в Н.

Его сомнения рассеялись.

— Договорились,— пожал он мне руку.— Всего хорошего.

— Только не забудьте,— крикнула я ему вдогонку,— не забудьте про мешок!

ПИСЬМО НА КУРОРТ

Дорогой!

Ты уехал, и дома сразу стало скучно и уныло, я просто места себе не нахожу. Взглянешь на опустевшее просиженное кресло перед телевизором — и сердце как клещами сожмет. Только одно меня утешает: бродишь ты теперь по сосновому бору, купаешься, занимаешься спортом, читаешь — словом, всячески повышаешь свой духовный и физический уровень.

А я? Я, разумеется, по-прежнему вожусь со своими кастрюлями, стиркой, вся в домашних заботах и трудах — не зря же ты нежно называл меня «домашней квочкой». Чтобы как-то заглушить тоску одиночества, я схватила метлу, тряпку, пылесос, распахнула

все шкафы, комоды, ящики, и... как же была удивлена, когда в обувном ящике обнаружились твои выходные полуботинки! Насколько мне известно, ты собирался взять их с собой на курорт. Что за чудо? Все стало ясно, когда я не нашла своих собственных туфель. Представляешь? Оказывается, укладывая твой чемодан, я в спешке перепутала свои с твоими — ведь те и другие на высоком каблуке, вот откуда эта роковая ошибка. Просто кошмарный случай. Теперь я целый месяц буду лишена своей любимой обуви! Но я не горюю, вспомнив, как ты однажды в шутку назвал меня «тряпичницей». Устыдилась и даже заставила себя весело посмеяться над этим маленьким недоразумением.

Отсмеявшись, я продолжила уборку, и тут меня ждала еще одна неожиданность. Но ты, вероятно, уже знаешь, в чем дело: импортные вельветовые штаны, которые так молодили твою немолодую фигуру и вместе с полуботинками на высоком каблуке удлиняли твои коротковатые ноги и посему предназначались для курорта,— они преспокойно висели в шкафу. Не мираж ли? Увы, никакого миража не было. Просто когда я, укладывала твой чемодан, домой вернулась наша Лаймуте и бросила свои старые вельветовые брюки на тот же стул, где лежали твои, и я по рассеянности (что ж, продолжай считать, что у меня куриные мозги!)... так вот я случайно перепутала их с твоими, и ты увез единственные штаны нашей единственной дочери. Бедная девочка! Она была так огорчена, что мне не оставалось ничего другого, как снести твои фирменные портнихе, чтобы она перешила их для нашей дочери. Надеюсь, ты не станешь возражать: молодежи необходимо поспевать за модой!

Придя в себя после всех этих ошеломляющих находок, я продолжала уборку, даже не подозревая, что главный сюрприз — впереди. Как гласит восточная мудрость, если неправильно застегнешь первую пуговицу, то и все другие тоже будут застегнуты не так, как надо... А теперь послушай. Вытаскиваю из ящика комода целлофановый мешок — помнишь, в нем

хранится старинная пожарная форма твоего отца со сверкающей медной каской,— так вот, развязываю мешок и... о ужас! Вместо пожарной формы обнаруживаю элегантный костюм, который ты пошил себе для курорта и место которому, конечно, было в твоем багаже! Что за удивительная цепь странных нелепиц! Прямо, как в замке с привидениями!

Поверь, я куда больше удивилась бы, появись из этого мешка зеленый человечек или твоя рыженькая секретарша. Но уже в следующее мгновение здравый рассудок подсказал мне, что секретарша не может сидеть в мешке и одновременно отдыхать на том же курорте, что и ты. Если разобраться, элегантный костюм оказался в мешке вполне закономерно. Укладывая его в чемодан, я побоялась, что в дороге он может помяться, и поэтому сунула его в мешок, подобный тому, где хранилась форма твоего отца. Но по рассеянности и в спешке (ты прав, называя меня раззявой!) все перепутала. Если бы ты видел, как я расстроилась: что будет, если твоему отцу вздумается, как обычно, продемонстрировать гостям эту реликвию? Что тогда?!

И все-таки мне немножко неспокойно, что я отправила тебя в дорогу в тренировочном костюме и кедах — чтобы в поезде не пришлось переодеваться. Кто мог предполагать, что содержимое чемодана столь фатально изменится? Хорошо еще, что при тебе остались усики, которые ты отрастил для курорта, и модный галстук. Представляю себе, как прекрасно они будут гармонировать с медной каской, если ты, надев ее, сообразишь заглянуть к пожарникам, чтобы передать им привет от твоего отца-ветерана.

Но что это я разболталась о нарядах — ты был тысячу раз прав, называя меня барахольщицей! Заканчиваю в надежде, что тренировочный костюм поможет тебе обрести прекрасную физическую форму, здоровье, бодрость, молодую энергию. Может быть, даже вернешься домой бегом, ведь портмоне с деньгами осталось во внутреннем кармане пиджака... Кстати, если приедешь до окончания срока, то квар-

тиру найдешь на замке, потому что мы тоже уезжаем отдыхать.

До радостной, столь ожидаемой мною встречи, дорогой курортник!

Твоя женушка

ДОЛЖОК

Еще издали замечаю приближающегося ко мне человека, у которого как-то заняла пусть небольшую, но все же некоторую сумму. Другой на моем месте юркнул бы в подворотню или метнулся на другую сторону улицы, пренебрегая опасностью угодить под машину. В крайнем случае притворился, что ничего вокруг не видит и не слышит, и как угорелый промчался мимо. Я же не только никуда не бегу, напротив, спешу, предвкушая удовольствие, навстречу бедняге, давшему мне взаймы. Чтобы получить в этой ситуации удовольствие, требуется очень немногое: надо лишь вообразить, что не ты ему, а он тебе должен пусть небольшую, но все же кое-какую сумму и что ее, черт побери, уже давно пора бы вернуть! Поэтому я, растопырив руки, ловко преграждаю своему заимодавцу дорогу, будто ловлю убегающего зайца, и восклицаю:

— Наконец-то ты мне попался!

Он удивляется и светлеет: пусть сумма и невелика, но, как говорится, на дороге не валяется.

— Догадываешься, зачем я тебя поймала? — заговорщицки подмигивая, весело осведомляюсь я.

— Нет,— кокетничает он, как старая дева, однако рука уже нащупывает кошелек, чтобы сунуть туда возвращенный должок.— Понятия не имею, зачем это мог я тебе понадобиться.

— И все же,— настаиваю я,— попробуй угадать, что ударило мне в голову в этот наш век всеобщего склероза!

— Откуда мне знать? — во весь рот улыбается он и чуть ли не вслух думает: «Зря я грыз себя, что одолжил этой особе пять рублей. Оказывается, она не только порядочный человек, но и с проблесками юмора. И к тому же остановила сама! Эх, зря опасался, можно было все полсотни дать, как она просила...»

— Вспомнила, что ты канарейку завел, а я еще и не поздравила тебя с этим приобретением!

Его рука застывает возле кармана, улыбка сбегает с губ, лицо принимает скорбное выражение.

— Как? Неужели канарейка успела сдохнуть? — Я тоже натягиваю маску скорби.

— Канарейка не сдохла. И не собирается. И вообще никто не сдох. И не собирается,— холодно чеканит он каждое слово, глядя куда-то в сторону.

— Так что ж ты нос повесил, если у тебя все здоровы и даже не собираются помирать? — удивляюсь я, останавливаясь возле киоска и вытаскивая из сумки кошелек.

Он вздрагивает от неожиданности и встает по стойке смирно, как солдат перед генералом.

«Нет, все-таки порядочный и весьма остроумный человек,— почти слышу, что он думает.— Чего доброго, ее следует познакомить с моей канарейкой. Ей-богу, жаль, что не дал полсотни. Положил бы теперь в карман этакую сумму!»

— Вот растяпа, чуть-чуть не забыла! — открываю я кошелек.

— Что забыла-то? — снова улыбается он, пусть уже не так радостно, как вначале, но улыбается.

— «Вечерку» чуть не забыла купить!

С гаснущей надеждой смотрит он, как я вытаскиваю двухгривенный, аккуратно укладываю в кошелек сдачу. А когда замок сумочки громко щелкает, он отшатывается, словно его молотком огрели. Подумать только — одалживаешь сущие гроши, какую-то жалкую пятерку (полсотни, жмот, небось пожалел!), а удовольствие получаешь на все пятьдесят!

— Что ж это я! — вскрикиваю, снова доставая из

сумочки кошелек.— Ну и склероз! А ты и не подскажешь!

— Чего — не подскажешь? — спрашивает он слабеющим голосом, однако мой намек столь многообещающ, что несчастный находит в себе пару домкратов, чтобы как-то приподнять уголки губ.

— Что же тебе-то газету не купила? Может, у тебя мелочи нет.

Качнувшись, он прислоняется к стенке киоска. Совсем убитым выглядит. Доконала... Не утешает его даже то, что выгадал он на этом дельце целых сорок пять рубликов — ведь всего пятерку взаймы дал, скряга!

— Что с тобой? — озабоченно осведомляюсь я.— Господи, болтаю о какой-то чепухе, а на тебе лица нет! Что случилось? Потерял что-то дорогое? Что-то непоправимое произошло?

Он не возражает. И в самом деле чувствует, что на веки вечные лишился пусть небольшой, но все же кое-какой суммы. Не подозревал, несчастный, что из-за нескольких рублей вынужден будет принять столько мук, другой-то и из-за сотни, глядишь, меньше пострадал бы. Конечно, мог бы собраться с духом и выложить мне прямо в глаза: так, мол, и так, если ты кое-что все-таки вспомнила в этот наш век всеобщего склероза да к тому же сама меня поймала, так уж будь любезна, возврати должок, который, черт побери, давно пора вернуть! Но разве может интеллигентный человек разрешить себе такое невежество? Да еще после того, как столь сочувственно осведомились о его возможных потерях и непоправимых бедах?..

— Кстати,— словно между прочим, бросаю я,— дико не люблю одалживаться, но...

Он не сразу соображает, что к чему, хотя мои слова не оставляют никаких сомнений.

— ...Но одолжи-ка мне карандаш. Хочу записать твой телефон: очень уж ты скверно выглядишь. Говори прямо: случилось что-то печальное?

Одеревеневшей рукой протягивает он карандаш. Попроси я сейчас, за милую душу весь свой бумаж-

шик с деньгами отдал бы, и ключ от квартиры, и часы и даже свидетельство о страховании жизни... Уж на что я тертый калач, а не могу надивиться: какие же они рохли, эти люди, дающие взаймы! Чуть что — и сразу опадают, как тесто на сквозняке.

— А не заскочить ли нам в кафе? — предлагаю, глядя на его траурную физиономию.

— Что? В кафе? — Лицо его мертвенно бледнеет. Дело ясное: тут не только своих денег не получишь, а, чего доброго, и за кофе платить придется!

— Посидим, выпьем, закусим,— говорю,— расскажешь о своих бедах — глядишь, найдем способ помочь горю.

— Нет-нет, я не пью и в помощи не нуждаюсь... Прощай.

Как вспугнутый заяц, отпрянул он в сторону и бросился прочь, чуть не попадая под колеса. Теперь не догонишь! Да и зачем? Вот если бы он был мне должен пусть небольшую, но все же кое-какую сумму, тогда бы уж я прижучила его как миленького, за оба уха ухватила бы... А так... пусть себе бежит. Удовольствиям тоже надо знать меру!

МУЖЧИНЫ И КАПУСТА

1. ЕДИНСТВЕННЫЙ

Один как перст торчит он между нами, двумя десятками женщин,— единственный представитель мужской половины рода человеческого в очереди за ранней капустой.

Из себя невидный, небольшого росточка, щупленький — в мужской толпе на такого и внимания не обратишь. Но здесь нет других мужчин, здесь он Единственный, и наши взоры волей-неволей устремляются на него, словно на церковный алтарь; устремляются, прилипают и не могут оторваться.

Каким ветром занесло его сюда? Из дому выгнали,

что ли? Ведь не может быть, чтобы сам, по собственной воле... Шарфик потрепанный, а туфли дорогие, модные. Шея коротковата, из лацкана пиджака торчит колючий конский волос.

Возможно, его тревожат наши взгляды, поэтому он все время ежится и сбивает с рукава невидимые пылинки. Вытягивает из кармана и встряхивает авоську. Несколько петель порвано, и вообще ей давно пора в мусорный ящик. Сует сетку обратно и извлекает потрепанный бумажник. Пересчитывает мелочь... семьдесят две копейки. Мы с облегчением вздыхаем: на кочан хватит!

Что и говорить, повезло его жене! Как тихо и терпеливо стоит — уже целых двадцать минут. Жива ли его матушка? Есть ли батюшка? Заботятся ли о нем сестры? А если круглый сирота? Наши глаза наполняются слезами...

А он все переступает с ноги на ногу, кладет бумажник в карман, вытаскивает носовой платок. Носовой платок! Вся наша очередь превращается в один большой микроскоп. Платок чистый, но неглаженый и на одном из уголков растрепалась мережка... Ой-ой-ой!

Интересно, не сам ли, вернувшись домой, будет варить эту капусту? Господи! Да если бы наши мужья однажды купили и принесли из магазина кочан капусты!.. Как же, дождешься от петуха яичка! Интересно, кто она, эта счастливица, подруга его жизни? До чего ей, наверно, легко и спокойно: муж стоит в очереди не за кружкой пива, не за комариными личинками, а за капустой! Она, конечно, этого не ценит. Почему-то у всех хороших мужей жены — или долговязые мымры, или легкомысленные бездельницы. «Ах, мне бы такого!» — думает каждая из нас. Как медленно продвигается он вместе с очередью, и какие у него старые, потертые перчатки.

Вот он уже у прилавка, сейчас возьмет кочан...

«Самый чистый ему, самый крепкий, самый красивый! — немым хором молим мы продавщицу.— Нет, не этот — вон тот, тот!»

Но продавщица тоже женщина, учить ее не надо. Прекрасно понимает все величие момента. Находит для него такой вилок, какого нам в жизни не получить.

— Разрешите,— тянутся наши руки,— разрешите подержать сетку!

— Далеко ли нести?

— Может, по дороге?

Он отрицательно мотает головой и, сунув кочан под мышку, кидается прочь из магазина, словно из осиного гнезда... Еще одно доказательство, что не бабник, не гуляка, как наши завсегдатаи пивных... Кто же она, эта недостойная, которой так повезло?

Не стало его — и в магазине сразу темно и пусто. Вот тут он стоял, тут прислонился к стенке, тут авоську вытаскивал... ничего не осталось... ничего...

«Эх, мне бы такого друга жизни...— в последний раз вздыхает каждая из нас.— Как умела бы я ценить, беречь его... Ни за что не позволяла бы ему за капустой таскаться. Я сама, сама!..»

II. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

На одной из самых поэтических улочек Старого города нет-нет да встречаю я свою Первую любовь.

Не ведаю, узнаёт ли он меня, когда проходит мимо, или не узнаёт, может, не хочет узнавать. Никогда не здоровается. Пусть. Мне и не надо, чтобы здоровался: впрочем, мы и прежде не здоровались. Когда-то давным-давно пригласил он меня на танец, я, конечно, не отказалась, потом снова пригласил и снова... Позже, когда встречала его на улице, у меня в глазах темнело, а в ушах звенели серебряные колокольчики...

С тех колокольчиков минуло чуть ли не два десятка лет. Первая моя любовь женилась, обзавелась детьми, из тесной комнатушки перебралась в просторную квартиру, даже стала получать надбавку за многолетний стаж. Видит небо, ничего плохого я ему не

желаю: пусть крепкими дубочками растут его сы новья, стройными липками — дочери, пусть округляет ся и сияет, подобно полной луне, его супруга, пусть ярко и ровно горят поленья в священном очаге его семьи...

Мне хочется только одного: чтобы какой-нибудь опытный психолог объяснил, почему захлестывает ме ня волна радости всякий раз, когда вижу его непо мерно длинный плащ и кепчонку, едва прикрываю щую макушку? Почему, стоит лишь мне усмотреть болтающуюся на одной нитке пуговицу его пиджа ка — и трава кажется зеленее, цветы ароматнее? По чему, когда я однажды увидела, как волочит он на горбу из прокатного пункта стиральную машину,— почему весь тот день ласкали меня мысли о разум ности и справедливости бытия?

Ныне я вновь столкнулась с ним под изящными арками Старого города. Идет, тащит в охапке не сколько кочанов капусты. А у меня в руке — лиш букетик весенних ландышей. Видят боги, я и тепер ничего плохого ему не желаю, пусть бы лишь увидел меня и знал, что я вижу его. А он продолжает ша гать, поддерживая подбородком верхний кочан, и кроме своей капусты, знать ничего не желает.

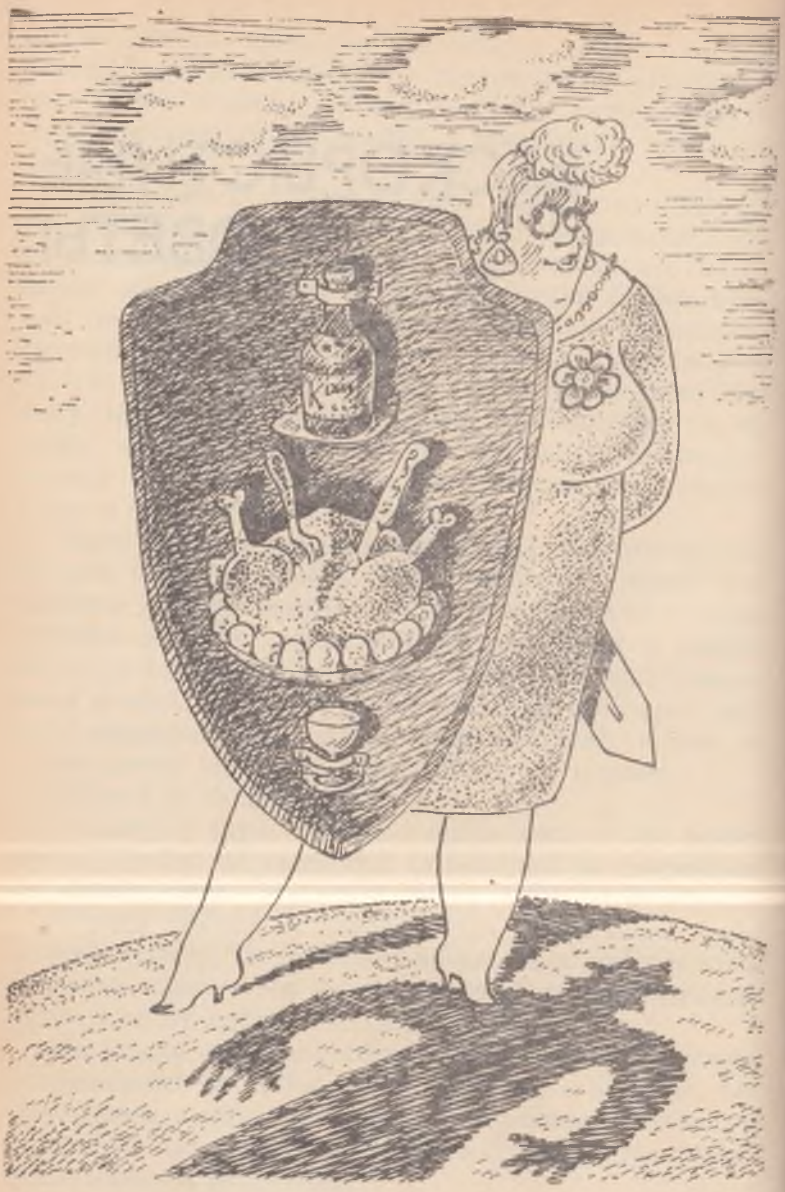
И тут я не выдерживаю:

— Доброе утро! — звонко кричу ему, и эхо моего голоса дробно рассыпается, отскакивая от старинных кирпичных стен.

Первая любовь останавливается, вздрагивает, под нимает голову, и верхний кочан, воспользовавшись случаем, вырывается из его объятий и, подпрыгивая, катится по булыжнику Старого города...

Наблюдая, как моя Первая любовь на карачках устремляется за непокорной капустой, я еще раз за думываюсь о том, что жизнь исполнена высокого смысла и что жить стоит. Хотя бы ради таких вот неповторимых мгновений...

БЕСКОРЫСТНЫЕ СОВЕТЫ



СТАРОСТЬ МОЖНО ПОБЕДИТЬ

В наше время, когда стали появляться геронтологические кабинеты, от советов, как, старея, не стареть, нет отбоя. В общих чертах они сводятся к следующему: побольше двигаться, почаще гулять на свежем воздухе, воздерживаться от жирного и спиртного, питаться главным образом овощами и фруктами, раз в полгода показываться лечащему врачу (он, видите ли, просто мечтает о встрече с вами!), избегать отрицательных эмоций и стрессов (они, как известно, прежде чем обрушиться на вас, присылают свои визитные карточки) и вовремя ложиться спать.

Однако уже сам факт вашего интереса к подобным рекомендациям свидетельствует о том, что вы, как говорится, не молодеете и сами это признаете. Так вот, чтобы не стареть, надо не обращать внимания на советы, как не стареть. Какая от них польза? Прислушавшись к одному совету, последовав другому, вы вскоре все равно возвращаетесь к привычному образу жизни, но если прежде с аппетитом ели, с удовольствием выкуривали сигарету и без зазрения совести валялись в постели, то ныне все эти маленькие радости отравлены сознанием, что вы роете себе могилу.

Нет, не надо слушать советы, и с другими своей мудростью делиться тоже не надо, особенно с теми, кто помоложе. Не секрет, что в конце концов у вас вырвется раздраженное: «Разве я не говорил!» или: «Если бы вы послушались!» А это уже старческое ворчание. Страсть давать мудрые советы — бесспорное свидетельство старения, и наоборот, пренебрежение к ним — признак вечной молодости. Посему одним из эффективнейших средств борьбы со старостью является такой стиль беседы с молодыми людьми: «И

что же в данном случае предлагает ваш живой ум?», «Какой выход подскажет ваша свежая голова?». Вы только взгляните, как старчески морщатся их гладкие лбы, как заостряются носы, как откладываются соли в суставах пальцев, которыми постукивают они в такт своим советам! И напротив, каким улыбчиво-розовым становится ваше лицо, когда вы юношески беспечно пропускаете их разглагольствования мимо ушей! Ну, а если уж вам невтерпеж без советов, то в порядке исключения почитайте брошюрку «Советы молодоженам».

Прежде всего постарайтесь не поучать своих взрослых детей, как они должны воспитывать своих детей. Если вы столь прекрасно разбираетесь в вопросах воспитания, то, скажите на милость, каким образом вам удалось столь скверно воспитать собственных детей, что они не способны теперь воспитывать своих? Кроме того, ваши поучения могут привести (и это в лучшем случае!) лишь к тому, что молодые супруги милостиво переложат на ваши плечи все тяготы воспитания внуков, а сами будут наслаждаться жизнью и отдалять от себя старость в той же мере, в какой вы приблизитесь к своей.

Далее. Ни регулярный сон, ни прогулки на свежем воздухе, ни даже стояние на голове по системе йогов не спасут вас от груза лет, если вы не сумеете удерживаться от высказываний типа: «Когда мне было столько же, сколько вам сейчас...», «Доживете до моих лет, тогда...». Коли уж сорвались невзначай с ваших уст подобные слова, постарайтесь завершить начатую фразу так: «Доживете до моих лет, тогда поймете, что я могу вести себя как мне нравится!» или «Когда мне было столько же, сколько вам сейчас, мои предки вытворяли все, что им на ум взбредало!». А если, не дай бог, у вас в сердцах вырвалось: «Ох, уж эта...», то хоть язык откусите, но закончите: «старость!». И увидите, какими дурацкими станут физиономии у ваших юных слушателей — точно так выглядели бы вы сами, если бы произнесли «молодежь».

Протестовать по поводу того, что ваши юные домочадцы запустили свои стереопроигрыватели на полную мощность,— дело безнадежное. Тем более грозить им, что убежите из дому. Вместо того, чтобы глотать валидол, затыкать уши и ворчать, восторженно возопите: «Ну и клёвый же рок!» — и крутаните ручку громкости до отказа, чтобы полопались барабанные перепонки и посыпались стекла. Уверяю вас, вскоре вы сможете наслаждаться тишиной и хитро посмеиваться, когда ваши потомки начнут жаловаться своим ровесникам: «Наши-то старики совсем обалдели от АББЫ... никакого уважения к детям... дома сущий ад... могли бы послушать классику, Баха, к примеру... но где там...»

Вывод ясен: с молодыми надо и самому быть молодым, на улице можно поработать локтями, влезая в автобус, дома — пригрозить, что выпрыгнете в окно, если вас не вырядят в вельветовые джинсы или не достанут билет на модного певца...

Общеизвестно — к старости начинает хромать память. Чтобы укрепить ее, есть куда более надежные средства, чем таблетки или вонючие лечебные ванны. Вместо того, чтобы постоянно тереть лоб и беспомощно лепетать: «О чем бишь это я?..», «Не помню, хоть кол на голове теши...», вы с невинным видом вопрошаете:

— Так на каком месте вы меня прервали? Что хотели услышать? Помните, о чем я вам только что говорил? Так извольте повторить! Ах, вы не расслышали? Не поняли? Зачем же я тут с вами время теряю?!

Перевалив таким образом склероз с больной головы на здоровую, вы получите возможность долго и весело смеяться над извинениями собеседника и его жалобами на слабеющую память — а смех, как известно, укрепляет здоровье.

Забыли вы, к примеру, куда сунули нужную вещь. Выбросьте пропажу из головы, и она тут же отыщет-

ся. Даже самую безнадежную ситуацию всегда можно повернуть в свою пользу:

— Прекрасно помню, что положил очки вот сюда, на полку. Куда же они, черт побери, делись?

— Они у тебя на носу, дорогой папочка!

— Благодарю,— саркастическая усмешка превосходства,— именно это я и хотел проверить: способны ли вы хоть разок глянуть дальше собственного носа?

Поскольку подобные стычки освежают лучше, чем целый ящик свежих фруктов, рекомендуется как можно чаще прибегать к ним ранней весной.

Короче говоря, существует целый арсенал средств, помогающих сохранять молодость. Знавала я одну женщину, которая с первых же дней супружеской жизни обращалась к мужу не иначе как «старик». «Эй, старик!» — не сходило с ее уст. И посмотрели бы вы, как этот «старик» — мужчина в расцвете сил! — заслышав такой зов, горбился, кряхтел, хватался за левый бок. В конце концов он настолько одряхлел, что жене пришлось найти другого помоложе. Ведь когда форма задана, содержание волей-неволей приспосабливается к ней.

Особенно старит привязанность к старым вещам, а также стремление тащить в дом ненужное барахло: а вдруг пригодится? Прибавьте мысленно: «наследникам» или «на том свете», и плюшкинская страсть заметно поубавится. Тут уместно перефразировать известное изречение: покажи мне свой шкаф — и я скажу, сколько тебе лет!

Характерный признак постарения — растущая оседлость, нежелание и даже боязнь сдвинуться с насиженного места, а на службе — с занимаемого кресла. Если не можете преодолеть свою инертность, то хотя бы не ленитесь подгонять других: «Двигаться, больше двигаться, товарищи! Нельзя превращаться в стоячее болото! Мне самому до чертиков надоело сидеть в одном и том же кресле. Когда же наконец найдете мне замену? Ведь незаменимых людей, товарищи, нет!» Разглагольствуя подобным образом, вы с лег-

костью замените того работника, который мог бы заменить вас.

К признакам постарения относятся также педантизм, мелочная аккуратность. Вообще-то, конечно, совсем неплохо, когда каждая вещичка лежит на своем месте и всегда знаешь, где ее найти. Но для омоложения стоит иногда нарушать установленный порядок, разбрасывать все вещи (разумеется, не свои, а чужие), а когда последуют упреки, хладнокровно пожимать плечами:

— Милые мои, ну к чему такая мелочность? Так и до маразма докатиться можно!

Но особенно яростно обрушивается старость на тех, кто с утра до ночи просиживает над анатомическим атласом собственных недугов, по-генеральски переставляя флажки:

— Сегодня соли из левой пятки перекочевали в правую... Кислотность желудочного сока выше вчерашней, но ниже позавчерашней... Снова третий позвонок!..

И наконец:

— Никто меня не жалеет... Никому до меня дела нет...— На карту с флажками шлепается крупная слеза.

А к чему заботиться о том, кто столь рьяно заботится о себе самом? Зачем жалеть того, кто достаточно жалеет себя? Не лучше ли так:

— Ну, юные богатыри! Как спалось? Как самочувствие? Йонас, пятка не беспокоит?

— Пятка? Какая еще пятка? Откуда вы взяли, что у меня должна болеть пятка?.. Вот шутник! Надо же, пятка... (Через полчаса). Гм, вроде бы и впрямь покалывает эту чертову пятку... Не дурите мне голову, с меня хватает и моей пятки! Нет ли у кого-нибудь таблетки от пятки? Ох, кажется, перекинулось на другую... А вам и дела нет ни до меня, ни до моих пяток. (С подозрением.) Кстати, куда девалась ваша больная пятка?

Впрочем, я уже слышу раздраженный (отрицательная эмоция!) голос геронтолога, предупреждающий читателя:

— Не вздумайте следовать этим дурацким советам!

Прошу прощения, а кто первый посоветовал вам не слушать никаких советов?

И все-таки от одного совета не могу удержаться: пусть какой-нибудь геронтолог постарается дожить до ста лет. Вот тогда мы будем иметь долгожителя, добравшегося до векового возраста согласно рекомендациям геронтологической науки. Его авторитет станет непререкаем.

КАК ПОДНЯТЬ НАСТРОЕНИЕ

Никогда прежде не относились мы так внимательно к своему настроению, как нынче. Открой любой журнал, любую газету, включи радио — и непременно прочитаешь или услышишь, что кому-то где-то испортили настроение. Поговори с любым знакомым — и он обязательно пожалуется, что тот или иной так ли, этак ли взял да и огорчил его. «Поездку я, конечно, продолжил, но уже без всякого настроения». «Сдачу все-таки получил, но хорошее настроение потерял». «Телевизор в конце концов исправили, но кто исправит испорченное настроение?», «Бог с ним, с прокисшим молоком, хуже, что настроение скисло», «Стоит этой санитарке влететь в палату, как у больных мигом улетучивается хорошее настроение», «Пришло новое начальство — ушло настроение работать» — такие или похожие жалобы сыплются, как горох из дырявого мешка. Но самое странное, что, если поглубже вникнуть в существо жалоб, становится ясно: никто человеку настроения не портил — напротив, его пытались улучшить. Вся беда в том, что он этого не заметил или не пожелал заметить.

Поскольку считается, что чаще всего настроение портят в магазинах, с этого и начнем.

Вот я вхожу в овощной магазин, кладу на весы несколько лимонов.

— Два рубля девятнадцать копеек,— говорит кассирша, посоветовавшись с электронной системой.

— Рубль восемьдесят три,— возражаю я без всякой системы. И оказывается, моя правда!

Другой ушел бы отсюда, возмущаясь и кипя злобой, а я покидаю магазин довольная и радостная: уложила на обе лопатки электронный мозг, помогла кассирше, разбудила в себе Эйнштейна и сэкономила тридцать шесть копеек! Так почему бы не угостить себя на сэкономленные средства чашечкой чая, тем более что чайная рядом? Становлюсь у столика таким образом, чтобы видеть все сверкающее великолепие самовара, и приближаю к губам чашку, то есть тот ее край, который без щербины и без следов помады. И с каждым глотком настроение все лучше и лучше — оказывается, чай я умею заварить куда вкуснее. А когда еще фирменную булочку надкусишь, то и совсем воспаришь: где ей до моей, нефирменной!.. А уж рыбку бы как я приготовила, думаю, поглядывая на костлявый плавник, торчащий из соуса в тарелке соседа, и настроение подпрыгивает до потолка. Да и потолок я бы лучше побелила, да, пожалуй, и подштукатурила бы лучше. Вот я какая!

Неподалеку от чайной, как назло, магазин готового платья. Нет, покупать я ничего не собираюсь, но захожу, не могу не зайти — как упустить такой случай поднять настроение! Кашу маслом не испортишь. И нате вам: и пуговицы бы у меня не на честном слове держались, и швы я бы аккуратнее заделала, а что касается моделей — разве стала бы такое старье шить?! «Видишь,— верчусь в кабинке перед зеркалом (не подумайте, что платье-мешок померить зашла, просто собою полюбоваться) — видишь, какая ты? Куда им до тебя, швеям-профессионалкам!»

Ну, а если еще в парикмахерскую, к мастерам причесок заглянуть? Нет, сдерживаю шаг, не надо:

стоит только вспомнить о запахе прокисшего пива, грязных полотенцах и бездонных карманах, как впору заболеть манией величия.

Так что куда ни завернешь, куда ни сунешься — всюду ощущаешь искренние усилия внушить тебе веру в свои силы и чувство собственного достоинства. Сколько специалистов для того только профилируются, квалифицируются, совершенствуются, чтобы доказать тебе, что ты лучше их и выпекал бы, и стирал, и торговал, и ухаживал за больными, и чистил пятна, и воспитывал, контролировал, организовывал, снимал фильмы, писал стихи... Одно только непонятно: откуда берутся люди с комплексом неполноценности? Может, думаю, это те самые спецы, которых мы походя скручиваем в бараний рог? Но, с другой стороны, они ведь тоже скручивают специалистов из других областей деятельности, так что обиженных нет и всем хорошо...

И так мне весело, такое хорошее у меня настроение, что иду и пою — кажется, не хуже иного специалиста в области вокала, и так задираю нос, что земли под собой не чую — как иной специалист сельского хозяйства... Только вдруг — хлоп! Запнулась о косо уложенную тротуарную плитку и растянулась во весь рост. Лежу и жду, когда кто-нибудь подойдет, протянет руку, поможет встать — но, оказывается, и в этических вопросах одна я на всю улицу разбираюсь... Наконец с трудом поднимаюсь на ноги, со всех сторон осматриваю плитку, сыгравшую со мной такую злую шутку, и — вы только взгляните! — мой опустившийся было нос задирается еще выше, к самому небу: ведь и плитку, хо-хо, и плитку, братцы мои, я смогла бы лучше уложить — да так, чтобы споткнувшийся об нее специалист по фельетонам с последними зубами распрощался... вот как!

А раз уж вы поняли из моего хвастливого заявления, что я специалист по фельетонам, то и у вас небось поднялось настроение: ведь вы бы написали про все это куда лучше — художественнее, хлестче, остроумнее, не правда ли?.. О чем и речь...

ПАМЯТКА

Эта памятка предназначена для собаковладельцев. Предлагая ее, мы отнюдь не собираемся обижать любителей собак. Напротив, для их же собственного блага хотим попросить, дабы они перестали бесконечно повторять то, что мы, не имеющие собак, столько раз от них слышали и уже знаем наизусть. Не возвращаясь вновь и вновь к своим извечным темам, владельцы собак сэкономили бы немало времени, которое смогли бы уделить своим же собакам.

Поэтому настоятельно просим больше не рассказывать нам следующего:

...что до тех пор, пока вы не завели собаку, вас одолевали всяческие хвори, что вы не могли заставить себя выйти из дому, а теперь волей-неволей должны выводить пса на свежий воздух, и он так вас гоняет, так тянет, что на ваше бледное лицо вернулся румянец здоровья, а из кровеносных сосудов бесследно исчез холестерин и что врач, осматривавший вас недавно, до тех пор не мог прийти в себя, пока сам не завел собаку...

...что прежде, когда в вашей семье еще не было собаки, дети росли без любви к животным и всей окружающей среде, а теперь, благодаря постоянному общению с собакой, они приобщились к деревьям, птицам, небу, звездам и даже к людям...

...что в свое время ваша жена (муж) и слышать не желали о собаке и даже ультимативно заявляли: «Или я, или она!», однако стоило им увидеть шустрый и теплый пушистый комочек, как суровость растаяла и сердце так привязалось к беспомощному щенку, что теперь они охотнее расстались бы с мужем (женой), чем с Бобиком (Жучкой, Джимом, Бимом)...

...что вам не доводилось видеть более непритязательное в пище существо... ваша собака лопает все подряд...

...что собака прекрасно понимает каждое ваше слово, и когда вы однажды бранили сына (дочь) за двойку в дневнике, собака затявкала с таким педаго-

гическим тактом, что сын (дочь) устыдились и на следующий день принесли пятерку...

...что ваш четвероногий друг не только понимает вас с полуслова, но и читает ваши мысли не хуже самого Мессинга. Однажды вы только подумали: «Куда это задевалась вторая тапочка?», а собака уже вылезла из-под кровати, держа в пасти — как бы вы думали что? — вторую тапочку! При виде этого вас даже потом прошибло, и с тех пор, когда собака рядом, вы, прежде чем о чем-то подумать, всегда думаете, о чем именно следует думать...

...что по ночам нарушают тишину и гадят на лестнице ваши соседи, преследуя единственную цель — скомпрометировать вашего деликатнейшего и чистоплотнейшего джентльмена...

...что раньше вас нисколько не тянуло домой, а теперь вы мчитесь к своему семейному очагу сломя голову, ибо знаете, что там, за дверью, изнывает от тоски единственное в мире существо, которое живет, дышит и гавкает исключительно ради вас...

...что чем дольше не являетесь вы домой, тем сильнее гневается и злее встречает вас жена (муж) и тем радостнее и нежнее — собака...

...и как вам жаль, что вы не современный писатель, а то создали бы роман в форме внутреннего монолога собаки...

...что намордник оскорбляет достоинство настоящего пса и что вообще намордники куда более необходимы некоторым двуногим...

...что только бесчувственные олухи стараются улизнуть от вашей собаки, когда она собирается нежно лизнуть их в лицо...

...что собака насквозь видит, чего стоит любой человек, и если она поворачивается к пришедшему в ваш дом посетителю задом или лает на него, значит, такого гостя можно смело выбрасывать с балкона десятого этажа...

...что из многих ваших званых вечеров вышел бы пшик, если бы не собака: пока она вертится вокруг стола, разговор вертится вокруг нее, и гости разбе-

гаются по домам, повизгивая от счастья, что имели случай пообщаться с таким мудрым созданием...

...что раньше вас постоянно угнетали неприятности по работе, а теперь собака, грызя кость, напрочь сгрызает и ваши неприятности...

...что если другие собаки умеют, скажем, вытаскивать из реки брошенную туда палку, то ваша способна сама туда ее забрасывать...

...что псов такой редкостной масти и такой чистой породы, как ваш, во всем мире раз, два и обчелся...

...что раньше, поссорившись с женой (мужем), вы не разговаривали по целым неделям, а теперь легко поддерживаете контакт через собаку...

...что прежде было очень неспокойно оставлять детей дома одних, а нынче, при собаке, их можно со спокойной совестью покинуть хоть навсегда...

...что вы не испытываете никаких затруднений оттого, что собака будит вас в пять утра, даже рады этому: если бы не ее собачьи дела, вы, чего доброго, так до конца своих дней и не узнали бы, как величественны и неповторимы утренние зори...

Примечание. Если вы не нарушите ни одного из пунктов этой памятки, мы в свою очередь обещаем не расспрашивать вас, куда и при каких обстоятельствах пропала ваша собака.

КАК СОХРАНИТЬ МУЖА

Создать эту инструкцию меня побудила беседа с одной приятельницей. Отправилась она в круиз вокруг Европы, но по возвращении не обнаружила дома мужа. Оказывается, пока она восхищалась готическими башенками, пока бегала, охая и ахая, по музеям, пока гоняла из магазина в магазин в поисках модного галстука для своего благоверного — он тоже не терял времени даром, тоже совершил некую экскурсию, правда, несколько иного рода: переселился под крылышко к другой женщине. Именно тогда

и услышала я горькие сетования путешественницы:

— Знать бы раньше! Только предположить бы такое!.. Ведь сколько всяких путеводителей по городам, замкам, музеям, руководств по пользованию бытовой техникой, а вот простенькой инструкции, как сохранить в семье мужа, нету ни единой.

Тогда-то и взялась я за перо. Разумеется, как всякая первая попытка, моя инструкция далека от совершенства, вероятно, со временем она будет исправляться и дополняться. К тому же есть одно условие, без соблюдения которого и брать-то мою инструкцию в руки не следует: прежде чем приниматься за изучение действий мужа, женщина должна трезво и объективно оценить самое себя — свой собственный характер, свои привычки, внешность, недостатки... Да, да, и недостатки! Сколь бы, сильным ни был соблазн приукрасить и возвысить себя, а мужа, напротив, очернить и принизить, я должна предупредить, что всякое отклонение от истинного положения вещей чревато непоправимыми последствиями.

Итак, приступим.

1. Если мужчина женат на хорошенькой, элегантной, однако недалекой, а точнее говоря, туповатой особе, то рано или поздно он начнет тосковать пусть и не по очень красивому, зато разумному существу, только — не дай бог! — не умнее, чем он сам. Поэтому, если у жены есть подозрения, на кого именно заглядывается ее муж, она обязательно должна втереться в одну компанию с конкуренткой. Тут уж пусть не сводит с нее восхищенных глаз, поддакивает каждому ее слову, даже взвизгивает от восторга. Потом, улучив момент, чтобы слышали все окружающие, она заявляет мужу: «Знаешь, Юозас, до сих пор я считала тебя довольно умным мужчиной, однако рядом с Беатой ты просто тупица!» И — точка, больше к этой теме возвращаться не следует: когда вступила в дело тяжелая артиллерия, незачем стрелять из мелкокалиберного ружьеца.

2. Если жена усердная хозяйка и заботливая мать, то можно не сомневаться, что в сердце ее супруга

закрадется тоска по легкомысленной бездельнице. Интересно, что, очутившись в гнездышке последней, он берется за самую черную домашнюю работу, за которую в своем доме ни в жизнь не взялся бы! Что же в таком случае должна предпринять жена? К сожалению, трудолюбивые и заботливые жены — никуда не годные актрисы; к каким бы хитростям они ни прибегали, в конце концов возвращаются к одному и тому же: хныканью и упрекам, сдобренным словечками «подлец», «бабник», «гуляка» и т. п., из-за чего муж окончательно покидает дом. Поэтому единственное средство, которое можно рекомендовать подобной женщине,— это так называемый «путь к сердцу через желудок», или улучшенное питание мужа. Улучшенное — это не только вкусное, но и очень калорийное: объевшийся муж едва двигается и тут же валится на диван, чтобы отдышаться и переварить, а стоит ему проснуться, как новые заманчивые ароматы щекочут ноздри, за ароматами следуют новые вкуснейшие блюда... Постепенно от обильной еды муж так раздается, что об уходе из дому и подумать лень, а если жена еще позаботится о том, чтобы телевизор всегда был в исправности и «Советский спорт» доставлялся своевременно, так муженька из кресла и подъемным краном не вытащишь. Разумеется, не бог весть какое счастье муж-пингвин, но лучше уж иметь такого, чем никакого.

3. Если мужчина до свадьбы и даже после нее бесконечно повторяет своей избраннице, что его больше всего восхищает в ней натуральная коса и естественная красота, что ежели она посмеет отрезать косу, он немедленно оставит ее, то рано или поздно вы столкнетесь с ним в укромном ресторанчике в обществе косметической куколки. Поэтому, как только муж перестанет замечать косу, жене следует немедленно остричься и мчаться в косметический кабинет... Обратный вариант: если жена тонет в косметике и модных журналах, муж спит и видит лишь девушку с длинной косой и даже с граблями в руках. Так как подобные невинные героини водятся нынче

только в старых романах, этого мужа зачастую можно увидеть читающим классиков, где с завидным знанием дела изображаются прелести деревенских красоток, а также те, кто посягает на их девичьи светелки. Женам-модницам остается обложить мужа такими книгами по уши: чем больше проглотит он душещипательных романов, тем сильнее возрастет его недоверие к современной нравственности, пока не превратится он в конце концов в ходячего моралиста, от чьих проповедей все разбегаются, как от чумы, а тогда ему самому не останется за кем бегать... Однако не забудьте, что опытные соблазнительницы, встретив столь высокоморального субъекта, любят прикинуться наивными овечками, так что старайтесь не опоздать и своевременно срывайте с них маски!..

4. Если супруг принадлежит к числу избранников муз, а жена, не подумав о последствиях, возьмет да и разругает его творение (картину, поэму, эстрадную песенку), он до тех пор будет неприкаянно слоняться, пока не встретит чуткую женскую душу, которая, пав на колени, станет в полуобморочном состоянии причитать, что слово «шедевр» слишком слабо, чтобы выразить всю гениальность его создания. Отсюда следует: фундамент семьи художника прочен в той мере, в какой жена способна превозносить талант мужа и стирать в порошок его недругов и конкурентов. Однако, чтобы муж вконец не отупел от хронических экстазов жены и у него не возникло сомнений по части ее эрудиции, рекомендуется время от времени подвергать творение супруга некоторой критике: «Прости, но что бы там ни говорили другие, как бы ни хвалили, но финал недостоин твоего гения!» Точно так же, как муж из § 2 тучнеет и мягчеет от жирных блюд, так и муж-писатель (композитор, художник) раскисает от похвал жены. В конце концов он уже не может вынести ни единого словечка профессиональной критики и, едва услышав его, как угорелый мчится домой за сочувствием и утешением. А что еще нужно для прочности семьи?

5. Если жена деспотична, мужем овладевает мечта

встретить существо, схожее мягкостью души с клубочком кроличьей шерсти. Однако такие мужья по натуре и сами люди мягкого характера. Именно поэтому, попав в лапы к властной женщине, они быстро привыкают подчиняться и в них окончательно укореняется потребность, чтобы ими командовали и помыкали. Встретившись со столь желанным мохеровым существом, которое готово доверчиво опереться на его плечо, как на твердую скалу, такой мужчина, ощущающий себя поначалу орлом, вскоре начинает чувствовать себя цыпленком, впряженным в тяжелый воз. Поэтому деспотическим женам не следует бояться нежных и безвольных конкуренток, им следует оберегать своих мужей лишь от других волевых женщин: из более твердых рук его уже не вырвать! Чтобы этого не случилось, надо с первого же дня замужества ввести в доме комендантский час.

6. Если жена легкомысленна, то муж непременно начнет шарить глазами по сторонам в поисках сольвейг (вообще каждый мужчина мечтает иметь свою персональную сольвейг, которая была бы верна ему до последнего вздоха). Почуяв опасность, легкомысленной жене следует завести разговор о верности и как бы невзначай упомянуть о конкурентке: «Ах, эта бедненькая одинокая Ангеле... Вот несчастная! Уже седьмой мужчина бросил ее... И за что? За верность!»

Можно было бы продолжить перечисление возможных вариантов, однако из вышеизложенного ясно: мужчина ищет нечто противоположное своей жене, иначе говоря, тут действует принцип весов. Раскусив эту основополагающую истину, каждая жена без труда сумеет удержать семейный корабль в надежной гавани. Однако бывают случаи, когда муж не умещается ни в какие законы и рамки, когда он сам не знает, чего хочет, и всю жизнь — как алхимик философский камень — стремится найти Женщину своей мечты, что-то среднее между Джокондой и Брижит Бардо. Ну и пусть себе! Это не опасно. Не мешайте ему: когда человек ищет прошлогодний снег, жене бояться нечего.

ДЕЛИКАТНАЯ СИТУАЦИЯ

Изучай сколько угодно всевозможнейшие правила хорошего тона и культурного поведения, но и полслова не отыщешь, как должен вести себя мужчина, у которого есть любовница. Да, да, именно в этой области, где больше всего камней преткновения, головоломок и путаницы, для разрешения коих пристало бы с полной отдачей трудиться лучшим умам человечества, призвав на помощь логику, мудрость, опыт и даже логарифмическую линейку,— именно тут все умники молчат, будто воды в рот набрали. Видимо, опасаются, как бы их не заподозрили, что они дают советы, основываясь на собственной практике.

Возьмем, к примеру, такой типичный случай: муж, шествуя по улице с любовницей, неожиданно нос к носу сталкивается с женой. Шутки шутками, однако оттого, как разрешится эта ситуация, зависит не только судьба одной отдельно взятой семьи, но и благополучие всего общества, мощь государства, ибо — помните? — чьей первичной ячейкой является семья?.. То-то!

Или наоборот: глава этой ячейки, самым спокойным и невинным образом шагая рука об руку со своей законной супругой, натыкается вдруг на любовницу — на улице, в театре, в ресторане или на вокзале, словом, где угодно. Ну, и как же ему вести себя? Зачастую выглядит он в таком случае, как рыба, вытащенная на берег, или извлеченная на белый свет летучая мышь. Начинает размахивать руками, что-то мычать невпопад, силясь запудрить жене мозги, отвлечь ее внимание, лихорадочно ускоряет шаг, любовнице даже кивнуть не решается, а уж если и здоровается, то в одну восьмую рта, вызывая этим у жены серьезнейшее подозрение, у подруги — гневное презрение, а у приятелей, с которыми пытается поделиться своим провалом,— насмешку. Все кончается тем, что он еще больше осложняет свою и без того непростую жизнь. И все это — повторяю — происходит при глухом молчании ученых-этиков, в то время

как в кулинарный котел засыпается миллионный совет!

Однако продолжим разбор ситуации. Тут следует различать два варианта: а) когда жена и любовница знакомы между собой и б) когда они не знакомы.

Если знакомы, то муж, еще издали завидев любовницу, бросает жене:

— Глянь-ка, вон твоя Лоретта идет. Только не вздумай затеять с ней беседу, а то придется мне целый час топтаться тут, как чучелу.

— Лоретта? — удивленно озирается жена.— Где ты видишь Лоретту? Это же Эдита.

— Эдита? А... да, да,— смущается муж.— Да разве всех их упомнишь!

— Я,— подкалывает жена,— твоих друзей не путаю.

— Очевидно, они больше интересуют тебя,— ловко парирует муж.— Здравствуй, милая Эдита!

Он преспокойненько останавливается и ласково заговаривает с любовницей при усердном поддакивании жены, не сомневающейся, что эта наигранная любезность призвана затушевать склеротические сдвиги, из-за которых перепутались эдиты и лоретты. К тому же, у нее нечиста совесть: ведь она без всяких оснований подозревала муженька в тайных встречах с этим серым, ничем не примечательным существом, носящим звонкое имя Эдита.

А что же сама Эдита? Рыцарскую отвагу любовника, его волнующую любезность на пороховой бочке она принимает как дань своим женским чарам: просто пьянеет от восхищения собою и от жалости к этой кудахчущей наседке, именуемой женой, которой — подумать только! — она еще завидовала. И, главное, отныне Эдита совершенно по-другому начинает оценивать любовника, в котором совсем уж было разочаровалась и готова была сменить его на первого встречного. Поэтому она, тоже испытывая угрызения совести, дает себе слово устроить ему настоящий пир любви...

Таким образом, после встречи троица эта расстается, исполненная лучших чувств и намерений, кото-

рые, впрочем, несколько остужаются (после ухода Эдиты) вопросом жены:

— Кстати... а кто такая эта Лоретта?

На что муж отвечает так и только так:

— Да кто ж еще, как не моя любовница.

Последнее облачко подозрений, омрачавшее ясный семейный небосклон, тает, и жена, снедаемая укорами совести за то, что так несправедливо атаковала верного мужа, обещает себе быть с ним нежнее шелка...

Куда сложнее обратный вариант — когда муж, идя с любовницей, встречает жену, тещу, а то и — упаси бог! — незамужнюю или разведенную приятельницу жены. Подобные встречи принесли мужчинам столько бедствий, что не приходится удивляться, почему они избегают показываться с любовницами в общественных местах. Но если уж такое произошло, не надо быть рохлей (прошу прощения за грубость), волков бояться — в лес не ходить! — и уж коль скоро попал ты в лес, сам хватай волка за горло.

И потому, если случился такой прокол, то есть выросла на пути жена, ни в коем случае не смей краснеть или бледнеть, не отскакивай от любовницы, как черт от ладана, не пытайся провалиться сквозь землю, а когда жена и любовница начнут ссориться или вцепятся друг другу в волосы, не впадай в истерику и не ори: «Оставьте меня обе в покое!» и не беги в кусты. А уж всего глупее в такой ситуации патетически выпалить жене: «Так знай же — я люблю только ее!», ибо после такого залпа горячие чувства к любовнице немедленно остывают и как никогда ярко вспыхивают все преимущества семейного очага. Поэтому в данной ситуации следует сделать лишь одно: остановиться и как ни в чем не бывало первому обратиться к жене:

— Куда это ты, Аудроне, бежишь? Уж не вспомнила ли, что дома кран не закручен? Или газ включен? Кстати, вы знакомы? Моя жена Аудроне, а это моя коллега (жена друга, мама Алика, двоюродная сестра Вальдаса). Не пройдешься ли с нами, Аудро-

ше? Никогда у тебя нет времени. Ну ладно, беги-беги. Нам с Эдитой еще надо обсудить одно секретное дельце.

Думаю, всякому ясно, что после ухода жены Эдита одарит его взглядом, который польстил бы самолюбию любого укротителя тигров. А драгоценная половина? Отправляясь своей дорогой, она тоже получает дозу успокоительного: если муж заявляет о секретном дельце да еще прогуливается с дамой среди бела дня — значит, между ними ничего нет. И этот кран!.. Стал бы он говорить о каком-то кране, если бы его интересовала эта Эдита?

Встретив его вечером дома, она все же посматривает на мужа внимательнее, чем обычно, и уже вот-вот, не удержавшись, начнет, кажется, допрос, но он должен опередить ее:

— И как тебе эта Эдита?

— А... почему ты, собственно, спрашиваешь? — теряется жена.

— Потому что ты пожирала ее глазами, как лисица — кусок сыра.

— Я?! И не подумала! Даже не заметила, какого цвета у нее волосы! И есть ли у нее волосы вообще.

— Есть, есть,— успокаивает муж,— и довольно пышные.

Жене будто кто-то паклей рот затыкает.

Выдержав хорошую паузу, муж милостиво добавляет:

— И все-таки она очень несчастлива.

— Да? — вырывается у жены, едва сдерживающей зверское любопытство.

— Вечная история: разошлась и во всем обвиняет одного мужа... А ты будь любезен помири их!

— Ах, так она хочет, чтобы ты?..

— Мало ли чего она хочет. А сама все вешает на него: и белоручка-то он, и бабник, и без рюмки ни шагу... средоточие всех пороков. А ты — мири!.. Господи, какие же вы все одинаковые...

— С чего это ты нас на одну доску ставишь? —

вспыхивает жена.— Когда я обзывала тебя белоручкой или бабни...

Внезапно она замолкает: сама себе прямо пальцем в глаз. До глубины души обиженный муж утыкается в телевизор и больше за весь вечер не произносит ни единого слова. А если еще поменяет прокладку в кране или выведет свою подпись в дневнике сына — жена и вовсе изойдет от угрызений совести. Пусть в душе и рада, что ее подозрения ни на йоту не подтвердились, но чувствует себя упавшей в глазах мужа и решает быть с ним нежнее шелка...

Перефразируя Рильке, можно сказать, что безнадежных ситуаций не существует, есть только безнадежные мужчины. Возьмем, к примеру, такой на первый взгляд безвыходный случай: любовница звонит по телефону, когда дома в сборе вся семья. Чего уж тут только муж с перепугу ни напридумывает! «Ах, Антанас! Слушаю... Да, Антанас... Нет, не смогу, Эди... Антанас...» Разве не лучше спокойно и уверенно сказать: «Это ты, Эдита? Да. Ладно. Попытаюсь. Всего хорошего, Эдита! (Эдита кладет трубку, и тут начинается театр одного актера). Впрочем, подожди! Почему бы тебе самой не поговорить с ним?.. А потому, что в дела чужой семьи третьему лучше не мешаться, хватает мне и своих собственных семейных забот. Всего!» Клацанье трубки, нервные шаги из угла в угол, уважительно-сочувствующий взгляд жены... А в это самое время на том конце провода Эдита гладит трубку, тая от восхищения своим рыцарем, который, сидя на бочке с порохом, осмелился назвать ее настоящим именем и даже согласился прийти на свидание!..

Однако! Все эти дипломатические трюки уместны лишь тогда, когда мужчина дорожит любовницей и жаждет поддерживать с ней прежние отношения. Другое дело, если жена совсем загрызла, а любовница поднадоела, и ума не приложишь, как от нее отделаться. Тогда мужчине следует быть особенно хорошим стратегом, так как грубо отвергнутая подруга никогда ему этого не простит и будет вредить всюду,

где только возможно. Поэтому расставаться надо так, словно оставляешь ее против воли и будешь вспоминать, как самый яркий луч своего унылого бытия. Не забудьте и о том, что бывшие любовницы могут оказаться очень полезными в наш век всевозможных дефицитов. Не отсохнет же у тебя рука, если ко дню рождения пошлешь ей поздравительную открыточку, подписав ни к чему не обязывающей первой буквой своего имени? Не свалится же с тебя корона, если при встрече на улице, вместо того чтобы буркнуть что-то невразумительное и отвернуться, светло и прямо скажешь: «Здравствуй, Эдита!» Иной талантливый полководец не получит столько преимуществ от выигранного сражения, сколько выиграет мужчина, поздоровавшийся таким образом со своей бывшей любовницей. Ну, а отделаться... Для этой цели хорошо подходят такие фразы: «Милая Эдита, судьба нанесла мне удар с той стороны, откуда я его меньше всего ожидал... Не хочу, чтобы и тебя задела эта беда. Прощай!», «Не могу, не имею права ставить тебя под удар, пусть уж пострадаю я один, прощай, прощай, моя единственная любовь!», «Дорогая, я падаю в пропасть один... умоляю, не забывай меня!», «Я вынужден отойти в сторону, чтобы все это не коснулось тебя, о моя Эдита, Эди...», «Молю судьбу лишь об одном: чтобы никогда не довелось тебе испытать то, что обрушилось на меня. Будем стойкими, прощай!» Таинственная патетика волновала и восхищала еще дикарку-язычницу, что ж говорить о современной, электронной женщине! Для нее нет ничего приятнее, чем осенить главу любимого ореолом мученика — как известно, в свое время создавались и процветали целые женские монастыри ради одного-единственного мученика с таким ореолом...

На этом и закончу свои скромные поучения. Начало положено, пробел, пусть и топорно, ликвидирован, тропа протоптана, будем надеяться, что скоро она превратится в грохочущую столбовую дорогу...

Кстати, быть может, мужчинам обидно слышать эти советы от женщины? Поверьте, это лишь жалкая

пузырящаяся пена по сравнению с теми океанскими валами советов и поучений, в которых они топят нас, патетически восклицая: «Будьте счастливы!»

Так будьте же счастливы и вы тоже...

КАК ПРОСЛЫТЬ ХОРОШИМ ОТЦОМ

Советы разведенным мужьям

Хороший отец сразу же после развода начинает навещать своего ребенка (детей) каждый божий день. Потом — через день, потом — раз в неделю, потом — раз в месяц и наконец — раз в год. Реже, чем раз в год, навещать не рекомендуется, так как возникает опасность лишиться прав отцовства, и тогда уже никакие советы не помогут.

Навещая своего отпрыска, вы отнюдь не обязаны торчать с ним в комнате, или в скромном скверике, или в пригородном сосновом лесочке и беседовать там обо всем на свете. Несравненно полезнее отправиться в многолюдные места, например, на стадион, в цирк, на парад, в мюзик-холл, на праздничное гуляние. Сообразительный отец не поленится появиться на массовом мероприятии задолго до его начала или, наоборот, после окончания и, заботливо сжимая в своей ладони детскую ручонку, будет пробиваться навстречу человеческому потоку — тогда картина его отцовской любви не минует никого! А если вы хотите достигнуть самой вершины эффекта, то несите в другой руке ранец сына (не знаю почему, но ранец в отцовской руке действует сильнее, чем слезоточивая бомба). Один такой поход даст вашей отцовской репутации больше, чем 345 скромных занятий с сыном или дочерью за письменным столом или 690 прогулок в сосновом лесу, далеко от посторонних глаз.

О каждом визите к своему ребенку вы должны скромно и оперативно проинформировать всех сослуживцев и знакомых. Только, разумеется, не следует широковещательно объявлять: «Угадайте, где я вчера

был! Ну?! Да у своего родного ребенка!» Сообщать об этом надо как бы нехотя, под давлением обстоятельств, невзначай: «Ах, сколько можно болтать о пустяках?.. Вот мы с сыном вчера поговорили так поговорили — откровенно, интересно, по-мужски...», или: «Мрачным выгляжу?.. Нет, просто несколько огорчен. Вчера слишком строго обошелся с сыном, но не могу же я сквозь пальцы смотреть, как ему все разрешается», или: «Товарищи, если кто-нибудь услышит, что продается трехколесный велосипед, дайте мне знать! Вчера пообещал сыну, а в магазинах нет. Купить надо обязательно — нельзя же нарушать данное ребенку слово, хоть ты что. Правильно я говорю, а?» Если после некоторых возлияний, вы явились на работу с опухшим лицом, да еще и опоздали, то нет ничего лучше, чем: «Не спорю... виноват. Вчера был у своего... Виноват. Обнял меня сынок на прощанье, не отпускает, просит с собой взять. Прямо от сердца отрывал. Виноват. Оставалось одно из двух: или с ума сойти, или... Теперь наказывайте...»

Если уж так случилось, что вы вдруг взяли да купили своему ребенку подарок — пусть даже ведерко для песка или пластмассовую рыбу с вращающимися глазами,— покупку необходимо притащить на работу, положить на стол, верстак или кульман и игриво поднимать ее, вертеть в руках, подбрасывать... Как маленький пенек способен опрокинуть большую телегу, так дешевая игрушка может оповестить мир о безграничной отцовской любви и заботе...

Если дверь бывшего семейного очага откроет вам верзила, которому — о неудержимый бег времени! — вы и несете в подарок ту пластмассовую рыбку, то не следует удивленно самому вращать глазами. Подарите наследнику это ведерко или эту рыбу, заговорщицки подмигните и шепните: «Ему... будущему внуку. Я уж слышал, слышал...» — и вы завоюете остывшее сердце ребенка на долгое время. Ибо какой сопляк не рвется ныне создать семью и какая мама не противится этому изо всех сил?

На вечеринке, когда компания уже изрядно разо-

грелась и все выдали свои тосты, встаньте с бокалом и вы. Сосредоточьтесь. Помолчите. На какой-то момент прикройте глаза. И очень медленно, глухо проговорите: «Этот бокал я поднимаю за своего сына. Иначе не могу. Извините...» И опуститесь тяжело, будто зад у вас налит свинцом. А когда сидящие за столом женщины, глядя на ваше побледневшее одухотворенное лицо, зальются слезами, не забудьте и сам часто-часто заморгать и завести короткую благопристойную беседу со старейшей дамой застолья и образцовой матерью. Не промахнетесь.

Если ваш сын (дочь) идет по дурной дорожке, всегда имейте при себе набор таких причитаний: «Я же черным по белому писал и носил ей весь распорядок дня ребенка... Вырезал из журналов статьи известных педагогов... Сто раз предупреждал ее, чем это может кончиться... Боже, чего только я не делал! Но что мог я один против всей ее (бывшей жены — авт.) родни? Специально все наоборот делала!..»

Ну а если сын (дочь) славится трудолюбием, способностями, успехами? Тогда не суетитесь, не превозносите своих заслуг, а очень сдержанно проговорите: «Пожалуй, большего я дать ему (ей) не мог» или: «Не говорю, что это исключительно моя заслуга, но все же... все же!»

Если во время своего ежегодного визита вы уже совсем не находите, о чем поговорить с ребенком,— не сдавайтесь, не дезертируйте. Лучше сводите его в кино — вот вам уже два часа общения. Можно пойти в гости в семью, где есть дети,— пусть себе играет, пока вы режетесь в карты или смотрите телевизор: наберется часов пять общения. Можно взять его с собой на рыбалку: пусть копает червей, распутывает леску, обучается молчаливому и требующему долготерпения ремеслу рыболова. Можно привести его в гараж: пусть видит, сколько внимания, времени, заботы и даже любви требует автомобиль. Просто удивительно, какие возможности для общения с ребенком предлагает ныне отцам наш атомный век и в какой ничтожной мере используют они их.

Не пожалейте и пожертвуйте одно отделение бумажника под фотографии ребенка. Если научитесь вытаскивать и показывать их в самый подходящий момент — с вами не сравняется даже такой папаша, который отдает на благо детей все содержимое бумажника, никогда не упускает их из виду, поэтому и не носит с собой их фотографий — у такого совсем нечего показывать людям и нечего сказать в нужный момент.

КАК ВЕСТИ СЕБЯ ЗА СТОЛОМ

Если за столом много гостей, имеет смысл выбрать распорядителя стола, так называемого тамаду. Обычно такой почет оказывается человеку, от которого на службе пользы, как от козла молока, зато за столом он — подлинный атомный реактор.

Главная и, пожалуй, единственная обязанность распорядителя — постоянно напоминать гостям, что собрались они тут не для интеллектуальной беседы или серьезного спора, а лишь затем, чтобы осушать бокалы и травить анекдоты.

После каждого анекдота следует хором рассмеяться, а если анекдот несмешной или непонятный — хохотать, хватаясь за живот. Дамы очень ценят намеки, после которых можно фыркнуть: «Фу, какой бесстыдник!» или «Фи, совсем пропал аппетит!» Если анекдот рассказывает начальник или просто нужный человек, совсем не обязательно ржать громче всех: вы больше выиграете, если, когда все уже отсмеются, прысните в ладонь, покачаете головой и как бы самому себе скажете: «Ну и мастер насмешить! Столько раз слышал этот анекдот, а только сейчас сообразил, в чем соль!»

Тост следует провозглашать не когда вздумается, а в тот момент, когда все уже собираются есть и вот-вот поднесут ко рту вилки. И главное — нельзя допустить, чтобы гости спокойно принялись за горячее блюдо! В этом случае говорить надо до тех пор, пока жаркое не покроется белесой пеленой застывшего жира.

Если во время тоста вы почувствовали, что уже умираете с голода, можно взять салфетку, положить на нее самый лакомый кусочек и нырнуть под стол — якобы для того, чтобы покормить хозяйскую собаку. Только не забудьте там же, под столом, вытереть рот и громко похвалить: «Хорошая собачка, цаца!»

Если застолье посвящено чьему-то семидесятилетию или тем паче восьмидесятилетию, то после общего исполнения куплета «Многие лета» следует минутку помолчать, а потом пусть ваш тоненький одинокий голос затянет следующий куплет: «Плодотворные лета» и все дружно подтянут: «Плодотворные-е-е», глядя на юбиляра наивно-озорными глазами. Это и будет вершина остроумия литовского застолья. Юбиляр, если он еще способен, слегка зардеется и смутится, хотя все прекрасно знают, что виновник торжества смертельно обиделся бы, не дождавшись такого пожелания.

Было бы просто бестактностью умолчать за столом обо всех, самых жутких преступлениях, которые вам известны. К примеру, убийство, совершенное уже десяток лет назад, следует преподнести так, будто произошло оно лишь вчера и вы узнали о нем из первых рук. К десерту особенно подходят истории о том, как известный врач спровадил на тот свет безымянного больного, или об известном человеке, которого доконал безвестный врач (впрочем, известными могут быть и врач, и пациент, однако оба безвестными быть не должны). С большим интересом выслушиваются также истории о разводах; эти повествования следует сдабривать интимнейшими подробностями. Невежливо и неблагородно занимать внимание гостей рассказом о счастливой супружеской паре или о честном, трудолюбивом холостяке — только скуку на всех нагоните и в другой раз вас не пригласят в гости. Поэтому, заметив допущенную оплошность, быстренько смените тему и поведайте обществу о сыночке из семьи педагогов, который ступил на такую скользкую дорожку, до того докатился, что...

Если хозяин с гордостью демонстрирует коллек-

цию пустых бутылок с импортными этикетками, то каждый из уважения к его трудам должен ткнуть пальцем в бутылку, содержимое которой он больше всего хотел бы отведать («Мартини», «Белая лошадь», «Камю», «Сан Барнабео», «Педро Хименас»), и смачно причмокнуть при этом. Тогда, глядишь, хозяин выставит на стол бутылку коньяка, которую вовсе не собирался починать.

Застолье не застолье, если никто не рассказывает о своих зарубежных вояжах. Поскольку теперь уже мало осталось таких, кто не вкусил бы этой радости, то будет примитивным снобизмом хвалиться: «А я тоже был в Финляндии» или «А я погладил в Дели корову!» Лучше не брать инициативу на себя, а внимательно и терпеливо слушать других. Всех, как известно, подводит память, глядишь, кто-то забудет название какой-либо кирхи, стрита, порта, фиорда, бастиона, галереи или даже столицы; вот тогда вы негромко, словно смущаясь, вставляете: «Ла Берже?», «Лахти?», «Буддели?», «Камерун?», «Под бочкой?» (точность вовсе не обязательна). Не удивляйтесь если после этого испугаются вашей эрудиции и поспешат перенести путешествие в долины и на холмы родного края.

Мрачно сидеть за столом, много есть и ничего не говорить позволительно лишь крупным ученым (раньше — от профессора до академика, теперь — только академикам) и работникам торговли (от сторожа до директора). Уже сам факт, что они тут сидят, говорит больше, чем тринадцать томов неоконченного академического словаря литовского языка.

Если не можете удержаться от соблазна сунуть в рукав лакомство, обещанное своему чаду, то делайте это, не озираясь по сторонам, спокойно и даже с достоинством. Надо только радоваться, что, когда одна за другой отмирают добрые старые традиции, хоть эта оказалась живучей и напоминает о тех временах, когда рукава были дерюжные, а лакомством считались краюха хлеба или шмат сала, о временах, когда за подобную кражу даже руку вместе с рукавом от-

рубали... Да-а-а... нехорошие были времена. Напомните об этом своему чаду, вытряхивая из-под батистового манжета апельсин или конфету «Ананасную», жестокие времена... не было даже выговоров без занесения, только палач с топором! Словом, даже тайком унесенное лакомство может стать наглядным пособием для воспитания, в которых так остро нуждается наша педагогика.

Приглашенные на просмотр слайдов должны пройти предварительную закалку, так как им придется промучиться возле уставленного яствами стола до окончания сеанса — а он нередко затягивается за полночь. Самовнушение, что «ужин лучше отдать врагу», тут мало помогает, лучше трезво рассудить, что хозяева приготовили себе это угощение на завтрак... И все-таки как быть, если вы уже были уверены, что на экране последняя картинка, на которую осталась последняя капелька вашего терпения, а хозяин вытаскивает новую пачку слайдов и, мало того, начинает демонстрировать их вверх ногами?.. Нет, нет, не бросайтесь к пальто, не поддавайтесь первому импульсу! Лучше пройдите в ванную, наполните ванну горячей водой, не жалея насыпьте хвойного или какого-либо другого экстракта и нырните туда на полчасика. Потом хорошенько разотритесь махровым полотенцем, так, чтобы суставы трещали, щедро окропите себя хозяйскими лосьонами или одеколонами, намажьтесь дорогими кремами и возвращайтесь к позеленевшим гостям. Даже страшно подумать, в какое сонное царство превратилось бы застолье, не будь вас — бодрого, веселого, свежего!..

Совершенно неприлично вдруг затянуть за столом народную песню. В наше время за столом не поют, а слушают, вернее, делают вид, что слушают, магнитофонные записи или грампластинки. При этом необходимо как можно громче расхваливать чистоту звука, изящество ручек и кнопок, великолепие стереоколонок и современность всей аппаратуры. В порядке исключения своим голосом разрешается затянуть одну-единственную песню, и то лишь после полуночи —

«Пойдем-ка, братцы, домой, домой!» К тому часу эта песня больше всего придется по душе хозяевам, и уж кого-кого, а того, кто первым затянул ее, они не забудут пригласить и в другой раз.

КАК УБИТЬ ВРЕМЯ

Ныне, когда наш рабочий день строго нормирован, когда на каждом шагу натыкаешься на всевозможные удобства и бытовые службы, когда под рукой телефон, перед глазами телевизор, за окном троллейбус, когда все окружающее вроде бы только и призвано экономить наше время,— его не хватает как никогда прежде. Порой даже кажется, что наше главное занятие — постоянно испытывать дефицит времени. Нехватка его должна свидетельствовать, что ты работаешь бесконечно много, бесконечно плодотворно, бесконечно самоотверженно и посему умудряешься не сделать столь многого.

Честно говоря, я уж и не припомню, когда видела человека, который бы вот так прямо, без всяких фокусов, взял и заявил: «У меня есть время». Где там! Если хочешь отделаться от знакомца или напугать его, скажи только: «Знаешь, у меня сейчас полно свободного времени»,— и он тут же, уколов взглядом запястье с часами, буркнет, что спешит на... на... на... И его, словно ветром, сдует — так стремительно умчится прочь, что, даже услыхав твой хохот, не найдет времени оглянуться...

Все жалуются на отсутствие времени, однако выпадает свободный часок — и не знаешь, как его скоротать, протянуть, пережить или даже убить. «Вчера вечером я просто не знал, как убить время»,— сколько раз доводилось слышать подобные признания! Время нельзя «иметь», им можно только распоряжаться, подгонять, подстегивать, выбирать, находить, терять... Теперь понятно, как надо благодарить служивого человека, который не просто уделил вам время, а выкроил для беседы с вами?

— Скажи, как ты проводишь время? — спросила я как-то у друга юности.

— Я? Провожу? — обиделся он.— У меня нет времени проводить время!

— Наверно, как прежде, много читаешь, посещаешь все спектакли, выставки?

— Читаешь! Посещаешь!.. Ты что, издеваешься? Откуда у меня время читать и посещать, если погулять перед сном некогда!

— Так для чего же у тебя вообще есть время? — удивилась я.

— Ни для чего!

И я поверила, что мой друг говорит правду. Довелось видеть, как он исполняет в своем рабочем кабинете полифоническую пьесу для двух ушей и пяти телефонных аппаратов, одновременно подписывая подсовываемые секретаршей бумаги, копаясь носком туфли в нижнем ящике стола и подбородком понукая посетителя: «Да говорите же, говорите, я вас слушаю!» Дома он появлялся, как редко залетавшая в пределы солнечной системы комета, и жена, томясь от неизвестности, звонила его любовнице, а та, в свою очередь, ей. У него не было времени даже спокойно поужинать: надо было посмотреть телевизор, на который тоже не хватало времени, потому что следовало воспитывать сына. В конце концов бедняга давился, сам не зная чем: жениным ли блином, голом «Жальгириса» или очередной двойкой сына... За ним все время вился шлейф посетителей и подчиненных, тщетно, будто мираж, пытающихся уловить его. И когда руководимое им предприятие за сравнительно короткий срок (все некогда, некогда!) завалило столько заданий, что утерло нос куда более крупным предприятиям,— лишь тогда он с облегчением перевел дух и даже выкроил время для вечерней прогулки.

Пожалуй, наиболее наглядно мы демонстрируем нехватку времени, ловя такси. Я потеряла надежду увидеть хотя бы одного прохожего, который, остановив наконец машину с зеленым огоньком, приближался бы к ней нормальным шагом. Всегда одна и та же кар-

тина: такси, притормаживая, подруливает к тротуару, а прохожий, задыхаясь и спотыкаясь, бросается следом, словно от сэкономленных двух-трех секунд зависит если не его собственная жизнь, то по крайней мере судьба всего таксомоторного парка.

Однажды мне посчастливилось увидеть человека, который неожиданно получил столько времени, что не знал, как от него избавиться. Дело было так. Я решила проводить одного своего приятеля на вокзал. Пришла и застала его за упаковкой саквояжа, закрыть который ему никак не удавалось, потому что он, вздергивая накрахмаленный манжет, то и дело поглядывал на часы. Нервничая и причитая, что забыл что-то ужасно важное, вот только нет времени вспомнить, что именно, он сбежал по лестнице, выскочил на улицу, остановил первую попавшуюся машину, примчался на вокзал, едва дыша вылетел на перрон и тут вдруг увидел, что до отправления поезда остается еще немало времени. Уронил саквояж на землю, сдвинул берет с вспотевшего лба и уставился на вокзальные часы, как на ночное привидение.

— Вот те и на! — растерянно произнес он.— Оказывается, еще целых полчаса!

— С лишним,— уточнила я.

— Странно,— пробормотал он, подхватил саквояж и переставил ближе к не поданному еще составу.

— Тридцать две минуты,— охнул он.— А на моих?— Он дернул манжет.— На моих только тридцать одна. Будьте любезны,— остановил проходившего мимо человека,— сколько на ваших? Спасибо. Значит, на его, по вокзальным и на твоих... Так... Мои спешат на целую минуту!

Вновь отогнул манжет, подвел стрелку, переставил саквояж на новое место.

— Торопился,— пожаловался он мне,— как на пожар. А ведь чувствую — забыл что-то важное. У меня же тогда было еще сорок пять... нет,— опять задрал манжет,— сорок четыре... то есть,— покосился на перонное привидение,— сорок три минуты... Проклятие!

Никогда еще не приходилось мне видеть его в такой растерянности. Неожиданно свалившиеся полчаса удручали и пугали его. Не зная, как убить их, он перетаскивал саквояж с места на место и трепал ни в чем не повинный манжет, который чернел на глазах. Зато его лицо вдруг побелело.

— Я... я...— пролепетал он,— вспомнил, что забыл... Я же оставил дома билет!

Спустя мгновение, он был как рыба, вернувшаяся в родную стихию. Бодрым, ликующим голосом приказал:

— Последи за саквояжем! У меня еще двадцать одна минута! Бегу! Молниеносно!

Веселый, почти счастливый, он взвился вихрем и исчез из поля зрения. Глянув на саквояж, я тоже кое-что вспомнила: приятеля ждал еще один приятный сюрприз — ключи от квартиры остались в саквояже! Ну, не молодец ли? Я подозревала, что он забыл их специально — чтобы окончательно нокаутировать свободные полчаса, которые так коварно свалились на него...

Именно тогда, ожидая его на шумном перроне, я вдруг поняла истинный смысл выражения «безвременно сошел в могилу».

СОВЕТЫ ВЫСТУПАЮЩЕМУ

Выступление начинается не с первой фразы, а с движения к тому месту, откуда она будет произнесена: к трибуне, сцене, помосту, торцу стола. Поступь — размеренна, величественна, упруга и ритмична. Смешным и жалким выглядит тот, кто семенит или торопится к трибуне, будто блох ловит,— половину его выступления, словно корова языком слизнет. Не пристало также ни вскакивать на трибуну, ни вползать туда, ни взбегать, ни врываться — на трибуну следует только всходить.

Чрезвычайно важно, какими жестами вы разложите перед собой бумажки, вытащите очки, откините со лба прядь волос. Приемлемы лишь такие движения, которые не выдадут, что у вас дрожат руки или по спине течет пот. Не советуем наваливаться локтями на края трибуны — могут подумать, что вы не держитесь на ногах. Рекомендуется все, свидетельствующее о том, что вы и трибуна — не два автономных существа, а единое целое — некий трибунотавр. Поэтому имеет смысл снять с руки и положить на пюпитр трибуны часы: создается впечатление, будто вы лишь переместили их с одного участка вашего тела на другой.

Не следует выступать без бумажки, говорить интересно и — что особенно важно! — остроумно. Такая речь может обидеть того, кто всегда говорит серьезно и только по заранее написанному. Идеальную золотую середину нащупали тут некоторые ораторы-очкарики: первую часть фразы они произносят, уставившись сквозь очки в свои записи, а вторую — сняв очки и глядя в зал. Представляете себе, сколько раз приходится им водружать на нос и снимать очки? Сам Чарли Чаплин не угнался бы за ними. Из-за этих манипуляций с очками невозможно уловить, о чем идет речь, зато у слушателей создается такое пьянящее ощущение деятельности, что, когда возникает потребность в энергичном руководителе, ораторов-очкариков вспоминают в первую очередь.

Ораторам, не носящим очков, предлагается такой рецепт: время от времени, пробежав глазами текст следующей фразы, поднять глаза на зал, в задумчивости сморщить лоб и произнести эту фразу как свежую мысль, только что пришедшую в голову. Однако не забудьте при этом воткнуть указательный палец в конец этой фразы, ибо если, отыскивая продолжение речи, вы надолго замолчите,— весь эффект «свежей мысли» вылетит в трубу.

Пусть редко, но иногда все-таки случается, что оратор не может вдруг найти одного листка подготовленной речи, а то и обнаруживает, что захватил с собой совсем не тот текст. Особенно досадно, когда это откры-

тие он делает на глазах слушателей, которые с замирающими от счастья сердцами следят за тем, как он растерянно шарит по карманам, и все на свете готовы отдать, лишь бы этот сеанс продолжался до бесконечности. Что тут делать? Спокойно разведите руками и объявите, что на пропавшем листочке или листах было выписано очень много очень новых и очень точных данных, которые по памяти могла бы воспроизвести разве что электронная машина; говорить же, не оперируя очень новыми и очень точными данными, разумеется, нетрудно, но следует ли? Поэтому вы уступаете трибуну тем, кто ничего не забыл и, конечно же, не будет попусту сотрясать воздух. Милости просим!

Если около вас поставлен стакан воды, то отхлебнуть можно не более двух раз — даже если во рту огнем горит после вчерашнего. Уж лучше оборвать свою речь на полуслове и как ни в чем не бывало отправиться на свое место, чем присасываться к стакану. Иногда такая неожиданная концовка может заинтриговать и даже обеспокоить кое-кого, вызвать подозрение, что вам известно нечто чрезвычайно важное, о чем вы, однако, не желаете сказать во всеуслышание. Тут ваши акции начнут бурно повышаться, как ценные бумаги на бирже. И еще один совет: не разевайте клюв, как та ворона из басни, у нее в клюве был сыр, а у вас — ничего.

Если вы замечаете, что публика вас не слушает, дремлет, скучает, однако воздерживается от громких разговоров между собой,— значит, речь ваша течет по правильному руслу. Другое дело, если слушатели шумят, зевают, не прикрывая ртов, и затевают разные игры. В этом случае рекомендуется обвести взглядом зал и сказать: «По этому поводу, друзья мои, вспомнился мне один очень смешной анекдот». Зал мигом настораживается, и вы получаете возможность закончить свое выступление, окруженный таким искренним вниманием, которое и в самом деле достойно благодарности. Если же вас упрекнут потом, куда же, дескать, пропал тот анекдот, то вы хладнокровно

объясните, что анекдот вы только вспомнили, а вовсе не обещали рассказать.

Выступая, не обязательно поворачиваться всем телом к сидящим на сцене руководящим товарищам. Если обращаете к ним лицо, то плечи и грудь оставьте залу, а если залу жертвуете лицо, то руководящим товарищам не пожалейте корпуса, крутитесь так, чтобы треск стоял, ведь у вас в запасе еще зад и обе ноги!

Закончив выступление, сходите с трибуны проворнее, чем поднимались на нее. Ускорить шаги следует для того, чтобы доказать: речь не только не утомила вас, но напротив, вдохнула новые силы, зарядила вас, как аккумулятор. Это особенно рекомендуется людям пенсионного возраста, ни за что не желающим отправляться на заслуженный отдых.

И главное: трибуну надо покидать с уверенностью, что вы не произнесли ничего такого, о чем говорить не следовало бы. Эту уверенность нельзя путать с ощущением, что вы доложили обо всем, о чем следовало информировать аудиторию. Если вдуматься, два эти чувства разделяет пропасть, и в этом нетрудно убедиться, сравнив оратора, умолчавшего о том, о чем не следовало говорить, с тем, кто сказал все, о чем говорить следовало. Если первый излучает покой и гармонию, как хорошо инструментованный прелюд Баха, то второй уже грызет ногти и не может скрыть зависти к тому, кто сумел не сказать ничего такого, о чем говорить не следовало.

Возвратившись на свое место, не вертите головой и не смотрите жалобно на соседей, как бы вопрошая глазами: «Ну, как? Как я выступил? Ничего? А?» Сидите прямой, как палка, и спокойный, как скала: ваша речь была лучшей из всех когда-либо прозвучавших! Если кто-то думает иначе, то, взглянув на вашу величественную, полную уверенности в себе позу, сразу же изменит мнение. А для тех, кто не имеет мнения, ваше выступление и вообще было слишком хорошим!

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ ДИСКУССИЮ

Председательствующий. Товарищи! Мы собрались подискутировать по вопросу, безусловно, волнующему всех присутствующих. Однако вначале разрешите представить вам гостя, командированного к нам родственным учреждением в надежде, что он почерпнет здесь опыт организации острых, принципиальных, так сказать, подлинно дискуссионных дискуссий. Итак, предлагаю начать обмен мнениями. Какие будут соображения? Кто просит слова?

Первый выступающий. Разрешите? Так как мне приходится выступать первым, считаю своим долгом со всей прямотой и откровенностью, не прячась за спины других выступающих, заявить, что по данному вопросу мое мнение не расходится с мнением нашего уважаемого председателя. Таким образом, мы имеем два совпадающих мнения. Благодарю за внимание.

Второй выступающий. Не могу удержаться, товарищи, чтобы не поправить предыдущего оратора. Да, он не прятался за спины других, однако допустил ошибку, которая может ввести в заблуждение остальных товарищей. Извините, но по обсуждаемому вопросу совпадают не два, а три мнения! Полагаю, что тем самым я откровенно высказал и свое собственное. Спасибо за внимание.

Третий выступающий. Дорогие коллеги, уважая ваше время, постараюсь говорить кратко и по существу дела. Выступавший передо мною товарищ, остро дискутируя с предыдущим оратором, выдвинул оригинальную, но, к сожалению, не подкрепленную неопровержимыми фактами гипотезу. Он заявил, что по обсуждаемому вопросу существуют три совпадающих мнения. Категорически не могу согласиться с этим априорным утверждением и должен противопоставить вышеупомянутой гипотезе свою антитезу: по обсуждаемому вопросу существует не больше и не меньше, как четыре совпадающих суждения, ибо я не позволю игнорировать и мое личное позитивное мнение. Спасибо.

Четвертый выступающий. У меня вопрос! Хотелось бы знать, что в конце концов тут у нас происходит. Дискуссия это или не дискуссия? Какой-то, извините, выскочка вылезает на трибуну и, как говорится, не заглянув в святцы, бухает в колокола, смеет, видите ли, утверждать, что по обсуждаемому вопросу имеется не больше и не меньше, как четыре совпадающих мнения! Выходит, что все остальные, в том числе и ваш покорный слуга, придерживаются иных мнений? Так? И что забавнее всего, этот мудрец надеется, что никто поперек и пикнуть не посмеет, что все проглотят его, извините, наглое заявление! Но я не желаю и не буду молчать, чем бы это мне ни грозило! Поэтому я во всеуслышание заявляю: никто не заставит меня иметь мнение, которое хоть в какой-нибудь степени совпадало бы с мнениями, не совпадающими с уже совпавшими мнениями! А сколько теперь имеем мы этих совпадающих мнений — можете посчитать сами, меня это вовсе не интересует, ибо я согласен отвечать лишь за свое собственное самостоятельное мнение! Все!

Пятый выступающий. Уважаемые товарищи, надеюсь, вы не станете возражать, если и я вставлю в наш принципиальный разговор свое словечко. Некий философ, не припомню точно, какой именно, однако не Иммануил Кант, ибо уж кого-кого, а Канта я знаю назубок, так вот, упомянутый философ как-то заявил: одно дурацкое мнение может создать очень много дураков, одно разумное, к сожалению, очень мало мудрецов. Что я хочу этим сказать? Хочу сказать, что правил без исключений не существует и что именно данный момент подтверждает существование такого замечательного исключения, поэтому я рад присоединить свое мнение к четырем вышеизложенным, порожденным в порядке вышеуказанного исключения одним мнением. Поскольку стараюсь никогда не забывать мудрой пословицы нашего трудолюбивого народа: «Встанем вдвоем — горы свернем», позволю себе несколько перефразировать ее следующим образом: «Если встанем вшестером, все пробле-

мы — нипочем!» Полагаю, что на этом могу закончить.

Шестая выступающая. Вшестером? Славно, молодые люди, ах, как славно! Смотрю на вас, смотрю и наглядеться не могу: потомки Грюнвальда? Шестеро богатырей, да? Мало того, что первыми в автобус, первыми к бутылке, первыми на высокие посты — так еще и тут, в священный час дискуссии! И тут то же самое — кто смел, тот и съел, да? Расхватали все совпадающие мнения, а мы, слабый пол, должны противоречить? Боритесь, мол, воюйте, а мы дружно посидим да поглазеем, как на футбольный матч, да? Не надейтесь! Ничего у вас из этого не выйдет! Туфта! Потому что есть, слава богу, такая вещь, как э-ман-си-па-ция! И посему мое мнение совпадало, совпадает и будет совпадать со всеми совпадающими мнениями по всем обсуждаемым и не обсуждаемым вопросам. Все! И никаких благодарностей ни за какое внимание! Вот так!

Седьмой выступающий. Товарищи, друзья, коллеги!.. Ай, ай, ай!.. Как бы круто ни заварилась наша дискуссия, это отнюдь не означает, что можно горячиться, употреблять непарламентские выражения и не уважать мнения товарищей, даже если они противоречат твоему собственному! И к тому же, товарищи, нельзя забывать, что среди нас гость... И вы, эмансипированная гражданка, называющая себя слабым полом, зря, мягко говоря, тревожитесь: чего-чего, а мнений хватит на всех и еще останется!.. Товарищи! Мы научились изготовлять сложнейшие станки, управлять электронно-вычислительной техникой, проникать в глубины космоса, а вот культурно дискутировать как не умели, так и не умеем. Нынче, когда мы достигли такого уровня развития, уже недостаточно иметь что сказать, надо еще и уметь это сказать!.. Поэтому я сам, трезво взвесив все «за» и «против», прихожу к такому выводу: по обсуждаемому вопросу можно согласиться или не согласиться с мнением того или иного товарища, однако нельзя не согласиться с мнением председа...

Восьмой выступающий. А я не согласен!

Протестую! Как можно требовать от дискутантов, чтобы у них была холодная рыбья кровь, чтобы они взвешивали все «за» и «против»? Да еще стеснялись при этом гостя? Истина, как известно, рождается в борьбе мнений, а какая же борьба без страстей, без азарта, без кипения крови?! Как хорошее пиво должно пениться и переливаться через край, так и настоящая дискуссия должна кипеть и бурлить! И потому, не хладнокровно рассчитывая, а горячо дискутируя, я присовокупляю свое мнение к уже совпавшим мнениям и буду сражаться за него, как лев, даже с самим...

Председательствующий. Все! Отведенное для дискуссии время истекло! Товарищи! Дискуссия наша при всей своей остроте продемонстрировала, что все единодушно поддерживают высказанное мною мнение. Впрочем, может быть, наш гость имеет что-либо ска... простите... гм... гость наш... кажется... ну да — спит!.. Мы такую кашу заварили, а он себе преспокойно посапывает!.. Поэтому... гм... перед нами встает новый вопрос: будить его или нет? По-моему, будить гостя не следует. Какие будут мнения?..

СОБЫТИЕ В ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Когда вспыхивают споры о том, чего недостает нашему театру, а что у него — с избытком, когда раздаются упреки, мол, слишком мало на сцене настоящих событий, то есть волнующих, до глубины души потрясающих спектаклей,— на память мне сразу приходит актер Н. Не подумайте, что он блещет сценическим обаянием, изысканным интеллектом и глубиной чувств. Отнюдь. Хрипловатый голос, грузная фигура, вялая жестикуляция, а уж мимика... Представьте себе этакую картонную маску с вечным и неизменным равнодушно-хмурым выражением. На сцену Н. пришел (вернее, был вытолкнут чьей-то властной рукой) уже довольно давно и держался в тени других актеров сравнительно спокойно, время от времени по-

являясь из-за кулис, чтобы промямлить несколько незначительных фраз, а потом вусмерть напиться, оплакивая свой «загубленный талант». В незапамятные времена делались попытки доверить ему интересные роли, но он ухитрялся так их сыграть, что спектакли с его участием очень быстро исчезали из репертуара. Однако сам Н., разумеется, никуда не исчезал, и режиссерам приходилось ломать себе голову, придумывая, чем бы его занять. Театральные критики и ругать-то уже перестали — просто не обращали на него внимания. Казалось, даже волшебная палочка не сможет изменить злосчастную судьбу Н.

И вот однажды, после треволнений премьеры, получив очередной упрек за еще одну безликую постановку, режиссер, которому уже нечего было больше терять, выпустил на сцену Н.— так футбольный тренер, когда уже ясно, что матч проигран, выпускает на поле заведомо слабого запасного игрока. Роль была довольно важной. При распределении ролей Н. был назначен дублером только для вида; сам это знал и потому даже текст выучить не удосужился. И что вы скажете? Н. не только не загубил спектакля, но заиграл так, что зрителей постепенно охватил экстаз. После спектакля его несколько раз вызывали на сцену, вскоре о нем заговорили критики, публика рвалась услышать и увидеть эту постановку, а представители прозябавшей в тени актерской братии расправили плечи и принялись требовать для себя главных ролей в пьесах Шекспира и Ибсена. «Наконец-то дождались мы настоящего события в театральной жизни,— писал по этому поводу известный театральный критик.— Виновник этого события — актер Н.— долго и скромно ожидал своего звездного часа. И не просто ждал, а изучал жизнь, копил багаж типов и нюансов. Неудивительно поэтому, что талант его засверкал внезапно и стремительно, как горный водопад, ошеломив даже опытных знатоков сцены. Впечатление еще сильнее оттого, что все интерпретации исполняемой Н. роли казались уже исчерпанными до дна — а между тем артист нашел в ней такие современные и психологи-

чески убедительные черты, обогатил такими импровизациями, что его исполнение смело можно назвать открытием сезона! Разумеется, мы не отрицаем и заслуг режиссера, однако решающее слово принадлежит самому Н.»

С того памятного события пробежало немало лет. Все тем же неспешным шагом меряет Н. расстояние между своим домом и храмом Мельпомены. Его лицо по-прежнему остается будто вырезанным из картона, а глаза вспыхивают лишь тогда, когда в бокал плеснут огненной жидкости. На сцене он иногда радостно удивляет, иногда горестно разочаровывает, однако отблески славы наверняка будут сопутствовать ему до гробовой доски, и больше никто не посмеет утверждать, что Н. родился не для сцены.

И все-таки — что же тогда случилось? Какая могучая волна подхватила и вынесла Н. на самую вершину успеха? Театральные критики гадали на кофейной гуще, режиссер загадочно помалкивал, скорее всего и сам не в силах разобраться, почему такое случилось, зритель — тот и вовсе не ломал себе головы, а Н. чувствовал себя охотником, к которому заяц сам неожиданно запрыгнул в ягдташ...

Теперь расскажем, какая же роль в тот раз попалась нашему герою. Роль некоего дворянина, апатичного, расслабленного, не могущего обойтись без лакея и без рюмки, все время полулежащего в бархатном кресле и вяло раскладывающего пасьянс (телевизоров в ту пору, увы, еще не было). Персонаж был окружен психологически достоверными и точными деталями быта, рождавшими чудо сценического искусства, которое в свою очередь — и это новое чудо! — пробуждало от лени и апатии зрителя.

Не здесь ли следует искать тот золотой ключик, которым каждый режиссер сможет открыть волшебную дверцу в вечный праздник театра? Нужны такие пьесы, где не столько говорят, сколько бормочут себе под нос, где постоянно сидят, разваливаются в креслах или просто лежат, где без конца курят — сигареты, сигары, трубки, попыхивая дымком прямо в лицо

зрителю, где смакуют настоящий кофе, закусывая его настоящими пирожными или бутербродами (а не пора ли подумать и о бутербродах для зрителя?), где, повернувшись к публике спиной, актеры обсуждают меж собой закулисные новости или тайком смотрят портативный телевизор... Жаль, что драматурги до сих пор не могут взять в толк, чего ждет от них театр, почему отвергают их динамичные драмы режиссеры, требуя «современных концепций», почему капризничают актеры, эти истинные герои и мученики сцены. Как-то раз довелось увидеть жуткую мизансцену: два актера были вынуждены драться на шпагах. Вдоволь набормотавшись и насидевшись на протяжении всего действия, они, теоретически, должны были броситься в бой, как львы. Но нам еще раз пришлось убедиться, что живое искусство не подвластно никаким теориям. Едва сдерживая зевоту, они встали друг против друга и предельно осторожно — как рюмки с французским коньяком (тоже намек зрителю) — скрестили шпаги, а потом начался спектакль в спектакле. Дело в том, что один еще кое-как засунул шпагу обратно в ножны, а другому это никак не удавалось. Возился он минут пятнадцать, пыхтя, сопя, обливаясь потом, пока не свалился на голый пол, потому что сценограф, живя все еще вчерашним днем, не догадался расставить на сцене мягкие кресла, диваны, тахты и кровати, то есть современно оформить сценическое пространство.

Однако мы несколько отклонились от феномена актера Н. Долгое время я полагала, что его путь к вершинам — самый современный и самый надежный. Но, как выяснилось, я лишь приятно ошибалась. Свидетельством этому стал неожиданный успех еще одного спектакля. Представьте себе публику, которую так утомила новая интерпретация классической пьесы, что она не в силах была ни кашлять, ни шептаться, ни шевельнуть отекшими ногами, ни даже спуститься в гардероб. И вдруг в этом летаргическом царстве — внезапное оживление, заинтересованность, беспокойство, то доброе, долгожданное беспокойство, когда сердце у зрителя выпрыгивает из груди, перес-

какивает через рампу и смеется, плачет, стенает и поет в обнимку с сердцем актера... Что же произошло? Да совершеннейший на первый взгляд пустяк: у исполнителя отклеился один ус. Тоненький, деликатный, однако достаточно длинный для того, чтобы повиснуть поперек губ и мотаться при каждом произносимом слове, как стираный носок на веревке. И словно нарочно, актер в это время говорил о высоких материях и благородных стремлениях, об активной борьбе за добро (при слове «активная» рука актера поднялась было, чтобы пристроить ус на место, но с полпути упала снова), о непримиримости, самосовершенстовании, о внутренней и внешней красоте... Старые, много раз слышанные слова, но до чего же свежо и впечатляюще зазвучали они в новом контексте, как жадно ловил их зритель — аж привставая от внимания!.. Когда актер замолкал, замирал и ус, и мы все тоже замирали от страха, что он больше не шелохнется и событие в театральной жизни на этом закончится. Возникло и постепенно нарастало напряжение, усиливался драматизм ситуации, наэлектризовались все остальные актеры: искали контактов с виновником события, жестикулировали, импровизировали, одним словом — работали!.. Всеобщая летаргия превратилась во всеобщий экстаз. Да, в искусстве нет мелочей, и это еще раз подтвердил ничтожный ус, вдохнувший жизнь в сцену и страсть — в публику. Вот я и думаю: не тут ли зарыта собака, не в этом ли многообещающее начало? Начало того театра, который зародился еще в каменном веке и медленно-медленно дошел до кочующих комедиантов, а от них, глядишь, до Эсхила и Софокла...

КАК НАПИСАТЬ СОВРЕМЕННЫЙ РОМАН

Главным героем современного романа (повести, рассказа, новеллы) должен быть писатель (на худой конец — художник, скульптор, архитектор, журналист,

философ), который переживает мучительный творческий кризис и потому не может писать, рисовать, ваять, созидать и вообще что-либо делать. Это человек преждевременно уставший (но не упавший духом), рано поседевший (но не облысевший), довольно непрактичный (но не растяпа), сильно разочарованный (но не скептик), в несколько старомодном плаще, под которым бьется слишком чуткое сердце (а не насос), и с мудрой морщинкой поперек лба (другие черты могут и не совпадать с чертами автора произведения).

Главная причина его творческого кризиса — мещанское перерождение жены, детей, тещи, стареющей любовницы, соседей, коллег или недостаточное уважение с их стороны к тому, кто призван писать, рисовать, ваять, созидать и переживать мучительный творческий кризис.

Герой вырывается из этого душного и опасного болота в приют ничем не нарушаемого покоя (в приморскую виллу, охотничий домик, деревенскую избу, винный погребок, свою мастерскую) и прячется тут ото всех, кто мешал ему писать, рисовать, ваять, созидать, вообще что-либо делать и переживать мучительный творческий кризис.

Тут к нему врывается коллега, которому еще больше не пишется, не рисуется, не ваяется и который пребывает в состоянии такого глубокого и затяжного творческого кризиса, что пропился до нитки, но сохранил благородную душу и безупречный эстетический вкус. Он заклинает нашего героя беречь свой огромный уникальный талант и просит взаймы некую толику рубликов, по получении которой растворяется в пространстве, подобно легкому дымку от сигареты.

Вслед за ним, словно клубы дыма от тлеющего кизяка, вламывается в приют спокойствия другой коллега, который отнюдь не призван ни писать, ни рисовать, ни ваять, ни созидать однако преспокойненько пишет, рисует, ваяет, созидает, чувствуя себя в мире искусства лучше, чем рыба в воде. Жена у него добрая, любовница очаровательная, аппетит превосходный, бумажник туго набитый, куртка из натуральной

кожи, автомобиль последней модели, а слово «кризис» он ассоциирует лишь с лихорадкой на биржах прогнившего капиталистического мира.

Появление этого везунчика, подхалима и прилипалы до такой степени обостряет творческий кризис нашего героя, что сей кризис превращается в душевную судорогу, по случаю чего у автора романа выпадает из рук стило, и сам он солидарно впадает в состояние крайней меланхолии и бросает своего героя на произвол судьбы.

Вместо преуспевающего коллеги может ворваться неколлега-критик — тупой, как пень, держащий нос по ветру и постоянно для этого разнюхивающий, откуда ветер дует. Он строчит статью за статьей, которых наш герой из принципа никогда не читает, хотя в случае надобности может подробнейшим образом процитировать. Критик пытается изложить свои аргументы, однако наш герой не слушает их, хотя может повторить слово в слово. Пусть этот критик бесконечно влиятелен и даже всемогущ, наш мученик нисколечко не лебезит перед ним, наоборот, едва не выставляет за дверь, прекрасно понимая, чем это грозит его будущему оригинальному и смелому произведению. Никогда, никогда, никогда ни в один его роман (повесть, рассказ, новеллу) не ступала и не ступит нога талантливого и честного критика! Это не только нарушило бы ткань произведения, но было бы вдобавок и невиданным надругательством над художественной правдой!

И вот, пока наш герой пребывает в состоянии полного отчаяния, к нему вдруг приходит большое-пребольшое и очень-преочень настоящее чувство: появляется Она. (С этого момента стиль произведения начинает сбиваться, словно его пощипывает другая рука, но в этом ничего предосудительного нет.) Ее волосы непременно блестят, непременно естественного цвета и на ветру непременно развеваются, а щеки бледны. Побледнели они, конечно же, от долгого ожидания того, кому не пишется и не ваяется. Чем Она моложе, стройнее и сладострастнее — тем одухотворен-

нее и загадочнее, тем успешнее распутывает сложные парапсихологические состояния нашего героя, тем яснее он видит, что сама милосердная судьба послала Ее, дабы извлечь его из бездны творческого кризиса. Эту простую, как дважды два, истину Она так тонко и тактично втолковывает нашему герою, что у того создается полное впечатление, будто он сам, лично, додумался до этого. Затем, конечно, следует их на первый взгляд ремарковско-хемингуэйно-гессовские блуждания, но только на первый взгляд! Ибо если к такому произведению допустить честного и талантливого критика, он без колебаний объявит его абсолютно новым словом нашей национальной прозы в контексте мировой литературы.

Особенно свежо вплетается в ткань произведения такой эпизод:

«...Потом, уже после всего, когда они, истомленные, откинулись на подушки и молча лежали, вслушиваясь в свое шумное дыхание, он оперся на локоть и долго не отрывал глаз от ее милого, матового лица, обрамленного волнами растрепанных шелковистых волос, лица, словно сошедшего с гравюры старого мастера. Осторожно коснулся он ее сухих, потрескавшихся губ, провел кончиками пальцев по едва заметной морщинке в их уголке.

— О чем ты думала? — едва слышно спросил он.

Она долго не отвечала. Потом, словно очнувшись от гнетущих мыслей, повернула к нему прекрасное, просветленное лицо и просто произнесла:

— О тебе.

Помолчав, добавила:

— И о том, как ты страдаешь... и...

Она замолчала, тряхнула головой, словно отгоняя назойливую, удручающую мысль.

— И еще о чем? — Он придвинулся так близко, что видел, как пульсирует голубая жилка у нее на виске.

— О том, что я могла не встретить тебя.

Уткнувшись в его мужественное (мускулистое, стальное, крепко сбитое) плечо, Она беззвучно заплакала, и он почувствовал, как в него вливается что-то

живительное, чистое, первозданное — словно кристальная влага родника, из которого пивал в детстве».

По логике внутренней правды в таком произведении вместо этой женщины могла бы действовать другая женщина — женщина-вамп. Она преследует нашу творческую личность упорнее и хитроумнее, чем целый полк детективов, не дает ему спокойно и шагу ступить, возжаждав одного: обладать им вместе со всем его старомодным плащом и мучительным кризисом. Она предлагает ему прекрасную квартиру с зеркальным баром и ломящимся от яств холодильником, всучает ключи от шикарной машины и чуть ли не на коленях умоляет, чтобы он позволил ей создать для него идеальные условия, где наш герой бы мог без помех писать, рисовать, ваять, созидать, мыслить и преодолевать кризис. И что же он? Он, разумеется, гордо и даже жестоко отвергает эту ненасытную эгоистку, этого Мефистофеля в юбке. И сюда прекрасно вписывается, если и не самая убедительная, то по крайней мере самая драматичная сцена, вместившаяся в одну фолкнеровскую (но тоже лишь на первый взгляд!) фразу:

«Она ползала по полу, пытаясь обнять его колени, и на мгновение он было засомневался, не остаться ли, но лишь на мгновение; он решительно оторвал от своих брюк ее унизанные дорогими кольцами пальцы и шагнул к фанерованным дубом дверям; так чего же ты хочешь, чего ищешь, кто ты, рыдая выкрикивала она распухшими от слез губами; он задержался у порога, ладонь ощущала холод медной дверной ручки, подбежала собака, посмотрела умоляющими, преданными глазами, собаку было жаль; не глядя, он чувствовал ее жесткую теплую шерсть; КТО Я ТАКОЙ, я как эта дверь, как дуб, как фанера, но не как собака, и потому я ухожу, хотя собаке меня будет не хватать, а дверная ручка обойдется, ибо медь холодна и бесчувственна, как медные сердца, УХОЖУ, но собачьи глаза тоже медного цвета, я уже УШЕЛ, она еще о чем-то спрашивает, она не видит, что меня тут уже НЕТ, а вернулся, сел перед камином и курит

трубку кто-то другой, которого она о чем-то спрашивает, и я вынужден отвечать, словно я еще ЕСТЬ, и кто-то другой велит за меня принести из бара «Камю», в то время как настоящий я уже свернул за угол переулка, бегу, удаляюсь и уже никогда сюда не вернусь, хотя французский коньяк, как ни крути, есть французский коньяк».

И все-таки ни один эпизод произведения не может сравниться со сценой в ресторане (баре, кафе, в пивной, наконец), написанной с таким вдохновением и знанием дела, что просто диву даешься, почему до сих пор Трест ресторанов и кафе не объявил литературного конкурса на свою тему!.. Впрочем, ресторан или кафе нужны нашему герою не столько для того, чтобы поесть или выпить, сколько для того, чтобы всмотреться в самодовольные мещанские морды здешних завсегдатаев и понять, что он уже никогда не сможет ни писать, ни рисовать, ни ваять, ни созидать, ни мыслить, ни вообще что-либо делать. Поняв это, он ощущает, что его кризис дошел до последней черты, и надирается так, что одному особенно мерзкому рылу дает пощечину.

К утру приходит просветление — неожиданное и внезапное, словно взрыв шаровой молнии. Наш герой чувствует, что вновь может писать, рисовать, ваять, созидать и что мучительный кризис (а вместе с ним роман, повесть, рассказ, новелла) подошел к концу. Разумеется, до следующего, еще более мучительного кризиса и еще более зрелого романа.

Очень хорошо, если последние слова произведения будут странными, загадочными, зашифрованными, как филиппинская медицина. Для этого нужно совсем немногое: зажмурившись, открыть словарь и ткнуть пальцем. Если читатель ничего не поймет, то и он, глядишь, попадет в кризис, и тут уж ни один критик-буквоед не посмеет усомниться в силе воздействия произведения, необъяснимой магии его Слова!

ВОКРУГ ДА ОКОЛО МИФОВ

56

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОМЕТЕЯ

По осенней земле спешит освобожденный от оков Прометей. Вы только вглядитесь: под ребром у него еще кровоточит печень, истерзанная Зевсовым орлом, на запястьях и щиколотках лохмотьями висит кожа, стертая тяжкими цепями, а каждое прикосновение грубой овчины обжигает рану, нанесенную копьем, которое пригвождало его к гранитной кавказской скале. Но это уже пустяки: раны заживут, от невыносимых мук останутся лишь воспоминания, а пламя — похищенный на Олимпе огонь — будет вечно служить людям, неся им тепло, свет и могущество. Поэтому могло ли быть иначе? Едва Геракл разбил оковы, как Прометей, собрав последние силы, устремился вниз, в долины — к тем, ради кого не побоялся навлечь на себя гнев и кару богов.

И вот глаза титана заметили мерцающую среди холмов звездочку и невесомую полоску дыма, поднимающуюся от нее в небо: уж не костер ли? Хотя за долгие века неподвижности титан почти разучился ходить, он, стиснув зубы, ускоряет шаг, сердце грохочет в груди, как камень во время горного обвала. Вот!.. Вот она, та картина, точь-в-точь такая, какая представлялась ему в видениях, возвращала силы, не давала погибнуть на самом дне мучительной безнадежности: вокруг пылающего костра сидят бородатые мужчины, хлопочут длинноволосые женщины, резвятся дети, шепчутся почтенные старцы. И не надо быть особо прозорливым, чтобы понять: это уже не те угрюмые и запуганные существа, которым он когда-то, в незапамятные времена, с огромным трудом всучил похищенное в кузнице Гефеста пламя... Прометей даже улыбается, вспомнив, с каким упорством и недоверием отбрыкивались они от принесенной им

пылающей головешки, как пытались выбросить ее в воду, задуть, затоптать, забить дубинами... В конце концов даже прибегли к хитрости — наивной, детской хитрости: «Знаешь, что, титан? Ступай-ка ты лучше к другому племени, вон туда, за ту буковую рощицу. Они прямо спят и видят, чтобы кто-нибудь подарил им горячий сверкающий язык, так что торопись, пока они не откочевали на другое место». Бормоча это, люди подталкивали его, гнали прочь. Что ж, все новое, неведомое даже у богов вызывает недоверие, чего же ждать от темных и слабых смертных?.. К счастью, титан был сильнее, чем все они, вместе взятые, к тому же огненный факел в его руке служил отличным оружием. Поэтому, приподняв за шиворот самого настырного гонителя и слегка припалив ему задницу, Прометей легко убеждал наглеца в своей правоте, заставлял разжечь костер, зажарить мясо и съесть его. Мало того, водил мужчин к болоту, учил их отыскивать руду, плавить и потом ковать железо, превращая его в топоры, лемеха, серпы и мечи (а нынче ишь — даже медных украшений себе понаделали!) Да-да, теперь даже богам ясно: люди — сила! Достаточно взглянуть на стаю голодных волков, собравшихся на опушке, жадно принюхивающихся к аппетитным запахам, но боязливо поглядывающих на костер и грозные копья... Огонь совершил то, на что и рассчитывал Прометей, ради чего вступил в противоборство с Зевсом: люди стали силой — возможно, такой, с которой придется считаться самим олимпийцам. Да-да! Они уже и впрямь не те беспомощные существа, которых он, Прометей, порой против их воли спасал от гибели, темноты и холодного равнодушия богов...

Титан прячется за ствол растущего поблизости от костра эвкалипта и, выглядывая из-за него, пожирает глазами своих подопечных. Смотри-ка! Сгребли в кучу раскаленные угли, засыпали ими освежеванного кабана... вздымаются клубы пара... над поляной плывут такие ароматы, что волки принимаются тоскливо подвывать... Пока жарится мясо, мужчины,

женщины и дети пляшут вокруг огня (гляди-ка, уже и ритуалы выдумали!).. Потом разгребают угли... вытаскивают кабана... делят на куски... И... титан едва верит собственным ушам:

— Славим тебя, о Прометей, за огонь, который ты принес нам, за твой великий дар. Прими же и ты, о богоравный друг людей, нашу любовь, благодарность и жертву...— с этими словами вождь или жрец швыряет в огонь целую кабанью ногу!

Туман застилает глаза титана: он, не проливший ни слезинки даже тогда, когда остроклювый орел терзал его печень, плачет, как малое дитя, и соленые слезы разъедают и без того саднящие раны — но это пустяки по сравнению с радостью, которую он только что испытал! Ах, если бы знали они, эти славные, помнящие добро люди, люди его огня, если бы они только знали, если бы могли предположить, что рядом, в нескольких шагах...

— Эй! Кто там?

Наверное, услышали его всхлипы. Титан затаивает дыхание и всем телом прижимается к толстому стволу.

— А ну, выходи по-хорошему, не то...

Царапнув кору дерева, рядом падает стрела с острым железным наконечником. Прятаться бессмысленно, да и опасно. Титан поспешно вытирает слезы листиком эвкалипта и выходит из укрытия:

— Приветствую вас, дети мои!

— Здравствуй.— Они удивленно разглядывают незнакомца.

— Не возражаете, если я присяду к... огню?

Они молча раздвигаются, недовольно косясь на незваного гостя,— и принесла же нелегкая как раз во время ужина!

— Ты кто? — строго спрашивает жрец.

— Я-то?

Внезапно Прометей наклоняется к огню и выхватывает из него жертвенный окорок. Соскребает подгоревшую корочку и подносит ко рту. Присутствую-

щие замерли, как громом пораженные,— неужели посмеет?!

— Что он делает?! Святотатец! — одновременно вскрикивают несколько женщин.

— Не смей! — Жрец властно отбирает у него окорок и бросает назад в костер.— Несчастный, ты осквернил святыню! Разве не знаешь, что это жертва великому Прометею, который даровал нам огонь? За такое святотатство ты будешь сожжен на этом же костре! Сожжен во славу Прометея.

О, великое долгожданное мгновение:

— Но ведь я и есть Прометей!

После гробового молчания:

— Тот, кому вы предназначаете эту жертву.— Распахивает овчину на груди:— Вот мои раны.— Склоняет голову:— Ради вас.

Как все просто, чисто, прекрасно — так, именно так представлялось ему в мучительных видениях, когда, прикованный к скале, терял он сознание от нечеловеческих мук. Все, как чудилось там: люди будто окаменели. И взрослые и дети не отрывают от него горящих отблесками его огня глаз, смотрят и не могут насмотреться на его гордо откинутую голову, величественные жесты, запекшуюся кровь тяжких ран, на ветхую овчину, растроганную улыбку, припухшие от слез веки... Одна из женщин уже утирает глаза, другая прикладывает подорожник к его ранам, третья пододвигает пылающие угли поближе к его ногам...

— Как только пали мои оковы,— признается Прометей,— я сразу к вам.

— К нам? — словно не расслышав, переспрашивает жрец.

— Да. Сразу.— Как бы благословляя огонь, Прометей протягивает к костру израненные руки:— Горит... До чего же славно горит!

От языков пламени рябит в глазах, от огня словно оттаивают натруженные суставы и по телу разливается приятное оцепенение, голова медленно свисает на грудь: после перенесенных мук, трудного пути, душевного потрясения наступает наконец долгождан-

ный отдых. Всмотритесь внимательно: разве может быть картина прекраснее и значительнее,— возле пылающего огня спит тот, кто даровал его людям, спит сам Прометей...

А проснувшись, титан видит начисто обглоданные кабаньи кости и сидящих вокруг мужчин. С растущим нетерпением смотрят они на своего гостя, ждут не дождутся, когда же наконец он очухается. Но вот уже потягивается... постанывает, видимо задев рану... садится... спросонок удивленно озирается... не может сразу сообразить, где он... Увидев тлеющий костер, светлеет...

— Что, Прометей, уже проснулся?

— Проснулся, дети мои.— Титан ласково улыбается: тихонько сидя вокруг, они стерегли его сон, его покой!

— Вот и хорошо, что проснулся, потому что, пока ты спал, мы кое о чем посовещались и решили...

(Это же надо, уж и совещаться у костра научились!)

— И что же вы решили, дети мои?

— Решили сообщить тебе одну очень добрую весть.

— Слушаю вас, дети мои.— Отеческим взором он обводит их сдвинутые головы.

— У нас нет слов, о великий Прометей,— начинает, приняв торжественную позу, жрец,— чтобы выразить, как мы горды и рады, что ты прямо со скалы своих мучений явился именно к нам и тем самым навеки прославил наше племя...

Титан едва заметно покачивает головой: дескать, зачем эти хвалы, зачем эти высокие слова, дети мои? — однако после долгих лет унижений такой почет ему — словно бальзам на раны.

— Мы клянемся, что во веки веков не забудем твоего благодеяния и отныне еще усерднее станем чтить тебя, еще большие жертвы тебе приносить...

Глаза титана невольно отыскивают торчащую из подернутых пеплом углей кость с обгоревшими остатками мяса; он вспоминает что у него и крошки во рту не было, и сглатывает слюну.

— В знак великой признательности мы хотели бы избрать тебя своим верховным жрецом и вождем племени...

— Что вы?! — даже отшатывается от удивления титан.

— Не скромничай! — строго возражает жрец.— Иначе зачем бы тебе идти к нам? — он проницательно сверлит гостя глазами.— Ты — дарователь огня, кому же, как не тебе, править племенем, люди которого навеки твои должники? Кроме того, разве не огромное счастье для племени иметь своим вождем и жрецом полубога? Однако...

— Да! Конечно! Чистая правда! — слышны восторженные выкрики из стоящей поодаль толпы, но жрец живо унимает крикунов, кинув на них суровый взгляд.

«Так вот какую весть хотел он сообщить мне! Вот о чем они совещались, пока я спал...— Горло титана вновь стискивает соленый комок.— Дети мои... благодарные, наивные дети...»

— Однако? — за робкой улыбкой Прометей пытается скрыть свое волнение.

—...однако за той вон буковой рощицей живет племя, которое, увы, больше нас достойно этой чести. Хотя и скрепя сердце, но мы вынуждены уступить им тебя. Возможно, и запамятовал, но ведь им первым принес ты огонь. А уж от них — мы... Поэтому они имеют неоспоримое право первыми отблагодарить тебя!

— Значит...— еще не осознав до конца смысл услышанного, Прометей оглядывает лица окружающих, с испуганной покорностью взирающих на жреца,— значит...

— Значит,— подхватывает молодой, но, видимо, щедро одаренный красноречием помощник жреца,— значит, не теряя времени понапрасну, отправляйся к тому племени, объясни им, кто ты, и они примут тебя с распростертыми объятиями. Каждое твое слово будет для них законом.

— Но...

— Никаких «но». Поспеши! Скоро стемнеет. Как бы волки не загрызли...

Кто-то услужливо подхватывает его под локти, кто-то легонько подталкивает в спину, кто-то тычет пальцем в сторону рощицы... Внезапно Прометей прозревает, словно очнувшись от сладкого сна, и вскипает: ах, наглецы! Да как они смеют! Вот ухватит он сейчас за шиворот жреца — как того давнишнего вождя — и прижжет ему задницу раскаленными углями. Но, будто угадав его мысли, жрец с подручными весьма недвусмысленно поглядывает на свои копья и мечи, выкованные из железа: попробуй хоть пальцем тронуть!.. Мы уже не те забитые и беспомощные бедолаги, про которых поминают у костра старики, теперь — сам видишь! — мы сила, с нами нынче вынуждены считаться даже боги!..

А поскольку титан все еще стоит, будто в землю врос, юный краснобай ловко выхватывает из золы дымящуюся головешку — ту самую жертвенную кабанью ногу — и сует титану под нос. Прометей инстинктивно отшатывается и без возражений направляется к буковой рощице...

Нет, нет, теперь вы лучше на него не смотрите: плетется, как побитая собака, не поднимая глаз, опустив голову, сгорбившись. И это Прометей? Восставший против Зевса, мятежный Прометей, титан среди титанов?.. О, если его позор видят боги! Тогда уж лучше самому сгореть в похищенном у них огне!.. Там, на скале, пусть прикованный и пригвожденный копьем, он был равен богам — мятежник, полный величия и сознания своей правоты... А тут? Кто просил этого Геракла сбивать с него оковы?.. Прометей даже не замечает, что шагает прямо на стаю голодных волков; однако, учуяв острым обонянием, что идет полубог, звери расступаются, давая дорогу. Встретив такое почтение со стороны хищников, титан несколько приободряется: ничего... не сошелся свет клином на костре тех наглецов... Пусть их... Он пойдет к другим... он еще встретит настоящих людей! А не-

благодарное племя да будет заклеймено вечным позором: уж он-то об этом позаботиться!

Путник ускоряет шаг, а когда минует рощицу и видит дымок костра, сердце его вновь начинает биться учащенно — пусть его биение не напоминает уже грохота горного обвала, но надежда заставляет его стучать все быстрее и быстрее... Он снова прячется за деревом, снова видит волнующую картину: вокруг костра собрались большие и малые, отсветы огня сверкают в их глазах, начинается тот же ритуал, та же молитва, славящая его имя,— только на этот раз титан сдержал слезы — уже ученый!..

Выйдя к людям, наталкивается на те же удивленные взгляды. Приветствует их короче и суше:

— Здравствуйте, мужчины и женщины. Я — Прометей.

Предъявляет неоспоримые доказательства:

— Вот следы орлиного клюва, вот стертая цепями кожа, вот рана от копья...

— Да, да, мы верим. Какая честь!.. Придвигайся поближе к огню, согрейся. Мы тебя не забыли, нет, вот на камне жертвенная кровь в твою честь. Скажи, титан, куда думаешь податься дальше?

— Еще не знаю...

— Знаешь, знаешь, ты же полубог, дарователь огня, все мы должны слушаться тебя. Разве ты можешь чего-нибудь не знать? Но пока отдохни, сосни, погрейся, а мы посовещаемся...

Совещание? Снова? Недоброе предчувствие колет титану сердце, как острие копья... А совещание, которым руководит жрец, протекает так слаженно, кончается так быстро, что бедняга не успевает и ног обогреть.

— Не знаем, какими словами и благодарить-то тебя, о великий пресветлый Прометей, за то, что ты оказал нашему племени столь великую честь, посетив его,— заводит соловьиным голосом здешний юный помощник жреца.— Но поскольку огонь мы получили не от тебя, а от племени, живущего по ту сторону северной горы, то, не откладывай дела в долгий ящик, спе-

ши туда, ибо лишь тому племени принадлежит неоспоримое право боготворить тебя и повиноваться тебе. Они, конечно, примут своего благодетеля с распростертыми объятиями! Ах, как мы им завидуем! Счастливчики.

Прометей уже понимает, что к чему, не удивляется, не злится, не мечет глазами молний: пустое дело — чем упорнее будешь сопротивляться, тем больше грубости, а то и насилия встретишь. На этот раз он даже наблюдательнее: заметил, что при сих словах «как мы им завидуем» на губах жреца зазмеилась ироническая усмешка. Не ускользнуло и то, что многие мужчины и женщины племени не очень-то согласны со жрецом, но на лицах печаль и беспомощность, которые говорят сами за себя.

И титан, не переча жрецу, не попрощавшись, направляется к северу, в сторону горы, и не оборачивается. «Должно же все-таки отыскаться хоть одно благодарное и гостеприимное племя,— пытается он утешить себя,— не могут же все быть одинаковы, как капли воды... Не могут!»

Однако третье племя уже было предупреждено о приходе Прометея: соседей оповестили языком факелов (глянь-ка, целая система связи с помощью огня налажена!). Поэтому, не успевал он приблизиться к новому костру (сейчас и во всех других случаях), как его встречали отработанной тирадой:

— Приветствуем тебя, о пресветлый дарователь огня! И поскорее спеши на восток: там хранят твой первый факел, там рады будут принять тебя. Как мы завидует им! Счастливчики!..

Или:

— На юго-запад, неужто сам не знаешь, о полубог?! Они ждут не дождутся, они заслужили это!

И неизменное:

— Поспеши, не медли!

И титан все шел и шел... Да, раны зажили, на их месте только блеклые шрамы, да, о невыносимых муках остались лишь одни воспоминания. Да, похищенный на Олимпе огонь горит и будет гореть, неся лю-

дям тепло, сытость, силу. И титан неутомимо шагал вперед. Оттого, что спать приходилось где попало, зачастую под дождем, от нескончаемых скитаний грудь его терзал противный, изнурительный кашель, на губах высыпала лихорадка, спина сгорбилась от усталости, волосы сбились в колтун, глаза старчески слезились, а на лице читалась покорность бездомной собаки: Прометей завел палку для защиты от наглых гиен и привык опираться на нее... Случалось, что он нечаянно во второй раз подходил к тому костру, откуда его уже прогнали, и тогда жрецы не упускали случая поиздеваться над беспомощным стариком: вот тебе, дескать, и светоносец: заблудился, как слепой щенок!.. Пристыженный титан снова отправлялся прочь, плохо соображая, куда идет, твердо зная лишь одно: к богам он вернуться не хочет, не может и никогда не сможет, это было бы окончательным падением, после которого уже нечего ждать... Он метался то на север, то на восток, шел к западу, брел на юг — неважно куда, потому что надо было идти, двигаться, пока несут ноги...

Как-то он заплутал в горах и после многодневных скитаний вышел к руслу высохшего ручья, которое привело его в густые заросли, окруженные непроходимыми скалами. Обессилевший Прометей опустился на землю, прислонившись спиной к скале — такой же холодной и твердой, как та, к которой был он некогда прикован. Отвергнутый богами и людьми, мечтал лишь об одном — скорее умереть... Может, здесь наконец дождется желанной смерти? Закрыл глаза, и, как само небытие, окружили его тишина и величественное спокойствие гор... Только вдруг блаженную нирвану нарушили человеческие голоса: где-то поблизости находилось стойбище... Проклятье! Прометей устало затряс головой: нет, не пойдет, никуда он больше не пойдет... хватит... все кончено...

Проснулся он в шалаше, сплетенном из ветвей и травы. Рядом хлопотали незнакомые люди: увидев, что старик очнулся, ему приподняли голову и дали напиться чего-то такого, что мигом вернуло силы и

ясность мысли. Прометей встал, вышел наружу. Обрадованно загомонившие женщины поспешили протянуть ему вскрытый кокосовый орех, полный ароматного молока, сушеную рыбу, фрукты...

— Неужели вы не знаете, кто я такой? — подкрепившись, решился спросить Прометей.

Они покачали головами.

— Я — Прометей.

Люди не удивились, услышав это имя, не обрадовались, не стали торжественно приветствовать и — что самое главное! — не поспешили удалиться на совещание. Его имя ничего, абсолютно ничего не говорило им!

— Кстати,— спохватился Прометей,— а где ваш костер, где огонь?

— Какой костер, какой огонь? О чем ты говоришь?

И только тут титан сообразил: эти люди еще не знают огня! Они не получили его чудесного дара, не чтили его подвига, не приносили ему жертв, не пели дифирамбов. У племени не было вождя или жреца, который мог бы опасаться за свою власть после его появления, он никому не мешал править и повеливать от его имени — посему и присутствие титана никому не мешало, и никто не спешил от него избавиться. Наоборот: когда он пошел с мужчинами племени к реке ловить рыбу и поймал больше всех, они одарили его новыми мягкими шкурами и сплели отдельный шалаш: живи и только никуда от нас не уходи!

Не скоро еще поверил Прометей в свое счастье, по ночам нет-нет да и приснится, что в селении появились люди с факелами и полными пылающих углей горшками, что, узнав титана, они гонят его прочь, к другому племени, якобы имеющему больше прав на поклонение дарителю огня... Проснувшись, весь в поту, Прометей задумывался, а если сон в руку? Как быть? Поэтому потихоньку от всех он развел в горной пещере костер и наковал оружия: пусть теперь недруги только сунутся! — он научит свое племя, как

прогнать их прочь вместе с проклятыми жалящими языками пламени!..

Так и остался он жить среди людей, не знающих огня, и был бы счастлив, если бы не постоянный страх увидеть приближающийся огненный факел...

...И НЕ СКАЗАЛ НИ СЛОВА

По извилистой темной тропинке бредут из Тартара певец Орфей со своей неизменной кифарой в руках, а вслед за ним — Эвридика.

Эвридика. Да, я плачу, не могу не плакать... меня сотрясают рыдания... Только не оборачивайся, милый, не оборачивайся... Кто бы не заплакал на моем месте?.. От счастья, от благодарности, от гордости за тебя... Ты ворвался в царство мертвых, где до тебя не ступала нога ни одного живого, ни единого смертного... Ворвался, не испугавшись ни мрачных подземелий, ни вязких болот, ни огненных языков, ни мстительных эриний, ни свирепости трехглавого Цербера!.. И все ради меня, ради своей Эвридики!.. Ах, Орфей, может, и хорошо, что тогда, на земле, укусила меня змея и я попала в царство мертвых — благодаря этому я познала неизмеримую бездну твоей любви!.. Отныне я уверена лишь в одном: нет и не может быть на свете такой силы, которая разлучила бы нас!.. Дорогой мой, единственный, поиграй, поиграй мне на своей чудесной кифаре, чтобы путь к живым показался мне короче...

Орфей идет, блаженно улыбается и играет.

Эвридика. И все-таки не могу надивиться, как это властелин Тартара согласился отпустить меня, поставив тебе такое легкое условие: не оборачиваться до тех пор, пока мы не выйдем из преисподней... даже смех берет, правда?.. Наверное, Аид пошел на это лишь из-за своего божественного высокомерия,

дабы никто не подумал, что он смирился и без препон взял вдруг да и уступил просьбе простого смертного... Ах, Орфей, и в самом деле чудодейственны сила твоей любви и струны твоей божественной кифары, ведь тебе удалось смягчить даже каменное сердце владыки подземного царства, сердце самого Аида...

Орфей идет, блаженно улыбается и играет.

Эвридика. Но что я говорю!.. Ведь не столько Аида, сколько его жену Персефону взволновала и пленила твоя песня любви и тоски... Ведь это она упросила своего жестокого мужа выслушать твою просьбу и вернуть тебе меня. Ах, если бы не благородная Персефона, едва ли теперь шли бы мы с тобой в солнечное царство живых... Играй, милый, играй...

Орфей идет, блаженно улыбается и играет.

Эвридика. Нам так повезло, потому что ты, как нарочно, явился в подземное царство именно в тот момент, когда Персефона пребывала в доме своего дорогого мужа. Еще немножко — и ты бы не застал ее: едва весеннее солнце там, на земле, раскрывает первый бутон, как супруга Аида, словно ветерок, устремляется вверх, летит на Олимп, к своей матушке Деметре. И вообрази, не возвращается домой до тех пор, пока наверху осенние бури не сорвут с деревьев последний лист...

Орфей идет, блаженно улыбается и играет.

Эвридика. Хороша жена, правда? И полгода не может усидеть рядом с мужем!.. Интересно, какие у нее волосы? Такие же пышные и золотые, как у богини Деметры? Ну, конечно! Одна титанша говорила мне, что они цвета спелой пшеницы...

Орфей идет, блаженно улыбается и играет.

Эвридика. Цвета спелой пшеницы... красиво сказано!.. Когда ты пел ей о любви и тоске, небось

не зажмуривался, как соловей? Может, не только ее волосы видел, но и в глаза заглядывал? Говорят, они огромны и сверкают, как два родниковых ключа в полдень...

Орфей идет, блаженно улыбается и играет.

Эвридика. Представляю, как она пожирала тебя этими бездонными очами! И сердце владычицы преисподней таяло быстрее, чем воск свечи — от твоих песен любви и тоски, не правда ли? Знаешь, когда божественный Аристей застал меня на лугу, он тоже затянул было любовную песенку... У другой, может, сердце и растаяло бы, но я лишь зажала ладонями уши и — дай бог ноги! — неслась прочь, не разбирая пути, пока не наступила в высокой траве на ядовитую змею... И это привело меня в царство Аида. Играй, милый, играй...

Орфей идет, блаженно улыбается и играет.

Эвридика. Что-то очень уж вяло дергаешь ты струны... Ах, прости, совсем забыла: ты же переутомился, играя для златовласой Персефоны... Как думаешь: почему ее маменька Деметра возвращает молодость дряхлым старцам? Вот уж, верно, не из материнской любви! А они, вновь став юношами, конечно, не забывают должным образом отблагодарить богиню плодородия, ха-ха, как ты думаешь?.. Интересно, а ты, когда состаришься, тоже пойдешь к Деметре просить, чтобы она вернула тебе молодость? Вот будет славно: я уже беззубая, сгорбленная старуха, а ты в расцвете сил, как Нарцисс... но ты играй, милый, играй...

Орфей идет, улыбается и играет.

Эвридика. Гляди, вон уже и свет впереди брезжит, совсем недалеко нам идти... Только ты не оборачивайся, милый, не оборачивайся... Как думаешь: когда Персефона вырывается из преисподней и попадает к своей мамочке, они там цветочки сажают и посуду кухонную чистят?.. Как бы не так! Кто ж его

не знает — этого старого развратника Зевса, и нечего удивляться, что Деметра наставляет мужу рога... Но Аид!.. Более строго мужа, чем он, не сыскать! И, разумеется, более наивного: вот так взять да и отпустить жену на целых полгода на другой край света!.. И разиня к тому же. Какой еще простак позволил бы невесть откуда явившемуся мужику петь своей жене о любви?.. Согласен?

Орфей идет, улыбается и играет.

Эвридика. Играй, дорой, играй: можешь не отвечать на глупые вопросы своей женушки... Не знаю, что я отдала бы, чтобы только и у меня волосы стали цвета спелой пшеницы!.. Скажи, муж мой, единственная моя любовь, ответь мне: а если бы тебя там, в пышной луговой траве, застала Персефона? Сбежал бы ты от нее так, как твоя несчастная Эвридика сбежала от красавца Аристея? Сбежал или нет?

Орфей идет, улыбается и играет.

Эвридика. Так знай, милый мой: вот сошел ты в Тартар, чтобы петь любовные трели женушке Аида, а ведь я и сама еще когда могла бы подластиться к Аиду и, чего доброго, растопила бы его сердце — если уж красавицу Аристею, сыну самого Аполлона, понравилась... пусть мои волосы и не цвета спелой пшеницы, но среди множества нимф он выбрал меня, только за мной гнался, пока я, спасая верность тебе, не напоролась на ядовитую змею... играй, играй!

Орфей идет и играет.

Эвридика. Знаешь, о чем я еще подумала? Подумала: если бы не я, а ты попал в царство мертвых... и я явилась бы сюда, чтобы вызволить тебя... Ну уж нет, ни за что не стала бы напевать Аиду любовные песенки... Уж лучше навсегда осталась бы в преисподней, чтобы страдать вместе со своим мужем... Что поделаешь, вероятно, мои представления о любви и верности устарели, но по-другому я бы не смогла... не смогла, хоть ты что! Прости, но не смогла бы!..

Если бы смогла, то еще тогда, на земле, не бежала бы, как безумная, от красавца Аристея и не укусила бы меня ядовитая змея... но ты играй, играй!

Орфей идет.

Эвридика. Любому дураку ясно, что Персефона кинулась помогать тебе не от доброты душевной. Разве может тронуть верность двух любящих сердец бабу, которая шляется по полгода неизвестно где и с кем?.. Готова об заклад биться, что она уже вострит лыжи, чтобы броситься следом за тобой... только не оборачивайся, умоляю, не оборачивайся!.. Теперь-то я понимаю, что она силком заставила тебя назначить ей свидание на земле... Надеюсь, правда, не на той пышной лужайке, где меня ужалила ядовитая змея только за то, что я хотела сохранить верность своему мужу, своему Орфею... играй!

Орфей идет.

Эвридика. Только об одном прошу тебя, мой единственный, мой дорогой, об одном прошу: когда закружится у тебя в пышной траве голова от поцелуев Персефоны... когда оба запылаете вы от страсти... об одном прошу: не забывай остерегаться ядовитой змеи! Персефоне-то что, она бессметрна, но ты!.. Ты немедленно провалишься в царство мертвых, а его владыка, проведав о вашей грешной связи, найдет для тебя в преисподней такое местечко, что никакая Эвридика не сможет тебя оттуда вызволить... А кроме того, я уже предупредила тебя, что ни за что на свете не стану любезничать с Аидом, не стану щебетать ему любовные песенки, потому что, если бы я была согласна на это, то еще тогда, на лужайке, когда гнался за мной красавец Аристей, когда пел он мне песню любовной тоски, а я, зажав уши, бежала, чтобы сохранить верность своему Орфею, из-за чего и ужалила меня ядовитая змея, я...

Орфей оборачивается.
Эвридика проваливается в бездну.
Тартар сотрясается от хохота Аида...

ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ СИЗИФА

I. СИЗИФ И ЖЕНЩИНА

Позже Сизиф и сам не сможет решить — проклинать ему или благословлять тот миг, когда, устало помахивая гудящими от натуги тяжелыми руками, с пустой головой и с еще более пустым сердцем спускался он с горы следом за своим скатившимся камнем и вдруг ощутил легкий удар, будто ткнулся в его обнаженное плечо пролетавший мимо жучок. Осмотревшись, Сизиф заметил на гладко утоптанной тропе цветок полевой ромашки. Живой цветок в царстве мертвых?! Наклонился, поднял и долго, не веря своим глазам, вертел в пальцах, потом понюхал, даже лизнул. И тут услышал странный звук — кто-то явственно хихикал, зажимая ладонью рот. Что это? Что происходит? Он снова с любопытством огляделся по сторонам — ни живой души... Может, надумал подшутить кто-то из его стражей? Хм... Но все-таки цветка не бросил. Плеснул в черепок воды и, сунув туда ромашку, оставил у пещеры, где жил. Вернулся к камню и вновь принялся толкать его вверх. Камень, как обычно, неподалеку от вершины уперся в невидимую стену, вырвался из рук, загрохотал вниз. И тут опять произошло неожиданное: до его слуха донесся тихий плач.

— Эй, кто там? — громко спросил Сизиф.

Никто не отозвался. Плач прекратился. Отыскивать его источник было некогда да и незачем: мало ли в царстве Аида слез и зубовного скрежета? Сизиф вновь вернулся к своему непосильному труду. Однако, когда камень в очередной раз покатился вниз, сквозь грохот, вызванный его падением, прорвалось громкое рыдание — оно доносилось с той стороны, где за грядою скал нес свои мертвые воды Стикс.

— Кто там, в конце концов?! — потерял терпение Сизиф.

И тут из-за скалы показалась женщина. Русые волосы, схваченные золотой тесьмой, собраны на затылке в огромный тяжелый пучок, вокруг колен шелестят складки прозрачного хитона, высокая грудь взволнованно вздымается, щеки и подбородок мокры от слез. Сизиф даже забыл, когда видел в последний раз живую женщину. И потому стоял как громом пораженный.

— Я все знаю, все-все,— затараторила незнакомка.— Давно уже наблюдаю за тобой, а сегодня не выдержала, у меня сердце от несправедливости разрывается, ведь нельзя же так! Нельзя!.. Это больше чем жестоко...— И она снова всхлипнула.

— Откуда ты? Чья ты? — пришел наконец в себя Сизиф.

— Я Идона. Харонова внучка. Знаешь перевозчика Харона? Скажи, скажи мне, чем я могу тебе помочь! Увидев, как бережно ты поднял и спрятал ромашку, я поняла, что сердце твое не зачерствело, подобно этому твердому камню, что оно тоскует... Но, прости,— перебила она сама себя и прислушалась,— меня уже ищут. Чао, Сизиф, скоро увидимся снова!

Сверкнули подошвы легких сандалий, зашелестели складки хитона, и она исчезла. Теперь, когда Сизиф вновь один на один остался со своим камнем, ему было о чем подумать. Перед глазами — распухшие от горя губы, в ушах — приглушенные вздохи, ноздри продолжают ощущать аромат лаванды, который источали волосы Идоны. С какой нежностью, с каким сочувствием поглядывала она на его грубые, мозолистые, исцарапанные камнем ладони! Идона... Даже протянула было руку, чтобы коснуться его плеча... Ах нет, лучше не мечтать, лучше выкинуть все из головы, потому что потом будешь надеяться на что-то и страдать... Нет, нет, прочь пустые мечтания!

И все-таки, пусть против воли, все существо Сизифа исполнилось нетерпением. Впервые испытал он, что значит, ожидая, волочить и толкать камень, ожидая, спускаться с горы, ожидая, идти спать... У него заболела шея, потому что теперь голова всегда

была повернута в сторону приречных скал — оттуда прилетел цветок ромашки, уже увядший, но сохранивший терпкий запах... Идона... Распусти она свои роскошные волосы, они прикрыли бы ее до колен... Сизиф, Сизиф, могучий Сизиф, ты прекрасно знаешь, что такое одиночество в царстве одиноких, когда у тебя ничего нет, один лишь тяжелый камень... Но она пообещала, сказала: «Чао, Сизиф, скоро снова увидимся!» Ожидание для про́клятого — второе проклятие... Лучше уж ничего не ждать, ни на что не надеяться, плевать на все, к черту!

— Си-зи-иф!

Его словно парализовало: руки упустили камень и бессильно повисли. Идона стояла неподалеку, золотая тесьма вилась вокруг ее головы, подобно лучику солнца. Сизиф не сумел ни поздороваться толком, ни даже улыбнуться. «Чурбан ты»,— выругал он себя, спускаясь за камнем в долину. Идона очутилась рядом. И когда он молча принялся толкать вверх свой валун, она не покинула его, поднимаясь с ним в гору, изредка касаясь камня рукой. Как нежно звенели браслеты на ее запястье! Сизиф жадно косился на тонкие розовые пальчики, на округлый локоть с ямочкой, на пухлое плечико, на... о боги!

— Молчишь, не желаешь разговаривать? А я, чтобы увидеть тебя, через скалы лезла,— с легким упреком произнесла Идона.

— Так ведь я...— начал было оправдываться Сизиф, но запнулся и растерялся: долгие века одиночества отучили его высказывать свои мысли вслух.

— Воображаешь... Ну еще бы не воображать! Ведь о тебе легенды ходят: как же, мученик, да еще царских кровей! Богиню тебе подавай или титаншу какую-нибудь, а не внучку бедного лодочника... А я-то, дуреха, через скалы лезла...— повторила она и обиженно отвернулась.

— Неправда,— сказал Сизиф.

— Да? — посветлела Идона и, весело воскликнув «Эвоэ!», бегом припустила с горы, обгоняя скатывающийся камень. Сизиф, привыкший спускаться медлен-

но, чуть не кувырком летел следом. Сделав по долине круг, Идона вернулась к камню и так прижалась к нему, что, начав его толкать, Сизиф вынужден был обнять и ее.

— Улыбнись же хоть разок, не будь таким букой! Ну, Сизиф!— Она вдруг посерьезнела.— Лично мне ничего не надо, хочу, чтобы тебе, понимаешь, тебе стало лучше, хоть чуточку... Не должна же чаша страданий быть бездонной. Я думала, что умру от горя, когда наблюдала за тобой из-за скал...

— Я слышал,— ответил Сизиф, впервые осмелившись взглянуть ей прямо в глаза.

Идона протянула руки, и они обнялись. Его твердые ладони, огрубевшие от шершавых боков огромного камня, едва касаясь, гладили нежную женскую кожу — Сизиф боялся неосторожным движением причинить ей боль.

— Отныне все-все пойдет иначе,— говорила женщина, поднимаясь вместе с ним в гору вслед за камнем,— отныне мы всегда будем вместе. Всегда!

— А твой дедушка Харон?

— Ему самому вскружила голову одна эвменида,— засмеялась Идона.

— А мои стражи?

— Я дала им несколько оболов,— успокоила она.— Положись на женскую хитрость, Сизиф!

— Боюсь, что все это может оказаться сном,— простонал Сизиф, не в силах поверить в неожиданно свалившееся счастье.— Прежде мне нечего было бояться, а теперь я буду жить в вечном страхе потерять тебя.

— Чего тебе бояться, если моя любовь сильнее твоей, если я первая нашла тебя, первая с тобой заговорила?.. А это что? — Она с притворной суровостью ткнула пальцем в глиняный черепок, стоявший у входа в пещеру.

— Это...— Сизиф потерял дар речи, словно пойманный на месте преступления.

— Видела, видела, как поднял ты брошенную мною ромашку, как смотрел на нее и облизивался, наверное, хотел проглотить.

Сизиф улыбнулся.

— Эвоэ! — захлопала в ладоши Идона.— Разве это не первая твоя улыбка в Тартаре? И она предназначена мне, Идоне!.. О Сизиф, я схожу с ума, я задыхаюсь от любви... О мой владыка, наконец-то ты улыбнулся! — И она опустилась на колени возле его ног.

— Что ты... встань, милая...

— Неужели слух не обманул меня? Ты сказал «милая»! Кто поверит, что я услышала это слово в царстве Аида?! — Из глаз ее полились слезы удивления и радости.

Он снова пил амброзию с ее уст, пока предупреждающая труба стража не потрясла воздух.

— Дедушка хватился,— высвободилась из его объятий Идона.— Чао, Сизиф, скоро я снова вернусь — уже навсегда.

И не обманула: к вечеру следующего дня явилась со своим барахлишком и обосновалась в его пещере.

— ...А твои движения напоминают мне... знаешь кого? — шептала она, горячими руками обнимая его.— Тигра! Особенно когда ты спускаешься с горы — могучий, мрачный, неприступный... Или нет, скорее ты напоминаешь нисходящего с Олимпа Геракла! Когда впервые увидела я тебя такого, то сразу поняла, что сами мойры привели меня к твоей горе, что отныне наши судьбы будут связаны...— С тихим смехом сняла она с волос золотую тесьму и повязала ему на запястье.

Пещера, где веками господствовала глухая тишина, теперь была полна нежнейших звуков — они опьяняли Сизифа сильнее, чем столетнее вино.

— ...Знаешь, что больше всего пленило меня в тебе? Упорство. Пусть нет ни малейшей надежды, что удастся втащить камень на вершину, ты бросаешься на него, как голодный зверь на жертву, как ястреб на цыпленка. Ничего прекраснее и величественнее не до-

водилось мне видеть! — Идона крепко прижалась к его груди, словно опасаясь, как бы их не разлучили.— Милый, милый, я люблю даже запах твоего пота...

«О боги, если вы упекли меня сюда для того, чтобы я встретил Идону, то я все прощаю вам!»

Эти слова он повторил Идоне, однако она уже сладко спала. Проснулась на рассвете вместе с Сизифом, проводила его к камню. Потом уселась в долине, расчесывая длинные волосы и напевая, и каждый раз, когда Сизиф спускался вниз, подбегала, чтобы обнять его. Но время шло, и Идона все чаще оставалась в пещере досыпать на мягких шкурах.

— Тут не так слышен грохот камня,— словно оправдываясь, говорила она.— Меня раздражает сильный шум.

Сизиф, который до той поры не обращал внимания на производимые камнем звуки, теперь озабоченно придерживал его, чтобы, скатываясь, он не так громыхал. Однако антипатия Идоны к камню все возрастала.

— Из-за него все твои беды,— шептала она по ночам, когда они, улегшись, наговаривались за целый день.— Если бы ты от него отделался, то избавился бы и от проклятия, и тогда мы смогли бы уйти отсюда. Увез бы ты меня в Коринф, и зажили бы мы счастливее богов. Ты как утопленник с камнем на шее: сбрось его — и выплывай на поверхность, на свободу!

— Безнадежно,— вздыхал Сизиф.

— А я сегодня как следует присмотрелась и вижу — на вершине камень наталкивается на невидимую стену... всего пары вершков не хватает...

— Но...

— Говорю тебе: доверься женской мудрости, и мы оба станем свободными! Если бы тебе удалось,— нет, ты послушай,— если бы удалось пробить эту стену и вкатить камень на самую вершину, проклятие богов утратило бы силу!

— Я уже не раз пробовал, но...

— Но доводилось ли тебе хоть раз штурмовать невидимую стену ради любви? — Она коварно улыбнулась в темноте.— Признайся!

— Нет!

— Вот видишь! А для любви нет преград, нет границ. Вспомни Орфея и Эвридику! Если чудеса существуют, то они рождаются только от любви. Когда-нибудь и о нашей с тобой любви будут слагать легенды.

— О, если бы так! — вздохнул Сизиф.

— Все будет! Вот увидишь — ты покоришь вершину! Главное,— объясняла в темноте Идона,— последний рывок!.. А теперь надо набраться сил. Спи!

Утром Идона решительно отправилась на гору, встала на самой вершине и горящими глазами уставилась вниз, на Сизифа. Он напрягся, как готовый к смертельному прыжку буйвол, от избытка сил бугры мускулов так и ходили под кожей, в глазах сверкали страсть и надежда. Секунда — он устремился вверх и, как было условлено, всю свою сверхчеловеческую мощь вложил в последний рывок, в последний шаг: это был удар такой силы, что его не сдержал бы и столетний дуб, однако проклятая стена отбила камень, как горошину.

— Но я слышала, своими ушами слышала, как она затрещала, точно, затрещала! — бодро крикнула Идона свалившемуся от перенапряжения Сизифу.— Ничего, ничего, у тебя есть еще и вторая, и третья попытки... Только, прошу тебя, вложи все в последний удар, чтобы высечь огонь.

Сизиф, пошатываясь, поплелся вниз, перевел дух, восстановил силы, изготовился для второго броска. И ударил так, что искры посыпались не только из камня, но и у него из глаз: на губах выступила пена, а из пор кожи полился уже не пот, а зашипел пар — как из кипящего котла. Однако вершина осталась непокоренной. То же самое — в третий, в четвертый раз. Опечаленная Идона возвратилась в пещеру. Когда после трудового дня пришел, точнее говоря, приполз Сизиф, он нашел женщину в слезах.

— Я так верила в тебя, так сильно верила,— жалобно простонала она, а когда он хотел погладить ее, свернулась калачиком и невольно буркнула: — Спи, Сизиф, ты и так перетрудился.

«О боги, боги,— билась о темные своды пещеры молитва Сизифа,— позвольте мне победить, о боги! Не для себя, ведь пока я был одинок, никогда не просил вас об этом, позвольте победить для нее, для Идоны, вы же видете, как она страдает. А за что? Ведь ничего плохого она не сделала. О боги, во имя нашей любви...»

Утром Идона осталась сидеть у входа в пещеру, в ее глазах уже не пылала вчерашняя уверенность, она сникла, бессильно опустила плечи. Сизиф взглянул на ее бледное печальное личико, и тут в нем поднялась такая могучая волна любви и силы, что он понял: сейчас он или пробьет стену, или размозжит об нее голову! Он превратился в стальной таран, перед которым любая стена — не стена. Вероятно, Идона почувствовала это, она встала и радостно воскликнула:

— Ты победишь, Сизиф!

Грохот потряс все окрест — рухнули близлежащие скалы, разверзлись новые бездны, и Сизиф, падая, успел подумать: свершилось!.. Ему хотелось кричать, плакать, хотелось увидеть чудо своей победы, но перед глазами сверкали зеленые молнии, в ушах звенело, сердце чуть не выпрыгивало из груди, вот оно само превратилось в камень и покатилось вниз... Да, он ясно услышал, как скатывалось его грохочущее сердце... Открыв наконец глаза, он увидел камень, остановившийся на своем обычном месте — среди долины... Сизиф не помнил, ни как встал, ни как поплелся вниз: проходя мимо Идоны, он опустил глаза, чтобы не встретить её разочарованного взгляда.

— Я сделал больше, чем мог,— виновато прошептал он.

— Больше, чем мог? — вскинулась она.— Вот, значит, какова твоя любовь, как мало она может!.. Любящий мужчина упал бы замертво или добился сво-

его. А ты плетешься после проигранной битвы и еще не стыдишься хвастаться! Где твоя гордость? И не смей подходить ко мне,— отскочила она, когда Сизиф хотел погладить ее плечо, чтобы успокоить,— не смей прикасаться, пока не докажешь своей любви!

Ночь он провел под открытым небом, а наутро вновь вступил в единоборство со стеной, однако прежних сил уже не было. И каждый раз, спускаясь вниз, он встречал полный досады и разочарования взгляд любимой. Теперь он не знал, что тяжелее: толкать в гору камень, чтобы в очередной раз упереться в стену, или спускаться в долину и встречать презрение и отвращение Идоны. Она перестала расчесывать волосы и натираться ароматными маслами: стоит ли, говорила она, стараться ради мужчины, который на поверку вовсе никакой не мужчина? Растрепанная, как фурия, в грязном хитоне, некрасиво растопырив ноги, сидела она возле пещеры и подыскивала «ласковые» словечки, чтобы одарить ими возвращающегося с горы Сизифа:

— Ничтожество... Размазня... Слабак...

«О боги, боги, устами этой женщины вы сулили мне небо, а я получил еще один ад в аду!» — мысленно стенал Сизиф; вслух же не смел и пикнуть, даже поморщиться в ответ на ее оскорбления: дай ей только повод — без соли съест! Ах, каким беззаботным, чуть ли не счастливым представлялось ему теперь недавнее одиночество, как славно ладил он с камнем, как приятно было вечерком, после трудов праведных, утирая едкий пот, отправляться на заслуженный отдых. Никто ни в чем не упрекал его — наоборот, у него самого были претензии к богам! Эх, совсем не такая уж скверная жизнь... золотые деньки!

Однажды ночью осмелился он проникнуть в пещеру.

— Ты же сама утверждала, что любишь меня именно за бесплодный мой труд... что жаждешь разделить со мной бремя проклятия... что жалеешь меня...

Но она была неумолима и холодна, как невидимая стена:

— Да, я жалела тебя, а теперь мне себя жалко! Разве ты проявил ко мне хоть капельку сочувствия? Все делаешь для того, чтобы я ничего не имела и ничего не видела, кроме этой проклятой горы и — ха! — мужа-раба!

— А наша любовь? — Близость ее тела возбуждала Сизифа, он потянулся к женщине.

— Пошел прочь! От тебя мерзко пахнет потом, рабским потом! — высокомерно оттолкнула его Идона.— Я же ясно сказала: пока не победишь, не подходи!

Он выполз из пещеры, как побитый пес. Дожил: с собственной жилплощади гонят...

Утром Сизиф принялся ворочать камень спустя рукава, от каждого его движения веяло апатией и равнодушием.

— Гляньте только, он еще издевается надо мной! — донесся визгливый голос Идоны.— Подлец!.. Вот как он благодарит меня за самопожертвование... Разбил мне жизнь, а сам балуется с камнем...

Она подхватила черепок и в ярости швырнула его в проносившийся мимо камень. Посыпались глиняные осколки, а камень проутюжил засохший цветок ромашки, превратив его в лепешку.

«Как же несправедливо это, о боги: вы осудили меня волочить один камень, а взвалили два!.. Ничего больше не прошу, только заберите назад эту ведьму!»

Сизиф стиснул зубы — что же еще оставалось ему делать? — и решил молчать, как земля, как камень. Щеки ввалились, мрачный взгляд из-под нависших надбровий пробивался, словно из черной бездны. Теперь он следовал за камнем, не поднимая глаз от протоптанной тропинки, а закончив работу, нырял, как ящерица, за тот же камень, затыкал уши паклей и тихонько сидел там. Упреки, требования, угрозы женщины доносились до него, словно из другого мира — с того берега Стикса. Казалось, этот порядок

установился навсегда и иначе уже не будет. Но как-то он заметил, что поток оскорблений и ругательств вроде бы мельчает: нет-нет да и воцаряется в долине непривычная даже для заткнутых ушей тишина. Однажды, когда такая благословенная тишина продержалась с утра до вечера, он не утерпел, оторвал глаза от камня и огляделся по сторонам. Идоны не было видно. Может, заболела? Запуганный, как трусливый заяц, готовый в любое мгновение отпрянуть назад, прокрался он в пещеру. Идоны не было и тут, хотя вещи ее оставались: значит, к дедушке не вернулась. Куда же она могла деться? Сизифом овладело любопытство, и он поспешил к перевалу, к которому вела бегущая по долине дорога. Утопая в песках, продираясь сквозь колючий кустарник, он услышал вдруг знакомый смех. У него мурашки по спине побежали, и он осторожно выглянул из-за скалы. За ней рябили легкими волнами воды залива, посредине которого торчал Тантал. Несчастный мученик то тянулся иссохшими губами к воде, то пытался достать свисающую прямо над головой гроздь винограда, но проклятие богов не давало ему отведать ни того, ни другого.

— Бедненький ты мой,— нежно щебетала Идона.— У меня сердце от такой несправедливости разрывается... Это больше чем жестоко...— Она жалобно всхлипнула.

Тантал, как загипнотизированный, смотрел на женщину: не с Олимпа ли прислали ее для облегчения его страданий? Могучая шея осужденного на вечные муки, как стебель подсолнуха, поворачивала голову в ее сторону, мускулистые руки тянулись уже не к винограду...

— Скажи, скажи мне, чем я могу помочь... Твои тщетные усилия... твое мужественное упорство... Титаны могли бы тебе позавидовать... Подожди, сейчас скину сандалии и войду в воду... скоро мы будем вместе...

Сизиф глубоко-глубоко вздохнул, словно сбросил с плеч гору. «Тантал, братец,— сочувственно улыбнул-

ся он,— если бы ты знал, если бы ты мог предчувствовать, что тебя ждет, не к берегу бы стремился, а нырнул поглубже на дно...»

Возвращаясь обратно, прыгая через кусты, он беззаботно насвистывал и даже затянул веселую песенку — впервые после того, как очутился в царстве Аида. Таким мы и оставим его: поющим, прыгающим, опьяненным свободой в неволе и возносящим благодарность богам. Ведь он сам, как и несчастный Тантал, не знает, что его ждет, не предполагает даже, что вскоре подкрадутся к нему ревность, страсть, досада, тоска, пустота... Не знает, что последними словами будет он клясть богов за то, что отняли у него Идону, на коленях будет молить вернуть ее — пусть злобную, оскорбляющую и презирающую его — только вернуть, чтобы она была рядом!..

Поэтому оставим его вприпрыжку, по-детски спешащим к своему камню. Так будет лучше и для него, и для нас, и для богов, которые очень не любят, когда кому-то становятся известны их намерения.

II. СИЗИФ И СТРАЖИ

Когда Сизиф принялся за свой каторжный труд, к нему был приставлен страж, которому вменялось в обязанность пристально следить, чтобы камень втаскивался в гору столько раз, сколько положено, чтобы осужденный не бездельничал, не слонялся праздно и не придумывал хитростей с целью обмана небожителей — к примеру, не сталкивал, будто невзначай, свой валун в какую-то пропасть и не заменял его более легким. Неизвестно было Сизифу, когда и с какой стороны может появиться неусыпный страж; случалось, что тот наблюдал за ним, притаившись за гребнем скалы или за кустом терновника. Сколько раз бывало: оглядится несчастный вокруг, ничего подозрительного не заметит, возьмет да и присядет отдохнуть, а страж тут как тут! Хватает рог и трубит, оповещая

Олимп о новом проступке подопечного. Следовала кара: на другой день Сизифу полагалось волочить в гору свой камень вдвое больше раз, чем обычно.

Однако со временем стал Сизиф замечать, что ему все чаще удается избежать наказания: скатится камень, а Сизиф за ним не спешит, присядет на косогоре, полюбуется снежными вершинами или опустится в долину и приляжет подле камня, отдохнет, а то и вздремнет сладко — и ничего!.. Поздоровел Сизиф, щеки налились, глаза ясные, спокойные, как-то даже размечтался: а неплохо бы этакую крутобедрую пастушку встретить; оборудовал для отдыха уютную пещерку — и снова никаких последствий!

Но Олимп, вероятно, соскучился по звуку рога — свидетельству того, что страж бдит. В один прекрасный день послали олимпийцы инспектора-ревизора. Тот долго не возвращался, а вернувшись, поведал следующее: камень в землю врос, из пещеры торчат Сизифовы пятки и доносится храп; а стража удалось обнаружить лишь после долгих поисков, и нашел-то он его не на посту, а в зеленой долине, по другую сторону Стикса, в обществе пастухов; пил он там вино и нес всякие небылицы о любовных приключениях и интригах богов, а пастухи — вы только подумайте! — покатывались от смеху и отпускали соленые словечки в адрес высокого Олимпа...

Разгневанные боги распорядились немедленно доставить нерадивого пред свои очи и повелели выколоть ему глаза и вырвать язык. Побелев от ужаса, страж пал ниц!

— Не карайте, не выслушав, о боги! Поставив меня надзирать за Сизифом, разве тем самым не обрекли вы меня на его муки? Неужели мне было легче, чем этому преступнику, если приходилось не спуская глаз следить за каждым его шагом, подсчитывать, сколько раз втащит он камень на гору и сколько раз спустится за ним вниз, и так ежедневно, без отпуска и выходных? Сизиф-то хоть знает, за что наказан, а что плохого сотворил я, несчастный, о справедливые боги, за что вынужден терпеть эти муки? Сизиф, еди-

ноборствуя с камнем, по крайней мере нарастил прекрасные мускулы, а я, торча на ветру и дожде, в холод и жару, заработал радикулит и от одиночества стал волком выть... Если бы вы только видели, о боги, с какой наглостью поглядывал на меня Сизиф! А когда я наконец схватил воспаление легких и без сил упал на сырую землю, разве хоть одно ухо на всем Олимпе удосужилось услышать стенания своего верного слуги, его мольбы о помощи?..

Волей-неволей пришлось богам признать его правоту. Пожурив стража за слишком длинный язык, они вернули его на прежнее место работы и дали напарника, а кроме того, послали плотников, чтобы те сколотили будку и соорудили по лачуге для каждого стража. Теперь они наблюдали за Сизифом по очереди и для него вновь наступили черные дни. Однако прошло немного времени, и бдительность стражей притупилась. Стоило одному приболеть, как другой ни за что не соглашался дежурить бессменно, лишиться заслуженного отдыха.

Пришлось олимпийцам добавить еще одного сторожа, чтобы подменял тех двоих в выходные и праздничные дни, а также в случае болезни. Организовалась целая бригада, и мудрые небожители поняли, что без руководства порядка в ней не будет, и потому назначили им начальника. И опять незадача: когда начальник заболевал или отлучался по делам службы, кто-то должен был выполнять его функции — так нашлось местечко и для зама. У каждого было не только по лачуге — стражи обзавелись и скотинкой, и огородиками, и садиками; хозяйство вели жены-горянки, а вскоре заголосили в поселке детишки, они росли, женились, плодились, расселялись по округе. Сменялись поколения и эпохи, и вот даже в самых отдаленных горных районах подули ветры прогресса и техники, рядом с деревенькой выросли города, зашагали к ним электрические столбы, поднялись телевизионные башни — всех нововведений и не перечислить...

Только Сизифов труд не изменился ни на йоту: все

тот же камень, та же гора, тащи вверх, беги вниз... Не изменилась, кстати, и нерадивость стражей: имея множество приватных занятий, они старались все больше и больше времени урвать от своих прямых обязанностей. Иногда Сизифу даже казалось, что его по целым месяцам абсолютно никто не сторожит, и постепенно у него стала созревать дерзкая мечта: а что, если в один прекрасный день стряхнуть с себя оковы и податься туда, за Стикс, где совсем иная, незнакомая жизнь. Соблазн был столь велик, что однажды, спускаясь за покатившимся вниз камнем, Сизиф не остановился, как обычно, у подошвы горы. И чем дальше уходил он, тем все более удивительные и странные картины разворачивались перед его потрясенным взором: магистрали, автомобили, аэродромы... И все это выросло на едином камне, на камне Сизифа, однако Сизиф этого не знал, да и откуда ему было знать...

Он ведь даже не предполагал, что в местных ресторанах подают фирменное жаркое из бычьего загривка «а-ля Сизиф», что на здешнем стадионе ежегодно проводятся всемирные состязания тяжелоатлетов на кубок Сизифа, что каждую осень научно-техническое общество присуждает премию Сизифа за лучшее изобретение, предназначенное для облегчения физического труда, а каждую весну лавровым венком Сизифа увенчивается писатель, создавший наиболее значительное произведение о красоте Сизифовых будней.

Не догадывался Сизиф и о том, что подаваемые его стражами рапорты — то есть первичная информация с пункта наблюдения — фиксируются и обрабатываются ныне счетными центрами, что на перфокартах закодирована энергия, затрачиваемая волокном и даже протоном каждой его мышцы в единицу времени, что в лабораторных пробирках исследуется химический состав проливаемого им пота (соль в пределах нормы), что могучие телескопы и спектроскопы помогают ответить на вопрос, на сколько игрек-единиц уменьшается производительность Сизифова труда в период солнечной активности...

Едва ли понял бы что-нибудь Сизиф, если бы ему сообщили, что недавно удалось наконец доказать следующее: в высшей точке вкатывания камня кислотность его желудочного сока возрастает... И чего доброго, не поверил бы Сизиф собственным глазам, увидев анатомо-физиологически точную антропологическую модель себя самого, вкатывающего на искусственную гору заменитель камня в естественной среде царства Аида; в совершенстве воссозданная система действовала столь идеально, что оригиналом можно было пренебречь, тем более что модель всегда была под рукой...

И уже совсем лишился бы сознания Сизиф, узнай он о так называемой камнетерапии: один предприимчивый медик сообразил, что, таская свой камень в течение тысячелетий, Сизиф не надорвался, не сошел с ума, не заболел и даже насморка не схватил; вывод напрашивался сам собой, и вскоре таскание камня в гору было признано прекрасным средством от ожирения, истощения, апатии, депрессии, раннего постарения, позднего созревания, аллергии, насморка, ишиаса и всего чего хочешь. Величайшей заботой каждого уважающего себя гражданина было теперь всеми правдами и неправдами заполучить собственную горку и собственный камень...

Итак, на Сизифовом камне выросло целое огромное строение от изначального смертного стража до электронного робота, результаты многоступенчатых исследований хранились в архивах, их дубликаты специальной пневматической почтой пересылались на Олимп, и дальнейшая их судьба была известна одним лишь мойрам. Допотопный рог уже не оглушал больше небожителей.

Однако вернемся к Сизифу, хотя, честно говоря, мы не отдалились от него ни на шаг. Серая мышка, родившая такую огромную гору, боязливо убирается подальше от места своих вечных мук. Полдень она встречает, уже бродя по центру большого города. Несколько раз решается прокатиться на лифте. Потом вскакивает в троллейбус и долго колесит по улицам —

разумеется, зайцем. Потом глазеет на витрины магазинов, на толпы прохожих и уже совсем было собирается в обратный путь, как взгляд задерживается на объявлении: «Требуется сторож». (Вспомним, что Сизиф был когда-то коринфским царем, так что неграмотным его не назовешь.) Он прочитал объявление — и у него мелькнула грешная мысль: а что если рискнуть?!

Робко вошел Сизиф в контору и поинтересовался предлагаемой работой. Его широкие плечи, обветренное лицо, не окрашенный алкоголем нос и мозолистые ладони послужили такими прекрасными рекомендациями, что никто и не вспомнил о документах.

— Имейте в виду,— только и предупредил его кадровик,— что работа не из престижных. Жить и трудиться надо в захолустном районе, вдали от удобств и очагов культуры.

— А что мне предстоит там делать?

— Будете сторожить преступника, отбывающего трудовую повинность,— объяснил кадровик.— Следить, чтобы он не убегал, не лентяйничал, не халтурил. Может, слышали: его зовут Сизиф.

Сизиф стоял, будто громом пораженный, и не мог поверить своим ушам.

— Главное,— продолжал кадровик,— чего мы от вас хотим, чтобы вы не забывали каждый вечер нажать специальную кнопку — знак, что все в порядке. А если,— кадровик понизил голос,— все-таки произойдет что-то непредвиденное, постарайтесь уладить все своими силами, в противном случае ваши сигналы доставят массу дополнительных хлопот, вызовут сверхплановые затраты и даже нарушат графики...

Через час служебный автомобиль уже мчал нового сторожа к месту назначения. Так Сизиф попал под стражу к самому себе. Как и было оговорено, ему надлежало лишь раз в день нажимать кнопку. Впрочем, в служебном помещении он нашел оставленное его предшественниками устройство, которое производило эти нажимы автоматически.

К хорошему привыкаешь быстро, и наш Сизиф не преминул втянуться в новую жизнь. Ему понравилось навещать близлежащую харчевню, где он с аппетитом съедал жаркое «а-ля Сизиф» и запивал его фирменным напитком «С горки». Привел в порядок усадьбу, поставил комфортабельную виллу, создал семью, дождался детей. Они получили образование и не опозорили отца. Старший сын, пользуясь абсолютно новыми вычислительными методами, доказал, что вкатываемый Сизифом камень за три миллиона лет и три месяца в разультате трения потеряет в весе шестнадцать килограммов и четыре грамма. Дочь, человек не без художественной жилки, создала сценарий многосерийного кинофильма «Смерть Сизифа». О том, как Сизиф, таская свой камень, умудрился тайком вырыть в горе туннель, через который и скрылся. Убегая от бдительного и усердного (!) стража, он оказывается в джунглях, попадает в плен к людоедам. Следуют жуткие натуралистические сцены: Сизифа варят в котле, по кусочку съедают и тут же бросаются искать камни, втаскивать их в гору, падают от усталости, вновь поднимаются и продолжают толкать камни (оказалось, вместе с жарким из Сизифа они приобрели и его проклятие).

Дочь получила крупный гонорар и подарила отцу прекрасный бинокль, чтобы находящийся под его опекой Сизиф и в самом деле не вырыл туннеля — велика сила искусства!

Сам Сизиф усердно оберегал свой миф: каждое утро якобы отправлялся на работу (две штатных должности на свое имя, одна — на имя жены), а на самом деле охотился, рыбачил, посиживал в пивной или заглядывал к молодой вдовушке; по возвращении не забывал пожаловаться на усталость или головную боль, как и всякий нормальный мужчина. Время от времени у него начинало от сытой жизни покалывать сердце; тогда Сизиф вспоминал о знаменитой камнетерапии, спохватывался, что у него есть собственная гора и свой камень. Гордо направлялся туда, плевал на ладони и, как говорится, вспоминал молодость. Полез-

ность такой гимнастики обнаруживалась особенно в те дни, когда появлялись ревизоры Олимпа (о них кадровик всегда предупреждал заранее). После проверки, поглаживая ожившие мускулы и подсчитывая премии, Сизиф возносил горячую хвалу богам за то, что его труд не пропал даром.

III. СИЗИФ И СПОРТ

Когда, огласив приговор, Сизифа привели к горе, он мечтал лишь об одном: превратиться в холодную и мертвую глыбу, которую послушно приволокли и бросили у его ног слуги олимпийцев. До чего же бессмысленно втаскивать, втаскивать и еще бесконечное число раз втаскивать скатывающийся вниз камень — и больше ничего, втаскивать лишь затем, чтобы убедиться: ты никогда не достигнешь вершины!.. Такой кары не выдержали бы и сами боги, что уж там говорить о простом смертном с расшатанной нервной системой!

И все же, принимаясь за свой каторжный труд, осужденный питал тайную надежду: пусть не часто, пусть хоть раз в столетие, но, как говорится, улыбнется ему счастье — вдруг да удастся хоть на денек-другой сбросить тяжкие оковы? Может, руку сломает или какая-нибудь жила от напряжения лопнет. А то, глядишь, толкая свой камень, распарится и простудится, и тогда неумолимым богам, хочешь не хочешь, придется выдать ему то, что ныне в цивилизованном мире зовется листком нетрудоспособности.

Но как бы отчаянно ни подставлял Сизиф ноги под грохочущий вниз камень, с каким бы остервенением ни втаскивал его на крутой склон, никакая хворь беднягу не брала. Всеведущие судьи позаботились не только о том, чтобы у несчастного ни единый волос с головы не упал, но и о его бессмертии; как же иначе можно будет вечно наслаждаться привлекательными картинами отчаяния и страданий?

Однако больше всего угнетала Сизифа бесперспективность его занятия, бессмысленное проливание пота. Сколько раз с горечью думал он о том, что если бы тщеславные боги поменьше пеклись о своих дутых амбициях и привилегиях и, напротив, больше заботились о благе общества, то с помощью затраченной им, Сизифом, энергии можно было бы возвести прекрасные дворцы, насадить великолепные сады, вырыть бесчисленные пруды... Ведь Сизиф, из года в год единоборствуя с камнем, превратился из немощного белоручки в подлинного богатыря: его легкие при каждом вдохе вмещали больше воздуха, чем надувной матрац, размаху его плеч вполне мог бы позавидовать сам Атлант, а его стальные пальцы запросто могли бы сплющить теперь оловянный кубок, из которого некогда, в бытность свою коринфским царем, он попивал вино. Тело налилось такой силой, сделалось столь могучим и гармоничным, что, будь он Нарциссом и имей возможность любоваться своим отражением в воде, ничего более для счастья ему и не требовалось бы. Но такой возможности у него не было, и после сверхчеловеческого дневного труда он просыпался среди ночи весь в поту, мучимый мятежными вопросами. «Почему? Почему я должен впустую тратить силы?... Кому? Кому нужно мое бессмысленное существование?..» — вопрошал он звезды, чье слабое мерцание едва пробивалось сквозь темные своды царства Аида. Но звезды лишь равнодушно поглядывали на несчастного.

Когда Сизиф в одну из таких ночей кое-как снова уснул, ему привиделся родной Коринф, роскошный царский дворец. Вот приблизился он к дверям, вот раненым орлом припал к родимому порогу, в слезах целует землю Коринфа. Он свободен!.. Однажды приснилось Сизифу такое: он вырезает из дерева палку и протягивает ее нищему слепцу,— на, может, пригодится тебе моя работа, броди на здоровье! Утром, вновь увидев свой камень, Сизиф не мог сдержаться, из его уст посыпались проклятия и жалобы, направленные туда, где за границами Тартара возвы-

шался непоколебимый Олимп: «Сами вы пустышки, вот и взвалили на меня пустую работу! Погодите, пробьет и ваш час, подавитесь тогда моим камнем!..»

Шли века, а со временем, как известно, кое-что меняется. Просочились новые веяния и на Олимп. Решено было, к примеру, ограничить часы работы наказуемых (тогда-то и появилось в царстве теней день и ночь). Дальше — больше. Было принято постановление, обязывающее чутко и без волокиты относиться к жалобам снизу. И когда из груди Сизифа исторглись очередные жалобы и проклятия, они не остались втуне.

Утром к горе приблизилась человеческая фигура. Перед Сизифом предстал полноватый мужчина, обтянутый тренировочным костюмом, со спортивной сумкой через плечо. Расположившись у подножия горы, пришелец терпеливо наблюдал за втаскиванием камня, затем вытащил из сумки кеды, переобулся и сам попытался толкнуть его, но не мог и с места сдвинуть. Что-то записав в блокнотике, он произнес перед уходом, ни к кому не обращаясь:

— Гм... Это может стать новым и весьма популярным видом спорта...

Сизиф пожал плечами, однако слегка приободрился. «Незнакомец что-то замышляет,— не без оснований подумал он,— и, вероятно, еще вернется». И не ошибся.

Спустя некоторое время мужчина появился вновь. На сей раз уже не один, а с двумя спутниками. Вся троица уселась на выступе скалы и, перешептываясь, принялась наблюдать за единоборством Сизифа с каменной глыбой. Один, достав секундомер, что-то высчитывал; другой, подбежав к спустившемуся за камнем Сизифу, измерил объем его грудной клетки, ширину плеч, толщину икроножных мышц; третий с помощью специального приспособления выслушал его сердце, проверил пульс. До ушей Сизифа донеслись незнакомые слова: дистанция... тренировка... без допинга...

— Учтите,— строго заявил своим спутникам мужчина в тренировочном костюме,— это я его открыл.

Взяв Сизифа за локоть и отведя в сторонку, он доверительно сказал:

— Ну, брат, поздравляю: тебе чертовски повезло. Отныне я буду твоим тренером. Теперь слушай: когда идешь за скатывающимся камнем, расслабься, помахивай руками свободно и широко, дыши глубоко, размеренно, остановившись внизу, помассируй мышцы. Ночью старайся держать ноги повыше. Начиная втаскивание снаряда, особое внимание уделяй первому шагу; хороший старт — полдела! Стронув камень с места, не давай ему останавливаться, толкай так, чтобы он летел, как стрела из лука. И пригибайся, чтобы уменьшить силу сопротивления встречного потока воздуха. Еще одно — чрезвычайно важно сберечь силы для преодоления последних вершков. Поработай, то бишь потренируйся, как следует — и мы всем утрем нос! Знай, братец, что спортивное втаскивание камня уже завоевало все континенты! — торжественно закончил тренер.

Троица возвратилась туда, откуда пришла, а Сизиф остался наедине с кучей вопросов. Было о чем подумать! Просто так, любопытства ради, попытался он сорвать камень с места, то есть взять старт, следуя рекомендациям тренера, и получилось совсем неплохо. Он и раньше толкал камень согнувшись, а теперь скрючился под ним в три погибели, и тоже пошло быстрее. Последние вершки провел в темпе. Превосходно! Но что дальше? И к чему все это? Хуже всего, что так называемый тренер не сказал ничего определенного: ни когда вернется, ни что за сим последует.

Время шло. Сизиф уже махнул было на все рукой, но в один прекрасный день его долина загудела от топота тысячных толп. Показалась процессия с флагами, барабанами, фанфарами, тащили столики, микрофоны... Тренер торжественно пожал Сизифу руку, выдал ему спортивное обмундирование, разъяснил, что втаскивание камня в гору стало ныне королевой тяжелой атлетики, что в соревнованиях участвуют

сильнейшие из сильнейших и теперь очередь за ним, за Сизифом.

— Надеюсь, братец, не подведешь! — явно нервничая, закончил тренер.

Раздался стартовый выстрел. Сизиф, облаченный в зеленые атласные трусики, полосатые носки и голубую спортивную майку с номером «66» на спине, схватил свой камень, словно резиновый мячик, и как заяц, за которым гонятся псы, заскакал вперед и бежал до тех пор, пока не разорвал грудью белую ленточку, протянутую над невидимой границей.

Главный судья соревнований глянул на секундомер.

— Феноменально!

Так Сизиф стал чемпионом. Все стремились пожать ему руку, скандировали: «Си-зиф! Си-зиф!» Специалисты утверждали, что побить его рекорд невозможно, разве что сам он сумеет улучшить собственное достижение.

— Я в этом не сомневаюсь,— авторитетно заявил тренер.— Разработанная мною методика тренировок содержит такие резервы, что... Впрочем, пока лучше помолчать.

К Сизифу подбежал репортер:

— Прошу несколько слов! Что привело вас в большой спорт?

— Воля, упорство, стремление к намеченной цели, любовь к тасканию тяжестей, горе́ и камню,— затараторил вместо растерявшегося Сизифа подскочивший тренер.

Фотоаппараты отщелкали, фанфары оттрубили, долина опустела. И снова остался Сизиф один на один с гранитной глыбой и «намеченной целью». Казалось, ничегошеньки не изменилось, только на сухом суку у пещеры висел теперь лавровый венок да в нише скалы поблескивал серебряный кубок с выгравированным именем победителя. Хотя на прощанье тренер всячески увещевал чемпиона не почивать на лаврах, однако тот лишь иронически ухмылялся; откуда взяться еще одному проклятому, который за

долгие века развил бы подобную мускулатуру? Кто решится на соперничество? Простые смертные? Да они же по сравнению с ним — букашки: что для него повседневное занятие, для них — недосягаемая вершина. С этим были согласны все.

Регулярно посещая Сизифа, тренер приносил журналы с его фотографиями и нескончаемыми панегириками «первой мышце планеты». Ему, как шутил один журналист, придется искать себе соперников в других галактиках... Да, да, не сомневался Сизиф, смертным никогда не одолеть той высоты, которой достиг он, точно так же, как ему самому никогда не добраться до вершины, которую отгородила невидимая стена проклятия богов.

Но время шло и шло. Снова овладели чемпионом тоска и апатия. Бессмысленное и бесконечное таскание камня, хотя оно именовалось теперь тренировками, обрыдло вконец. Никто не спорит, хорошо иметь мускулы, равных которым нет, но — ах! — куда лучше было бы вернуться в Коринф, дышать воздухом свободы и выполнять пусть даже самую невзрачную, но разумную работу! Снова мятежно вздымалась грудь Сизифа, снова срывались с его уст жалобы и проклятия, мощные кулаки грозили Олимпу. Всем своим существом жаждал он разорвать невидимые оковы — пусть даже ценой собственной жизни!..

Как-то раз, в момент такого приступа ярости, Сизиф увидел подбегающего тренера.

— Мы побиты! — выкрикнул тот еще издали, ловя ртом воздух.

Сизиф оперся о камень и почувствовал, как в лицо ударила кровь.

— Кто он? — спросил упавшим голосом.

— Какой-то парень с Анд.— Тренер протянул журнал.

С обложки на Сизифа вызывающе смотрел юноша с лавровым венком на шее и серебряным кубком в руке. «Суперфеномен!» — гласила подпись. «Первая мышца земли!» — кричала другая. Далее следовал по-

ток панегириков; о Сизифе — лишь беглое упоминание: был-де такой...

«Живого хоронят!» — сжал кулаки Сизиф. Ну нет, так легко он не сдастся, не уступит какому-то зарвавшемуся молокососу, пусть эта гора провалится сквозь землю, если не вернет он себе былой славы! Не хватало еще, чтобы его вечный труд перечеркнул один из рядовых людишек! Не бывать тому!

Словно прочитав его мысли, тренер потер ладони:

— Значит, пойдем на штурм, братец?!

Сизиф глубоко вздохнул и взялся за камень, то есть за свой спортивный снаряд. Контролировал все движения, устранял малейшие ошибки. Отныне каждая нервная и мускульная клеточка его тела должна подчиняться единой цели! Тренер повесил ему на шею секундомер, и теперь Сизиф мог точно подсчитывать свои достижения; следил также за пульсом, давлением крови, научился, как говорят спортсмены, обретать второе дыхание, чтобы с еще большим рвением ворочать свой камень. Вместе с тренером разработали они методику тренировок; тренер успел разнюхать кое-какие секреты в лагере нового чемпиона, и Сизиф тут же испытал их, кое-что отбросил, кое-что заимствовал и свое кое-что добавил — только успевай поворачиваться! Перед сном находил силы для массажа, тряс поднятыми ногами, проделывал дыхательные упражнения, а засыпал и просыпался словно по часам — даже позабыл, как выглядят далекие звезды, которым некогда изливал он свои мятежные и отчаянные жалобы.

Наконец наступил решающий день. В долину Сизифа съехались уже знакомые оркестранты, судьи, толпы болельщиков, полк корреспондентов. Взволнованный тренер шепчет на ухо своему подопечному последние наставления... Сизиф натирает порошком магнезии ладони... Делает глубокий вдох... Напрягает мускулы... Выстрел!

И снова серебряный кубок в его руках, листва лавра ласкает грудь, щекочет уши. И снова окрестности оглашаются криками: «Уникум!», «Фантастика!», «Ве-

ликолепно!» А уж настоящий бальзам на душу — черное, как туча, лицо побежденного Андского богатыря.

Однако теперь у Сизифа уже был горький опыт, он не позволил себе ни чрезмерно ликовать, ни почивать на лаврах. Он знал, что сотни камнетасков, как стая грифов, бросятся на штрум его рекорда, знал, что, если не хочешь быть побежденным, надо оставить позади тобою же покоренную высоту. И какое счастье, что абсолютной вершины нет, ибо то, что сегодня считается вершиной, завтра — лишь трамплин для нового взлета, и потому всегда-всегда...

Тут поток мыслей Сизифа был прерван звонким постукиванием палки о камень.

— Ну и замечтался же ты! — насмешливо произнес незнакомый юноша с козлиной бородкой и в широкополой шляпе.

Сизиф раздраженно нахмурился: кто смеет мешать тренировке Первой Мышцы планеты? Не иначе, один из тех настырных писак-журналистов, которые проникали сквозь щели в скалах даже в долину Тартара.

— Я ведь уже говорил,— заученно затараторил Сизиф,— упорство, воля, ясная цель, любовь к горе и камню...

— Да ну?! — посетитель привстал на цыпочки от восхищения, и Сизиф лишь теперь заметил золотые крылышки на его сандалиях: да это же Гермес, вестник богов!

— Приветствую тебя, Сизиф,— поздоровался он.

— Здравствуй,— пробормотал Сизиф.

— Боги прислали меня сообщить, что твоя жалоба рассмотрена.

— Какая жалоба? — удивился Сизиф.

— Неужто забыл? — в свою очередь удивился Гермес.— Ты же умолял избавить тебя от камня и вернуть в Коринф.

— А... да, да... Было такое дело.

— Тогда слушай внимательно. Боги посовещались и решили помиловать тебя. Потаскал — и хватит. С этой минуты.— Гермес торжественно воздел руки к небу,— ты свободен!

Сизиф остолбенел.

— Свободен...— прошептал он наконец.— Свободен,— повторил погромче.— Свободен! — воскликнул, словно птица, расправляющая крылья для полета.

Заговорщицки подмигнув, Гермес уперся подошвой сандалии в камень и столкнул его вниз.

— Советую сматываться отсюда поскорее, пока боги не передумали,— дружески предупредил он Сизифа.— Знаешь ведь, что у Зевса семь пятниц на неделе; одна милка одно шепнет, другая — другое.

— Ладно, пойду,— заторопился Сизиф.— Только... куда?

— Как это куда? Ты же сам просился обратно в Коринф!

— Да-да, в Коринф...

Однако Сизифа словно пришпилили к земле. Медленным взглядом обвел он все вокруг: вот его гора, долина, его камень, тусклый далекий небосвод. В нише сверкают кубки, на суку качаются лавровые венки, возле пещеры висит выстиранная спортивная майка с номером «66»... И все это оставить? Отказаться от плодов вековечного труда, от принадлежащих тебе по праву триумфов, свернуть с дороги, ведущей к бесконечным вершинам, к победам, чтобы их присвоили себе другие? И бросить все это в тот момент, когда ты еще полон сил?..

— Что же ты медлишь? Путь свободен...

А чем станет он заниматься, вернувшись в Коринф? Ловить рыбку, кататься верхом, чревоугодничать, лакать вино, болтать обо всем и ни о чем... И что дальше? Какой в этом смысл?

— Сизиф, оглох ты, что ли? Боги повелевают тебе: иди!

Боги повелевают... Знает он этих богов и их приказы! Ломаного обола они не стоят. И как раз теперь, когда ему, проклятому, удалось здесь, в царстве Аида, обрести себя, увенчаться лаврами, именно теперь боги повелевают: иди!.. Когда он постиг тончайшие тайны спортивной техники, в совершенстве освоил методику втаскивания, подчинил каждый мус-

кул и каждый нерв единой цели, ему повелевают: иди!.. Выходит, все его муки напрасны? Быть может, в этот самый миг кто-то уже побил его рекорд, празднует победу... А если и нет, если его рекорд недосягаем, как снежная вершина, разве можно бросить его на произвол судьбы? Добровольно оставить покоренную высоту? Нет-нет, он обязан позаботиться, чтобы она никогда и никем не была взята...

— Вот что: останусь-ка я тут,— заявил Сизиф, подбоченясь, будто кто-то собирался силой выдворять его из царства теней.

— Как, как? — От удивления шляпа Гермеса съехала на затылок.

— А вот так! И передай своим богам, что никуда от своего камня и от своей горы я не уйду. Больно уж высок их Олимп, чего доброго, до них еще не дошло, что я — Первая Мышца. Полюбуйся! — и он указал в сторону чемпионской майки с номером «66».

— Вот оно что...— не поверил своим глазам Гермес.— Значит, ты и есть знаменитый Сизиф?! Слава о подвигах Сизифа давно достигла Олимпа, только... только никто не предполагал, что он и ты — одно лицо. Прости!

— Прощаю,— милостиво кивнул Сизиф.

— И повезло же мне — с самим Сизифом познакомился! Дай хоть потрогать твои бицепсы. Ого! Поскорее полечу назад, сообщу небожителям потрясающую сенсацию. Олимп с ума сойдет!

Раскрасневшийся, возбужденный Гермес поправил крылышки на пятках и, как ласточка, заскользил по воздуху. Сизиф проводил глазами его развевающийся плащ и спустился к своему камню. Ласково, словно доброго верного коня, огладил его.

— Ну вот,— шепнул,— слава о нас уже бродит по резиденциям богов... Увидишь, в один прекрасный день они явятся сюда поглазеть, как мы берем очередную высоту... И у нас будет что им показать, не правда ли?

Однако пережитое потрясение улеглось не сразу. Прежде чем отправиться спать, Сизиф вкатил камень

в пещеру: мало ли что может прийти в голову этим завистливым олимпийцам? Возьмут да и стибрят потихоньку камешек, когда Гермес сообщит им, какой славой и неодолимой силой наделил он Сизифа. Или сровняют с землей гору, чтобы некуда было его вкатывать... Сизифа даже пот прошиб. Эх, боги, боги, хлестали бы вы свой нектар да заботились о своих привилегиях и славе, а его оставили бы в покое, не мешали брать вершину за вершиной... А если, тут Сизиф мятежно сжал кулаки, если они начнут мешать, тогда он не посмотрит, на то, что они небожители... пусть ему будет хуже, но и им несладко придется...

Лишь под утро, обняв одной рукой камень, Сизиф наконец забылся живительным сном, чтобы, поднявшись, вновь вступить в нескончаемое единоборство с гранитной глыбой...

Наверно, привиделось ему что-то приятное, потому что он блаженно улыбался во сне. И не видел, не мог видеть, как боги, приоткрыв своды царства теней, смотрят на него со своих олимпийских высот, смотрят, как на неразумное дитя, заснувшее с игрушкой в руке, и тоже улыбаются — только с иронией и бесконечно довольные собой.

СЕМЬ ИСПОВЕДЕЙ ПИГМАЛИОНА

Исповедь первая

Сегодня, о Афродита, я подарил Галатее резец, тот самый, которым изваял ее из слоновой кости. При этом я рассказал ей, сколько терпения, труда и любви пришлось затратить, чтобы извлечь из бесчувственной кости каждую черточку ее лица, каждую линию тела, каждое мгновение застывшего движения, всю ее — дочь морской нимфы. Рассказал, как вскакивал по ночам и босиком бежал в мастерскую, чтобы новым

прикосновением резца сделать совершеннее то, что, казалось, и без того было уже совершенным. Как, высекая ее губы, целовал их в поисках самого очаровательного изгиба, как ласкал плечи, чтобы они словно выныривали из морской пены, как согревал ладонями нежные ушки, чью удивительную форму заимствовал у затейливых раковин. И лишь тогда, сказал я ей, своей Галатее, лишь тогда, когда почувствовал, что образ ее доведен до божественной гармонии, до вершин эстетического идеала, до шедевра,— лишь тогда решился просить тебя, о богиня любви и красоты, покровительница моего Кипра, чтобы ты вдохнула жизнь в это создание. Рассказал, как принес тебе в жертву корову с самыми длинными рогами, которые распорядился щедро позолотить.

Галатея слушала с любопытством, и лицо у нее было при этом подобно лицам детей, когда они слушают россказни о том, как родители нашли их в капусте. Галатея даже осведомилась, что означают слова «гармония», «эстетический», «шедевр», и в конце концов сделала вывод:

— Значит, получается, что ты мой родитель, отец?

— Не говори глупостей! — рассердился я и, заключив ее в объятия, доказал, что если и стану кому-нибудь отцом, то лишь тому, кто явится плодом нашей любви. (В связи с этим хочу поблагодарить тебя, о богиня, за то, что, вдохнув жизнь в Галатею, ты наделила мое творенье и страстной натурой.)

Галатея оставалась задумчивой и тоскливо смотрела в потолок. Я нежно повернул к себе ее личико и спросил:

— Чего еще не хватает моему шедевру? Чего еще желает моя совершеннейшая? Может быть, недовольна своим обликом? Может, я создал ее недостаточно прелестной? Говори же, будь откровенна со своим творцом и мужем!

Однако она продолжала молчать, невесело поигрывая подаренным мною резцом. Я не отставал, и наконец она робко заговорила:

— Мне тоже хотелось бы, о мой повелитель...

— Выкладывай все без колебаний!

— Хотелось бы и мне усовершенствовать некоторые твои черты.

Я вздрогнул от неожиданности, но, как и подобает царю, овладел собой и сдержанно осведомился:

— Какие же, к примеру?

— Уши! — Галатея внезапно оживилась.— Они у тебя такие большие, что напоминают лопухи, растущие на пустыре.— Сказав это, Галатея ухватила меня за ухо и взмахнула резцом. Еще мгновенье...

— Не смей! — как ошпаренный, отпрянул я.

— Как же так? — она с невинным видом вытаращила глаза.— Ты ведь долго и упорно совершенствовал меня, почему же я не могу отблагодарить тебя тем же? Признайся: будь у меня такие огромные лопухи вместо ушей, разве стал бы ты целовать их? Сам бы сказал, что они неэстетичны.

Признаюсь, Афродита, за такие речи я любого подданного распорядился бы посадить на кол — недаром меня прозвали Сердитым. Но тут... Как следовало мне поступить в этом случае, о богиня? Оставалось лишь запечатать ее очаровательные губки поцелуем.

— Баловница,— шептал я, лаская ее,— шалунья...

Она улыбнулась, одарив меня еще одним чудом красоты: двумя рядами жемчужных зубок. Однако на этот раз они вызвали у меня не только восхищение: я мысленно сравнил их с моими собственными и дал себе слово во имя эстетического идеала никогда не смеяться с открытым ртом.

А утром отправился к пруду и, оглядевшись по сторонам, не подсматривает ли кто, уставился, подобно Нарциссу, на собственное отражение. Хочешь не хочешь, а пришлось признать, что невидимая рука, лепившая мои уши, мягко выражаясь, не слишком утруждалась... Я старательно начесал волосы на уши, распушил бакенбарды — и так называемые лопухи уменьшились вдвое. Совершенствуемся!..

Благодарю тебя, о богиня, что ты не только вдохнула жизнь в мою Галатею, но наделила ее чувством

прекрасного и стремлением к совершенству. За это получишь от меня еще одну корову с густо позолоченными рогами.

Исповедь вторая

Вышли мы сегодня с Галатеей прогуляться по дворцовому парку. Не могу высказать словами, о Афродита, как в эти минуты гордился я своей женой, своим творением! Придворные, слуги, рабы, воины — все глаз с нее не спускали, шею себе свернуть были готовы, лишь бы получше рассмотреть, и у всех на лицах было написано одно: бесконечное восхищение, чуть ли не восторженный экстаз при виде моего ослепительного создания, красоты моей жены.

Гуляли мы с ней до тех пор, пока не очутились одни среди кустарников и цветов. Ухватил я было ее за талию, чтобы привлечь к своей груди, только она вдруг как закричит:

— Ах, какая прелестная бабочка! Поймай мне ее, Пигмалион!

Поскольку она впервые обратилась ко мне по имени, я так разволновался, что бросился бы ловить даже пантеру. Гоняясь за бабочкой, я так усердствовал, что прыгнул прямо в куст шиповника и застрял в нем. Пока барахтался и освобождался от шипов, до меня доносился звонкий хохот Галатеи.

— Что случилось? — спросил я, выбравшись наконец из куста и упустив из виду бабочку.

— Ноги! Боже, какие ноги! — давилась от смеха Галатея.

— Ноги? — Я внимательно оглядел свои ноги, полагая, что в них впились колючки.

— Очень уж они неэстетичны,— объяснила Галатея.

— Не смей дерзить! — разгневался я.

— Но... но я снова не понимаю тебя, о мой повелитель,— опечалилась она, как и в прошлый раз.— Ты человек, жаждущий совершенства, требующий от

меня божественной гармонии,— как же можешь ты сам ковылять, подобно селезню, на таких коротышках? И какой неумеха изваял тебя?

Пока я мрачно молчал, она обошла вокруг меня, глазом опытного скульптора разглядывая мои ноги, и с искренней озабоченностью спросила:

— Милый, а нельзя ли как-нибудь вытянуть их хотя бы на вершок? Всего на один вершочек?.. Пусть и не достигнут они идеальных пропорций, но хоть не будут так смешны... А? Сообрази что-нибудь, придумай, удружи своей женушке!

Что я мог ответить, о богиня? Стоял дурак дураком, не зная, что делать: плакать, гневаться или обратить все в шутку. Между тем Галатея, совсем позабыв о бабочке (будь она проклята!), повернулась и направилась во дворец одна. Постояв немного, я поплелся следом, волоча свои, словно налитые свинцом, непропорциональные нижние конечности.

Вечером я вызвал придворного сапожника и повелел к утру сшить сапоги на высоченных каблуках. И когда на другой день в новой обуви явился в покои Галатеи, она даже руками всплеснула:

— Что я вижу?! О Пигмалион, еще немножко — и из тебя получится настоящее... как его... на букву «г»...

— Гармония? — радостно спросил я.

— Именно гармония!

За этот триумф я снова должен быть благодарен тебе, и только тебе, о прекрасная добрая Афродита!

Исповедь третья

Ничего не утаю от тебя, великая богиня; начинаю жалеть, что в свое время разъяснил своей Галатее значение слов «эстетический», «гармония», «шедевр». И не разберешь теперь, о Афродита, кто из нас виноват — ты или я. Наша Галатея теперь только и знает,

что требовать гармонии и совершенства — и не от кого-то там, а все от меня!

Сегодня пристала за пиршественным столом:

— Царь Пигмалион, почему ты так неэстетично пьешь вино — хлебаешь, брызги летят, по бороде течет?

Это слышали все гости, в том числе и брат правителя Тракии. Я готов был сквозь землю провалиться, но тут последовал новый взмах невидимого резца:

— Может, созвать ворон, чтоб склевали крошки с твоей бороды?

Тракийский вельможа, не удержавшись, прыснул, за ним и другие гости, а олухи, прислуживающие у стола, начали кусать губы — ну, это им дорого обойдется!.. Я сдержался, молча завершил трапезу, поднялся из-за стола и как можно величественнее, хотя мешали слишком высокие каблуки, удалился из зала.

Вскоре явилась Галатея. На ней лица не было. Поняла, видно, что перегнула палку. Своими нежными пальчиками выбрала у меня из бороды крошки, стащила сапоги и даже поцеловала в лоб. И тут меня осенило: ведь она так требовательна ко мне только от любви, от бесконечной любви жаждет видеть меня совершенным, на всех остальных ей наплевать!.. Да, да! Галатея стремится к тому, чтобы наш союз был единством двух совершенных существ, и нет для нее ничего важнее! При этой мысли меня захлестнула горячая волна благодарности. О совершенная и совершеннейшая! Будь по-твоему! Требуй, требуй от меня того же, чего я добивался, создавая тебя, и я тоже буду твоим покорным творением, буду послушен так же, как ты была послушна моему резцу.

Поэтому в тот же вечер я повелел покрасить себе бороду. Чего доброго, о прекрасная Афродита, велю пригнать к твоему будущему празднику целое стадо коров и клянусь, рога у всех будут из чистого золота!

Исповедь четвертая

Нынче взыскательная Галатея имела все основания быть особенно довольной мною, а ты, богиня красоты, и подавно. Я восседал на троне, красиво выпрямившись, аккуратно сдвинув колени, складки мантии торжественно ниспадали к подножию трона, борода была черной, как у молодого египтянина, и старательно расчесанной; ушей почти не было видно (к слову сказать, я велел вырвать все лопухи на примыкающих к дворцу пустырях), руки гордо скрещены на груди, лицо (кстати, я начал мыть его теплым ослиным молоком) — словно высеченное из мрамора, а могучие плечи (я приказал подбить хитон жгутами из конопли) почти заслоняли широкую спинку трона... Величие и обаяние царя должен был (по контрасту) оттенять придворный сапожник, которому я приказал стоять рядом с троном. Его глаза, горевшие адским огнем на изъеденном оспой лице, так и шныряли по залу, являя противоположность моему кроткому, царственно-мудрому взгляду. Эстетический эффект должно было усиливать и то обстоятельство, что всех красивых и гармонично сложенных мужчин я под разными предлогами удалил (как и лопухи) из дворца и его окрестностей. Таким образом, милая богиня красоты, я восседал на троне, усовершенствовав не только самого себя, но и все, что меня окружало.

И поэтому лишь ты одна поймешь мою боль и разочарование, когда, вернувшись после церемонии в свои покои, я услыхал:

— Ну и нос!

Знал ведь, что дойдет и до него очередь. И то, что ответил я Галатее, возможно, страшно рассердит тебя, о богиня любви. Этот аргумент я держал до последнего: может, не понадобится... Словом, выложил Галатее, что супруг самой богини красоты Афродиты Гефест — хром, настолько хром, что стыдится нос высунуть из своей кузницы. Однако это не мешает ему прекрасно ладить со своей непревзойденной кра-

савицей женой, она его ни в чем не упрекает, не высмеивает при гостях, не требует, чтобы он удлинил себе ногу, не называет селезнем — словом, принимает таким, каков он есть.

Галатея помолчала, потом спросила:

— Скажи, а Гефест тоже сам сотворил Афродиту?

Услышав отрицательный ответ, она небрежно передернула плечами:

— Тогда, конечно, она не имеет права ничего от него требовать. К тому же,— тут Галатея несколько странно, даже очень странно, усмехнулась,— я слыхала, что кузнецы...— и она внезапно прикусила губу.

Как ни выспрашивал я ее, что она там слышала про кузнецов, но так ничего и не дознался. Как ты думаешь, что она имела в виду? Может, хочет, чтобы и я занялся кузнечным ремеслом, развил мускулатуру и не подбивал больше коноплей плечи хитона? Но не кажется ли тебе, о могущественная богиня красоты, что грубый труд кузнеца не слишком-то отвечает возвышенным эстетическим требованиям?

Признаться, ума не приложу, что мне думать обо всем этом, о Афродита...

Исповедь пятая

Этой ночью меня посетили мрачные сны и мучил страх, как бы Галатея не взяла резец и не попыталась, пока я сплю, лишить меня второго подбородка.

Ее просто обуяла мания совершенствовать меня. Наверно, любовь Галатеи больше моей любви, раз она так убивается из-за каждой мелочи в моем облике, не соответствующей нормам божественной гармонии. Что же, в этом, пожалуй, виноват я сам: доводя до совершенства каждую ее черточку, я усовершенствовал и ее чувство прекрасного. Шедевр хочет видеть шедевром и своего создателя, не здесь ли, Афродита,

разгадка секрета ее требовательности? Предвижу день, когда наконец услышу:

— О Пигмалион, ты — шедевр!

Тогда, моя богиня, я принесу тебе в жертву всех коров, которых смогут пригнать мои пастухи! И рога их будут сверкать чистым золотом!

Исповедь шестая

Ты, наверно, уже знаешь, не можешь не знать — по крайней мере, не прикидывайся, что не знаешь того, что произошло, о Афродита... Да, Галатея покинула меня.

Сбежала с тем самым рябым сапожником, хотя его лихорадочно горящие глаза и весь облик — пощечина тому, что мы называем красотой, гармонией, совершенством...

Я остался один, осмеянный, прибитый, покинутый... Однако не думай, богиня распутства, что я не знаю, кто помог Галатее так унизить меня! Кто, если не ты, толкнул ее на столь непотребный шаг, кто, если не ты, постоянно наставляющая рога своему рохле муженьку?

Поэтому не удивляйся, если в день приближающегося праздника получишь от меня лишь дохлую крысу с вымазанным в дегте хвостом!

Исповедь седьмая

Сегодня я проснулся как никогда бодрый и выспавшийся.

Отбросил прочь проклятые сапоги, от которых чуть не обезножел, отодрал от хитона осточертевшие конопляные жгуты, принялся потягивать вино, снова всласть прихлебывая. Еще вчера вечером пригласил в свои покои широкозадую и толстогубую дочь конюшего Мину...

Нежась в ее жарких объятиях, не без злорадства думал я о том, что в один прекрасный день Галатея обязательно захочет эстетически усовершенствовать своего сапожника, и чувствовал себя совершенно счастливым!

Пожалуй, ты все-таки получишь от меня корову с золочеными рогами, о Афродита. Только давай договоримся — впредь никаких усовершенствований!

ИКАР ВТОРОЙ

Неподалеку от берега Средиземного моря, там, где на склоне горы в естественной впадине еще древними был оборудован удобный амфитеатр, шел поэтический турнир. Необычным было это состязание: поэты читали стихи лишь на одну тему — о полете Икара и его отца Дедала, об их скрепленных воском крыльях и трагической гибели юноши в морской пучине. В турнире участвовали как прославленные поэты, уже достигшие солидного возраста, так и зеленая молодежь, и если первые поражали слушателей совершенством техники и другими хитростями поэтического искусства, то вторые привлекали юношеским задором, который искупал некоторые погрешности стихосложения. Величие и драматизм темы дарили вдохновению и пространственному мышлению такую пищу, что во всей Греции, пожалуй, не осталось поэта, который удержался бы от соблазна испытать силы уже в начальных турах, дававших возможность выйти в решающий, финальный: прибыл сюда и немалый отряд поэтов из соседних стран, даже с других континентов. Каждого украшало птичье перо (неважно, какой птице оно принадлежало) — символ состязаний, а членов жюри — медаль с рельефом распахнутых крыльев; победителей ожидал исполненный глубокого смысла приз — восковая лира. Века за веками славили певцы полет Икара; сдается, из их творений можно было бы составить целую библиотеку;

казалось, и словечка уже не втиснешь в эти тома, но турнир продемонстрировал: тема еще столь богата нетронутой целиной, что ее с избытком хватит всем будущим поэтическим поколениям — ведь каждый поэт так или иначе ощущает себя Икаром... Поэтому не следует удивляться тому, что турнир продолжался долго, очень долго, так долго, как ни один другой. Слушатели, насытившиеся поэзией сверх всяких норм, расползались по домам, их места занимали новые, проходило время, и эти тоже направлялись к выходу, удовлетворив духовный голод и истосковавшись по более осязаемой пище; амфитеатр медленно, но верно пустел, и можно было предположить, что вскоре тут останутся лишь служители муз во главе с жюри. Однако отыскался один слушатель, проявивший достойное, чуть ли не сверхчеловеческое терпение: как уселся в самом начале состязания на скамью, так и не покидал ее до самого конца. В перерывах, оставаясь на месте, уплетал бутерброды, заедая их фруктами, ночью отправлялся на отдых в соседнюю гостиницу, а утром, глядь, тут как тут: первым входил в гостеприимно распахнутые ворота амфитеатра. Его одинокая фигура в опустевшем зрительном зале все больше привлекала к себе взоры участников турнира — так одинокое дерево среди чистого поля притягивает к себе молнии. Возле ног упорного слушателя лежал какой-то продолговатый предмет, запеленатый в серую холстину. Многим из соискателей приходило в голову: уж не таится ли в этом свертке подарок победителю? Ну, скажем, тонкогорлая амфора, приобретенная в складчину жителями какого-нибудь городка или деревни, страстными любителями поэзии? Это приятное предположение подтверждалось и уже упомянутым долготерпением незнакомца: с чего бы еще стал он торчать здесь, будто гвоздями прибитый, ежели бы не необходимость выполнить порученную миссию? И когда у иного поэта от чтения пересыхало горло, он мысленно вытаскивал из амфоры залитую воском пробку и жадными глотками пил старое и благородное, как сама поэзия, вино.

Впрочем, оставим поэтам право предвкушать приятные мгновения, а сами займемся ходом турнира. В воздухе стоит обычный для этих мест полуденный зной... Члены жюри безнадежно стараются отогнать от себя мух и дремоту (разумеется, победитель определен еще задолго до начала состязаний). Последние слушатели, стараясь не обращать на себя внимания, на полусогнутых тянутся к выходу. В пустеющем амфитеатре все громче и величественнее звучат голоса поэтов, отражаясь от вмурованных в стены акустических сосудов. Над амфитеатром пролетает то одна, то другая птица, и взмахи их крыл прекрасно ассоциируются с темой Икарова полета. В эту тему органично вкомпоновывается и висящий над головами, плавящий даже камни солнечный диск. Маячащая вдали снежная горная вершина опять-таки символизирует высоту, которой некогда достигли скрепленные воском крылья, а теперь вот — крылья поэзии. Кстати, тема высоты неожиданно становится своеобразным полигоном, где скрещиваются копья поэтических поколений: старшее обвиняет Икара в том, что он не прислушался к совету своего седовласого отца не подниматься так высоко, там, дескать, по мере приближения к солнцу, начнет плавиться воск крыльев; отдав дань уважения отваге юноши, они осуждали его за легкомыслие, за то, что он пренебрег мудростью, опытом старших, что «юнец, оперившийся по милости отца (так назвал Икара один весьма маститый поэт, отец двоих непутевых сыновей), погубил не только себя, но и своего родителя, немолодого, но весьма перспективного скульптора, самоотверженно бросившегося спасать своего отпрыска и утонувшего вместе с ним... Увы, холодные, бесчувственные волны поглотили и того и другого... Осталось плавать лишь несколько перышек... и старый рыбак, единственный свидетель трагедии, зажмурил от боли глаза». Рисуя эту сцену, седовласый маэстро тоже прослезился. Говоря откровенно, плакал он от радости: ведь лавры должны были по раскладке попасть именно ему в карман. Его слезы, падая

на пол сцены, тоже ассоциировались с каплями расплавленного воска и тем нарушали спокойную дремоту жюри (в данном случае, правда, беспокоить почетных старцев не было необходимости)... А молодые поэты и поэтессы не уставали восхищаться непослушанием Икара и восхвалять его бунтарство, ибо:

...достигнуть звезд сумеет только тот,
Кто цепь условностей с себя сорвет!

Или:

Советам трусов, о храбрец, не верь ты!
Лишь вверх стремясь, приобретешь бессмертье.

А что касается единственного свидетеля трагедии, старого рыбака, якобы видевшего, как отец бросился спасать сына (тут молодые иронически кривили губы), то дело известное: старик старику... ворон ворону...

Такое несогласие, я бы даже сказала, противоборство поколений могло бы зайти очень далеко, если бы все не сходились на одном: громоотводом служила общая для всех тема плавящегося воска. Будто сговорившись, поэты всех поколений вкладывали в этот образ все то лучшее, что было у них под рукой, что они сумели, как говорится, вырвать у своих муз. Более того: именно на этом плацдарме и кипело настоящее состязание — кто образнее, изобретательнее и ярче нарисует картину плавящегося под лучами солнца воска. Здесь поэты не стеснялись пускать в дело и вспомогательные средства: переходили на шепот, кричали, стенали, скрежетали зубами, грозили кулаком солнцу, махали руками, словно крыльями. Один из них, жаждавший усилить так называемый эмоциональный эффект, до того размахался, что слетел со сцены в зрительный зал, однако и упав, продолжал декламировать:

...О, Икар, как ты стремишься ввысь,
Обгоняя даже птиц уверенно!
Что с того, что огненный язык
Жадно лижет воск, скрепивший перья?

Пусть Дедал кричит: «Остановись,
Опускайся ниже, сделай милость!»
Ты же, как орел, все ввысь и ввысь —
К жару пламенных лучей светила...

— Можно вас перебить?

Все аж вздрогнули от неожиданности и, конечно, уставились в пустой уже амфитеатр, туда, где торчала фигура единственного, последнего, самого терпеливого слушателя. Он же, не дожидаясь разрешения, встал и направился к сцене, неся под мышкой свой загадочный сверток — последнее обстоятельство особенно радостно настроило воспарившего и шлепнувшегося поэта: это же его пламенные строки растопили сердце слушателя (как солнце — воск!), и тот, не дожидаясь формального решения жюри, вознамерился сам увенчать лаврами победителя!

Между тем незнакомец, выйдя на сцену, опустил сверток к ногам и сказал:

— Уважаемые поэты, хочу довести до вашего сведения кое-какие научные данные, чтобы в другой раз вы несколько осторожнее обращались с фактами.

— Кто ты такой, что осмеливаешься прервать меня в самый кульминационный момент?! — звенящим от ярости голосом воскликнул поэт-летун, сообразив, как наивно он заблуждался.

— Я — ученый, помимо всего прочего — исследователь атмосферы,— представился незнакомец.— Собираю материал для своего трактата.

— Вот оно что...— толпившиеся на сцене саркастически переглянулись: оказывается, и последний, самый терпеливый, сидел тут не из любви к поэзии, а лишь из холодного, корыстного любопытства!

Не обращая ни малейшего внимания на помрачневшие лица творцов, незнакомец быстренько развернул свой сверток, и вместо ожидаемой амфоры все увидели листы бумаги, испещренные чертежами и диаграммами.

— Прежде чем познакомить вас с тем, что вы презрительно именуете сухой мертвой цифирью, я

хотел бы для наглядности задать вам один вопросик. Вот, там,— он протянул руку к маячащей у горизонта горной вершине,— что там белеет?

— И ребенку ясно — снег,— недовольно буркнул один из молодых.

— Почему же он не тает?

— А потому, светоч науки, что на вершине холодно.

— Прекрасно,— улыбнулся ученый.— Там холодно. На вершине. Здесь,— он развернул перед поэтами один из своих листов,— вы видите диаграммы и кривые, которые показывают, как изменяется температура в различных слоях атмосферы. На основе многолетних исследований тут черным по белому доказано, что по мере подъема по вертикали от земной поверхности воздух каждые сто метров становится холоднее примерно на полградуса по Реомюру. Теоретически на высоте двенадцати километров воздух должен охлаждаться до минус шестидесяти градусов. Практически холодное покрывало над Средиземным морем имеет толщину в восемь десятков километров, где температура падает до семидесяти градусов ниже нуля. Позвольте же полюбопытствовать: каким образом ваш Икар, взлетая вверх, не только не замерз, но, напротив, погиб оттого, что жар расплавил воск крыльев?

Однако напрасно ждал он ответа: поэты, как сговорившись, отвернулись от диаграмм и стали пристально наблюдать за опускающимся диском солнца.

— Понимаю,— словно сам себе сказал ученый,— в те времена, когда складывался миф об Икаре, люди могли этого не знать. Но современный-то поэт?.. Ведь физическая география преподается в средней школе... Просто трудно поверить... Вот этот феномен и собираюсь я исследовать в своем трактате «Миф об Икаре в свете эрудиции поэтов»,— не без иронии добавил он.

— Уважаемый,— обретя хладнокровие, шагнул вперед один из живых классиков,— вы обвиняете нас в том, что мы вторгаемся в сферу науки, однако сами

еще наглее вторгается в сферу поэзии! Валите в одну кучу холодный расчет и пламя вдохновения, поэтический образ и бухгалтерские выкладки, полет фантазии и... и...

— И электронно-вычислительную машину,— бросился на помощь коллеге поэт с высшим техническим образованием.

— Какие бы фокусы ни выкидывала ваша фантазия,— спокойно возразил ученый,— не могут скрепленные воском крылья распадаться от жара там, где трещит мороз... Но я предвидел,— он хитро усмехнулся,— что ни цифры, ни словесные аргументы, ни здравый смысл на вас не подействует. Поэтому...— Он нагнулся и, отбросив холстину, указал на содержимое свертка.

Остолбеневшие поэты увидели пару скрепленных воском крыльев.

— Эти крылья,— сказал ченый,— я изготовил в точном соответствии с тем, как описаны они в мифе: складывал одно к другому отдельные перышки и приклеивал их теплым воском к легкой деревянной конструкции... Закрепите-ка их у себя за спиной,— он протянул крылья стоявшему ближе других поэту,— и посмотрим, полетите ли вы дальше петуха, чье перо, как я вижу, столь воинственно торчит у вас за ухом.

Поэт смутился, огляделся по сторонам, презрительно пожал плечами и тихонечко затесался в плотный строй коллег.

— Так, может быть, вы? — предложил ученый поэту с орлиным пером в пышной шевелюре.

Но и этот молча попятился назад.

— Тогда договоримся так,— предложил ученый,— я даю аэроплан, двое ваших представителей садятся в него, берут крылья, поднимаются на такую высоту, какой, по их мнению, достиг Икар, и убеждаются собственными глазами, как плавится на морозе воск. Разве это не прекрасно: повторить путь Икара? Ведь здесь то же самое море, и солнце то же самое... Ну?

Далекий снежный пик запылал раскаленными углями, словно вспыхнул, сочувствуя поэтам, получившим такой щелчок. Минута-другая — и стало быстро темнеть. Не дождавшись ответа и томясь от затянувшейся паузы, исследователь атмосферы стал было снова заворачивать в холстину диаграммы и крылья, видимо, сообразив, что пора поднимать паруса.

— Погоди-ка,— остановил его один из маститых.— Ты вторгся в храм искусства, нарушил ход турнира, поиздевался над нами и хочешь преспокойненько смыться? Думаешь, все сойдет тебе с рук?

Он подал знак, и от группы поэтов отделилось несколько широкоплечих молодцов. Они плотным кольцом обступили ученого, а остальные поэты и члены жюри (оно тоже состояло из поэтов, только уже достигших такого солидного веса, что взбираться на Пегаса им было и сложно, и рискованно) удалились за кулисы, на совещание. «Интересно,— забеспокоился ученый,— какое наказание могут они мне назначить?» Он даже усмехнулся такой мысли: поэзия и реальное наказание столь несовместимы, что не стоило и голову ломать...

Совещание длилось довольно долго, однако не было слышно ни споров, ни ругани, ни криков — очевидно, общая опасность объединила все поколения в единую когорту для защиты муз. И лишь тогда, когда говоря поэтическим языком, ночь окончательно прикрыла амфитеатр своей непроницаемой черной вуалью, из-за кулис гуськом вышли поэты с горящими факелами в руках. Увидев в отсветах мечущегося пламени их торжественно-строгие лица, ученый почувствовал, как по спине у него забегали мурашки.

— Эй, есть там кто-нибудь?! — не своим голосом крикнул он.

Его крик достиг лишь акустических сосудов — амфитеатр был пуст.

— Чего орешь? — обратился к ученому поэт с орлиным пером.— Разве не желаешь последовать по стопам Икара?

— Что... что вы задумали? — побледнел знаток атмосферы.

— Терпение,— таинственно усмехнулся поэт.

Несколько рук схватили крылья и до тех пор подпаливали их факелами, пока не стали потрескивать перья и с них не закапал воск. Тогда, заткнув ему рот паклей, крылья привязали к спине ученого и запеленали в холстину. Та же самая мускулистая бригада взвалила тюк на плечи, и все направились к выходу. Процессия спустилась вниз по склону и в торжественном молчании продолжала свой путь во мраке ночи. Высоко подняв факел, дорогу указывал местный поэт. Вокруг было тихо и пусто, а если и встречался вдруг какой-нибудь полуночник, ошалело спрашивая: «Эй, кто вы такие и что несете?» — то в ответ звучало:

— Мы поэты, о путник, а несем амфору, которую нам преподнес самый терпеливый, самый верный любитель поэзии. Идем мы, братец, в одно тихое местечко, чтобы насладиться старым и благородным, как сама поэзия, вином!

— Пусть же это вино, коснувшись ваших губ, превратится в божественный нектар! — взволнованный торжественностью момента, от души желал встречный полуночник.

— Спасибо. Да будет так!

Через добрый час процессия достигла морского берега. Вскоре была найдена и отвязана лодка, на дно ее уложили ношу. За весла и руль сели трое: по одному представителю от старшего, младшего и среднего поколения (последнее представляла поэтесса с чибисиным перышком на груди). Лопасти весел погрузились в темную воду, лодка отошла от берега и вскоре растаяла в густом влажном мраке. Чем дальше уходила она в море, тем сильнее швыряли волны утлую скорлупку, и поэты заботливо придерживали живой (надо полагать!) груз, чтобы он не бился о скамьи. Наконец лодка остановилась. Тогда символическая

троица дружно ухватилась за сверток и начала переваливать через борт. Вдруг поэтесса воскликнула:

— Стойте!.. Что вы делаете!

Дрожащими от волнения пальчиками она сняла жука, лохматыми лапками уцепившегося за холстину.

— Навозничек...— ласково зашептала она.— Ведь живая тварь...

— Есть в этом нечто языческое...— бормотнул младший.

А старший выдал импровизацию:

— О жук овальный, орбит оптический оригинал, ориентированный Орионом. Олимпу ораторию орган! — и подбросил жучка вверх.

Жук со звоном взвился ввысь, в то время как сверток с живым грузом быстро опускался вниз: поэт-летун предусмотрительно успел сунуть в него камень. Так поглотили морские волны Икара Второго — ибо он, как и его предшественник, необдуманно вторгся в неизведанные и одним поэтам подвластные высшие сферы. Разве не захватил он в это рискованное путешествие пары скрепленных воском крыл? Разве не утратил во время полета здравый смысл и чувство самосохранения? Разве не ослепила его жажда победить стихию? И разве тело его не приютила та же морская пучина?

Уже светало, когда наша троица возвратилась на берег. Их и тех, кто ждал на берегу, охватило трогательно-светлое чувство: ну не само ли небо послало им Икара Второго, чтобы они вновь ощутили духовное единство, пережили катарсис, как бы превратившись в жрецов и весталок у священного жертвенника Аполлона, на который только что возложили самую великую и осмысленную жертву? Наконец-то и они подкрепили свои слова делами, свершили нечто конкретное! Ибо кто сочтет, скольких поэтов поглотило море рационализма и меркантилизма, но ныне пробил час мести! Пройдут десятилетия, столетия, может, тысячелетия — пусть и памяти о них самих уже не сохранится! — но в один прекрасный день

морские волны вынесут на берег человеческие кости с прикрепленными к ним крыльями и оплавленным воском на перьях... О поэзия, матерь Икара, ты была и будешь права!.. Охваченные экстазом, поэты тут же, кольнув острием стила, с которым никто из них никогда не расставался, безымянный палец левой руки, обмакивали, за неимением чернил, свое стило в собственную кровь и на собственных же ладонях писали стихи об Икаре, только об Икаре и его расплавленных солнцем гордых крыльях...

А маячащая вдали олимпийская, величественная и безмолвная горная вершина словно учила их, как отныне придется хранить новую священную тайну поэзии...

ТРИ ИМПРОВИЗАЦИИ НА ТЕМУ ИЗГНАНИЯ

I. Саваоф и змей

Саваоф (*змею*). А теперь давай прорепетируем. Начнем... гм... ну хотя бы с этого момента: ты тихонечко высовываешься из яблоневой кроны и... только, черт тебя побе... то есть смотри не шипи! — нагонишь страху, испугаешь — и пиши пропало... Итак, значит, ты высовываешь потихонечку голову из листвы и...

Змей. ...И шепчу: «О Ева, прекрасная, единственная и неповторимая во всех райских кущах! Глаза твои — как сияющие звезды, губы твои — как спелая малина, кожа твоя — как бархатистый персик, стан твой...»

Саваоф. Стоп! Куда клонишь, зеленая голова?! Не женщину тебе нахваливать надо, а яблоко. Яблоко! И постарайся произносить слова внятно, поменьше шипящих... Ну-ка, давай сначала.

Змей. Не бойся меня, Ева, не смотри... гм... погляди лучше на плоды этой яблони — видишь, как спелы они, сочны, ароматны... Я знаю, их запрещено есть. А ведомо ли тебе, почему господь запретил вам с Адамом прикасаться к этим яблокам? Да потому, что даже крошечный кусочек запретного плода доставил бы тебе такое наслаждение, такое блаженство, такую могучую силу влил бы в твое тело, что сам всевышний почувствовал бы себя беспомощным перед тобой! Вот почему вседержитель запретил людям пробовать эти яблоки. Он желает единолично черпать из них силы и удовольствия, хочет все себе урвать... Вот он каков, этот старый хрыч, завистник, честолюбец, этот эгоист...

Саваоф. Ну, ты, полегче! Ишь разошелся, червь проклятый!

Змей. Воля ваша, могу и иначе, но тогда не ручаюсь за результат... Прости меня, господи, что осмелюсь напомнить всеведущему: цель оправдывает средства.

Саваоф. Ничего себе средства!.. Гм!.. Ну да ладно. Поехали дальше!

Змей... Этот честолюбец, этот мерзкий эгоист проповедует любовь, добро, терпимость и щедрость, а сам что творит? Жалко ему, видите ли, кусочка яблока с древа удовольствий! Сорви, о прекрасная Ева, не сомневайся, сорви и попробуй, а всезнающий наш никогда ничего не узнает, грешок твой будет предан забвению, а удовольствие, которое ты получишь, навеки сохранится в памяти.

Саваоф. Недурственно, хотя... до совершенства далековато.

Змей. Прости, господи, что снова осмеливаюсь напомнить, хотя, конечно, как всеведущий, ты и сам знаешь: совершенство — лишь твой удел.

Саваоф. М-да, верно... однако слово «грешок» вымарай, оно может только смутить и отвратить Еву — ведь она пуглива, наивна и чиста, как... как капля росы в голубой чаше колокольчика.

Змей. О господи, вот кто истинный мастер художественного слова — «в голубой чаше колокольчика»! Изумительно! Однако вам, всеведущему, должно быть ведомо, что я и сам не вкушал от запретного плода, поэтому тоже наивен и чист — пусть не до такой степени, как капля росы в голубой чаше колокольчика, но все же... Выходит, что мне, зеленому, наивному и чистому, вводить в соблазн другое наивное и чистое существо не так легко, как вам, всевидящему, видится!

Саваоф. Поэтому и репетируем, зеленая твоя голова. Импровизируй дальше.

Змей. ...Проступочек твой будет предан забвению, ты навеки останешься в глазах господа чистой и невинной — как серебряная капелька росы в голубой чаше колокольчика. Поверь, Ева, запретный плод создан, чтобы его отведали твои юные соблазнительные губки, а не для того, чтобы сок его орошал спутанную бороденку этого противного старикашки, дряхлого властолюбца, ворчуна и завистника...

Саваоф. Снова?! Шкуру спушу!

Змей. Я уж и так сам чуть из нее вон не вылажу, угождая вам, о всемогущий! Говорю же — иначе убедить не смогу. Всеведущий, а не ведаете, что творение совершенного творца не может быть настолько наивным и глупым, чтобы верить бездоказательной болтовне. Значит, вертись ужом...

Саваоф. Гм... Ишь вывернулся! Не слишком ли изворотливым я тебя сотворил? Любого теперь в бараний рог скрутишь. Ну да ладно. Будем надеяться, что и тут не промахнешься. А то как подумаю: вдруг да не выгорит — мурашки по спине... Брр! И еще одного боюсь: как бы меня на радостях удар не хватил, когда эта парочка наконец уберется из рая, с глаз долой... И где он был, мой высочайший разум, когда вылепил я и посадил себе на шею двух этих наглых бездельников?! Выкроил, понимаешь, среди хаоса прекрасный уголок, а теперь из-за двух лоботрясов спокойного местечка себе в нем не найду. Куда ни сунься — они! Плюнуть некуда — обязательно в них попа-

дешь! Самые мои сладкие плоды обрывают, самые красивые лужайки топчут, кристальные ключи-источники мутят, мягкошерстых моих ягняток распугивают... Сил больше нет! Как хочешь, но и беспредельному терпению есть предел! И еще вот что тебе скажу: куда легче было мир творить, чем терпеть здесь эту парочку... И как их отсюда турнуть?!

Змей. Не могу удержаться, чтобы снова не перебить вас, о боже: нет, вы больше чем мастер художественного слова... вы... вы... (*плачет*) простите... у меня... у меня эстетический катарсис!

Саваоф. Знаю. Знаю, милый... Итак... Как же выставить их из рая, соблюдая все законы справедливости, которые я сам и установил?.. Ведь не пинком же под... Надо, чтобы и они, и все кругом знали, что изгнали их за собственную провинность! Короче — вся надежда на тебя.

Змей. Положитесь на меня, господи, и будьте покойны. Ах, как же безгранично божественное милосердие! Другой-то на вашем бы месте выпер наглецов безо всяких церемоний, а вы — так вежливо, терпеливо, свято соблюдая нормы приличия, законы справедливости. Нет! Так лишь вы один, вы, непогрешимый и справедливый, можете! Слава, слава, слава! Осанна!..

Саваоф. Ой, что это?.. Чуть не поскользнулся...

Змей. А, не обращайте внимания, арбузная корка... Слава, слава, слава... Аллилуйя!

II. Адам и Ева

Адам (*Еве*). Может, тут?.. Тень довольно густая, ручеек журчит, птахи щебечут, ягнята божьи блеют — никто нас не увидит и не услышит... Начинай.

Ева. Ах ты змей, змееныш, змеюшка... искуситель-златоуст! Как сверкает твоя чешуя, горят глаза, как сладки слова твои...

Адам. Постой, постой... Не о змее речь, о яблоке! О древе познания добра и зла... Импровизируй сначала.

Ева. Не соблазняй меня, о коварный змей!... Яблоко?.. Ни единого кусочка!.. Ведь оно запретное!.. А если потом наказание?.. Но... ах!.. Как соблазнительно... может, все-таки самую малость... ох...

Адам. Слишком много сантиментов и одновременно нехватка благородного негодования, оскорбленной добродетели! Не забывай, в конце концов, что ты чиста и невинна, как капля росы в голубой чаше колокольчика!.. Давай по новой!

Ева. Что?! И ты смеешь предлагать мне запретный плод, о жалкий змей... Прочь!.. Никогда!.. Чтобы я черной неблагодарностью отплатила господу за то, что он сотворил меня такой чистой и невинной, как серебряная капелька росы в голубой чаше колокольчика? За то, что поселил в райских кущах и подарил нам с Адамом по необыкновенному фиговому листочку?.. Сгинь с глаз моих, мерзкий соблазнитель... Однако как оно аппетитно, это яблоко... как прекрасен его аромат... но нет, нет, нет!.. Только понюхаю, ветку наклонив... Боже, что такое? Сорвала?.. Не может быть... И откусила?.. Когда? Нет! Может, все это мне снится?.. Только огрызок остался?.. Нет, нет, нет!..

Адам. А что? Неплохо! Начинаю верить, что обделаем дельце. Только на коленях умоляю: не выдай наших истинных намерений! Тогда всему — аминь. Как подумаю, что может сорваться, не выгореть — мурашки по спине!.. Эх, знал бы он, этот всеведущий, как мне поперек горла весь этот рай! Шагу не ступишь, чтобы на всевидящее око не наткнуться, словца не вымолвишь, чтобы всеслышащее ухо не уловило, плюнешь — в бороду ему попадешь... А тут еще запретный плод выдумал, а для чего, черт его побери, создателя?! Для того, видите ли, чтобы лишний раз напомнить нам, что мы тут никто, на птичьих правах, из милости, дескать, приютил сирот без отца-матери. С тоски сдохнешь: возноси ему бесконечные хвалы,

славь его бороду седую и мудрость безграничную. И все ему мало — и похвал, и послушания... А уж за фиговый листок готов семь шкур содрать! А все змей, гад ползучий, виноват: избаловал старика своими славословиями, столько пыли в глаза напустил, что создатель уже и не соображает, что к чему. Знаешь, чего я больше всего боюсь? Боюсь, как бы не зареветь мне от радости, подобно льву рыкающему, когда освободимся мы от этого рая и рванем куда глаза глядят... О Ева, моя Ева, вся надежда на тебя — обведи их вокруг пальца, изловчись сорвать яблочко, да так, чтобы ни сам, ни змей не пронюхали о наших истинных намерениях...

Ева. Будь спок, положись на меня. Ведь мне и не придется особо играть — разве я и в самом деле не чиста и не невинна, как та капелька росы в голубой чашечке коло...

Адам. Ой, что... это?

Ева. Где?

Адам. Я что-то пяткой раздавил...

Ева. А, это я кусок ананаса бросила...

III. Змей и Ева

Змей *(Еве)*. Тут... под запретным древом — никто не заподозрит и искать не станет, хе-хе... Но все-таки взгляни, нету ли поблизости твоего Адама, а я посмотрю, не бродит ли в окрестностях всевидящий... Порядок. Ну, давай, импровизируй!

Ева. Что?! Нет, нет!.. Прочь, соблазнитель!.. Ни за что не откушу!.. Ведь он запретил... Лично! Сам!.. Лучше живьем сгореть — ни кусочка, ни крошечки!.. И не соблазняй! Прочь, гад ползучий, а то пожалуюсь создателю, он тебе, тварь безногая, голову свернет.

Змей. А ну полегче! Как ты смеешь?

Ева. Можно и полегче, но тогда мы едва ли убедим господа и Адама. Такой хитроумный, а не соображаешь...

Змей. Гм... пожалуй, ты права; цель, она оправдывает... Ладно, драконь на чем свет стоит, только не забудь и усердие мое похвалить.

Ева. Угу... Нет! Не стану я пробовать, ни за что не нарушу запрет господень! Создатель так добр и щедр, не забыл даже по фиговому листочку нам с Адамом подарить... хотя... ах... как же умеешь ты уговаривать, ну просто нет сил твоей просьбе противиться... Никто бы не устоял против такого соблазна, змей ты искуситель, однако не зря же я — невинная Ева, чистая, как капелька росы в голубой чаше колокольчика... Но боже... какой аромат!.. Нет, не буду рвать, только веточку наклоню, понюхаю... Ах, какой, должно быть, божественный вкус!.. Нет! Прочь!.. Господи, я есмь и вовеки пребуду честной и верной тебе, не ослушаюсь, не предам, господи!.. Нет!

Змей. Неплохо. Думаю, выгорит. Одного боюсь — как бы не лопнуть от смеха, когда всемогущий станет мне шею мылить за то, что никак не могу тебя соблазнить... Давай еще по яблочку?

Ева. Лопай сам, у меня от них уже оскомина.

Змей. Кстати, не швыряй ты огрызков где попало, а то вон недавно господь наступил босой ногой — хорошо, успел соврать, мол, арбузная корка. Ну и потеха, до чего же просто этого всеведущего вокруг пальца обвести! Раз плюнуть...

Ева. Это потому, милый змеюшка, что ты давно превзошел его и умом и волей. Ты, только ты тут всемогущий и всеведущий!

Змей. Сам знаю.

Ева. И не только ум, но и скромность твоя безгранична! Другой на твоем месте давно бы старика отсюда — под зад коленом, а сам — на его место, а вот так — вежливенько, терпеливо, не унижая, не оскорбляя стариковского самолюбия, не показывая своего превосходства... так можешь только ты, величайший во всей вселенной мудрец!

Змей. Потому и будет так, как хочу я, а не он! Значит, остаешься ты у меня в райских кущах...

Ева. И буду славить в веках твою мудрость и доброту!.. Слава тебе! Осанна! Аллилуйя!.. А что, если подстроить так: слопает яблочко один Адам, и тогда... и тогда...

Змей. Тогда господь выгонит из рая его одного?

Ева. Блестящая мысль, гениальный выход! Нет, твой разум воистину безграничен... Так ты считаешь, господь за яблоко выгонит Адама, а за то, что он выгнал Адама и тем самым нарушил им же самим провозглашенный завет о любви к ближнему, за это ты... ты...

Змей. За это я выпру творца из рая и сяду на его место!

Ева. То, что ты сейчас произнес... Какое счастье — мои уши слышали самую сокровенную мудрость вселенной... недосягаемую вершину мудрости... *(Плачет.)* Прости, у меня катарсис восторга... Нет слов, план твой удивителен, замечателен: не останется ни господа, ни Адама, и весь рай будет принадлежать... принадлежать...

Змей. Мне одному!

Ева. Абсолютно справедливо и заслуженно. Но я... как же я...

Змей. Ты?

Ева. Я?.. Я?!

Змей. А при чем тут ты?

Ева. Неужели твой величайший и проницательнейшый ум не подсказывает тебе, что я была бы незаменимой спутницей владыки мира?

Змей. Ах, дорогая Евочка! С удовольствием и аппетитом съем я с тобой еще по дюжине запретных или каких ты только пожелаешь плодов, однако мой удивительный и проницательный ум подсказывает мне, что брать в жены следует лишь такую, которая действительно невинна и чиста, как серебряная капля росы в голубой ча...

Ева. Адам!.. Эй!.. Адам!

Змей. Спятила?.. Тише!

Ева. Адам, иди сюда, попробуй яблочка с запретного древа!.. Я тут одно съела, до чего же вкусное... ох!

Змей. Ш-ш-ш!.. Господь идет...

Ева. Адамчик! Я уже второе лопаю... Это змей, вот этот гад ползучий, меня соблазнил... меня, такую чистую и невинную, как капелька росы в голубой чаше колокольчика... Адамчик, Адамушка!.. Ешь!..

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

I. У ВРАТ АДА

(Массивные ворота. На них плакаты: «Горячо встретим клиента!». «Гарантируем душевное обслуживание». «Спасибо, что пришли гореть к нам!»)

Перед воротами очередь.

I душа (*подходя к хвосту*). Простите, кто тут последний?

II душа. Сама не видишь, что ли?

I душа. Простите еще раз. Тогда я — после вас.

II душа. После меня — хоть потоп!

I душа. Ладно, буду потопом.

III душа (*смотря в одну точку, бубнит, ни к кому не обращаясь*). У меня нормальное самочувствие. Я абсолютно спокойна. Настроение радужное.

IV душа. Интересно, почему эта очередь совсем не двигается?

II душа. Черт бы их взял! Уже два тысячелетия — ни с места.

V душа. Говорят, смолы не подвезли.

IV душа. А я слыхала — котел лопнул.

II душа. Так что же они — дьявольское отродье — не починят?

V душа. Говорят, рабочих рук не хватает.

II душа. Какого им еще черта не хватает? Недавно за валюту такой котел приволокли, вместимость — два миллиона душ, с электронной системой перемешивания, с конвейерной подачей топлива, с автоматическими вилами... Только некому, видите ли, смонтировать, вот и валяется на территории, уже поржавел весь!..

VI душа. На то и ад. Надо философски подходить.

III душа. Самочувствие абсолютно нормальное. Очень светлое настроение. Я спокойна, как никогда!

I душа. Прошу прощения, чему это она так радуется?

II душа. Темнота! Аутотренинг, слышала? Самовнушение, дуреха!

I душа. Простите еще раз.

V душа. Слыхали новость? Мы тут стоим, а весь обслуживающий персонал какие-то импортные копыта примеряет. В рабочее-то время!

II душа. Плевать им, что мы тут тысячелетиями толчемся! Что у душ скоро — душа вон! Душить таких надо!

IV душа. У них материальной заинтересованности нет. Хоть сотню душ за смену обслужи, хоть ни одной — зарплата одинаковая — почасовая. Их бы на хозрасчет, на бригадный подряд...

VI душа. На то и ад! Говорю же — надо философски подходить.

V душа. Я, знаете ли, в коммунальной квартире жила, кухня — на пять семей, мне теперь никакой ад не страшен.

I душа. Прошу прощения, схожу посмотрю, что там на вратах начертано.

II душа. Еще чего! Знаем мы таких: «прошу прощения, посмотрю...», а сама — шмыг — и там!

IV душа. Сколько их, таких умных, без очереди пролезло!

V душа. А сколько через черный ход пробралось! Говорят, двери закрывать не успевают.

II душа. Где уж... Чертовы родственнички!

IV душа. Для них и котлы не лопнули, и смолы по горло!

V душа. Интересно, где тут жалобная книга?

II душа. Черта с два жалобную получишь!

III душа. У меня абсолютно нормальное самочувствие! Светлое-пресветлое настроение! Радость просто душит!

IV душа. Дожили! Даже в ад без блата не попадешь.

II душа. Моя бабушка, помнится, сказывала, как ее сам дьявол соблазнял, златые горы сулил — только согреши разок! Мол, сам на руках в ад снесу! Я всю жизнь кладовщицей работала, ни единого денечка не пропустила, чтоб не обмануть кого, не обвесить, не стибрить что-нибудь, — и никакой черт не берет.

IV душа. Эй, куда прешь без очереди?! Какая тебя нелегкая несет?

VII душа. Пусти, не видишь, что ли: рога у меня!

IV душа. Не суетись! Подумаешь, рога! Знаем мы таких рогатых! Мне жена не такие рога наставила, да самолюбие не позволяет напоказ их выставлять!

II душа. Есть такие любители рогами да когтями дорогу себе прокладывать. Стыд потеряли!

VII душа. Идите вы в пекло со своим стыдом!

V душа. Тихо! Дайте дорогу! Не видите, что ли, кто это?

I душа. Прошу прощения, а кто?

V душа. Портной жены племянника самого Люцифера!

IV душа. То-то я гляжу, не в белых тапочках, а в лакировках. И саван шелковый. А уж смокинг — первый сорт. Вот это да!.. Ведь и я могла бы в портные податься, да дернул черт — на филфак!

II душа. Ура! Очередь двинулась! На целых полсантиметра!

IV душа. Может, больше не застрянет? Может, пойдет как по маслу? Как бы славно попасть наконец в котел, сидеть себе по-барски в тепле. Полный сервис: черти вокруг вьются, смолу подливают, вилами покалывают... Эх, это тебе не в очереди толкаться.

I душа. Прошу прощения, я кое-чего не понимаю...

II душа. Чего тебе еще?

I душа. За чем эта очередь?.. Разве не за тортом?

II душа. За тортом? За каким еще тортом?

I душа. Там по дороге указатель был: «Т... рт...» большие такие буквы и стрелка. Я и решила: «Торты».

II душа. Слыхали? Ха-ха-ха!.. Во дает!.. Не «Торты», а «Тартар»! Давно вывеску не подновляли. А тут сущий ад! Глянь, что над дверями-то написано: «Спасибо, что пришли гореть к нам!»

I душа. А я-то думала — торты дают... Шла в рай, да соблазнилась. Еще раз извиняюсь. Всего доброго!

II душа. В рай, говоришь? А где он, этот твой рай?

I душа. Еще не знаю, но коли обещан — должен где-то быть! Пойду, глядишь — и доберусь... Не привыкла пешком... Еще раз извините. Всего доброго!

II душа. Катись, катись, безгрешная! Ишь ты — пешком она не привыкла.

V душа. Где уж там! Только и делала, что в мужниной служебной машине раскатывала. Я ее знаю.

II душа. А... Потому-то и захотела из одного рая в другой.

V душа. Хватит вам базарить! Объявляют что-то.

IV душа. Что объявляют?

V душа. Вроде бы закрывается ад... То ли на инвентаризацию... то ли на санитарный век... не расслышала.

II душа. А я расслышала: на капитальный ремонт!

IV душа. О господи, сколько ж теперь простоим?

VI душа. На то и ад! Надо смотреть философски!

III душа. Нормальная, нормальная норма! Светлая, светлая светлость! Радость душит, душит, душит.

IV душа. Сил больше нету! Эй вы!..

V душа. Не ори! Черта пухлого дозовешься. Лучше уж где-нибудь в другом месте попытаться, кого-нибудь другого поискать.

IV душа. А кого? Кого?!

V душа. Есть тут, говорят, один чертенок... Частник. Смастерил своими руками портативный котельчик... И смолы где-то скомбинировал. Только дорого берет, черт!

IV душа. Да, на одно мое гуманитарное образование не очень-то погоришь.

II душа. А у меня — золотой зуб! Вот счастье, дорогие родственнички не выдрали!

IV душа. Семь лет в зубопротезном в очереди простояла, чтоб и мне золотой поставили, да так и не дотянула — ноги протянула.

V душа. Тихо! Опять что-то объявляют!

IV душа. Что, что еще объявляют?

V душа. Оглохла, что ли? Говорят, для удобства клиентов после капремонта ад уже будет не ад, а объединенный трест вил, котлов и рогов «Вилкотрог». Реорганизация у них и рационализация. И потому, говорят, надо будет приносить с собой собственный брикет смолы, а то, говорят, и пускать не станут.

IV душа. Вот тебе и рационализация! Где его, черт побери, достать, этот брикет?

V душа. Говорят, еще одну очередь организуют — за брикетами.

II душа. Это как же так? Надвое, что ли, разорваться?

V душа. Ша, ша! Снова что-то объявляют!

IV душа. Господи, что еще выдумают?!

V душа. Говорят, что согласно пожеланиям клиентов в ад отныне будут принимать не в порядке живой очереди, а по талонам. Придется еще в очереди за талонами постоять!

II душа. Что же, выходит, мне на три части разрываться?

III душа. Радость... задушила... вконец...

VIII душа. Ну, мне это не в диковинку. Я, знаете ли, всю жизнь между кухней, детьми, службой и общественной работой разрывалась, так мне расчетвериться — раз плюнуть!

V душа. Да заткнитесь вы! Снова что-то говорят!

IV душа. Что, что еще могут они сказать?!

V душа. Говорят, чтобы мы, ну, которые в конце очереди, не стояли и не ждали, потому что на всех ада не хватит!..

IV душа. Куда же деваться?! Никакой черт не берет!..

VI душа. Говорила же вам: надо смотреть с фи-и-ии-иии *(испускает дух).*

II. В ЧИСТИЛИЩЕ

Управляющий чистилищем. Все собрались? Итак, начнем. Должен вам сообщить весьма неприятную новость: только что из рая получена рекламация. Позволю себе зачитать ее: «Настоящим сообщаем, что прибывшая от вас партия чищеных душ (ПЧД № 000087654/004) не соответсвует установленным стандартам. Так, при выборочной проверке отдельных экземпляров не обнаружено ни одного без того или иного дефекта: лени, алчности, карьеризма, лицемерия и так далее. По вышеизложенным причинам присланные вами души следует считать браком. Они не могут быть зачислены в обители райских кущей и признаны чистейшими ангельскими душами. Все поименованные факты свидетельствуют о том, что в чистилище из рук вон плохо обстоит дело с соревнованием очистителей и их нравственным воспитанием...»

Диспетчер чистилища. Ишь ты, всевидящее око... куда клонит!

Управляющий. Читаю дальше: «...Плохо вычищенную партию душ ПЧД 000087654/004 возвращаем в адрес чистилища и категорически требуем вычистить ее заново и безжалостно наказать виновников брака. Требуем также впредь в корне улучшить качество очистки, добиваясь того, чтобы за единицу времени чистилось большее количество душ при меньшем расходе топлива...»

Диспетчер. Воистину неисповедимы пути господни!..

Управляющий. Помолчите! «Возвращенную нами партию ПЧД № 000087654/004 согласны принять лишь после вторичной качественной чистки в строгом соответствии с технологией работ. Одновременно настоятельно требуем как можно скорее вернуть в рай означенную партию, так как по плану эти души должны были петь в сводном хоре праведников еще на юбилее святой Магдалины, который отмечался два тысячелетия тому назад. Начальник райканцелярии. Подпись».

Диспетчер. Какая муха их укусила? Уж не контроль ли из высших сфер?

Психолог чистилища. О, какой стыд, какой позор нам!

Диспетчер. Что вы там причитаете?

Психолог. Стыд. Позор. *(Плачет.)*

Управляющий. Где в данное время находится возвращенный груз?

Диспетчер. В контейнерах, еще не распакован. Все подъездные пути забиты.

Управляющий. Почему не распаковываете?

Диспетчер. А куда их девать-то, распакованных? Склады и без того — под завязку.

Управляющий. Сколько единиц в этих контейнерах?

Диспетчер. Миллиарда три.

Управляющий. С ума они сошли, что ли? Три миллиарда!

Диспетчер. Ясно как день: вернули оптом, десяток проверили, а на остальных даже не взглянули. Вот как сами-то работают!

Юрисконсульт чистилища по небесным делам. Когда я последний раз был в раю в командировке, то постарался внимательнее присмотреться к тамошним архангелам... Видели бы вы этих пречистых: крылья засаленные, грязные, общипанные какие-то, да и таскают они их еле-еле — совсем как ожиревшие гуси. Ничего не делают, только всех по-

учают и норовят ухватить облачко помягче да попышнее, чтобы устроить на нем себе персональный раек, вот они какие!

Психолог. А скажите, пожалуйста, откуда взялись эти толстопузые гуси? Молчите?! Так я вам отвечу, хотя вы и сами прекрасно знаете откуда: это же и есть те самые души, которых вы в свое время недочистили, а потом отправили с брачком в рай! Вот и получили на свою же голову!

Управляющий. Хватит разглагольствовать. Надо решать, что будем делать с забракованной партией.

Главный энергетик чистилища. А если никак не реагировать? Сделать вид, что никакого возврата мы не получали, в глаза не видели. Может, в дороге затерялся, может, черти утащили — мало ли что.

Управляющий. Этот номер не пройдет — партию-то райский экспедитор сопровождал, сдал под расписку. Тоже ученые стали.

Старший референт чистилища. Пропади они пропадом, ангелы господни!

Диспетчер. А может, все эти возвращенные контейнеры опалить сверху, припаять знак качества и отфутболить назад?

Управляющий. Старый трюк, мы на нем уже четыре раза погорели. А что предлагает отдел научной организации труда?

Заведующий лабораторией отдела НОТ чистилища. Может... может... м... м... оо.

Управляющий. Прока от вас — как от козла молока! Мозги бы вам прочистить! Абсолютно оторвались от практических задач. Кто еще? Думайте!

Диспетчер. А если... если эти контейнеры завалить шлаком, благо, у нас его вдоволь, и оставить лежать до...

Управляющий. До?

Диспетчер. До судного дня!

Управляющий. И что тогда?

Диспетчер. Что тогда? Разве не знаете, что такое судный день? Последний! Сплошная штурмовщи-

на: только бы все успеть за этот один-единственный денек, пока не смолкла труба архангела Михаила...

Управляющий. В этом что-то есть.

Психолог. Господи, покарай нечестивцев! В ад их, в ад!

Старший референт. Все это распрекрасно, но что будет, если они спохватятся раньше и начнут требовать груз?

Диспетчер. Ответим, что, учитывая справедливую критику сверху, все три миллиарда забракованных душ отправили на долгосрочную и особо... хе-хе... высококачественную очистку.

Главный энергетик. С меньшим расходом топлива, в сокращенные сроки и большем количестве... хе-хе!..

Все. Хе-хе!

Диспетчер. Пусть-ка сами попробуют увеличить свои хоры, уменьшив число хористов!

Все. Хо-хо!

Управляющий. Не забудьте, что мы должны сообщить о мерах, принятых по отношению к бракоделам. О строжайшем наказании их! Кого назначим козлом отпущения?

Диспетчер. Разумеется, истопника. (Тащит спящего истопника).

Истопник чистилища. Чево? Миня? Я заявление мигом напишу! Мине куды хошь приглашають. Анадысь вон Люцифер золотые горы сулил!.. Во!..

Диспетчер. Так ведь для отписки! А ты за это премию получишь и благодарность за ударную работу, с занесением.

Психолог. Ах, фарисеи!.. Ах вы, заповедей господних нарушители! Как хотите, а я молчать не буду!

Управляющий. Откуда этот склочник? Кто его сюда впустил?

Главный энергетик. Сами же и заварили кашу. Помните, была как-то декада очистки? Взяли мы да и вычистили одну душонку до кристального блеска. Потом отправили в рай и стали ждать благодарности. А на поверку что вышло? Наш кристальный

ангелок и на небе принялся правду искать: ангелов начал упрекать в нестерильности, архангелов — в жадности, апостолов — в лицемерии, словом, мутил воду, невесть что требовал: вынь ему, видите ли, да положь, чтобы все следовали господним заповедям... И так райским обитателям осточертел, что они его к нам перебросили — то ли на повторную чистку, то ли с наказом попридержать у себя до поры... А тут как раз штаты спустили, психолог потребовался — пятое колесо в телеге! Мы и оформили... Вот вам пример того, что получается, если чистишь добросовестно. Само небо старается от этих стерильных избавиться, как от чумы.

Старший референт. А знаете что? Давайте-ка номерочек этому праведнику сменим и сунем обратно в рай — как образцовый экземпляр из забракованной партии — мол, очистили по всем правилам. Посмотрим, что они тогда запоют, потребуют ли назад весь груз! Хе-хе... И вообще, станут ли когда-нибудь еще рекламации слать... ха-ха!

Все. Ха-ха!.. Мы спасены!.. Слава богу, спасены!.. Ну-ка, затянем ему хвалу!.. Осанна! Осанна!..

III. ДЕНЬ АНГЕЛА-ХРАНИТЕЛЯ

Передача по райскому эфиру

— Уважаемые райские обитатели!.. Сегодня мы отмечаем особый день — День ангела-хранителя. Всем известно, как трудна работа ангелов-хранителей, какого самопожертвования, скольких бессонных ночей требует она. Ведь даже этот свой пресветлый праздник бессчетная армия ангелов-хранителей встречает на своем посту, как никогда усердно выполняя обязанности, возложенные на нее всевышним по охране душ от греха. В связи с праздником мы пригласили к нашему микрофону нескольких ангелов-хранителей, чтобы они рассказали о том, чем живет и

рону,— я с не меньшей гордостью попархиваю следом за ней, осеняя и охраняя ее своими широкими крылами, дабы с головы у нее не упал ни единый волосок, а значит, и шиньон с курицей! Куры-то у нас — исключительно высшей категории. В ближайшее время моя подохранная намерена расширить ассортимент выносимой продукции, освоить вылет еще двух видов пернатых: гусей и уток. Однако, как известно, полет творческой фантазии не имеет границ, и тот, кто однажды поднял и понес крылья, будет расправлять их все шире и шире... Поэтому и мы наметили вылетать с целым индюком!.. Пусть это пока только мечта, но я словно воочию вижу, как моя подохранная гордым лебедем проплывает проходную, подняв до самых звезд голову с импортным шиньоном и экспортным индюком,— вижу и говорю себе: да, таких следует охранять! И охранять строго! Ведь индюк — еще одна ступенька к новым высотам, которых достигают лишь окрыленные! Особенно отрадно сознавать, что свой праздник — День ангела-хранителя — я встречаю, охраняя творчески преображаемый шиньон: поговаривают, мол, на базе нашей птицефабрики будет создан перьевой цех. Какие перспективы! От индюка — к перине! Нет предела размаху крылатой мысли! И это радует! А ведь как подумаешь, что иные работают, не вынося ничего на голове, а лишь — в голове, душу охватывает скорбь и по самим работающим, и по их ангелам-хранителям, которым некуда стремиться, нечего охранять... Пользуясь случаем, хочу через райский эфир поблагодарить архангелов за то, что они назначили меня на такой близкий моему естеству пост, где крылья мои не одиноки, где их окружают крылья кур, уток и других окрыленных существ, где крылья только ощипывают, но не подрезают!..

Еще раз спасибо!

В эфире звучат колокольчики, арфы, трубы; звуки этой небесной музыки нарастают, усиливаются, пока не превращаются в адский концерт по заявкам ангелов-хранителей.

КРАТКИЙ ТРИУМФ ЮДИФИ

Кто не слыхал о подвиге библейской Юдифи! Помните? Ее родной городок Ветилую уже много дней осаждает огромное ассирийское войско. У осажденных кончается вода и не остается другого выхода, как сложить оружие. Но горожане знают: и сдавшись, они не получат пощады. Враги все разграбят, опустошат, выжгут, обесчестят женщин, угонят в рабство детей, а мужчин убьют. Что делать? Плакать, заламывать в горе руки, в землю закапываться?

И вот Юдифь просит горожан продержаться еще три дня: она, мол, кое-что придумала... Библия не сообщает причин, подвигших молодую, красивую, богатую вдову на такой шаг. Вернее, повествует лишь о высоких материях. А дело-то в том, что Юдифь любит. Да, да! Безумно любит одного воина, защитника города, и жаждет спасти его от неизбежной гибели. Только движимая любовью женщина может так шаловливо отстранить копья вражеских часовых и, кокетливо улыбаясь, проникнуть в шатер их вождя, танцевать для него, гадать ему, прикидываться, что ненавидит своих сограждан, предрекать ассирийцам победу.

Библия пытается убедить, что Юдифь чиста и безгрешна. Как бы не так! Припомним только те три ночки, когда пировала она с вражеским военачальником Олоферном, обольщала его своими улыбками и ласками, а потом — чик-чирик — отрубила ему голову. Ну кто поверит библейским сказкам, что все эти три ночи он и не прикоснулся к ней? Ни один мужчина — а тем более жестокий и избалованный всеобщим беспрекословным повиновением военачальник — не станет особо сдерживаться, когда на столе кубки с вином, под боком красивая женщина, а через день-другой предстоит смертельная битва. Потому-то и распрощался Олоферн с головой, что поверил в искренность женской страсти, остался наедине с Юдифью, добился своего и беззаботно уснул в ее объятиях, пренебрегши осторожностью.

Юдифь отсекла Олоферну голову его же собственным мечом, завернула ее в покрывало, сунула в корзину, заложив разрезанными плодами граната, чтобы капли крови не возбудили подозрений, и, укутавшись в темный платок, под покровом ночи вернулась в осажденный город. Повторяю еще раз: только любящая, безумно любящая женщина способна превратиться ночью в серую кошку и невидимкой прошмыгнуть мимо недремлющих сторожевых постов... Поэтому не верьте и тем словам Библии, которые утверждают, будто Юдифь честно вдовствовала и умерщвляла плоть и до и после своего подвига. Чепуха.

Теперь послушайте дальше. Как и следовало ожидать, во вражеском стане поднялась страшная паника: найдя своего вождя мертвым, более того — обезглавленным, ассирийцы усмотрели в этом небесную кару, и, испугавшись, как бы разгневанные боги не наслали на войско еще более страшные беды, поспешили собрать пожитки и удрать подальше от злополучной Ветилуи.

Ну, а что после этого творилось в городе, на который словно с самих небес свалилось освобождение, не так уж трудно себе представить. Горожане просто с ума посходили, кричали, обнимались, целовались, плакали — и было отчего!

А что же наша вдовушка? — спросите вы. Стоило ей появиться на улице, как тысячи ветилуйцев, плача от счастья и благодарности, бросились к ногам героини, благославляя и провознося ее: Юдифь, наша спасительница Юдифь, воительница Юдифь, священно имя твое, Юдифь, Юдифь, Юдифь... Голова Олоферна, поднятая на копье, была, как знамя, выставлена над зубцами городских стен, а Юдифь в победном шествии по городу несли в паланкине четверо юношей из самых уважаемых семей. От пережитых ужасов, от трех бессонных ночей, от игры со смертью ее лицо под голубым балдахином казалось белым как полотно. Большие, черные, лихорадочно горящие гла-

за медленно блуждали по толпе в поисках того, ради кого решилась она на этот подвиг. Обнаженные до локтей руки — руки, которые отсекли голову беспощадного врага,— покоились на мягких подлокотниках, высокая грудь трепетала, локоны черных волос ласково теребил ветерок. О, как обворожительна и величественна была Юдифь в час своего триумфа! Не оставалось в Ветилуе ни одного мужчины или юноши, который смог бы оторвать взгляд от этой чарующей картины. Толкаясь, вытягивая шеи, спотыкаясь о булыжники мостовой, забыв обо всем на свете, теснились они вокруг паланкина, готовые ради единого благосклонного взгляда Юдифи пойти на что угодно, пожертвовать всем, вплоть до своих собственных голов! Обмолвись она — хочу, мол, живого страуса — мужчины, не задумываясь, помчались бы в пустыню ловить быстроногую птицу и бегали бы за ней до тех пор, пока не рухнули бездыханными...

Когда стемнело и Юдифь укрылась в своем доме, мужчины еще долго толпились возле высокой ограды, а разойдясь наконец по домам, слонялись, как сонные мухи, работа валилась у них из рук — перед глазами все еще стояла Юдифь, несравненная Юдифь, воительница Юдифь, прекрасно имя твое, Юдифь, Юдифь, Юдифь...

Вы, наверно, уже догадались, что такой поворот событий не мог прийтись по душе ветилуйским женщинам. В первый день — так и быть, в первый день они и сами возносили хвалу и благословляли спасительницу города, поднимали повыше детей, чтобы те своими глазками увидели героиню. Однако пошел второй день, третий, четвертый, а мужчины не унимались...

Простите, сколько же можно? В конце концов, хорошего понемножку!

Все началось вполне невинно, без всякого сговора, даже как бы к вящей славе самой Юдифи. В то утро — это было пятое утро после триумфального ее возвращения — Юдифь собралась навестить племянницу. Однако не успела она шагнуть за ворота, как

увидела, что окружена все прибывающей толпой поклонников. Один из них, побойчее других, или, говоря современным языком, покоммуникабельнее, приблизившись, спросил у вдовы:

— Скажи, Юдифь, тебе пришлось вытаскивать меч Олоферна из ножен или он уже был обнаженным?

Все умолкли, с любопытством прислушиваясь, что ответит Юдифь. Она охотно принялась рассказывать, как все было, но ее прервала соседка по улице, муженек которой тоже глотал пыль, гарцуя в сопровождавшей Юдифь толпе.

— А твой,— подбоченясь, крикнула соседка любопытному,— где был твой меч? И где был ты сам? Что помешало тебе ночью прокрасться в ассирийский лагерь, пусть даже переодевшись в женское платье? Юдифь наверняка подарила бы тебе свою лучшую юбку и умастила ароматнейшей миррой, лишь бы ты сам перерезал глотку ассирийцу! А еще мужчиной себя считает. Позор! — добавила она, обращаясь к подругам.

Любопытный аж присел, будто его огрели по башке мехом, полным вина.

— Из-за таких петушков,— поддержала товарку вторая женщина,— бедной нашей вдовушке пришлось заниматься не своим делом.

— А ну, кыш отсюда, куриный герой! — издеваясь, прикрикнула на того же любопытного третья.

Лицо юноши залилось краской. Как вспугнутый заяц, юркнул он в сторону и исчез в лабиринте улочек.

Поклонники Юдифи, боясь услышать подобное в свой адрес, замедлили шаг и поплелись за своей богиней уже поодаль. Но, как известно, нет такой силы, которая способна заткнуть рот женщине, когда она уже открыла его.

— Вся их храбрость — вертеться около смелой женщины! — ужалила мужчин первая реплика.

— Хоть бы один волосок осмелились выдрать у ассирийца, что уж там говорить о самой голове!

— Потому и город едва не погубили!

— Зачем вы так? — попыталась заступиться за мужчин Юдифь.— Ведь они готовы были защищать Ветилую до последнего...

— Защищать?! — прервали ее женщины.— Уж так защищали, что, если бы не твое мужество, здесь теперь одни головешки дымились бы в лужах крови. Хорошие защитнички, если слабой вдове пришлось браться за меч!

— Будь я мужчиной, от стыда сгорела бы, не посмела бы наружу и нос высунуть! А они красуются, словно павлины, хвост распускают перед той, кто их дело сделал. Срам! Гони их прочь, Юдифь, гони, как бешеных собак!

— Вечный позор на наш город навлекли!

— Все теперь пальцами показывать будут!

— А смеху-то, смеху сколько...

Мало того, какая-то хозяйка, будто нечаянно, выплеснула ведро с помоями прямо в толпу мужчин.

— Знаете что? — вдруг предложила одна из крикуний.— Надо кому-то из них голову за трусость оттяпать!

— Во-во!

— Юдифь, пусть Юдифь и отрежет, ей не впервой!.. Юдифь, на тебе кухонный нож!

Крики, смех, проклятия, угрозы — все смешалось в клубок, вернее, в шаровую молнию, от которой единственное спасение — бежать подальше...

На другой день ни один представитель сильного пола не решался даже издали следовать за Юдифью. А если невзначай сталкивался с ней на улице, то спешил свернуть в сторону, пока не окатили его помоями — в прямом и переносном смысле. Все изменилось так неожиданно, что бедная героиня не успела и сообразить, в чем дело. Может, думала она, женщины так гордятся ее подвигом, что потеряли чувство меры и всякое соображение?.. Стоило ей пройти мимо какого-нибудь двора, как оттуда доносились женские поучения, обращенные к муженькам:

— Беги! Чего столбом стоишь? Ведь твоя богиня идет. Ползи на брюхе, лижи ей сандалии, ты же ей

жизнью обязан. Ну, чего стоишь?.. Эх ты, трус, не можешь даже как следует поблагодарить женщину, которая преподала тебе урок храбрости. Позор! Смотри, детка,— женщина приподнимала над забором младенца,— смотри и запоминай: это единственный мужчина в нашем городе!

Юдифь уже не могла не видеть, что огоньки восторга в глазах мужчин пригасли, да что там пригасли, вместо восторга во взглядах сквозили досада и даже ненависть. Однако вдовушка не принимала всего этого близко к сердцу: она ждала возвращения любимого, который вместе с другими воинами преследовал отступавших врагов, чтобы вырвать у них награбленную добычу. Вернется Симон — и все образуется, она больше не будет одна со своей славой, утихнут кривотолки, за ним она почувствует себя как за каменной стеной... Каждый скрип калитки, каждый послышавшийся ночью перестук шагов так и выбрасывали ее из постели! уж не он ли?.. А теперь, когда толпу поклонников словно ветром сдуло, когда навалилось неожиданное одиночество и даже страх перед людьми (особенно перед женщинами!), теперь тоска просто поедом ела ее... И вот Юдифь внезапно узнает, что воины вернулись из погони еще два дня назад. Она не в силах поверить: два дня, целых двое суток, как ее Симон вернулся — и носу не кажет?! Не думая о том, что будут говорить люди, сама спешит к его дому — скорее, скорее! — и вот уже с силой распахивает калитку!

— Симон!

Он в этот момент укладывал вещи. Во дворе ждали ослики, готовые в дальнюю дорогу. Эх, еще бы несколько минут — и успел бы!

— Симон, что случилось?

Молчание.

— Симон, это я, Юдифь, разве ты не узнаешь меня? Может, у тебя ранены глаза?

Никакого ответа.

Она обнимает любимого, поворачивает к себе его голову, хочет встретить взгляд, прочитать в нем ответ.

— Симон, что случилось, скажи?

Терзаемая рыданием, она опускается на землю возле его ног. Руки Симона без злобы, но решительно отстраняют ее, во дворике раздается его голос: «Но! Пошли!», поцокивают копыта удаляющихся осликов...

Лишь позднее узнает Юдифь, что выпало на его долю: не успел Симон, запыленный, уставший, но полный радости победы и тоски по любимой, показаться на городских улочках, как на него обрушился шквал насмешек и упреков:

— Вернулся наконец?! Герой! Недаром в тебя Юдифь влюбилась... Ловкий парень — нет того чтобы самому к ассирийцам отправиться, послал туда слабую женщину... Не сам мечом воспользовался — сунул его в слабые женские руки. Только за разбитым врагом бегать горазд... Еще бы не герой!.. Нет, вы только взгляните на него: идет, нос задрав, как ни в чем не бывало, не краснеет, не проваливается сквозь землю от стыда!.. Какой позор, какое бесчестие навлек на наш город!.. Что мы будем рассказывать своим сыновьям, когда они подрастут?.. Что мечи их отцов оказались слабее бабьей юбки?.. И все из-за этого труса!..

Как вы думаете, кто обвинял, кто позорил его? Женщины? Э, нет, они свое дело уже сделали, теперь начатое ими подхватили и усердно продолжали мужчины.

Шатаясь, словно пьяный, побрел Симон домой и заперся там, решив покончить с собой или покинуть Ветилую. Вот и уехал он, оставив Юдифь лежать в полном отчаянии на каменных плитах дворика...

Бедная женщина была вынуждена в одиночку влачить тяжкий груз своей славы. Вдова словно оглохла и ослепла. Как привидение выскальзывала она, пряча глаза, в город, почерневшая, безмолвная. Никто не приближался к ней, даже собаки.

— Это наша святая,— издали провожали ее глазами женщины.— Святая наша спасительница Юдифь.

Теперь они и сами подбивали мужчин:

— Что стоите, будто чурбаны? Подойдите же к ней! Молвите доброе слово, проводите, пусть знает, что мы ей благодарны. Не видите разве, как она одинока, как поникла, как из-за одиночества дар речи потеряла... Спасительница наша, да пребудет с ней вечная ее слава!..

Жалость в голосах смешивалась с удовлетворением: все-таки им удалось поднять этого кумира мужчин на пьедестал такой высоты, что больше ни одна человеческая страстишка не могла дотянуться до Юдифи.

Однако Юдифь не смирилась со своей участью. Унылое одиночество возбуждающе действовало на ее воображение. Все чаще и настойчивее всплывали в памяти картины посещения шатра Олоферна, вновь и вновь видела она ассирийского военачальника: вот он утирает с усов капли вина, вот предлагает ей самый сочный гранат, умоляет спеть, гонит прочь из шатра своих друзей и слуг, чтобы остаться наедине с нею... Боже, ведь он был последним мужчиной, который держал ее в своих крепких обьятиях, последним, кто дарил ей свою силу и любовь, а она за это отрубила ему голову его же собственным мечом, так доверчиво и беззаботно брошенным рядом с постелью... Отрубила ради своего возлюбленного, а тот, испугавшись бабьих языков, удрал от нее — от нее, которая ради него не устрашилась самой смерти!.. Отрубила голову ради женщин и девушек, ради мужчин и юношей своего города, чтобы враги не разлучили любящих, а они за это толкнули ее в бездну черного одиночества, такого одиночества, что она забыла даже запах мужского пота! Так зачем же ей надо было жертвовать собою?.. Ассирийский военачальник не побоялся впустить ее в свой шатер, не велел страже стоять во время пира у него за спиной, он был так храбр и благороден, что прогнал свою охрану, уснул безоружным... О, этот человек не оставил бы за бабьем последнего

слова, не удрал бы прочь, трясясь на осле! Уж он-то постоял бы и за себя и за нее против этих ублюдков — ее сограждан... А она? Она вот этими руками... где теперь его гордая, отчаянная головушка, которую она, захлебываясь от тщеславия, тащила той ночью в город?..

Никому не было никакого дела до того, почему Юдифь стала частенько бродить у городских стен, шаря глазами по заросшим кустарником откосам и рвам... Наконец отыскала: начисто обглоданный собаками и мышами череп. И можете себе представить, унесла домой. Как в ту памятную ночь, и даже в той же самой корзине, прикрыв сверху фруктами!

Вот почему Юдифь обычно изображают в такой позе: сидит, держит на коленях голову или череп, смотрит в даль странным, загадочным взглядом... И только немногие, очень немногие понимают, что у нее на душе...

ВЗЯТИЕ ТРОИ

История в документах

Исх. № ...

В связи с утверждением к постановке сценария фильма-спектакля «Взятие Трои» просим подготовить проект деревянного коня по прилагаемоому эскизу.

Исх. № ...

Высылаем проект деревянного коня, предназначенного для «Взятия Трои». Просим составить смету в соответствии с этим проектом.

Исх. № ...

Направляем утвержденную смету и проект деревянного коня, в котором следует оборудовать тайник

на 20 (двадцать) вооруженных персон мужского пола.

Исх. № ....

Железные гвозди, вколоченные в троянского коня, предлагаем изъять и заменить согласно проекту деревянными шпильками, которые применялись задолго до нашей эры, в период Троянской войны.

Исх. № ...

Просим выяснить, по какой причине три заложенных в проекте 11-метровых доски не поставлены на свои места. Из-за отсутствия вышеозначенных досок конь получается тоньше, а тайник в его брюхе — меньших размеров: там не смогут разместиться 20 (двадцать) вооруженных персон.

Исх. № ...

Объявить строгий выговор столяру, который, появившись на работе, вскоре бесследно исчез и лишь после длительных поисков был обнаружен в брюхе коня совместно с двумя неизвестными лицами и шестью единицами пустой стеклотары, согласно сохранившимся этикеткам — из-под портвейна. Напоминаю всем участникам съемок, что брюхо коня — не придорожная корчма, а тайник, предназначенный для 20 (двадцати) вооруженных персон.

Исх. № ...

Настоящим доводим до вашего сведения, что вверенная вам мастерская до сих пор не поставила киногруппе «Взятие Трои» заказанных вам 4 (четырех) нестандартных засовов, предназначенных для запирания брюха. Убытки, могущие возникнуть в результате невыполнения вами договорных обязательств, будем взыскивать в административном порядке.

Исх. № ...

Категорически отказываемся принять полученный от вас канат, т. к. он изготовлен не из указанного в проекте конопляного волокна, а из бумажного шпагата. Такой канат недостаточно прочен, чтобы выдержать вес деревянного коня с 20 (двадцатью) воору-

женными персонами мужского пола внутри. Кроме того, поставленный канат имеет сечение 30 (тридцать) миллиметров в диаметре, вместо указанных в проекте 60 (шестидесяти). Требуем немедленно отгрузить в наш адрес канат в соответствии с заключенным договором.

Исх. № ...

После неоднократных промеров помещения в брюхе коня установлено, что там действительно могут поместиться 20 (двадцать) персон мужского пола, однако без необходимого для «Взятия Трои» оборудования: копий, шлемов, щитов, колчанов и стрел. С полным же снаряжением в указанном тайнике помещается лишь 13 (тринадцать) персон.

Требуем наказать виновных и увеличить пространство в брюхе коня до проектных размеров.

Записка жене

Зоська, вручи подателю сего 18 (восемнадцать) рублей. На меня наложили штраф за нарушение правил противопожарной безопасности: комиссия обнаружила в брюхе коня кучу окурков.

Записка уборщице

Терезочка, будь добра, прибери в конском брюхе. Там тьма окурков и штук четыреста бутылок. Выручку от бутылок оставь себе, только дай пятерку столяру, чтобы сообразил какие-нибудь нестандартные засовы для запирания люка в брюхе.

Исх. № ...

Металлический трос, который по вашему ходатайству предложило нам Неманское пароходство, брать категорически отказываемся: во время Троянской войны, т. е. до нашей эры, подобные тросы не применялись. Требуем без всяких оговорок хоть из-под земли достать конопляный канат, без которого запланированное «Взятие Трои» совершиться не сможет.

Акт ревизии № ...

При проверке состояния троянского коня комиссия

установила, что бывший тайник вместимостью 13 (тринадцать) вооруженных персон ликвидирован, а новый, предназначенный для 20 (двадцати) вооруженных персон, еще не оборудован, хотя съемки должны были начаться 4 (четыре) дня назад. Настоятельно требуем в кратчайшие сроки исправить катастрофическое положение с троянским конем.

Исх. № ...

Присланные вами хвост и гриву возвращаем, т. к. оператор наотрез отказался снимать коня с зеленой гривой вместо предусмотренной рыжей. Ваше разъяснение, что имеющаяся в наличии рыжая краска к синтетическому волосу не пристает, оставляем без внимания как отписку. Настоятельно требуем исправить катастрофическое положение, в которое вы загнали троянского коня.

Исх. № ...

Доставка коня к месту назначения для съемок на натуре должна была осуществляться вашей конторой не на грузовике с простым прицепом, а специальным фургоном. Присланный вами транспорт не отвечает требованиям. Просим наказать виновных за нарушение обусловленных в договоре условий и сроков.

Исх. № ...

В связи с тем, что при доставке троянского коня к месту назначения водитель фургона самовольно изменил маршрут, чтобы навестить своих деревенских родственников, из-за тряски на дороге, лишенной покрытия, пришли в негодность (сломались) передние ноги коня. Просим немедленно прислать столяра для ремонта, в противном случае убытки отнесем за ваш счет.

Заявление

Прибыв на съемочную площадку, чтобы навестить своего мужа, я смогла найти его только поздней

ночью в пузе деревянного чучела наедине с Эмилией Аугулене. Обнаружила также еще теплый спальный мешок, что нанесло мне глубокую душевную травму. По-сему, схватив валявшийся поблизости топор, я изрубила конское брюхо. Пусть за причиненный ущерб ответит развратница Эмилия Аугулене, заманившая моего мужа и отца двоих детей в неприличное место, которое, насколько мне известно, предназначалось для 20 (двадцати) вооруженных мужчин, а не для распутства.

Объявление

Предупреждаем, что всякий, кто самовольно, без служебной надобности, окажется в брюхе коня, будет лишен квартальной премии.

Объявление

Ключ от входа в брюхо выдается только по личному распоряжению директора картины.

Объяснительная записка

Я, Петруленас Стасис Стасевич, искренне раскаиваюсь в том, что тайно пробрался на колхозную ферму и отрезал хвосты и гривы у шести лошадей. Эти хвосты и гривы потребовались мне в личных целях: хотел сделать из них парик своей дочке для школьного карнавала.

Timeo danaos et dona farentes! *

Приказ № ...

Объявить благодарность завхозу киностудии Петруленасу Стасису Стасевичу за творческое отношение к работе и активную общественную деятельность. Выдать ему поощрительную премию в размере 100 (ста) рублей.

Объявление

Настоящим удостоверяем, что полученный от вас канат свит из натуральной конопли.

Боюсь данайцев, даже приносящих дары (лат.).

Объяснительная записка

В том, что во время съемок из брюха троянского коня выпали с высоты 3 (трех) метров на землю 7 (семь) вооруженных персон мужского пола, виноват столяр, небрежно закрепивший петли и засовы люка, чем были созданы предпосылки для последовавшего несчастного случая. Столяр строго предупрежден.

Листок нетрудоспособности № ....

Бенющенас Андрюс Йонович, возраст — 23 г., пол — муж., диагноз — двойной перелом ребра и раздробление челюсти. Режим — больничный.

Исх. № ...

Просим срочно прислать 7 (семь) дублеров мужского пола для заполнения тайника в брюхе коня во время съемок.

Объяснительная записка

Во время ночного дежурства, когда я случайно задремал в конском брюхе, неизвестные деревенские мальчишки подкрались к троянскому коню и подожгли ему хвост и гриву, которые, по разговорам, украдены у колхозных лошадей. Вместе с указанными хвостом и гривой сгорел конопляный канат, а также нижняя часть брюха, однако тайник, предназначенный для 20 (двадцати) вооруженных персон, не пострадал, поэтому сумму причиненных убытков считаю завышенной и прошу ее пересмотреть.

Также прошу освободить меня от обязанностей сторожа. Лучше пасти в колхозе живых лошадей, чем сторожить деревянное чучело с ворованным хвостом.

Приказ № ...

В связи с тем, что группой до сих пор недополучено 7 (семь) дублеров для доукомплектования личного состава вооруженных персон, съемки на натуре отложить на неопределенный срок.

Исх. № ....

Просим составить смету и выделить также лимиты

на приобретение 2 (двух) кубометров досок для замены сгоревших во время пожара.

Исх. № ...

Просим срочно изготовить точную копию (можно синтетическую) конопляного каната, поставленного нам вашей мастерской ранее.

Исх. № ...

Просим ускорить отгрузку заказанных нами гривы с хвостом. (Пусть из синтетики будут и цвета любого, даже оранжевого или зеленого в пятнах.)

Исх. № ...

Поскольку ваша контора категорически отказалась отгрузить нам копию конопляного троса-каната, просим войти с ходатайством перед Неманским пароходством о выделении группе «Взятие Трои» троса, пускай он хоть металлическим будет...

Исх. №...

Настоящим подтверждаем получение в наш адрес хвоста и гривы небесно-голубого цвета. Ха-ха-ха! В хвост вас и в гриву!

Заявление

Боги, увольте меня из съемочной группы! Пусть и почетен директорский пост, но увольте. Ты же, о муза, прославь многомудрого мужа, который после сражений с конем прибыл к пенатам своим. Стану я тут раздувать очаг уже полупогасший, к «Взятию Трои», клянусь, и канат — не притянет меня! Там мне расправой грозят 20 (прописью: двадцать) вооруженных персон, затаившихся в брюхе коня.

Выписка из истории болезни

Больной Н. доставлен супругой. Ярко выраженные симптомы паранойи. Жалуется, что его преследует 20

(двадцать) вооруженных людей. Услышав слово «конь», становится агрессивным. Говорит только гекзаметрами. Госпитализировать.

ЛОЖКА ДЕГТЯ

АНАЛИЗЫ

Когда уходит вдохновение и перо вываливается из рук, когда уже невмоготу от анализирования не только своих героев, но и себя самой, тогда я покидаю письменный стол и отправляюсь...

Куда же? В поликлинику.

Идешь к кабинету, а твой слух улавливает шелест бумаг, поскрипывание перьев и письменных столов.

Приоткроешь дверь и еще явственнее ощущаешь посвист крыльев музы. Впрочем, нет: в кабинете порхают листочки анализов, вклеиваемых в истории болезни — священнейший обряд в храме медицины!

Люблю, когда к работе относятся столь трепетно, и потому всем своим эпидермисом (это слово я употребляю тоже из уважения к вышеупомянутому храму) вжимаюсь в табуретку, дабы не мешать белому халату творить и анализировать, тем более что он подвергает анализу то же самое, что и я,— человека. И потому, если мы и не являемся родными братьями по перу, то уж двоюродными во всяком случае. Здесь тоже каждое движение и слово есть инструмент анализа, и даже через ножки табуретки вливается в меня утраченная аналитическая сила.

Тем временем рука моего кузена, держащая перо, замирает, глаза отрываются от испещренных загадочными знаками листочков и упираются в стену: ищут наиболее совершенные выражения для своей аналитической мысли. Меня даже профессиональная зависть охватывает: до чего же грациозно и естественно все это у него получается! Пока он ищет, полы халата повисают неподвижно, стетоскоп перестает болтаться на шее, на высокий лоб падает прядь волос, а губы принимаются сосать тупой конец ручки — нет, так выразительно и естественно у меня ни за что бы

не получилось! И вот — внезапный взмах пера, на лоб падает уже вся копна волос, полы халата раздуваются, будто паруса под ветром, стул скрипит, словно брамсель, стетоскоп катается по груди, как бочка по палубе, и сам он — капитан на капитанском мостике корабля, трюмы которого битком набиты бесценным сокровищем — анализами, этим подлинным кладезем мудрости. Еще несколько взмахов — и белый рукав усталым жестом — нет! — так грациозно и естественно ни у одного писателя не получилось бы! — захлопывает историю болезни и возлагает ее на стопку других историй. Свершение состоялось!

Как я выразилась? На стопку? Ах, простите! Это для кого-то другого, может, тут стопка, а для меня, его двоюродной сестры, это творческий отчет, даже больше, чем творческий отчет,— целый аналитический сериал.

— Пришла вот...— робко начинаю я, потому что надо же когда-нибудь начать.

— Анализы,— произносит он усталым от взмахов голосом.

— ...чтобы...— пытаюсь я пробиться вперед.

— Прежде всего надо сдать анализы!

— ...чтобы узнать...

— Сестра, выпишите больной направление на анализы.

— ...чтобы узнать, что показали мои анализы.

Он поднимает на меня глаза и смотрит, пусть как на продолжение табуретки, но все-таки смотрит! И открывается раздел моей истории болезни, который посвящен анализам.

— Гм... есть,— не скрывает он разочарования.— Даже... кардиограммы.

И тут начинается священная церемония: анализ анализов. Он подносит к глазам один листок. Кладет. Берет второй. Кладет. Вертит в руках третий. Разглядывает его на свет: не фальшивый ли? Нет. Скребет ногтем какую-то цифру. Что-то беззвучно бормочет. Укладывает друг на друга два первые листочка и, как тузом, кроет их третьим. Потом тасует. Снова раскла-

дывает. Прижимает ногтем некий таинственный знак. Чтобы не удрал? Опять что-то нечленораздельно бормочет. Дает щелчок второму иероглифу, чтобы убирался прочь. Меняет местами второй и первый листки. Втискивает меж ними третий. Прищуривает глаз и вновь что-то беззвучно шепчет. Заклинание? Ей-богу, не знай я, что перед ним мои анализы, подумала бы — шумерская клинопись. А может, он ищет Великую Аналитическую Панацею, за которой с незапамятных времен охотится вся страна Эскулапия? Может, он уже на пороге Открытия века? Непосредственно через ножки той самой табуретки начинает проникать в меня священный трепет.

— Ну, так как,— не выдерживаю я,— что же там вытекает из моих анализов?

Он вздрагивает, словно очнувшись от транса, и отодвигает листки подальше от меня.

— Однако,— настаиваю я,— имею же я право знать, что там, в моих анализах!

— Сестра,— наконец членораздельно произносит он,— выпишите ей витамин С.

— Позвольте,— я даже привстаю с табуретки,— позвольте мне лично взглянуть на свои анализы!

Он торопливо сует все три листочка в мою историю и захлопывает ее. Чувствую, что легче было бы выкрасть все золото из государственного банка, чем здесь — тайну своих собственных анализов. А может, схватить его за горло и потребовать: «Анализы или жизнь?» Боюсь, правда, как бы после этого ему самому не пришлось делать анализы. И все же на моем лице проступает нечто гангстерское. Не потому ли он, поколебавшись, цедит:

— Эритроциты... в пределах нормы.

— А какова норма? — не понимаю я.

— Не знаете, какая норма?! Сестра, выпишите ей витамин B_1.

— Спасибо. Но мне хотелось бы познакомиться с синтезом.

Белый халат превращается в ледяную глыбу.

— Если,— пытаюсь я объяснить,— есть анализы, то должен же быть и синтез!

— Сестра,— шепчет он,— выпишите ей синтетические витамины.

— Интересно, сколько же,— я совершенно наглею,— сколько еще придется мне сделать этих ваших анализов, чтобы получить наконец синтез? Тысячу, три тысячи, миллион?

— Сестра...— Мне кажется, что он вот-вот заплачет.— Сестра, пригласите следующего!

— Если так,— переступаю я все пределы нормы,— то верните мне мои эритроциты. Все! Я сама сделаю синтез!

Он долго молчит, потом несколько успокоившись, оттаивает и даже пытается изобразить улыбку.

— Ладно,— произносит наконец,— мы сделаем вот что: направим вас на повторные анализы.

Лучшего оружия, чтобы принудить пациента к капитуляции, придумать невозможно: меня словно катапультируют с табуретки — пролетаю на волосок от распахнутого окна. На волосок? Постойте! Ведь я недавно слышала, что вскоре все анализы будут делаться на волосках. То есть достаточно будет изъять у пациента несколько волосков — и все его эритроциты как на ладони. Правда, если знать пристрастие эскулапов к анализам, то уже теперь не трудно вообразить, как будет выглядеть тогда весь город: головы с тонзурами, залысинами, плешивые, просто лысые, со снятыми скальпами... И в один прекрасный день такая голая голова очутится перед Великим Анализатором. Белый рукав возьмет щипцы, чтобы экстрагировать клочок волос, и с удивлением обнаружит, что экстрагировать-то больше нечего. Всмотрится и еще больше удивится: оказывается, у головы есть лицо!

— Что же это такое? — воскликнет он.— Почему под глазами мешки?

Положит руку на лысую голову и заглянет в глаза (оказывается, они тоже есть!), в самую их глубину. И прочитает в них столько, сколько не уместилось бы во всем, набитом анализами корабельном трюме.

— Э, батенька,— скажет он,— ведь вы чем-то огорчены. Какая беда свалилась? От нее у вас язва желудка, а от язвы — мешки под глазами... Вот оно как, батенька...

А когда через минутку пациент, словно рожденный заново, встанет с табуретки и бодро направится к двери, врач долго будет смотреть ему вслед. Потом запустит пятерню в свою единственную на весь город шевелюру и, пьянея от счастья, прошепчет:

— Сестра... я... кажется... нашел... панацею...

БИБЛИОФИЛЬСКИЕ СТРАСТИ

Наконец «Икарус» тронулся. Впереди был неблизкий путь. Рядом со мной уже успела задремать сбившаяся с ног, обвешанная авоськами женщина. А за спиной послышались тихие голоса.

— Простите, если не возражаете,— вежливо зашелестел первый голос,— если вы не против, то я бы вытащил свой портфель из-под вашего узла и пристроил его сверху.

— Вытаскивайте и пристраивайте,— не стал возражать второй.

Сидевший за мною мужчина поднялся и поменял местами лежавший на сетке багаж.

— Дело в том,— пояснил он, усаживаясь обратно,— что у меня в портфеле книга. Чрезвычайно ценная книга.

— Что вы говорите! — В голосе его соседа прозвучала нотка заинтересованности.— А нельзя ли, простите, полюбопытствовать, что за книга?

— К сожалению, сам еще не успел посмотреть, всего час назад в руки попала, да еще завернутая. Я, видите ли... как бы это сказать... библиофил.

— Что вы говорите! — еще больше оживился второй.— Чрезвычайно приятно слышать! С вашего разрешения, я и сам из породы книголюбов.

Спинка моего кресла со скрипом накренилась вперед — это любители книг, несмотря на тесноту, привстали и пожали друг другу руки.

— А не доводилось ли вам слышать, что недавно издали одну любопытную книжицу? — начал второй, даже причмокивая от наслаждения.— Такую книжицу, почти весь тираж которой отправили за рубеж. Но я...— Он со значением помолчал.— Я ее ухватил!

— Как же, слышал. Кстати, на днях,— вкрадчиво заговорил первый,— совсем на днях, вышла еще одна книга. Ее вообще никому не продавали. Но мне...— он помолчал еще значительнее.— Мне продали!

— Знаю я ее,— не уступил второй,— мне тоже достали. Три рубля шесть копеек, не так ли?

— Она,— разочарованно подтвердил первый.— Но мне удалось еще одну приобрести, и уж такую... уж такую...

— Это какую же такую! — во втором голосе послышалась явная издевка.

Атмосфера у меня за спиной накалялась. Там закипали самые благородные страсти — библиофильские. Они разогревали салон автобуса не хуже, чем горячий воздухоотопитель.

— А такую...— Голос упал до таинственного шепота.— С башней на обложке!

— Ах, с башней... Этих, с башнями-то, у нас... чтобы не соврать... штук двадцать!

— Но у меня со старинной башней,— отважно защищался первый,— и, кроме того, моя башня крыта черепицей, красной фигурной черепицей!

— Имеем. И с черепицей, и без черепицы, и с фигурной, и с нефигурной,— с неколебимым спокойствием отбил атаку второй.

— А может, у вас,— в первом голосе зазвучало неприкрытое ехидство,— может, у вас есть книга с печатью черепичного цвета? А?

— С печатями-то? — отрезал второй.— Книги с печатями... хе-хе... это же треть моей библиотеки!

— Я понимаю, что вы имеете в виду,— с истинно библиофильской догадливостью ответил первый,— од-

нако моя печать не на семнадцатой странице, а на обложке и, кроме того, не поставлена — нарисована!

— Подумаешь! — торжествующе возразил второй голос.— Письма какого-то короля какому-то некоролю! Два экземпляра. Третий уже поменял.

Первый голос долго не проявлял признаков жизни — так долго, что я было решила: благородное топливо исчерпалось на все время поездки. Однако...

— А вот мне как-то такое перепало,— через добрых полчаса вновь зазвучал он,— такой необыкновенный раритет в руки приплыл, настоящая библиографическая редкость... уникум!

Даже через спинку сиденья ощутила я, как второй весь подобрался, напрягся, словно рысак на бегах, почуявший, что его вот-вот обойдут.

— И что же в ней такого редкого? — с деланным безразличием осведомился он.

— У этой редкости, у этого уникума на переплете золоченый замочек: хлоп! — закрыл, и никакой жучок носа не сунет!

— Интересно,— в голосе второго прозвучала коварная нотка,— давно ли приобрели вы этот уникум?

— Недавно, с полгода всего.

— И о чем он повествует? Не поделитесь ли содержанием или, может, какую-нибудь мудрую цитатку вспомните?

Предложение было столь неожиданным и наглым, так нарушало все каноны благородного библиофильского турнира, что даже я, совсем посторонняя, не утерпев, обернулась и осуждающе глянула на нарушителя неписанного кодекса поединка книголюбов. Это был удар ниже пояса.

Теперь-то уж я была уверена, что больше не услышу первого голоса, однако он отозвался довольно быстро.

— Надеюсь, вы не станете возражать,— надменно и холодно проскрипел он,— не будете иметь ничего против, если я совсем сниму свой портфель с вашего узла?

— Сделайте одолжение! — злорадным тоном победителя отозвался второй.— Я и сам собирался его скинуть, потому что эти ваши жучки с замочками... сами понимаете...

Сзади снова завозились, спинка моего сиденья снова заскрипела и толкнула меня в спину: это первый библиофил, прижав к груди свой портфель с очень ценной книгой, покидал поле боя...

СРАЖЕНИЕ С МЕЛЬНИЦЕЙ

Местом этой битвы был посыпанный гравием лоскуток двора, на котором стояла заляпанная грязью машина. С ведром теплой воды приблизился к ней мордастый и дородный житель нашего дома по фамилии Мельница. Засучив рукава, принялся он мыть свою любимицу. Мыл так старательно и заботливо, как иная мамаша свое родное дитя не моет. Вода стекала с машины и собиралась в зловонную, в разводах мазута и нефти лужу. И чем больше и грязнее становилась лужа, тем аккуратнее и шикарнее выглядела машина — словно цветок, расцветший на навозной куче. Любуясь этим цветком, товарищ Мельница восхищенно похлопал себя по задней, если можно так выразиться, ляжке и снова опустил тряпку в воду, не обращая внимания на приближающегося к машине человека.

А мы уже давно видели его из окон и с нетерпением ждали, когда он наконец подойдет к Мельнице. Этот гражданин — больная совесть нашего двора. Тот, который не может пройти мимо. Всю зиму он как лев сражался с дворником, запрещая ему посыпать улицу солью: она-де вредит траве и цветам. Когда дворник, потеряв терпение, пообещал посыпать тротуары сахаром, наш Дон Кихот объявил войну трем подросткам, которые, забравшись в беседку соседнего детского сада, дулись там в карты на деньги. Не успев очухаться после поражения — попытался их перевоспитать, а

парни разнесли его в пух и прах,— он скрестил шпаги с соседом-алкоголиком, избивавшим жену и детей. Все эти и кое-какие другие жаркие баталии стоили нашему Дон Кихоту немало здоровья, изрядно изнуряли его. Зато мы никогда не уставали наблюдать за его схватками. Вот и теперь окна нашего дома, как соты пчелами, сплошь были облеплены головами любопытных.

— Что вы делаете? — вопрошает Дон Кихот, подходя к машине.— Кто вам разрешил? Мыть машины во дворах запрещается!

Товарищ Мельница внимательно выслушивает его.

— Вы абсолютно правы,— соглашается он и снова опускает тряпку в ведро.

— Ведь существуют же мойки,— миролюбиво говорит Дон Кихот.— А тут, сами видите, дети играют.

— Хорошо играют,— подтверждает Мельница и принимается тереть подфарник, да так, что брызги летят.

— Эта ядовитая лужа,— старается держать себя в руках Дон Кихот,— потечет на деревца, на кусты...

— И на георгины, да-да, на цветущие георгины,— сочувственно бубнит Мельница, выплескивая на клумбу воду из ведра.

На лице Дон Кихота проступают фиолетовые пятна.

— Да прекратите же наконец! — срывается он.

— Конечно, конечно,— кивает Мельница и кричит жене, чтобы тащила еще одно ведро мыльной воды.

— Бездушный мещанин! — бросает Дон Кихот. Его худые руки дрожат от бессильной ярости.— И как вас только земля держит?

— Сам удивляюсь,— самокритично признается Мельница, выхватывая у жены второе ведро.

Дон Кихот дышит тяжело, прерывисто.

— Ну погоди,— сквозь зубы цедит он.— Сейчас пойду позвоню в автоинспекцию.

— Два тридцать семь,— услужливо подсказывает Мельница.— Только поторопитесь, а то я скоро кончу.

Дон Кихот собирается что-то ответить, но только беззвучно ловит воздух разинутым ртом.

— Может, седуксенчику? — соболезнует Мельница.

Дон Кихот сгорбившись уползает прочь. Он задыхается. Мельница полощет тряпку в ведре, однако одним глазом наблюдает за улицей, словно ожидая кого-то. И что вы думаете? Вскоре во двор с ревом влетает машина «скорой помощи». Из нее выкатываются два санитара и тут же возвращаются с Дон Кихотом на носилках. Он лежит бледный, почти не дыша, у него нервные судороги. Сунуть же носилки в «скорую» и захлопнуть ее дверцы помогает санитарам не кто иной, как сам товарищ Мельница. Мы прямо-таки утираем слезы умиления, наблюдая, с каким великодушием он той же самой тряпкой, которой мыл свою машину, протирает на дверцах «скорой» красный крест и после ее отъезда долго машет рукой, словно мельничным крылом... Как же напоминает этот гражданин ту ветряную мельницу, которая лет четыреста назад выдержала атаку Рыцаря печального образа. Однако по сравнению с нашим Мельницей она — всего лишь кофейная мельничка!..

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Я видела сгусток, слиток, величайшее олицетворение скорби.

Наткнулась на него в вестибюле гастронома, там, где беспрерывно снует множество людей, где теряешь сам себя и уже не хочешь найти — таким кажешься себе лишним, никому не нужным, всем мешающим, увеличивающим давку и сумятицу.

Тут я увидела его, это олицетворение.

Вначале будущее олицетворение выглядело самым заурядным образом. Оно и само не подозревало, что через секунду-другую превратится в него. По правде сказать, личности этой было вполне достаточно того, что несла она, зажав в пальцах горлышко, бутылку

крепленого вина. Видимо, купил человек на последние перед получкой и потому был особенно радужно настроен. Но — то ли его толкнули, то ли сам он споткнулся — узкое горлышко выскользнуло из пальцев... Взвизгнула, отскакивая, девушка, скрипнули дверные петли, зазвенели осколки, содержимое бутылки струйками растеклось по затоптанному полу. Человек зашатался и, в надежде хоть что-нибудь спасти, рухнул на колени перед окрашенным в красное порогом...

Он не рыдал. Не воздевал и не заламывал рук. Даже не сквернословил. Он только стоял на коленях, и легкий сквознячок пошевеливал редкие волосы и колыхал выбившийся из-под пиджака галстук. Стиснув зубы, чтобы не застонать, смотрел горемыка на осколки бутылки, и от его упавших плетьми рук, от его помертвевших глаз и сведенных судорогой скул веяло такой несказанной скорбью, что хаотичное движение посетителей гастронома на какие-то мгновения замерло. Люди не лезли ни на осколки стекла, ни на голову друг другу. А когда некто из вновь подошедших громогласно удивился: «Что это с ним? Отца с матушкой похоронил?» — несколько голосов строго одернули его: «Тихо!»

До сих пор не знаю, какой была дальнейшая судьба страстотерпца: сам ли он встал, или его подняли, или остался он лежать растоптанным на окрашенном в цвет крови полу?.. Впрочем, думаю, его не растоптали. Сочувствие истинной скорби облагораживает людей — даже посетителей гастронома... Но главное, что ни до, ни после того случая не доводилось мне наблюдать столь пронзительной боли, такой муки в ее чистом виде. Хотя бледную копию довелось как-то узреть в лице и позе одного известного баритона, когда он умолял швейцара пустить его в закрытый уже ресторан: он тоже пал на колени, бился лбом о дверное стекло и умоляюще простирал руки... Однако скорбь нашего гастрономного страдальца по своей сдержанности и, я бы сказала, монументальности далеко превосходила бледную ресторанную копию.

Вот и все. Написала «все», а рука не хочет оставить пера, голову переполняют возвышенные мысли — о боли, о духовной красоте и великой цели... Кто-то играет Бетховена, над городом мирно скрипнул могучий строительный кран, кто-то заплакал на противоположной стороне планеты, где-то пролилась невинная кровь...

Тихо!

ЭЛЕГАНТНАЯ ЖЕНЩИНА

Нет, не с остановки, не с улицы, не с вольного воздуха появилась она в нашем троллейбусе — впорхнула прямо с обложки журнала мод, только, конечно, не того, который валяется в газетных киосках рядом с годичной давности зубной пастой. Все-все в ней было элегантно: от невесомого мехового тюрбана до каблучков сапожек, от семенящей походки до грациозной линии лилейной шейки — все! В троллейбусе словно пахнуло свежим безжалостным ветром парижских салонов. Его порыв шевельнул у кого-то перышко на выцветшей шляпке, кому-то задрал замызганную полу плаща, спутал бесформенный пук волос на затылке. Скажу не преувеличивая: такого сверхмодного существа не доводилось мне видеть ни в одном троллейбусе! Это было высшее проявление элегантности, вершина, недосягаемый пик, над которым простираются еще не исследованные сферы, последний писк, за которым пока еще мертвое молчание законодателей моды...

Все пассажирки — недаром молвится, что у женщины и на затылке глаза! — будто сговорившись, уставились на неземное существо и, словно ослепленные прожектором, отвернулись. А она, элегантная, столь явно почувствовала свое превосходство, что ее взгляд скользнул по ним, как по прилавку с уцененными товарами, и от этого взгляда, от все еще сле-

пящего света мощного прожектора женская часть троллейбуса стала ежиться и извиваться, подобно извлеченному на поверхность земли кроту, преспокойно до этой поры сидевшему в своей норке и влачившему нелегкое бремя повседневных забот...

Безжалостный прожектор не пощадил и самого старичка-троллейбуса: только теперь заметили мы, какие у него потертые и залатанные сиденья, как перекошены двери, погнуты и поцарапаны поручни... А водитель? Косматая растрепа... да еще омерзительный поролоновый цветок за зеркало заднего вида заткнула. Сидит, разинув рот и уставившись в это зеркало: пожирает глазами необычную пассажирку. Еще чуточку бы, и въехала в витрину с манекеном — гипсовой куклой, запеленатой, словно младенец, в какие-то выцветшие тряпки,— их тоже высветил ослепляющий луч.

Когда элегантная особа стянула с руки тончайшую перчатку с вырезом, предназначенным для поцелуя, все мы как по команде сунули неуклюжие свои лапы поглубже в карманы; когда она поправила свой невесомый шарфик из оленьей шерсти — мы, как вспугнутые индюшки, втянули головы в плечи до самых ушей; а когда она расстегнула молнию новехонькой пухленькой сумочки, одна из пассажирок — давно не следящая за талией — затолкала допотопный ридикюль под себя и поехала, как всадник в седле. И чем дальше мы ехали, тем все более жалкими казались и сами себе, и друг другу; юноша спортивного вида, сидевший рядом с толстой наездницей, не выдержал, с брезгливым выражением лица поднялся и пересел на место для детей и инвалидов.

Между тем неземной эталон расстегнул холеными ноготками хорошенький кошелек — тоже последний писк моды — и, покопавшись в нем, чего-то там не обнаружил. Не обнаружил он этого «чего-то» и в сумочке. И, крайне удивившись сему обстоятельству, вопросительно обвел взглядом прилавок с уцененными товарами, то бишь нас. И мы сразу смекнули: у поклон-

ницы Диора и Кардена нет талончика на проезд! Ага! Вот тебе и вершина, вот тебе и пик... Другими словами, весь этот эверест моды — от мехового тюрбана до высокого каблучка — оказывался на поверку обыкновенным зайцем!

Образец элегантности, вынужденный кутаться в заячью шкурку, огляделся и сделал шаг к прочно сидящей в седле всаднице — скорее всего потому, что та возвышалась над всеми другими, а значит, тоже была какой-никакой, а вершиной.

— Не будете ли вы столь любезны,— прозвучал ее звонкий мелодичный голосок,— не продадите ли мне талон?

— Я? — спросила толстуха, не поворачивая головы.

— Вы. Будьте так любезны.— Женщина протянула ей монету этаким барским жестом, свидетельствующим, что никакой сдачи ей, конечно, не требуется.

Всадница притворилась, что не видит монеты; сурово глядя вперед, скакала она вдаль на своем ридикюле, и перчатка с вырезом, какое-то время трепетавшая в воздухе возле ее уха, постепенно опустилась вниз. Крик моды недоуменно повел плечиком и подошел ко мне:

— Может быть, у вас найдется?

— Сейчас взгляну,— с готовностью ответила я.

Вытащила из кармана штопаную варежку с целым ворохом талонов. Смакуя, разгладила их на ладони — штук двадцать, не меньше.

— У меня-то есть,— ответила я,— но, к сожалению, ровно столько, сколько необходимо мне самой!

Элегантная женщина прикусила губку, в глазах ее мелькнула досада.

— Может, у вас...— уже не столь певуче обратилась она к костлявой и прямой, как палка, женщине в обтрепанном, ужасно уродовавшем ее плаще.

Палка всем туловищем повернулась к просительнице, но ответом ее не удостоила. Однако в ее глазах можно было прочитать: «За модой, небось, следить время находишь? Могла бы уделить минутку, чтобы купить в киоске проездные талоны!»

Элегантный заяц прочел ответ и с досады так тряхнул головой, что тюрбан съехал на затылок и стал похож на лихо заломленную матросскую бескозырку.

В этот момент троллейбус проезжал как раз у того места, где стоял киоск с талонами. Заяц повернул к нам свою растерянную мордочку. Как же не гармонировала она теперь с невесомым шарфиком и надушенными перчаточками с вырезом для поцелуя! А уж о тюрбане и говорить нечего: папаха едва держалась на затылке и придавала всему облику модницы нечто разбойничье...

— Так, может, хоть у вас есть лишний талон? — чуть не плача обернулась она к сидящей возле двери пожилой даме в пальто с воротником довоенного покроя.

Важная дама только отрицательно повела рукой в перчатке, словно отмахиваясь от надоедливой мухи. Жест ее был исполнен не внешней (перчатка-то была дырявая и не особенно чистая), а подлинной внутренней грации!

Элегантная женщина (продолжаю ее так называть лишь по инерции) саркастически усмехнулась, желая тем самым показать, что насквозь видит наши завистливые ухищрения. В глазах ее сверкнуло коварство. В один отнюдь не элегантный прыжок очутилась она рядом со спортивного вида юношей, который еще вначале перебрался на места для детей и инвалидов.

— У вас-то уж конечно найдется талон? — проговорила она, пытаясь вложить в свой голос последние жалкие остатки женских чар.

— Безусловно! — просиял молодой человек и сунул руку в карман. Но вытащить ее не успел: троллейбус так тряхнуло, что парень растянулся на полу, а бывшая элегантная женщина, полузадушенная своим шарфиком, сжимая в руке тюрбан, который едва успела подхватить в воздухе, как бадминтонный воланчик, отлетела в самый конец троллейбуса и шлепнулась на заднее сиденье.

Несколько мгновений она ловила ртом воздух. Потом снова ринулась в атаку — вероятно, погоня за мо-

дой воспитала в ней достаточные бойцовские качества.

— Так, может, хоть у вас найдется? — хрипловатым голосом обратилась она к дремавшему рядом с ней мужчине.

— Талон? — уставился он на нее хмельными глазами.— Зачем тебе талон?.. Оба зайцами поедем, милочка, веселее будет! — И он бесцеремонно прихватил ее за талию.

Она вскочила как ошпаренная. Стояла растерзанная, растрепанная (водительница троллейбуса могла бы теперь дать ей фору!), мяла в руках свой тюрбан, одним концом шарфика подметала пол — ни намека на недавнюю элегантность. И не столько стояла, сколько извивалась, исхлестанная нашими иронически-ми взглядами. Да, мы поменялись ролями, мы, как отважные альпинисты, заставили эту вершину моды капитулировать! О чем свидетельствовал и победный жест нашей водительницы, когда она поправила над зеркальцем съехавший в сторону во время торможения поролоновый эдельвейс.

Троллейбус вновь остановился... Бывшая элегантная женщина нырнула в заднюю дверь, чуть не сломав при этом свои прелестные каблучки. А мы торжественно поехали дальше, с избытком вернув себе попранное достоинство, гордые своей, пусть и не выставляемой напоказ, грациозностью, а также истинной коллективной элегантностью, какой не сыщешь даже в тех модных журналах, которые не валяются рядом с прошлогодней зубной пастой!

МНЕНИЯ

Небольшое происшествие, можно сказать, микронеприятность: шла по тротуару женщина, споткнулась на какой-то выбоинке и упала...

Пока она, растерявшись, лежала на холодном асфальте, шагавшему мимо социологу-любителю пришла в голову занятная мысль. Он подбежал к топтавшимся

поблизости мужчинам, вытащил блокнот, карандаш и попросил их ответить только на один вопрос: «Какие мысли вызвала у вас упавшая женщина?»

Прохожий физик. Что ж, еще раз жизнь наглядно подтвердила ньютоновский закон всемирного тяготения, повторив вариант падающего яблока. К сожалению, по этому поводу нам не суждено воскликнуть: «Эврика!» И все же, наблюдая за тем, как судорожно дернулась, а потом подвернулась нога упавшей, как она взмахнула руками, прежде чем шлепнуться, я подумал, что земное притяжение — явление гораздо более сложное, чем считалось до сих пор, что в этой области предстоит еще разрешить ряд новых проблем...

Прохожий-спортсмен. Насчет решения новых проблем земного тяготения спорить с товарищем не берусь. Тут я — пас. Но мне, как человеку, имеющему отношение к спорту, не понравился способ, которым осуществила она свое падение. Непрофессионально. Почему отказалась от мягкого приземления? Надо сгруппироваться, втянуть голову в плечи, расслабиться, одновременно согнуть ногу в колене и аккуратно медленно опускаться на бедро. Нынче, когда даже космические станции совершают мягкую посадку, представительнице слабого пола негоже подвергать свое тело такой сильной встряске — шмякаться наземь, словно ты свинцовая болванка. А что касается притяжения, спорить из уважения к науке не берусь.

Прохожий-актер. Знаете ли вы, с каким вниманием наблюдал я за лицом падающей? Сначала оно было ошеломленным, потом испуганным и в конце концов мучительно жалким. Какая гамма чувств! И без всякого наигрыша, без фальши — уж поверьте мне, профессионалу! Это зрелище, откровенно говоря, доставило огромное эстетическое наслаждение. Что-что, а отличить полновесное зерно от плевел я умею! Видели меня в «Орфее»? А жаль. Сходите непременно. Особенно третье действие... Посмотрели бы вы, как галантно поддерживаю я Эвридику, извлеченную

из ада... Впрочем, женщина эта, между нами говоря, могла бы и более изящно... уж поверьте. И послушайте меня в «Орфее». Не пожалеете!

Прохожий-врач. Бывает. Чего только не встречается в практике и моей и моих коллег! Бывает так. А бывает и иначе. Человек не упал, не ударился, не ушибся — просто растянул сухожилие. Тут медицина бессильна. Если вы, молодой человек, хотите положить свою мамашу в больницу без очереди, есть более надежное средство, чем падение на улице... А в принципе ни я, ни мои коллеги, ни вся мировая медицинская литература не рекомендуем падать на твердый и холодный асфальт. Лучше на травку или в мох. А еще лучше — совсем не падать и больше уважать труд медиков. Именно — уважать.

Прохожий-фотограф. И как я мог! Как я мог быть таким неосмотрительным, беззаботным, легкомысленным! Никогда себе не прощу!.. Этот миг, когда началось падение, когда женщина еще не коснулась асфальта... Еще чуть-чуть, и все будет кончено, но пока между ней и асфальтом был просвет, пока еще оставалось несколько сантиметров! Такие кадры на дороге не валяются... Нет, никогда больше не представится такой прекрасный случай поймать в объектив падающую женщину! Как я мог прозевать... Как мог... Вот растяпа!

Прохожий-адвокат. Что я подумал? Хе... А почему вы считаете, что я вообще о чем-то думал? Может, в этот момент моя голова была свободна от мыслей? Может, я просто не видел никакой падающей женщины, потому что смотрел на другую, непадающую? А если я близорук? А вдруг мне в тот миг мошка в глаз попала, хе?.. Где доказательства, что я о чем-то думал?.. Надо самому как следует подумать, прежде чем задавать подобные вопросы, молодой человек, хе!

Прохожий-художник. Женщина, падающая на серый тротуар,— интересная тема, свежий сюжет... Но куда я дену такую картину? На выставку не возьмут. По заказу? Кто закажет? И купить тоже

никто не согласится... Я — свободный художник и потому должен изображать бодро шагающую или, в крайнем случае, отдыхающую женщину. Упавшая женщина — мне не по карману...

Прохожий-пенсионер. Что остается думать мужчинам моего возраста при виде падающей женщины? Остается только вспоминать, как оно прекрасно — это молодое, гибкое, длинноногое создание, падающее в твои объятия... Обо всем прочем пусть думает молодое поколение.

Прохожий с собакой. Женщина никогда бы не упала, имей она собаку и гуляй, держась за поводок. Никаких особых забот, как полагают иные, с собаками нет. Полкило вымени или четверть бычьей печенки в день. Моя жрет что ни дай — и конфеты, и огурцы, и творог. А уж блинчики как любит! Готова прямо со сковородки лопать. Одна беда — слишком рано гулять просится. У меня самый сон, а она зубами одеяло стаскивает: пойдем, дескать!.. Стоять, Тоби, стоять!.. И кошек не выносит. Одна соседская кошка... Тубо, Тоби!.. В подвале... ухо... йодом...

Прохожий-поэт. Я подумал о падающей звезде — по ассоциации. Не могу без ассоциаций! Однажды я видел падающую звезду. Хотелось бежать к ней, кричать: не падай, подожди! Но она упала, моя светлая звезда... Древний мудрец сказал: человек тем и отличается от свиньи, что иногда поднимает глаза к звездам... Не забывайте смотреть на звезды! А свиньи сидят в редакциях и уже третий год не печатают моих стихов, хоть ниц перед ними падай...

Социолог-любитель оглянулся на женщину, которая уже давно поднялась и, прихрамывая, заворачивала за угол. Потом полистал ответы и помечтал, как славно было бы сунуть их не в карман, а в компьютер. Однако вывод напрашивался и без ЭВМ: еще никогда не уделялось женщине столько внимания, еще никогда не была она окружена такой трепетной заботой, как ныне...

САМОЗВАНЕЦ

Стук в дверь. Открываю и вижу на лестничной площадке незнакомца с чемоданчиком. Он поспешно стаскивает с головы кепку и умоляюще шепчет:

— Только, бога ради... не захлопывайте!.. Я сантехник.

— Сантехник?!

На меня смотрят трезвые осмысленные глаза. И руки не трясутся, не шарят по стене, не хватаются за перила. Нос как нос — не зрелая венгерская слива...

— Честное слово, сантехник,— в доказательство он трясет чемоданчиком с инструментом.

— Сантехник? — повторяю, чтобы выиграть несколько драгоценных секунд.

Подперев изнутри дверь носком туфли, внимательно рассматриваю незнакомца — может, угляжу что-нибудь такое, что меня успокоит. Но передо мной гладко выбритые щеки, чистая шея.

— Владас, Тадас, Антанас! — кричу я в глубь квартиры, не спуская глаз с самозванца.— Сюда!

Не сомневалась, что этот тип опрометью ринется вниз. Но он лишь жалобно вздохнул, и — подумать только! — меня не обдало запахом перегара! Ну и ну! Еще мгновение, и я потеряла бы от ужаса сознание.

— Кто такой? — заплетающимся языком пробормотала я и — он даже не успел раскрыть рот для ответа — захлопнула дверь. Спасена!

Не веря в свое чудесное избавление — неужели так легко отделалась? — я оперлась о стену и вытерла вспотевший лоб.

Однако самозванец не уходил. Вот если бы грохнул он в дверь сапогом, я бы сразу открыла и извинилась. Но он только вежливо постучал костяшками пальцев.

— Тогда хоть распишитесь, что у вас все в порядке,— донесся до меня его извиняющийся голос. Ни мата, ни рыганий!

Я прильнула к дверному глазку. Передо мной снова тот же самый, натурального цвета нос и чистая

шея. От радости, что мне удалось вовремя захлопнуть дверь, я даже засмеялась.

— Да вы посмотрите,— снова донесся тихий вежливый голос.

Опять посмотрела в глазок. Пальцами, на которых не было никакой татуировки, открыл он чемоданчик. Вместо растрепанной пеньки, замызганного куска автомобильной шины и гаечного ключа размером с добрый лом я увидела сверкающий никелем набор инструментов. И дала себе слово сегодня же врезать третий замок. С секретом.

Слышно было, как спускался он по лестнице, как звонил у дверей нижней квартиры, как и оттуда ушел не солоно хлебавши...

Потом я наблюдала за ним в окно. Он шагал через двор не шатаясь, не отхаркиваясь, не сморкаясь на газоны... Выдал себя с головой, голубчик!

Кстати, через несколько дней он появился снова. На сей раз в подпитии, и шея обросшая щетиной, грязная, как у трубочиста, и сплевывает непрерывно, будто испорченный водопроводный кран... Но мы не бросились отпирать двери: кто однажды вышел из доверия, не так-то легко вновь его обретет!..

СТАРИННО И СОВРЕМЕННО

Товарищ Чивас уже было похоронил последнюю надежду, когда явился наконец к нему тот человек. Целый месяц не мог товарищ Чивас смотреть на своих сограждан без чувства горечи, разочарования и сердечного сокрушения. Дело в том, что месяц назад, обговорив это кое с кем из руководства, поместил он в местной газете нижеследующее объявление:

ВНИМАНИЮ ЖИТЕЛЕЙ НАШЕГО РАЙОНА!

Всем хорошо известно, что города и районы Литвы обзаводятся или намерены обзавестись в ближайшем будущем самобытными национальными очагами куль-

туры и отдыха. Одни, к примеру, уже оборудовали кафе-пещеру, другие — ресторан-корабль, третьи — гумно под маевки; тут пивную в амбаре открыли, там — шашлычную в старой дедовской баньке отгрохали... Нашлись энтузиасты, которые для такой великой цели не поленились целое языческое капище откопать. О Шедувской мельнице и трактире «Под бочкой» и говорить не приходится!.. Не пора ли и нашему району очнуться от спячки? Поэтому призываем всех граждан устно или письменно поделиться своими мыслями и предложениями на этот счет. Особенно важно, чтобы в нашем будущем очаге слилось воедино старинное с современным, древнее с новым. Наиболее интересные предложения будут премированы.

Через несколько дней пришло три письма. В одном предлагалось устроить коктейль-холл в подворотне, в другом — пельменную на колокольне. Читая третье письмо, товарищ Чивас густо покраснел, сунул письмо в портфель, чтобы на досуге изучить почерк и хоть из-под земли достать этого пасквилянта.

Других предложений не поступило. Три тысячи жителей района преспокойно завтракали и обедали у себя дома, и плевать им было через левое плечо на честь района, а через правое — на грандиозные замыслы товарища Чиваса. Униженный и осмеянный, товарищ Чивас понуро сидел в своем кабинете спиной к окну. В этот черный час и пришел к нему тот человек в новомодной жилетке бабушкиной вязки.

— У меня предложение,— коротко и ясно доложил он.

Товарищ Чивас вместе с креслом повернулся к посетителю. Это был зоотехник из соседнего колхоза. По кабинету пронеслось дуновение свежего ветерка, донесшего ароматы свинофермы.

— Предложение, говорю, у меня,— повторил гость.

— Садитесь, пожалуйста,— оживился Чивас.— Слушаю вас.

— Я по поводу очага,— зоотехник с независимым видом уселся напротив.— Вы тут писали, что нам необходимо нечто старинное и вместе с тем современное...

— Было дело. Ну?

— Прикидывал я так и этак и наконец решил: нужна придорожная корчма!

Предложение было таким банальным и одновременно оригинальным, таким старинным и современным, таким сугубо национальным и универсальным, что у товарища Чиваса дыхание перехватило.

— Н-да,— наконец промычал он.— Вот, значит, как... Ну, докладывайте, как вы мыслите себе эту корчму.

— Минуточку,— не теряя достоинства, начал гость.— Корчма — это покосившаяся замшелая развалюха с телевизионной антеной на крыше.

— По-старинному и современно!

— Внутри: обшарпанная, замызганная горница для всех и — устеленная шкурами или коврами светелка не для всех...

— По-современному и старинно.

— Что еще? Сальные лампадки и — отклеившийся линолеум.

— Ясно.

— В кухне тараканы и — электронная плита.

— Дельно.

— Официантки в клумпах. Жалобной книги не дают.

— По-старинному и современно!

— На изъеденных короедом бревенчатых стенах абстрактные картины.

— Ясно как день!

— В буфете только водка и консервы.

— М-м... Не слишком ли современно? — поморщился Чивас.

— Добавим яблочный джем.

— Пойдет.

— Никаких там весов и мензурок: шинкарь наливает на глазок,

— По-старинному и современно!

— Шинкарь: в ухе серьга, на голом теле дубленка и джинсы. Если что,— зоотехник поднял ногу в тяжелом кирзовом сапоге,— хвать посетителя за шиворот и коленом под это... под...

— Под зад! — торжественно закончил Чивас.

— В руке у него, у шинкаря, дубинка. Старинная, с пластмассовыми шипами...

— Тоже — тип-топ.

Гость умолк — перевел дух, и в это время в душу Чиваса закралось сомнение.

— Вроде бы...— поморщился он,— дуновения культуры не ощущается.

— Сделаем. В углу мангал для шашлыков организуем, старинный граммофон с раструбом и кассетником внутри.

— Культурно!

— Осталось главное.— Зоотехник перешел на шепот.— Когда клиент выходит из корчмы, на него нападают придорожные разбойники.

— Ну... ну?!

— Да, разбойники! Вот чем мы все эти мельницы, клумпы и бочки забьем!.. В полночь прячутся они в кустах у корчмы, ждут выходящих. Нападают с кольями, с кастетами, тащат под мост, очищают карманы и — гуляй!

— Рррин но — ррременно...— от восторга только и сумел выговорить Чивас.

— А женщин...— Гость прищурил глаз и зашептал еще тише:— Женщин сажают в раззолоченную карету с мотором от «Волги», с парчовыми занавесочками... и...

— И? — сглотнул слюну Чивас.— И?

— И...

Гость двусмысленно откашлялся. Товарищ Чивас догадливо затряс головой.

Несколько мгновений в кабинете царила абсолютная тишина.

— Вот... кажется, и все...— вроде бы не очень охотно поднялся со стула гость.

Хозяин кабинета тоже встал.

— Полагаю,— официально объявил он,— ваше предложение не вызовет возражений. Чего-чего, а до разбойников еще никто не додумался!.. Кстати, план наш будем держать в строжайшей тайне, чтобы другие не пронюхали. Особенно эту карету с... э... занавесочками...

— Разумеется...— тянул гость, явно чего-то ожидая.

— Ах, да! Вознаграждение...— догадался Чивас.

— Об этом я тоже подумал,— скромно признался гость.— Мне бы должность шинкаря получить. Уж поверьте, и на глазок сумею... и дубинкой... столько лет со скотиной дело имею...

— Сделаем! — согласно склонил голову Чивас.— А может,— он заговорщицки подмигнул,— может, и сотрудничать будем. Обязанности у разбойника слишком ответственны, чтобы доверить их человеку непроверенному, без специального образования...

Они церемонно, как в старину, щелкнули каблуками и раскланялись. Вопрос о создании современного очага культуры был решен.

МОЛОДО-ЗЕЛЕНО

Старушка *(вскакивая с автобусного сиденья).* Садитесь, пожалуйста!

Юноша. Вы мне?

Старушка. Вам, вам... прошу вас, садитесь.

Юноша. Вы что, сходите?

Старушка *(обидевшись).* Почему схожу? Просто, как положено, уступаю место молодому человеку. Из уважения к вашему юному возрасту.

Юноша. Спасибо, постою.

Старушка. Осерчали, что не сразу уступила? Поверьте, я без очков как слепая... Ради бога, простите, очень вас прошу, садитесь!

Юноша. Да ладно уж, сидите.

Старушка. Не могу я спокойно сидеть, ежели рядом стоит крепкий, как дубок, молодой человек. Что люди-то скажут?

Юноша. Говорю вам, сидите! Все равно не сяду.

I пассажир *(обращаясь к другим пассажирам).* Подумать только, до чего обнаглел: старуха, видите ли, пусть сидит, а он... Это же надо!

II пассажир *(юноше).* Посмотрели бы на себя со стороны! Здоровый парень, а стоит как столетний старик или беременная женщина! Срам!

III пассажир. На себя плевать, так хоть окружающих уважайте! Должны же, наконец, быть у вас какие-то моральные нормы! Нельзя вести себя так безответственно.

IV пассажир. Что поделаешь, молодо-зелено. Когда же им нормы-то ломать, как не теперь?

V пассажир. Пусть уж лучше нормы ломают, чем деревья, лифты да телефоны-автоматы...

VI пассажир. Не перегибайте палку, товарищи, не забывайте, что наша молодежь в основном замечательная!

I пассажир. И не говорите. Мы-то в молодые годы совсем другими были. Нынче молодой человек сидит в автобусе или в поезде с высоко поднятой головой, спокойно поглядывая на стоящих рядом старушек. А раньше, лет десять назад? Ужас!..

Юноша. Ну, завелись!..

I пассажир. ...Да, да. Десять лет назад, в годы моей юности, сидишь, бывало, а рядом торчит пожилая женщина. И что? Приходилось притворяться, мол, спишь или погружен в чтение газеты. Я однажды так зачитался, что не заметил, как проехал свою остановку, и, чтобы не опоздать на работу, бежал назад как сумасшедший — воспаление легких заработал!

II пассажир. Да, ныне молодежь уже не та. Твердо свои обязанности знает: положено тебе сидеть — сиди. И сидит! Правда, до сих пор находятся всякие выскочки, нахалы...

III пассажир. Старуха тоже хороша: зачем села? Склероз? Забыла, что ей не положено?

VI пассажир. Товарищи, товарищи, не перегибайте палку, не забывайте, что наши старики в основном тоже замечательные.

Старушка *(плачет)*. Ну что мне делать, если он стоит? Не могу же я силой его усаживать! Где мне!

I пассажир *(юноше)*. Так как же, молодой человек? Сядете по-хорошему или нет? Будете соблюдать правила или?..

Юноша. Не сяду!

I пассажир *(засучивая рукава)*. Что ж, порядок есть порядок... *(Хватает юношу за шиворот.)*

Юноша. Ну и черт с вами, подавитесь! *(Садится.)* Только, если хотите знать, мне сидеть противопоказано. У меня от этого вечного сидения позвоночник деформировался: в кафе сиди, на лекциях сиди, в автобусах тоже сиди... Мне стоячий режим рекомендован, а вы...

I пассажир *(отворачивая рукава)*. А... Так бы сразу и сказали. Простите.

II пассажир. Эк его, беднягу!.. Такой молодой...

III пассажир. Молодец: страдает, а все-таки сел!

VI пассажир. Говорил же я вам, что наша молодежь в основном замечательная!

I пассажир *(сидящему пожилому человеку, опирающемуся на палку)*. Вы, папаша, тоже, между прочим, могли бы догадаться. Расселись... Нету что ли в автобусе кого-нибудь покрепче, помоложе?

ДЕФИЦИТ

— Простите, что дают? — спрашиваю у человека, стоящего в самом конце очереди.

— Тарелки.

— Тарелки?..

Очередь длиннющая, и тарелки мне абсолютно ни к чему.

— Вы крайняя? — осведомляется подбежавший мужчина.

— Вроде того,— бормочу.

— Я за вами.— Это какая-то девушка подскочила.

Через минуту за мной уже длинный хвост.

«Почему бы не купить лишнюю тарелочку? — посещает меня трезвая мысль.— Запас карман не трет. Тем более что тарелки — вещь хрупкая».

Очередь двигается медленно. Тарелки берут дюжинами. Белые сугробы, завалившие полки, тают на глазах.

«Возьму не одну, не пару, а, как положено, шесть»,— решаю я.

Одна мамаша грузит покупку в детскую коляску. Пружинные рессоры сжались до предела, колеса жалобно попискивают.

«Если уж брать, так дюжину! — соображаю под жалобный скрип коляски.— Только бы хватило!»

С опаской поглядываю на быстро тающие сугробы. Господи, а вдруг не достанется?!

«Самое правильное — взять три дюжины... Или шесть? — одолевают меня сомнения.— Только дотащу ли? А если побью?..»

Стоящий передо мной человек развернул сшитый из палатки мешок. В такой, пожалуй, всю дневную продукцию посудного завода можно сунуть!

— Извините,— тереблю его за рукав,— у вас случайно лишнего мешочка не найдется?

Он даже не отвечает — настолько поглощен открывающейся перспективой обеспечить дефицитным товаром себя и своих потомков до десятого колена включительно.

Тут приходит мне в голову спасительная идея. Стаскиваю плащ, связываю рукава, застегиваю пуговицы — получается приличная тара. Штук сто влезет. А что не поместится — в подоле потащу. Юбка-то широкая!

Но человек с мешком-палаткой до такой степени опустошает полки, что от тарелочных гор остаются жалкие кочки.

«Да... Безграничны не только пространство и время, но и человеческая жадность»,— с горечью думаю я, провожая взглядом покупателя, согнувшегося в три погибели под своей тяжкой ношей.

— Вы сколько будете брать? — не скрывая тревоги, спрашивает стоящий за мной мужчина. Отважно белеет его обнаженная грудь: умудрился соорудить из рубашки прекрасный мешок.

— Три сотни! — бросаю ему не раздумывая.

Он только скорбно сглатывает слюну.

Тем временем посудный магазин наполняется стуком, грохотом, звоном: грузчики волокут новые горы тарелок. Одну. Вторую! Третью!!! Весь магазин завалили — в глазах белым-бело. Никогда в жизни не видела столько тарелок разом. Взбесились они, что ли?

— Сколько вам? — спрашивает продавщица.

— Мне?

— Вам, вам.

Грохот разгружаемых ящиков не прекращается. Чувствуется, что тарелками уже забиты все подсобные помещения магазина. Сквозь этот грохот едва слышу свой тоненький, жалобный голосок:

— Мне, пожалуйста, тарелочку... Самую малюсенькую...

— Пожалуйста.

— Такая огромная,— недовольно морщусь я.— Мне бы и половинки хватило.

— Вам отрезать или отломать? — любезно осведомляется продавщица.

В ответ лишь глупо хлопаю глазами.

— Нехорошо издеваться над человеком,— вступается за меня гологрудый.— Просит гражданка маленькую, значит, такая ей нужна. А вы шутки шутите,— добавляет он, развязывая свой мешок и натягивая рубашку прямо на пиджак.

— Не понимаю, что вы от меня хотите,— защищается продавщица.

— Она еще спрашивает! Грубиянка! — Мужчина берет меня под руку и тянет к выходу.— Обойдемся без ваших дурацких тарелок!

Уходим. Вслед за нами в знак солидарности, застегивая плащи, пиджаки, рубашки, выкатываются еще дюжины две покупателей.

ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ

В тот поздний час перекресток был пуст: ни пешеходов, ни машин, никого, лишь я, светофор и дорожный знак, запрещающий левый поворот. А мне и моему автомобилю как раз надо было налево! Внимательно огляделась: пусто, только слева у перекрестка, как раз там, куда мне необходимо свернуть, одиноко торчала тумба с мотающимся на ветру обрывком афиши, сообщавшей об органном концерте.

Не устояла против соблазна: свернула налево и уже включила третью передачу, чтобы развить необходимую скорость... Тут и догнал меня пронзительный свисток. Притормозила, обернулась. Так и есть! Из-за афишной тумбы появился блюститель порядка. Он медленно и торжественно, словно под звуки органа, приближался ко мне как живое воплощение возмездия. И я поняла,— к сожалению, слишком поздно,— что не обрывок афиши выглядывал из-за тумбы, а пола его белого тулупа.

«Что ж,— сказала я себе, выбираясь из машины,— встретим как должное справедливую кару. Сама виновата... Правда, он прятался... Но если для поддержания общественного порядка лучше, чтобы его блюстители прятались за тумбами,— пусть будет по тумбе на каждом углу!..— И, виновато поглядывая на неотвратимо приближающегося грозного судию, утешала себя следующим соображением:— Хочешь не хочешь, а надо признать, что свой долг он выполнял виртуозно: скромно стоять в тени, за афишной тумбой, не афишируя себя, не гоняясь за дешевыми эффектами, жертвуя всем ради достижения общеполезной цели, что может быть эффективнее и благороднее? Вот у кого следовало бы поучиться нашим честолюбцам

писателям, художникам, композиторам, даже исполнителям органной музыки!.. Уж на что скромен был святой отшельник Симеон Столпник, а и тот, словно аист, торчал на верхушке столба, чтобы его издалека видать было. А тут? Тут!!! Поэтому не мельтешись,— приструнила я свою гордыню,— стоически встречай заслуженное наказание. Прокол в талоне — еще не конец света!»

— Добрый вечер,— поздоровался милиционер, поднося ладонь к виску.

— Добрый вечер,— с огромным уважением ответила я.

— Значит, налево повернули? — поинтересовался он.

— Так точно,— не стала выкручиваться,— повернула.

— И конечно, будете утверждать, что не видели запрещающего знака?

— Нет, не буду. Запрещающий знак видела. И потому... Вот! — Предваряя его просьбу, сама, по собственной инициативе протянула я ему свои водительские права и техпаспорт.— Прошу!

Моя прямота и сердечный жест не остались без ответа: он внимательно — внимательнее, чем я перекресток,— осмотрел меня и от души поблагодарил:

— Большое спасибо! — Открыл права, перелистал технический паспорт... Перевернул последний листок, и на лице возникло несколько озадаченное выражение, он вопросительно поднял на меня глаза.

— За обложкой,— подсказала я.

— А, ясно, ясно,— снова посветлел он, сунул за корочки прав указательный палец и выцарапал техталон.

— Это что? — не поверил он своим глазам.

— Талон,— скромно пояснила я.

— Ах, талон...— Все еще не веря, что я собственными руками отдаю талон на заклание, он поднял картонный четырехугольничек повыше, к неоновой лампе, даже попытался посмотреть сквозь него на свет... И наконец, помрачнев, констатировал: — Талон...

Некоторое время сурово смотрел куда-то вдаль мимо моего уха. По его взгляду я поняла, что за короч-

ками прав техталон хранить не положено, что, сунув его туда, я совершила непоправимую ошибку.

— Что ж,— вытащил он компостер и пощелкал им над провинившимся талоном,— придется делать просечку!

Я обреченно склонила голову.

— Прокол, говорю, делать придется! — несколько громче повторил он.

Голова моя опустилась еще ниже. Что-что, а вину свою я признавала мужественно и беспрекословно.

— Оглохли, что ли?! — гаркнул он.— Сейчас дырку сделаю!

Однако, несмотря на грозный голос, он лишь неуверенно взмахнул компостером. Вот что делает с человеком органная музыка, когда прикасаются к ней хотя бы полой тулупа!

— Черт побери,— загремел он в четвертый раз,— я же дырку пробиваю, дырку!

Только теперь я сообразила: он медлит потому, что чего-то ждет от меня. Чего? Ах да! Все ясно: хочет, чтобы я грудью встала на защиту своего беспорочного талона, а не совала его опрометчиво в железную пасть компостера. Ладно! Я поспешно схватилась за сумочку. Едва только тронула замочек, лицо регулировщика прояснилось, а когда начала в ней копаться, улыбка растянулась от уха до уха. Значит, я верно раскусила его мысль.

— Прошу! — и протянула аккуратно сложенный листок бумаги.— Возьмите, пожалуйста!

— Огромное спасибо! — вежливо склонил он голову и даже галантно пристукнул каблуками. Осторожно, чтобы ничего не выронить, развернул бумагу и остолбенел:

— Это еще что за новости?

— Благодарность от Пресс-автоклуба,— не без гордости ответила я.— За безаварийную езду и популяризацию автомобилизма.

— Благодарность?! — Он брезгливо сложил листок и сунул в мою открытую сумочку. Я поняла, что вновь разочаровала его, да и как могло не разочаро-

вать такого скромного, привыкшего держаться в тени человека, мое глупое тщеславие! Нет, благодарностями такого рода его не проймешь...

— Все! — Он так замахнулся компостером, словно собирался продолбить им лунку во льду.— Про-бива-ю!!!

Глаза мои наполнились слезами. И не потому, что ждало меня неотвратимое наказание, а потому, что не удалось оправдать доверие столь благородного человека. Что-то не так... Но что? Прямо не знаю, чего бы только не отдала, лишь бы почувствовал он, что не напрасно прятался за тумбой, лишь бы улыбка вновь осветила его лицо. Поэтому я опять открыла сумочку и принялась копаться в ней, чем вызвала желанную реакцию: его лицо прояснилось, хотя на этот раз задержалась на нем какая-то тень недоверия,— видимо, не мог забыть благодарности Пресс-автоклуба. Но когда перенесла я свои поиски с сумочки на карманы пальто, исчезла и тень, а когда решила пошарить за пазухой, он так свято поверил в меня, что ловко сунул нетронутый талон назад в сумочку. Ничего оправдательного за пазухой не обнаружив, я снова начала шарить по карманам, потом опять сунулась в сумочку, потом — еще раз в карманы... За это время недоверчиво-тусклая улыбка превратилась в доверчиво-яркую... А я все рылась, копалась, ощупывала себя, шарила даже по несуществующим карманам, затем один за другим стащила сапоги, порылась в них. Больше искать было негде. Ничего не обнаружив и в сапогах, принялась рыть снег вокруг себя. Ей-богу, готова была землю насквозь прорыть, лишь бы с его лица не исчезла улыбка!.. Снег был рыхлый, вдоль тротуара громоздился высокий вал, поэтому вскоре мне удалось выкопать в нем пещеру, которая не замедлила превратиться в туннель, ведущий к проезжей части улицы. Наконец через этот туннель выбралась я к дверце своего автомобиля. А миллиционер с улыбкой продолжал взирать на вход в пещеру. Мотор машины тихонечко пофыркивал, поэтому я, проворно шмыгнув за руль, подождала, когда подъедет приближавшийся

грузовик, и под его прикрытием двинулась вперед, пока не развила полагающихся в населенном пункте шестидесяти километров в час... Ехать было хорошо и спокойно, как никогда: я твердо верила, что мой собеседник с компостером в руке продолжает нести вахту у входа в пещеру, и ветер играет полой его тулупа, словно обрывком афиши на рекламной тумбе. Он стоит, а я, оставив ему улыбку и осмысленное ожидание, скромно прячусь в тени грузовика: урок пошел впрок!

ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА

Сын накинул куртку, выскользнул за дверь и, сунув голову обратно в комнату, буркнул:

— Учительница подписать велела.

— Что подписать?

— Что-что... Дневник!

Расстегнула ранец своего первоклассника и отыскала дневник. Под двумя двойками и одним колом обнаружила следующее: «На уроках невнимателен. Мешает другим и не реагирует на замечания».

Я смущенно покачала головой. Нет, слова учительницы не вызвали у меня никаких сомнений. Они даже разожгли мое воображение. Перед глазами встал огромный стоквартирный дом, всю ночь горит лампочка в одиноком окне, а за ним — до срока поседевшая, склоненная над тетрадями голова. Утомленное доброе лицо, но взгляд строгий, принципиальный. Я поняла, что и от меня ждут той же принципиальности. Только совместные усилия, только двойная требовательность и принципиальность помогут нам сообща вырастить здоровую трудовую смену!

Поэтому рядом с замечанием учительницы я немедленно начертала: «Взрывает пермаганат калия, не ест вареного лука, перед сном не чистит зубов. На замечания тоже не реагирует».

На другой день, едва мой отпрыск вернулся домой, я расстегнула ранец и извлекла дневник. Так и есть! Слова мои упали словно зерно на благодатную почву: «Во время уроков бродит по коридорам, у доски кривляется. А волосы, волосы!»

Я тут же заскрипела авторучкой: «Невозможно дозваться со двора. Отдал кому-то серебряную ложку».

Учительница не замедлила с ответом: «Невозможно оторвать от посторонних занятий.»

«И от телевизора не оторвешь!» — я тоже постаралась быть лаконичной.

Некоторое время дневник оставался чистым. Ясно — обоюдная принципиальность начала давать первые всходы. Однако через неделю новое послание: «Залил водой школьный туалет!»

«Утащил и спрятал соседскую кошку!» — отпарировала я.

«Поведение не улучшается!»

«Кошка не находится!»

«Поведение все не улучшается!»

«Кошки все нет...»

«Поведение ухудшается!»

«А кошка нашлась!!!»

На сей раз молчание длилось очень долго. И вдруг: «Дневник — не место для отписок. Оставьте его в покое!»

Дрожащими от обиды руками захлопнула я дневник и сунула обратно в ранец. Вот уже много месяцев принципиально не желаю знать, что в нем новенького. В покое так в покое.

ЗАЩИТА

Соискатель Пукас скромненько сидел в уголке, пытаясь скрыть волнение, но пылающая шея выдавала его — он слушал выступление первого оппонента. Зал был битком набит коллегами, родственниками, знако-

мыми — приглашенными и явившимися без приглашения. В первом ряду восседали две расфуфыренные, как куклы, дочки Пукаса; жена осталась дома накрывать на стол. В воздухе плавал сладковатый аромат роз, то там, то тут шуршал целлофан, в который были завернуты букеты, а в дальнем углу высилось острие огромного медного подсвечника — дар коллег восходящему научному светилу.

Оппонент, привычно расположившись на трибуне, медленно перечислял положительные качества диссертации, кропотливость, аккуратность и научную добросовестность автора, отмечал обилие собранного им материала. Затем, пробормотав мимоходом об отдельных несущественных недостатках ценного научного труда, он снова принялся смаковать его несомненные достоинства.

Еще сладостнее запахли розы, еще громче зашуршал целлофан, еще выше вознеслось сверкающее острие подсвечника. Пукас, потупив взор, записывал замечания оппонента, а в голове проносились тревожные мысли.

«Всего двадцать один стул!.. Единственная индюшка! Две уточки третьей категории... Скандал!.. Два рыбных блюда — и оба в томате!.. Ленивые бабы!.. В Исландии, говорят, из одной только селедки семьдесят разных блюд... Барчюс, прежде чем защититься, смотался в Астрахань за икрой, Куоджюс в Шилуте за угрем ездил, а его жена — в Лиепаю... за чем, кстати? — Пукас чуть не пропустил мимо ушей последний пассаж оппонента.— Такие вещи — раз в жизни... Скандал!.. Срочно из ресторана — горячее и холодное!.. У соседей — тридцать стульев!.. У двоюродного брата — столовое серебро... У родителей — теленка... Нет, с теленком не успею... Погиб, окончательно погиб... Скандал!»

Второй оппонент оказался куда суровее. Он начал с критических замечаний, а это было так нетипично, что в зале сразу перестали шуршать целлофаном, аромат роз рассеялся, и даже острие подсвечника втянулось само в себя, словно телескопическая антенна тран-

зистора. Оппонент упрекнул диссертанта в отсутствии творческого начала, в пережевывании чужих мыслей и даже выводов; вся диссертация, рубил он сплеча, сплошной ряд заимствований!.. Где тут оригинальные обобщения, в чем практическая польза от сего научного труда?! Пукасу почудилось, что под ногами у него разверзается пол. Перед глазами поплыли лица слушателей — оживленные, с жадно раскрытыми ртами, раскрасневшиеся от приятной неожиданности.

«Индюшка!..— лихорадочно мелькало в сознании Пукаса.— На кой ляд эта чертова индюшка?! Сожрали диссертацию — а ты еще корми их!.. Две утки — с ума сойти! Проклятые бабы!.. В Англии, сам читал, картошку в мундире, луковицу — на, подавись!.. Срочно сообщить домой: половину стульев — на балкон!.. Скандал!.. В таких случаях — только консервы, а не скоропортящиеся продукты... Торт вернуть в кулинарию, пусть за полцены. Свиной рулет — куда? — Пукас снова прозевал критическое замечание оппонента.— А, ладно, хоть собакам!.. И к тому же...— Побледневшее лицо Пукаса озарила блеклая улыбка.— Запретили же!.. Запретили всякие банкеты по случаю защиты!.. Табу!..

Спасен!.. Ни одной табуретки людоедам! Ура!..»

Когда же наконец оппоненты и прочие ораторы высказались и тайное голосование прошло сравнительно благополучно, все еще одуревший соискатель стоял в дверях и, пожимая протягиваемые руки, принимая цветы, бессвязно лепетал:

— Милости просим... чем бог послал... в мундире... столовое серебро... Астрахань... индюшка... людоеды... третья категория... табу... прошу!..

О НАГРАДАХ

До слез приятно видеть, как в три ручья непрерывно изливаются на наши груди всевозможные отличия: медали, ордена, почетные грамоты, похвальные

листы, юбилейные знаки... Текут, через край хлещут, вот-вот глядишь, затопят. Однако поток не иссякает, и близится день... Какой же день?

Его, как любой другой день трудового человека, начнут будильники, метлы дворников и слабеющие струи в душевых вытрезвителя...

Будильник вырывает из сна его. Он вздрагивает. Потягивается. Разлепляет редковатые ресницы. Поднимает широковатые брови. Выползает из узковатой постели. Разминает коротковатые ноги. Умывается тепловатой водой. И уже засовывает в рот бутерброд с тухловатым сыром, когда в прихожей тренькает глуховатый звонок.

За порогом роет ногами землю фоторепортер.

— Анфас! Глаза вверх! — направляет он дуло объектива.— Левый профиль! Подбородок направо! Раскройте том сочинений! Обнимите собаку! Очень хорошо! Не скальте зубы — нефотогеничная щербина. Мерси!

Человек с недожеванным сыром в зубах ничего не понимает. Стоит с глуповатой миной и ждет объяснений.

— Вы,— кидает ему репортер, уже скатываясь по лестнице,— один-единственный, кто не отмечен, не удостоен, не имеет ни ордена, ни медали, ни почетной грамоты, ни похвального листа, ни юбилейного знака... Единственный на весьма значительной территории!

На лестнице еще щелкают блицы и затворы, а в квартире уже надрывается телефон.

— Извините,— доносится исполненный уважения голос,— имею ли я честь беседовать с тем, кто не отмечен ни единой наградой?

— Да,— смущенно бормочет он.

— Умоляю, не отказывайтесь! — В голосе слезы.— Коллектив нашего завода жаждет встретиться с вами! Очень, очень просим! Представьте себе, большинство из нас отродясь не видели такого человека! Неудостоенного! Эта встреча запомнится людям на всю жизнь!

Едва он кладет трубку, как за дверью слышится горн. В прихожую строевым шагом вступают пионеры.

— Дядя, дядя, нам сказали, что у вас нет ни единой медали! — в один голос выкрикивают они.

— Видите ли, детки...— начинает оправдываться он, но его прерывает дружный пионерский хор:

Солнышку всегда сиять,
И учиться нам на пять!
Пионерский наш отряд
Лишь вперед готов шагать.
Ты и я —
Мы друзья!

Победно гремит барабан, приглашая еще полсотни ребят.

— Дядя,— обступают его со всех сторон,— расскажите о себе! О своем детстве! Отрочестве! Юности! Расскажите, как вам удалось! Как вы сумели не удостоиться! Не отличиться! Не заслужить! Мы пойдем по вашему пути, дядя!

Вырваться из собственной квартиры ему удается лишь далеко за полдень. Однако в учреждении никто ни полусловом не выговаривает за опоздание. Напротив, сослуживцы многозначительно перемигиваются и спрашивают:

— Так когда обмоем ненаграждение?

Ответить он не успевает, потому что начальник приглашает к себе в кабинет. Пожимает руку. «Мы гордимся,— хлопает он его по плечу,— что в нашем коллективе воспитана такая знаменитость! Вы, — начальник потирает руки,— широко прославили родное учреждение! Желаем и дальше высоко нести звание неудостоенного! — И фамильярнее добавляет:— Вот видишь, а ты еще обижался на меня, что я не представил, а должен бы ручки целовать! Знал, что делаю!»

Приходит почтальон и вручает ему целую кипу писем. С ненагражденным хотят познакомиться студентки и соломенные вдовы, у него просят интимных советов отцы семейств, назначают свидание шестнад-

цать балерин... Он утирает пот. С грехом пополам вырывается из учреждения и выскальзывает на улицу. Но и тут нет покоя. На него направлены кинокамеры. Бедняга бросается наутек. Но разве от себя убежишь? Вечером мы видим его в президиуме конференции, созванной в его же честь. После этого ему поручают открыть выставку кактусов. Потом из правительственной ложи он слушает бронзовые голоса самодеятельности. В ложу приносят депеши, где сообщается, что несколько городов избрали его своим почетным гражданином. Телекамера, само собой разумеется, направлена не на сцену, а на него. К нему то и дело обращаются и взоры публики. Ах, чего бы не отдали декольтированные дамы за ночь, проведенную возле его волосатой, свободной от регалий груди!

— Не думайте,— ревниво шепчут им мужья,— он сам устроил себе ненаграждение! Чем мы виноваты, если нас награждали?

Наконец его приглашают участвовать в одном особенно торжественном вечере, где его представляют зарубежным гостям как ничем не выдающуюся личность. Затем начинается официальная часть — вручение наград. Вот тут-то и происходит то, что ему следовало бы предвидеть: награждать больше некого, кроме...

Его прошибает пот. Неужели так быстро пролетели золотые денечки, с которыми он уже свыкся? Неужели конец популярности, льготам, ложам, соломенным вдовушкам?.. Председатель поднимает болтающуюся на ленточке медаль и торжественно провозглашает:

— За большие заслуги и неутомимую энергию, проявленную в борьбе за ненаграждение, медали удостаивается...

Он смотрит на приближающуюся к шее петлю ленточки и пятится. С его уст непроизвольно срывается крик: «Спасите!» Так может вопить только тонущий. Он действительно тонет. В слезах, бегущих в три ручья. Его кидаются спасать те, кто еще не заслужил медали «За спасение утопающих».

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Пришелец из космоса. Добрый день. Не будете ли вы столь любезны объяснить мне, какая это часть планеты? Где я приземлился?

Садовод *(радостно).* Ха-ха-ха! В Юшкином саду! Всю его клубнику потоптали! Ну и закатит вам Юшка скандал!

Пришелец *(приближаясь).* Еще я хотел бы узнать...

Садовод. Куда прете, как слон! Осторожнее! Три глаза имеете, а не видите, что у меня тут майоран!

Пришелец. Простите меня, умоляю... Нас издавна интересует цивилизация вашей планеты, ее фауна и флора...

Садовод. Флора у нас в этом году неважная... Вот посадил я китайскую сливу, уж как удобрял, поливал, окучивал, а торчит один сухой прутик. Фауна?.. Если не опрыскивать, чертова пропасть ее тут, этой фауны, развелось бы... А кроты? Не пробовали гонять их трещоткой?

Пришелец. Первый раз слышу. *(Садится.)* Еще я хотел бы узнать...

Садовод. Черт побери! Куда уселись? Здесь же морковь! А у вас два зада, так что извольте смотреть, куда плюхаетесь!

Пришелец. Еще раз прошу прощения... Мне хотелось бы знать, какие проблемы больше всего волнуют человечество сегодня?

Садовод. Ясное дело, какие: гидропон.

Пришелец. Гидропон? А что это? Новое оружие?

Садовод *(в крайнем удивлении).* Не знаете про гидропон? Да вы что — с луны свалились?

Пришелец. Вроде того.

Садовод. Не знает, что такое гидропон! Шутник! Гидропон — это вещь! Хоть в лепешку расшибись — нигде не достанешь. *(Тише.)* Может, знаете ход?.. У кого? Отблагодарю... гм?

Пришелец. Ход? Не знаю... Вернусь к себе — поинтересуюсь...

Садовод *(отступив, разглядывает пришельца).* Неужели вы действительно не знаете про гидропон?! Не может быть! Так что вы тогда вообще знаете?

Пришелец. Знаем про ваш Колизей, про водородную бомбу, про литовские витражи, затмившие ныне коллекции Лувра... «Илиаду» тоже почитывали...

Садовод. А про то, что Юшка свой сад паклей удобряет, знаете?

Пришелец. Нет.

Садовод *(с растущей подозрительностью).* А когда ямы под крыжовник копают — с осени или весной,— знаете?

Пришелец. Не... не знаю.

Садовод. Так что я тут с вами языком-то попусту треплю?! *(Поворачивается спиной и усердно полет грядку.)*

Пришелец. Не посоветуете ли, чем мне заняться на вашей планете?

Садовод. А черт его знает... Отвинти шлем, скинь перчатки и принимайся за сорняки. У тебя, гляди-ка, двадцать пальцев — в четыре руки полоть можешь!

Пришелец *(жалобно).* Что вы... Мне без перчаток нельзя.

Садовод *(смертельно обидевшись).* Подумаешь! Тоже мне пижон: без перчаток ему нельзя! Я знаешь кто? Доцент. Кандидат наук. И ничего. Ползаю себе на четвереньках, в навозе копаюсь... и без перчаток. Мне можно, а тебе нет? Иди-ка ты отсюда, чистоплюй нашелся!

Пришелец испуганно удаляется

Второй садовод *(выглядывая из-за забора).* Чего хотел этот тип? Кто такой?

Садовод. А черт его знает. Своего-то участка нету. Наверное, на огурцы зарился.

Второй садовод. Надо было знак подать — собаку бы спустил.

Садовод. Да нет, не нахал. Странный какой-то — словно с другой планеты.

Второй садовод *(разочарованно)*. С другой планеты? А я было подумал, явились наконец воду проводить... Тьфу!

О САДОВОДАХ

Найдется ли хоть один садовод, жаждущий, чтобы по его участку шастали родственники или знакомые, особенно в щедрую пору осени? Он ведь еще не забыл (и никогда не забудет!), как звал и не мог их дозваться, когда надо было поднимать целину, засыпать ложбинки, вносить навоз, рыть ямы, таскать камни, разбивать грядки, — тогда небось ни один из этих негодяев и носа не казал!

Но тут, когда рачительный хозяин добился своего и меж гряд решается у него прошмыгнуть разве что полевая мышка, когда смородина собрана, горох вылущен, гвоздики проданы, а сливы и яблоки еще доспевают на ветках,— садовода нашего постепенно охватывает мучительная тоска. Козырьком подносит он ко лбу загрубевшую ладонь и, словно полководец, обозревает вытянутые по ниточке, изящными террасками взбегающие на холмик грядки, декоративно заросший мхом альпинарий, дышащую теплом преющую кучку компоста, подвязанный старыми капроновыми чулками, и вьющийся по стенам плющ,—смотрит на создание рук своих, как художник на законченную картину, которая, увы, еще не радовала чужих глаз. Тут из подсознания, из тех времен, когда листал он не только «Садоводство», всплывают слова Антуана де Сент-Экзюпери: «Существует только одна подлинная ценность — связь человека с человеком»,— и наш садовод, нащупав двухкопеечную монету, бредет к телефонной будке.

— Что?! К тебе? В сад? Я?! — не верит своим ушам приятель.— Разумеется, рад, благодарен, всеми че-

тырьмя за... Но... как раз подвернул лодыжку, чтоб ее!

Садовод уныло заверяет, что нуждается только в его моральной поддержке, и своими словами пересказывает афоризм Экзюпери.

Приятель еще больше пугается и признается, что лодыжка у него не подвернута, а раздроблена.

— Ясно, ясно,— прерывает его садовод.— Поспеши!

И приятель приезжает. На всякий случай его лодыжка обмотана носовым платком, а в руках — ничего: он как бы подчеркивает свое бескорыстие — ни авосек, ни рюкзака... Однако внутренний карман пиджака подозрительно вспух, и доносящееся из него шуршание свидетельствует, что туда затолканы два продуктовых полиэтиленовых пакета.

Садовод встречает приятеля крепким, крестьянским рукопожатием. Услыхав шуршание, отдергивает руку и подозрительно всматривается в оттопыренный лацкан пиджака приятеля. Гость замирает, даже перестает дышать.

— Пошли,— подталкивает его успокоившийся хозяин,— в мою фазенду.

Тут наступает первое прекрасное мгновение в его унылой, отшельнической жизни.

— Бобы,— торжественно протягивает он руку в сторону изгороди.

— Бобы? — считает нужным удивиться гость. Он наконец понимает, что от него требуется.— Это же надо! Бобы! Кто бы мог подумать!

Садовод снисходительно улыбается.

— Моя собственная разновидность,— словно нехотя объясняет он.— Кое-какие отличия от обычных среднеевропейских: у моих стебель короче и тоньше, зато стручок больше, поплоще и круче выгнут. Если хорошенько всмотреться — напоминает турецкий ятаган.

— Ух ты! — ахает гость.— Можно попробовать?

— Пробуй,— милостиво разрешает хозяин фазенды и, едва не теряя сознания, видит, что гость вместе со стручком выдирает весь стебель.

— И в самом деле... что-то мусульманское...— хвалит приятель, раскусив боб и быстро выплюнув его.

— А это укроп,— торопится отвести гостя от бобов хозяин.

— Укроп? Да брось ты! Я думал — хвощ. Или полынь... Ух! Оказывается — укроп! Откуда он у тебя? Из какого-нибудь Восточного Пакистана?

Хозяин весело смеется. Это второе прекрасное мгновение в его жизни.

— Из какого Пакистана! Из матушкиной деревни. Правда, удобряю я его особым, секретным, так сказать, личным способом...

— А,— только и может вымолвить приятель и пятится подальше от лично-секретного укропа.

— А это — тротуарные плитки,— постукивает хозяин каблуком по цементным квадратикам.— Я их на собственном горбу одиннадцать километров пер.

— И правда — плитки... Ох-ох-ох! А я-то думал... думал...— ничего не может придумать гость.

Так ничего не соображать и ахать суждено ему час или полтора:

— Дыня?! Ого! А мне показалось — поросенок лежит... Редиска? Поздняя? Ну и ну, совсем как ранняя!.. Морковка?! А я думал, махорка! Вот это да!

От деланного энтузиазма и гоготни гость окончательно дуреет и начинает испытывать отвращение к самому себе. Он едва балансирует в узеньких междугрядьях, где не за что ухватиться, и никак не может сообразить, чего же хочет от него это странное существо в заляпанных известью штанах каменщика и широкополой фермерской шляпе; в конце концов он вовсю принимается шуршать своими продуктовыми пакетами, размахивать руками и топтать грядки, совершенно позабыв о раздробленной лодыжке. К тому же в его голове все время крутится мысль: ведь предстоит еще целых два часа трястись обратно в переполненном автобусе!.. И несчастный гость с трудом удерживается, чтобы не расплакаться.

Садоводу тоже смертельно надоедает этот похохатывающий болван, несущий всякий вздор о Пакистане и полыни, не выписывающий «Садоводства», недотепа, которому приходится объяснять все от нуля. Чего доброго, он еще решит заночевать тут... И тогда хозяину приходит в голову, что, пока он не набьет чем-нибудь нагло шуршащие пакеты, ему от посетителя не отделаться, и он сует ему пару горстей щавеля и пук сельдерея. После этого они быстренько прощаются, гость вежливо отказывается от любезного предложения хозяина проводить его до автобуса и мгновенно исчезает во тьме.

Садовод глубоко вздыхает. С исчезновением гостя веселее зашелестели плодовые деревья, плети плюща кажутся еще пышнее, кудрявее морковь на грядах и даже воздух — чище. Хозяин с аппетитом хрумкает морковкой, запивает ее железистой водой из речки и берется за лопату. Копает узкую, но очень глубокую яму, в которой будет погребена цитата из Сент-Экзюпери и еще кое-что. Потом, забросав яму, насыплет сверху могильный холмик и посадит несколько хризантем. Когда выручит за каждую по желтой бумажке — это будет третье прекрасное мгновение его жизни...

САДОВОД ЗИМОЙ

Зимой у садовода открываются глаза.

Прозревает он вроде бы ни с того ни с сего. Идет себе по городу, праздно помахивая мускулистыми руками. Шагает не торопясь, глядя, как снежинки мягко ложатся в ямки следов от изящных женских сапожек. Кто-то кого-то ласково позвал с балкона... Двое мальчишек с хохотом швыряют друг в друга снежками... Бежит карапуз в валенках, зажатой в руке палкой тарахтит по прутьям металлической ограды... В высоком голубовато-белесом небе длинная туманная дорожка от реактивного самолета...

И в этот момент у садовода вдруг открываются глаза.

«На кой черт нужен мне этот сад?! — вспышкой молнии озаряет его мозг внезапная мысль. — Он же мне весь белый свет застит, всю красоту и многогранность жизни заслоняет!»

Садовод останавливается и приваливается спиной к ограде. Ясная и четкая мысль, словно подземный ключ, долго пробивавший себе путь сквозь гранитные завалы, вырывается на свет божий и обрушивается неудержимым водопадом.

«За какие грехи вынужден я тащить этот крест? — повторяет ошарашенный садовод, и его глаза открываются все шире. — Какого лешего ломаю я себе хребет, таская мешки с огурцами? Зачем, задыхаясь, ношу ведра с водой? Ползаю по троллейбусу, собирая под сиденьями рассыпавшиеся помидоры? Часами топчусь в цветочном магазине, пока соизволят принять мои розы? (Ха, и розы-то эти для меня давно уже не розы!..) Торчу лето за летом в продуваемом всеми ветрами садовом домике, вздрагиваю и просыпаюсь каждую ночь от малейшего ворчания собаки — словно в мрачные послевоенные годы? Неужто нельзя найти более интересного занятия, чем соскребать тлей с яблоневых листьев? Или часами ловить, стоя на обочине, случайный грузовик, чтобы доставить на нем очередную порцию коровьего навоза?.. Снимать пенки с варенья, которое все равно прокиснет? И — полоть, полоть, полоть, полоть!.. На кой черт нужен мне весь этот рабский труд, эта барщина?»

А тут еще, как нарочно, на противоположной стороне улицы — витрины овощного магазина. Полки ломятся от банок с джемами и компотами. Желтеет гора лимонов, зеленеет стог зеленого лука, яблок — хоть возами вывози...

И глаза садовода окончательно раскрываются.

Подбирает пригоршню рыхлого снега и нюхает его. Господи, как пахнет свежий снег!.. Тарахтят железные прутья, если по-мальчишески провести по ним

палкой... Какую-то тайну хранят тяжелые кованые столетние ворота... Безмолвные легенды нашептывают черепичные крыши Старого города... Падает вниз сосулька и разбивается на сотни сверкающих, сияющих алмазиков... О чем-то хочет поведать гранитный сфинкс, отдыхающий у ворот старинного дома... Манят к себе японские гравюры из Дворца выставок... Влечет россыпь хрустальных звуков из окон консерватории... А рядом, прямо на улице, пестрит заваленный книгами стол и бьет ногой об ногу замерзшая продавщица.

Садовод, смакуя, рассматривает том за томом. Слегка поколебавшись, выбирает альбом репродукций Веножинскиса. Может, потому, что на его картинах мало земли, да и та поросла кустарником, некопаная, неудобренная... Альбом дорогой, поэтому приходится выворачивать карман, чтобы набрать нужную сумму. Билет на концерт можно купить и завтра...

Глаза садовода открываются так широко, что дальше некуда.

Ах, как же он теперь прекрасно заживет! Сад, конечно, побоку! Продать. И чем скорее, тем лучше. Если не за полную стоимость, то хоть за полцены. За треть!

«Люди, купите у меня сад! Люди! Вы только послушайте! Отдаю за бесценок свой сад-огород. Обработанный участок с домом и сухим, глубоким, удивительно прохладным погребом — такого погреба днем с огнем не сыщешь во всем нашем садовом товариществе! В моем погребе овощи месяцами остаются свежими, будто только-только сорваны,— лучше, чем в холодильнике! Да что там холодильник! Люди добрые! Возьмите у меня этот сад-огород даром! Никакой платы не надо! Я даже доплачу вам, если снимете у меня с души этот камень... эти оковы... эту... чтоб ее... эту...»

— Уже тут? — прерывает его пламенный внутренний монолог сосед по участку, чуть не сбивая нашего садовода с ног.

Садовод смотрит на него широко открытыми глазами, как на пятно проклятого прошлого, от которого отделаться труднее, чем от самого сада.

— Чему радуешься? Небось купил уже? — спрашивает запыхавшийся сосед.

— Кое-что продаю, а кое-что и купил! — вызывающе ответствует садовод, гордо сунув под мышку увесистый альбом с репродукциями.

— А я только-только узнал...

— Что узнал?

— Ну как же — в магазине семена кольраби выбросили.

— Выбросили... кольраби?!..

У садовода слабеют ноги, и он вынужден прислониться к железным прутьям.

— А мне... еще хватит? — с дрожью в голосе спрашивает он.

Сосед молча кивает и поспешно убегает.

Побледневший садовод ощупывает свои опустошенные карманы.

— Прошу прощения,— обращается он к продавщице,— нельзя ли мне вернуть вам этот альбом?

— Назад не принимаю,— потирая застывшие руки, бросает она.

— Так может... за полцены?

— Нет.

— Умоляю вас,— чуть не плачет садовод,— хотя бы за треть.

— Сказала — и все!

Земля ускользает у садовода из-под ног. И все из-за этого проклятого альбома, из-за этого... этого... этого...

— Тогда забирайте даром! — Он швыряет альбом на стол и, закусив губу, чтобы не разрыдаться от отчаяния, бросается вслед за соседом.

КОНВЕРТ

В одинаторскую бодрым шагом вошел выздоравливающий. Его ввалившиеся от множества процедур щеки уже наливались живительным румянцем, а аккуратно причесанные волосы свидетельствовали о просыпающейся духовной энергии. Закатав несколько длинноватый рукав пижамы, больной торжественно нес три красных гвоздики. В ординаторской было пусто, если не считать дежурного хирурга, сидевшего за письменным столом.

— Доктор! — торжественно обратился к нему больной.— Позвольте мне на минутку отвлечь вас.

Хирург поднял голову от историй болезней и, узнав своего больного, приветливо улыбнулся.

— Меня уже выписывают,— продолжал посетитель,— но не могу же я уехать, не выразив вам своей глубочайшей благодарности!

С этими словами он положил гвоздики на стол.

— Спасибо,— растрогался врач,— очень приятно... Что же, операция на желудке прошла отлично, скоро сможете камни переваривать! — пошутил он.

— Это вы,— патетически воскликнул больной,— это ваши волшебные руки вернули мне здоровье!..— Он помолчал и добавил тихим голосом: — А теперь, пожалуйста, верните мне тот конверт...

Врач растерялся от неожиданности, его брови поползли на лоб.

— О каком конверте вы говорите? — тоже вполголоса спросил он.

— Неужто не помните? — доверчиво улыбнулся больной.— Перед самой операцией я подошел к вам в коридоре и попросил, чтобы вы, только вы меня оперировали; помните?

— И что же? — иронически спросил врач, барабаня пальцами по столу.

— Ну как же! Вы мне ответили, что вам некогда, что спешите в операционную, где вас ждет трудная операция, что вы и так очень загружены, что моя опе-

рация весьма рискованная, желудок как-никак, поэтому ничего определенного обещать не можете... Тогда-то я и вытащил конверт и вручил его вам... Меня так волновала предстоящая рискованная операция, что я совсем забыл предупредить вас: в конверте — пятьсот рублей, которые в случае моей смерти...— Больной всхлипнул и утер рукавом глаза.— Которые в случае моей смерти вам следовало передать моей любимой женщине... Помнится, я еще подумал тогда: какое же это счастье, что в трудный час всегда можно доверить рукам хирурга не только свой желудок, но и свои сбережения!

Больной опять доверчиво улыбнулся и пригладил растрепавшиеся волосы. Врач, продолжая барабанить пальцами по столу, нахмурил лоб.

— Так вот,— не дождавшись ответа, снова заговорил больной,— теперь можете вернуть мне конверт. Надеюсь, вы уже вспомнили о нем?

— Да...— протянул хирург, и его лоб постепенно разгладился.— Да, да, вспомнил!.. Едва вскрыл я его и увидел деньги, как сразу понял ваши благородные намерения, ваше безграничное доверие ко мне. Спасибо! — Врач с достоинством склонил седеющую голову.— Но, как вы сами уже говорили, в тот момент мне предстояла сложная операция. Поэтому сунул конверт в портфель и, закончив операцию, со всех ног помчался в университет: там моя любимая дочь должна была сдавать нелегкий вступительный экзамен. Побеседовав с экзаменатором и поняв, что экзамен этот решит дело, я ужасно разволновался и подумал: как бы не хватил меня инфаркт... поэтому я немедля вытащил из портфеля ваш конверт и передал его преподавателю. Но... со мной случилось то же, что и с вами: от волнения я совсем забыл объяснить экзаменатору, что в конверте сбережения моего пациента, что в случае моей и его смерти следует вернуть их любимой женщине... то есть вашей любимой женщине,— поправился хирург.

— Однако,— приуныл больной, как я вижу, вы не получили инфаркта, следовательно, ваша дочь сдала экзамен успешно?

— Очень успешно! — широко улыбнулся хирург.— Прекрасно сдала! Разумеется, сразу же после экзамена я вспомнил о злополучном конверте и с букетом гвоздик,— хирург заговорщицки подмигнул собеседнику,— поспешил к преподавателю, но, к сожалению...

— Что — к сожалению? — затаил дыхание больной.

— К сожалению, он сказал мне, что после экзамена должен был бежать в суд. Там слушалось дело его брата... очень неприятное дело: брата обвиняли во взяткодательстве. Бедный преподаватель, узнав, что его любимому брату грозит тюрьма, ужасно разволновался, у него начался нервный тик, и он, пока не поздно, поспешил передать конверт адвокату,— к сожалению, тоже не успев предупредить его о вашей любимой женщине.

— Однако,— больной посуровел и сам забарабанил пальцами по столу,— однако, надо полагать, дело окончилось благополучно?

— Вполне благополучно,— весело заулыбался хирург.— Прекрасно окончилось! Брата того преподавателя оправдали, ну а конверт с вашими сбережениями остался в суде. Как только выпишетесь из больницы, ступайте прямо в суд и, если там вдруг забыли об этом несчастном конверте, напомните им, что дело было связано со взяткодательством... И можете не сомневаться — они тогда сразу сообразят, что к чему, и вы получите все что положено.— Хирург снова простодушно улыбнулся и понюхал гвоздики.

Больной помолчал, потом уныло вздохнул:

— Да уж ладно... Гиблое дело. Бедная моя благородная любимая женщина...— Он промокнул рукавом глаза.

Хирург внимательно посмотрел на него.

— Благородная, говорите? — спросил он.

— Да-да! Благородное, самоотверженное, бескорыстное существо.— Больной горько и многозначительно покачал головой.

— Бескорыстное, говорите? Тогда сделайте следующее: возьмите-ка эти гвоздики и отправляйтесь к своей любимой. Можете положиться на мой опыт: никакие сбережения так не радуют благородную и бескорыстную душу, как букетик живых цветов — особенно когда его дарит любимый мужчина со здоровым желудком!

И врач, протянув пациенту цветы, потрепал его по плечу и снова углубился в истории болезней.

ЗА СПАСИБО

Мы переминались на обочине. Мы — это мужчина с саквояжем, девушка, видать, студентка, сгорбленный человечек с жидкими волосами неопределенного цвета и я. Солнце припекало, и горячий ветер щедро обдавал нас взбитой колесами машин дорожной пылью. Рейсовый автобус промчался мимо — набит до отказа. Не оставалось ничего другого, как «голосовать». Однако умоляющие взмахи наших рук действовали на автомобили, словно поднимаемые шлагбаумы,— увеличивая скорость, машины шмыгали мимо. Водители, скользнув по нам глазами, будто мы придорожные столбы, равнодушно катили дальше...

Машины неслись и неслись, облако пыли росло и росло, а мы все продолжали безнадежно высовывать из этого облака свои руки. Вдруг одна из легковушек свернула к обочине. Взвизгнули тормоза.

— Вы не в Н.?..— бросился к «Волге» мужчина с саквояжем.

Водитель молча кивнул и распахнул дверцу.

Мы топтались, не решаясь сесть на новенькие, сверкающие чистотой чехлы сидений. Наконец владелец саквояжа собрался с духом и первым юркнул внутрь, мы устремились следом.

Машина мягко тронулась. Все четверо блаженно перевели дух и откинулись на мягкие спинки. Бесконечную благодарность испытывали мы к водителю

(неважно, сколько сдерет!) за то, что он, гостеприимно распахнув дверцы своей «Волги», вытащил нас из жары и пыли.

Дорога бежала по удивительно живописным местам: высокий сосновый бор чередовался с березовыми рощицами, песчаные холмы — с пышными лугами. В открытые окна врывались птичий гомон и аромат нагретой солнцем травы.

— Всю жизнь бы так ехала! — восхищено вырвалось у студенточки.

Водитель повел было голову в ее сторону, словно собирался что-то сказать, но промолчал. Сдержанность его прекрасно сочеталась и с выразительными и изящными руками, державшими руль, и со стопкой книг, брошенной за спинку заднего сиденья. Из-под книг выглядывали ноты — Mendelsohn. Lieder ohne Worte. Все это свидетельствовало о том, что человеку вызволившему нас из облака пыли, присуща высокая духовняя культура.

Проехали еще немного, и девушка снова нарушила тишину:

— Какая жалость, но мне пора выходить.

Машина остановилась. Студентка порылась в сумке и протянула водителю деньги. Он медленно обернулся, внимательно посмотрел на деньги и очень удивился. Так удивился, что и нас удивил.

— Это что? — спросил он.

— Ну как же... Деньги,— ответила девушка.

Водитель отвернулся и устремил взор туда, где шоссе сливалось с небом.

— Я. Денег. Не беру,— тихо, но очень значительно проговорил он.

Такой поворот событий ошарашил студентку, однако она скоро пришла в себя и, снова покопавшись в сумке, вытащила целлофановый пакетик с грушами.

— И такое. Тоже. Не беру,— еще тише и еще отчетливее произнес человек за рулем.

Девушка, зардевшись, сунула груши обратно в сумку и, хотя губы у нее дрожали, широко улыбаясь, пропела:

— Тогда спасибо за доброе сердце, дяденька шофер!

Тонкие пальцы водителя нервно дрогнули и опустились на рычаг переключателя скоростей.

— Я. Вам. Не. Дя. День. Ка! И. Не. Шо. Фер.— ответил он, подчеркивая каждый слог.— Закройте. Дверцу!

— Извините,— совсем смутилась девушка, кое-как захлопывая дверцу.

Машина снова двинулась. Ничего в ней вроде бы не изменилось, но на самом деле изменилось все! Оказывается, мы едем бесплатно... Человек за рулем, руль, педали, спидометр (на стрелку индикатора бензина мы старались не смотреть) — все предстало перед нами в новом, неожиданном свете. Даже проносящиеся мимо сосны казались теперь совсем другими — они проносились даром. Даром звучали за окнами машины голоса птиц. Даром пахла трава. Да... Видать, недаром парились мы на шоссе! И недаром собирался водитель что-то ответить на восторженный возглас студенточки: «Всю жизнь бы так ехала!» — но не ответил. Теперь я поняла, о чем он промолчал: «И я бы тоже ехал всю жизнь, если бы кто-нибудь вез меня задаром!»

— Однажды,— зазвучал его тихий внятный голос.

Вся наша троица, будто сговорившись, вытянула шеи. Мало того, что задаром везет,— еще и язык бесплатно с нами чешет!

— Однажды. Я. На этой. Дороге.

— На этой дороге?!

— Видел. Раздавленного...

— Раздавленного!!!

— Ежа.

— Ежа?

— Да.

— Неужели?!

— Да.

И он снова сосредоточенно уставился на дорогу. Мы втянули шеи, готовые каждую минуту вытянуть их, как эспандеры.

— Скажите, эта машина служебная? — внезапно спросил сидевший рядом со мной мужчина с саквояжем.

Вопрос не сразу дошел до погруженного в себя водителя. Но когда дошел, кровь ударила ему в голову.

— Эта. Машина,— ответил он.— Моя. Собственная.

— Простите,— пробормотал перепуганный владелец саквояжа, крепче прижимая его к груди.

Мы подкатывали к крутому повороту. Водитель грациозно вывернул руль влево и тут же — вправо. Как будто смотал и вновь размотал перед нами рулон серого асфальта.

— Так, говорите, ежа видели, раздавленного? — заискивающе спросил мой сосед с саквояжем, видимо пытаясь сгладить неприятное впечатление от своего первого неуместного вопроса.

Водитель проехал километров десять, проследил взглядом за летящей вдалеке дикой уткой, отер носовым платком одну половину лба, потом — другую.

— Видел,— наконец ответил он.

Я попытался представить его себе в домашней обстановке. Перед моим мысленным взором возникло старое фортепиано фирмы Мейерхольда и за ним — наш водитель. Сидит в длинном, до пят, халате с атласными отворотами и наигрывает «Песню без слов» Мендельсона. Одновременно усталым голосом, в свойственной ему манере, ставя точку после каждого слова, рассказывает гостям, как недавно, везя ноты, прихватил задаром четверых бездельников...

— Вы любите Мендельсона?

Вопрос заинтересовал его. Он повернул ко мне свой лоб под куда большим углом, чем удостаивались другие собеседники. И ответ последовал чуть ли не молниеносно — всего километра через три.

— Мой. Дедушка. Любил.

Тогда я попыталась представить себе его дедушку. Когда не играет Мендельсона, старик как старик: пропах махоркой, сапоги перемазаны навозом. Никто

особенно не вытягивает шею в его сторону, стоит лишь ему раскрыть рот... А когда его сивая кобылка тянет телегу, попробуй-ка прицепится — ого! — так огреет кнутом! Нет, не уродился дедушка в своего утонченно-благородного внука! Такое редко случается...

Мою разыгравшуюся фантазию прервал кашель. Это прочищал горло пассажир с саквояжем.

— Может,— заговорил он, так и не сумев прокашляться,— может, я уже... кха, кха, сойду, товарищ шо...— он поперхнулся, да так и остался с разинутым ртом, пока не выпутался: — Шо... Шоссейка тут, сдается, к нам проложена...

Машина снова остановилась. Водитель откинулся и вперил взгляд в потолок.

— Не знаю,— сказал пассажир, просовывая перед собой в открытую дверцу саквояж,— не знаю, как вас и благодарить!

Водитель резко повернул к нему голову. Эта нехарактерная для него резкость говорила: «А не знаешь — так и нечего бесплатно ездить! Понятно?»

— Понят...— горестно выдохнул пассажир и вниз головой нырнул вслед за своим саквояжем.

Нас осталось двое: я и тихий сгорбленный человечек с бегающими глазками. Он сидел, съежившись, поджав ноги, боясь коснуться ими пола и чехлов. Неуклюже лежащие на коленях почерневшие, не по росту большие руки свидетельствовали о том, что за всю свою жизнь он и крошки не получил задаром. Поэтому теперь со лба у него ручейками струился пот.

— Однажды,— вновь зазвучал голос водителя. Мы растянули «эспандеры».

— ?!

— Я. Вез. Человека.

— Человека?!

— Человека. И. Он.

— И он???

Водитель вытащил солнечные очки. Сверкнули его холеные ногти,— такими только и хватать деньги. А вот — гляди-ка ты!..

Сторож. Ша! Я пойду к своей будке, а ты ползи за мной, и чтобы никто не увидел!.. Прижмись к земле!.. По-пластунски. Раз-два! Да не задирай голову!.. Сразу видно, армейской каши не едал!.. Ногами, ногами толкайся, не скреби руками! Раз-два, раз-два... Живее, черт тебя возьми!.. Вот и будка. Тут запасной выход. Беги, не оглядывайся! Дуй во все ноги!

Владелец. Почему ноги? Я же на колесах!

Сторож. Сюда все на колесах прибывают, а уходят ножками. На то и кладбище. Будь здоров.

Владелец. А как же мой автомобиль?

Сторож. Принят к захоронению. Сам же акт подписывал. Аминь.

Владелец. Но я не хоронить приехал! Я же вам десять раз толковал: пока мой драндулет еще тянет, съезжу, думаю на кладбище, может, разживусь запчастями... Мне бы только подфарник... задний мост... ну и еще парочку дефицитных...

Сторож. Ишь какой ловкий! Таких ловкачей и за забором полно... так и ждут — шакалы!

I голос. Пальцы шар-р-р-нирные! Пальцы!

II голос. Фар-р-р-р-ы возьму!

III голос. Мост! Мо-о-ост!

Сторож. Ясно? Дуй теперь, пока не учуяли, что машину похоронил.

Владелец. Я не хоронить приехал! Не отдам! Кричать буду!

Сторож. Кричи, кричи! Милиция явится, под руки выведет. Подписал акт — и аминь!.. Разве как первой ласточке... первооснователю, так сказать, кладбища... в порядке исключения... *(Направляется к машине. Покопавшись в ней, возвращается.)* Вот тебе подфарник... гони семь рубликов... совсем новый!.. По дешевке, как первой ласточке.

Владелец. Что со мной? Куда я попал? Почему я должен покупать свой собственный подфарник?

Сторож. Не хочешь — как хочешь. И без тебя желающие найдутся. Вон их сколько, шакалов... А теперь дуй себе, не тяни резину, мне еще твой автомобиль по косточкам разбирать...

Владелец. Как это разбирать? Как это — по косточкам? Только через мой труп! Уж лучше меня самого разбирай! *(Ложится, раскинув руки, на пороге будки.)*

Сторож *(задумчиво разглядывает лежащего крестом автовладельца).* Говоришь, самого тебя? А что? Тут есть свой резон!.. Сколько лет? Какая группа крови? Чем болел?

Владелец. Корью и свинкой. А что?

Сторож. Больные в клиниках ждут не дождутся!.. За здоровое сердце, или там почку, или за глаз, за ведро крови — чего хочешь отвалят! А ну, давай! Подписывай вот тут, что согласен разбираться, так сказать на детали.— Сейчас мы тебя размонтируем! *(Хватает здоровенный гаечный ключ.)*

Владелец *(вскакивает и бросается к забору).* Я... я... нет... нет!.. Пусть лучше драндулет этот... черт с ним... *(Перепрыгивает через забор и бежит прочь.)* Нет, нет... Ох!.. Фары?.. *(Ощупывает глаза.)* Кажется, на месте... Пальцы?.. *(Щупает пальцы.)* Вроде все... А мост, мост? *(Сует пальцы в рот.)* Нижний здесь... верхний в порядке. Все зубья на месте... Кровяной насос?.. Всасывает... Бьется!.. А бензобак... Не потек ли? Ладно, запаяю... Уф... слава богу! Не разобрали!.. Не удалось!.. *(Плача от радости, мчится прочь от кладбища со скоростью автомобиля.)*

Сторож *(глядя вслед).* Правильно газеты пишут: ко всякой работе надо подходить творчески!.. А то хоть сам шакалом вой, хоть самого себя на детали разбирай...

ЛОЖКА ДЕГТЯ

Самсонас Катинелис внимательно изучает иллюстрированный журнал. Надолго застревает над страничкой мод, которую чуть ли не целиком заняла длинноногая манекенщица, быстро перелистывает фото-

очерк, где строитель жонглирует кирпичами. И утыкается в анкету из шести вопросов:

1. О чем вы чаще всего мечтаете?
2. Ваше представление о счастье?
3. Какое время года больше всего любите и почему?
4. Есть ли у вас хобби? Какое?
5. Ваш любимый писатель?
6. Как любите вы проводить выходные дни, отпуск?

Скажем прямо, вопросы Самсонасу по душе. Както исподволь заставляют сосредоточиться, повнимательнее присмотреться к самому себе, собрать воедино разрозненные мысли — мимолетные, но приятно щекочущие воспоминания. А тут еще, как нарочно, в кармане карандаш, и Самсонас, многие годы мужественно отражавший наскоки журнальных анкет, на этот раз не может устоять. Вырывает листок из тетради и добросовестно, ничего не утаивая, словно на исповеди, принимается отвечать на волнующие редакцию вопросы.

1. Чаще всего мечтаю о женщинах — нежных, улыбчивых, пахнущих хорошими духами, стройных и, если можно, с родинкой на щеке.

2. Думаю, что счастье — это здоровье, неутомительная работа, большая зарплата, вкусная еда домашнего приготовления, ладно сидящий, пошитый по фигуре модный костюм.

3. Самое приятное время года — дни, когда меня не преследуют четыре бывших жены.

4. Хобби? Есть, конечно. Люблю знакомиться (см. ответ на вопрос № 1).

5. Писатели меня не волнуют. Но не возражаю — пусть пишут.

6. Отпуск охотнее всего провожу на курортах, где стараюсь дышать полной грудью; в выходные и праздники не прочь пропустить рюмочку-другую (почему-то от арабского рома изжога).

Переписав свои ответы набело и подписавшись «Самсонас К.», он заклеил конверт, вышел на улицу и опустил его в почтовый ящик, улыбаясь солнцу и самому себе. Еще никогда совесть Катинелиса не была

столь чиста, походка столь степенна. Вышагивая по улице, он гордо смотрел встречным прямо в глаза и нес голову так высоко, как только позволяла шея.

В глубине души Самсонас надеялся, что редакция найдет на страницах журнала скромный уголок, чтобы обнародовать его чистосердечные, искренние ответы. Поэтому он с жадностью схватил очередной номер, где была опубликована подборка читательских признаний. Она заняла целый разворот — две просторные страницы. Катинелис принялся внимательно читать ответы, стараясь не пропустить ни слова, но после первых же строк его гладко выбритый подбородок отвис и задергалась левая бровь. Стало ясно, что, кроме него, во всей республике нет ни одного человека, который заглядывался бы на хорошеньких женщин, любил выпить в праздники и мечтал бы о большой зарплате. Какое там! Оказывается, все откликнувшиеся на анкету — аскеты и бессребреники; перепоясав потуже чресла, не думая о хлебе насущном, они без устали внимают титаническому Бетховену, постигают гениальность Шекспира, не отрывают глаз от Чюрлёниса, а отправляясь на Марс, захватили бы с собой лишь полевую ромашку. Самсонас потер пылающую щеку, будто получил оплеуху, и принялся читать дальше. В конце второй страницы жирным шрифтом было набрано «примечание от редакции»:

«Мы получили еще сотни и сотни писем, за которые благодарим наших читателей. К сожалению, из-за недостатка места редакция не смогла опубликовать все ответы. Но, обобщая их, мы с радостью видим, на какую высоту поднялся наш современник. Неизмеримо выросла тяга людей к духовным ценностям, их презрение к мещанству, готовность жертвовать своими личными интересами ради блага общества. Приятно констатировать, как благороден взгляд наших читателей на взаимоотношения мужчин и женщин. Все сказанное — далеко не полный перечень тех высокоморальных качеств, которые присущи нашему современнику — Человеку, Творцу, Гражданину. Поэтому словно к ложке дегтя в бочке меда следует отнестись

к ответам некоего Самсонаса К. Он сообщает, что больше всего ценит хорошеньких, длинноногих женщин. Не скрывает (а может, даже гордится!), что был уже четырежды женат, что наши торжественные праздники — для него лишь повод к выпивке, что любого поэта или драматурга он с легкостью променял бы на домашние картофельные блины. Читая эти строки, он едва ли покраснеет, однако за него, несомненно, будет стыдно тем, кому хорошо сшитый костюм нужен лишь для того, чтобы вставить в петличку цветок полевой ромашки. Самсонас К.! Вы — мещанин, вы — инородное образование на здоровом теле нашего общества!»

Чуть ли не до рассвета просидел Катинелис за столом, на котором были распластаны страницы журнала. Когда небо зажелтело и заоконный мир, окрашенный в нежные тона утренней зарей, стал походить на огромную бочку меда, Самсонас ощутил, что ему, черной мушке, увязшей в этом меде, деваться некуда. Временами перед его лихорадочным взором возникало «инородное образование», открывающее двери родного учреждения. Сколько выразительных покашливаний, ехидных ухмылок, двусмысленных вздохов и укоризненных взглядов! Конечно, в «Самсонасе К.» все узнают его. Где найдешь второго такого? И ему уже слышалось: «выпивоха», «бабник», «барахольщик» и самое страшное — «дурак!»...

А может, явившись к себе в отдел, этак невзначай упомянуть, дескать, встретил вчера на улице приятеля, он в адресном бюро работает, и тот рассказал, что в Литве имеется целых шестнадцать Самсонасов К.? Нет, сто шестьдесят! Или притащить и разложить на своем письменном столе четырнадцать томов Бальзака? А если сейчас же помириться с четвертой или со второй женой? Нет! Лучше уж головой в воду! Последняя мысль показалась ему самой удачной, тем более что неподалеку от дома течет река...

С огромным усилием, так, что даже хрустят позвонки, поднимается Самсонас из-за стола, натягивает мешковатый ширпотребовский пиджак. Собственное

тело, к которому он всегда относился с любовью и уважением, сейчас и впрямь кажется ему «инородным образованием». «А ведь послезавтра суббота,— приходит вдруг в голову Катинелису,— что я буду делать с этой чужой грудой костей и мяса? Ах, да... Мост...»

Он выталкивает «инородное образование» на лестницу, спускается вниз, останавливается и с горьким укором смотрит на синий почтовый ящик. Но тут нащупывает в кармане карандаш. Э, нет, река никуда не денется! Подождем-ка лучше нового журнального опроса... А уж тогда... Уж тогда!..

МОЙ БЕДНЫЙ НЕЙРОН

Есть вещи, о которых лучше не знать. К примеру, хотя бы о нейронах головного мозга. Эти частицы разума нельзя ни увидеть, ни пощупать, однако сосчитано, что у каждого из нас их примерно по 15 миллиардов. Казалось бы, и себе хватит, и кое с кем, не таким мудрым, поделиться можно. Но беда в том, что эти нейроны, если что не так, гибнут, причем не по штучке, а сразу тысячами и десятками тысяч, так сказать, целыми армиями. И это еще не все: никто не заменяет погибших, не восполняет потерь. За свою долгую или недолгую жизнь человек не приобретает ни единого нейрона. Посудите сами: разве это справедливо — отрицательные эмоции лишают нас кучи необходимейших для жизни элементов, а от положительных не получишь ни одного. Выпьешь рюмочку, выкуришь сигарету — и готово! — навсегда прощайся с целым полком, а то и дивизией полезнейших нервных клеточек, а ежели не пьешь и не куришь весь свой век — все равно ни одного нейрончика не приобретешь. Справедливо?

Узнаёт человек такую новость и волей-неволей задумывается: сколько же нейронов успел он уже разбазарить и сколько их еще осталось? И, конечно же, бросается спасать остатки своего биологического сок-

ровища однократного пользования. Если прежде, утратив какую-нибудь вещицу, вы огорчились только из-за потери, то теперь расстраиваетесь еще и из-за того, что в результате огорчения теряете нейроны. Вот вам простой пример. Месяц назад я спохватилась, что обронила на улице кошелек. Так как в нем было рубля два и ключи от квартиры, то я, разумеется, огорчилась и из-за этой ерунды распрощалась с целой пригоршней нейронов. Но если бы дело на том и кончилось! Сообразив, что вместе с кошельком погибли нейроны, я так расстроилась, что снова целую их охапку как ветром сдуло, а эта утрата в свою очередь повергла меня в такое отчаяние, что его ураган разметал уже целые стога моих нейронов. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы вообще кончилось, не останови вдруг меня незнакомый мужчина.

— Извините, не вы ли обронили этот кошелек? — спросил он, задыхаясь от погони.

— Ой, конечно! — воскликнула я и радостно схватила свою потерю. Убедившись, что и два рубля, и ключи на месте, я сердечно поблагодарила незнакомца, но так как потерянных нейронов мне никто уже вернуть не сможет, я, не сдержавшись, пожаловалась этому честному и с виду не глупому человеку!

— Вот видите, кошелек, ключи, два рубля вернулись, а пара тысяч — тю-тю...

Он обомлел.

— Вы хотите сказать,— прервал он меня дрожащим от досады голосом,— что в кошельке было две тысячи, которые я присвоил?

Тут я, словно ясновидящаяя, заметила, как над его головой вспорхнул и бесследно растаял в воздухе целый рой — тысячи четыре, не меньше — нейронов. Мне стало так жаль незнакомца, что пришлось пожертвовать несколькими собственными нейронами.

— Я посоветовала бы вам не горячиться, а то своими тысячами расплатитесь...— попыталась было я урезонить и просветить его, но лишь подлила масла в огонь.

— Находишь, поднимаешь, догоняешь... а тебя... да пусть меня гром разразит... если еще когда-нибудь... кому-нибудь...

И он удалился, сея проклятия и пуская на ветер пригоршни невосстановимых нейронов. Из-за этого у меня вновь защемило сердце; такое добро даром пропадает! Пыталась сдерживать себя, но все равно вынуждена была распрощаться еще с одним вполне работоспособным собственным нейроном.

Вот почему полюбила я теперь собрания в нашем учреждении. До сих пор скучала на них до тошноты. Ни споров, ни раздоров, никто не критикует начальство, не задевает коллег, болтают с трибуны всякие благоглупости — лишь бы ничего не сказать. Присутствующие по большей части сидят, плотно сжав губы, и так хитро, так загадочно поглядывают по сторонам, словно ведают что-то такое, чего из них и клещами не вытянешь. И если по неопытности какой-нибудь новичок, войдя в раж, начнет вдруг тыкать пальцем в те или иные наши непорядки, его встретят такие сочувственные, такие насмешливые улыбочки, что храбрец, не научившийся еще резко тормозить, буркнет по инерции что-то и плюхнется на свой стул, как брызнувшая на скалу пена. Но с недавних пор, как я уже сказала, мне стали нравиться наши собрания, потому что расценивать их теперь стала я с другой, биологической точки зрения. Сколько нейронов сюда принесешь, столько и унесешь: будто висит в зале невидимый плакат: «Платон мне друг, но нейрон еще дороже!» Тем более, что нейроны, как выяснилось, уже оценены. Цену им я совершенно случайно узнала, толкаясь в автосервисе, местечке, которое смело можно назвать Бермудским треугольником для нейронов. Один известный медик, много лет посвятивший изучению нейронов, уезжая из этого треугольника на отремонтированной машине, так мне и сказал:

— Сунешь мастеру пятерку — сэкономишь пятьдесят тысяч нейронов, а нет — аминь им!

Тогда я взяла карандаш, поделила 50 000 на 500 (копеек), и вышло: каждая отдельная клеточка стоит

сотую часть копейки, иначе говоря, по копейке за сотню нейронов.

И тогда я поняла, что знают и о чем умалчивают мои хитрецы-сослуживцы, прикрывая свое знание колючими улыбочками: стоит ли утруждать язык и резать в глаза правду-матку из-за одной, двух, от силы десяти копеек, да еще выкладывая их из своего же кармана?! Ну, а если кто-то не в силах удержаться, если у кого-то сердитые слова прут из горла вместе с нейронами — пусть себе критикует, пусть пенится. И ежели такого в один прекрасный день попрут с работы, тоже не лезь заступаться: глядишь, профсоюз не согласится, суд восстановит, а кто восстановит ваш ни в чем не повинный бедный нейрон, который вы профукаете, выступив в защиту критикана?.. Так-то.

ПОЧЕМУ МНЕ БОЛЬШЕ НЕ ХОЧЕТСЯ ПИСАТЬ ЮМОРЕСКИ

— Почему вы больше не пишете юморесок? — спросил меня какой-то малознакомый человек и, не дождавшись ответа, осуждающе покачал головой и пошел своей дорогой.

Почему я больше не пишу юморесок?.. Почему?.. Хотите — начистоту? Хотите — положа руку на сердце?

...В конце того пасмурного дня в голове моей завязывался сюжет для юморески — и какой сюжет! Я ускорила шаг, чтобы поскорее попасть домой и припасть к пишущей машинке. Мне уже слышался благодарный и веселый смех читателей. Вот это сюжет! Но...

Но неожиданно дорогу мне преградила толпа. На улице что-то случилось: авария, наезд? Что именно, сквозь спины столпившихся любопытных — не рассмотреть. Тогда, постаравшись покрепче вцепиться в свой сюжет (ах, какой сюжет!), я принялась, как положено, пробивать себе дорогу локтями. Сопровождаемая ругательствами и толчками, кое-как выбилась на-

конец в первые ряды зрителей. И что же?.. Передо мной — довольно банальная картина: у самого тротуара, уткнувшись капотом в бок грузовика, стояла легковушка. Кстати, абсолютно новенькая — даже без номера. За разбитым лобовым стеклом покачивалась плюшевая обезьянка. Вот ведь шустрик — номера еще не получил, а амулет уже успел подвесить! Помог ему этот амулет, ничего не скажешь!.. Несчастный автовладелец пощупывал рассеченную бровь и, словно во сне, переводил ошалевшие глаза то на свою помятую машину, то на извергающего ругань водителя грузовика, то на обезьянку...

Вот и все, что увидела я в тот пасмурный вечер, пробившись в первые ряды любопытных. Теперь вы, конечно, спросите, какое отношение имеет данный факт к тому, почему я бросила писать юморески? Думаете, из-за этой аварии? Что вы! Доводилось быть свидетельницей таких аварий, по сравнению с которыми эта — детская шалость...

Дело в том, что, вдоволь полюбовавшись дорожно-транспортным происшествием, я вспомнила о своем сюжете и о том, что мне надлежит как можно скорее мчаться к пишущей машинке. Оглянулась на живую стену — мне предстояло снова таранить ее, чтобы обрести свободу. Оглянулась и — как жена Лота — обратилась в соляной столб. Так и застыла, не в силах оторвать глаз от плотной толпы зевак. Впрочем, нет, это была не толпа, не случайное скопление людей, передо мной сгрудился монолитный, чуть ли не одноклеточный организм — с одной вытянутой шеей, одним жадно раскрытым ртом, одним горящим любопытством глазом. И единое чувство переполняло его: безграничная благодарность судьбе, подарившей ему в этот унылый, пасмурный день такое светлое, радостное зрелище! Когда, к примеру, пострадавший частник тщетно попытался поднять крышку помятого капота — из единой груди вырвался единый радостный смешок, немедленно превратившийся в могучий водопад хохота, когда из кабины грузовика вылез здоро-

венный парняга и сунул под нос пострадавшему свой волосатый кулак...

Именно тогда, внимая сердечному, искрящемуся смеху, видя сверкающее радостью и блаженством око толпы, я поняла: никогда, никогда — пусть даже была бы я самим великим Сервантесом или Марком Твеном,— никогда никакие мои юморески не смогли бы вызвать такого могучего, радостного, почти гомерического хохота!..

Я и не почувствовала, как ладонь моя самопроизвольно разжалась и сюжет (ах, какой сюжет!) шлепнулся на мостовую, слегка потрепыхался и испустил дух... К чему творческие муки, к чему единоборство с капризной музой, к чему изнурительный труд бессонных ночей? Не проще ли вскочить на велосипед, а то и на мотоцикл — и врезаться в экскаватор, а еще лучше — в столб... То-то смеху будет!..

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛЕВОЙ ПОДБОРОДОК 7
Ножницы 7
Волевой подбородок 10
Пред ликом техники 14
Ведро воды 17
Новая единица 19
Аплодисменты 21
Бессонница 24
Стакан воды 27
Просто человек 34
У дверей 36
Воспитание сознательности 39
Транспортная проблема 41
Яма 43
Живой автомат 45
Не мешайте работать 47

ДУШЕВНЫЙ ПОРЫВ 51
Покупатель 53
Симфония 56
Четкие ориентиры 58
I. Просто и свежо 58
II. Язык ассоциаций 59
Рукопись 60
Плохая юмореска 62
Книга отзывов 65
Талант 68
Вечер юмора 71
Трудная роль 73
Картина 76
Зарубежный детектив 82
Игра старого профессора 89
Как пекут хлеб 91
Магия экрана 94
Голубые диалоги 95
Мой сценарий 99
Заветные мысли 102
Душевный порыв 107
Экзамен 110
Дед Мороз в гостях у писателей 114
Круглый стол 117
После гастролей 121
Наши фильмы 125
Почему? 128
Ключ к сердцам 130

КОЕ-ЧТО 133
Проверка 135
Сближение 137
Душа общества 140
Вот это праздник 143
Мужчина и женщина 145
Грациозная походка 147
Тюк 150
Согласие 153
Развод 155
Скамейка 157
Меры приняты 159
У врача 162
Конкурс 165
Вкусно и сытно 167
Нагрузка 169
Совсем неплохо 172
Кое-что 175
Письмо на курорт 179
Должок 182
Мужчины и капуста 185
I. Единственный 185
II. Первая любовь 187

БЕСКОРЫСТНЫЕ СОВЕТЫ 189
Старость можно победить 191
Как поднять настроение 196
Памятка 199
Как сохранить мужа 201
Деликатная ситуация 206
Как прослыть хорошим отцом 212
Как вести себя за столом 215
Как убить время 219
Советы выступающему 222
Как организовать дискуссию 226
Событие в театральной жизни 229
Как написать современный роман 233

ВОКРУГ ДА ОКОЛО МИФОВ 239
Возвращение Прометея 241

. . . И не сказал ни слова 252
Вариации на тему Сизифа 257
I. Сизиф и женщина 257
II. Сизиф и стража 268
III. Сизиф и спорт 275
Семь исповедей Пигмалиона 285
Икар Второй 294
Три импровизации на тему изгнания 304
Божественная комедия 312
I. У врат ада 312
II. В чистилище 317
III. День ангела-хранителя 321
Краткий триумф Юдифи 325
Взятие Трои 333

ЛОЖКА ДЕГТЯ 341
Анализы 343
Библиофильские страсти 347
Сражение с мельницей 350
Олицетворение 352
Элегантная женщина 354
Мнения 358
Самозванец 362
Старинно и современно 363
Молодо-зелено 367
Дефицит 369
Левый поворот 372
Принципиальная переписка 376
Защита 377
О наградах 379
Первый контакт 383
О садоводах 385
Садовод зимой 388
Конверт 392
За спасибо 395
Кладбище автомобилей 402
Ложка дегтя 405
Мой бедный нейрон 409
Почему мне больше не хочется писать юморески 412

Витауте Жилинскайте
КАК УБИТЬ ВРЕМЯ
Юмор и сатира

Редактор Е. Васильева
Художественный редактор С. Хлебинскас
Художник А. Делтува
Техн. редактор Р. Вайчюлёнене
Корректор Л. Гирявичене

ИБ 4840

Сдано в набор 20.01.87.
Подписано в печать 26.05.87.
ЛВ 09025
Издание № 12057.
Формат 84×108 1/32.
Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Литературная», 10 пунктов.
Печать высокая.
21,8 усл. печ. л. 22 усл. кр.-отт. 19,1 уч.-изд. л.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 148.

Цена 1 руб. 40 коп.

Издательство «Вага» 232600, Вильнюс, пр. Ленина 50.

Отпечатано в типографии им. Мотеюса Шумаускаса, 232600, Вильнюс, А. Страздялё 1.

1 руб 40 коп